

Новомученики и исповедники Российские
пред лицом богоборческой власти

---

*Да не утратим помалу, неприметно той свободы,
которую даровал нам Кровию Своею
Господь наш Иисус Христос,
Освободитель всех человеков.*

8-е правило III Вселенского Собора

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
НЕКТАРИЙ,
ЕПИСКОП ЯРАНСКИЙ**

**ЕГО ПРИХОДЫ И ПАСТВА
В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Жизнеописания и документы

*Составитель
Л. Е. Сикорская*

Москва
БРАТОНЕЖ
2016

УДК 27-36
ББК 86.374
С26

Редактор
И. И. Осипова

Подготовка к публикации документов и писем
И. В. Ильичев

С26 Священномученик Нектарий, епископ Яранский. Его приходы и паства в Вятской губернии. Жизнеописания и документы / Сост. Л. Е. Сикорская. — М.: Братонез, 2016. — 616 с. + [24] ил. — (Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти»).

ISBN 978-5-7873-1015-3

Эта книга посвящена одному из ярких исповедников Русской Православной Церкви XX столетия, священномученику Нектарию (Трезвинскому), епископу Яранскому, и его вятской пастве. В книге наряду с жизнеописанием святителя Нектария (1889–1937) подробно повествуется о его последователях — священнослужителях, монашествующих и мирянах, претерпевших, так же как и их архипастырь, гонения и страдания за мужественное исповедание Православия и отстаивание церковной свободы. В издании широко представлены архивные материалы, в том числе из следственных дел 1925–1937 годов, фотографии и воспоминания современников.

УДК 27-36
ББК 86.374

© Л. Е. Сикорская, сост., 2016

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
ЧАСТЬ I. Жизнеописание епископа Нектария	13
Начало	15
Учеба	19
На войне	25
1917 год	39
В Петроградской епархии	53
В Яранске	75
Старец Матфей Яранский и обновленчество	107
Соловецкий концлагерь	124
Декларация соловецких узников	146
Проект "Послания" священника Михаила Польского и его выводы	160
Соглашение митрополита Сергия	175
Разрыв с митрополитом Сергием и сергианством	192
В Казани	208
1. Первые встречи	208
2. Митрополит Кирилл	224
3. Следственное дело контрреволюционной церковно- монархической организации в Казани и Татарской АССР 1930–1931 годов	256

4. Следственное дело "Всесоюзной организации ИПЦ"	265
5. Епископ Нектарий в следственном деле 1930–1931 годов	283
Последние годы жизни.....	298
ЧАСТЬ II. Приходы и паства епископа Нектария.....	325
1. Благочинные 5-го Яранского округа	328
2. "Дело Виноградова"	337
3. Нектарьевцы села Люмпанур	346
4. Священники Диомид Андриевский и Лукиан Васенев....	352
5. Дело «ИПЦ Марийской автономной области» — Дело Тумбасова, Винокурова и других. 1931 год.....	357
6. Следственное дело «церковно-монархической контрреволюционной организации ИПЦ» в Нижегородском крае 1932 года.....	367
7. Тайные богослужения в нектарьевских общинах. По материалам следственного дела 1936–1937 годов	395
8. Следственное дело тайных священников Никифора Редькина и Симеона Яндулецкого 1942 года.....	410
9. Следственное дело Екатерины Головановой, Сергия Мытикова и других 1945 года	441
<i>Приложение I. Архипастырские послания и документы епископа Нектария .....</i>	<i>463</i>
Письма чувашской и яранской пастве из заключения....	511
<i>Приложение II. Из материалов следственных дел .....</i>	<i>535</i>
<i>Приложение III. Краткие биографические данные о духовенстве и церковных деятелях, упоминаемых в книге .....</i>	<i>571</i>
<i>Библиография .....</i>	<i>600</i>
<i>Именной указатель.....</i>	<i>606</i>
<i>Список сокращений .....</i>	<i>614</i>

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей новая книга в серии «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти» посвящена священномученику Нектарию (Трезвинскому), епископу Яранскому, викарию Вятской епархии¹. В период гонений на Церковь эта епархия отличалась большой активностью ревнителей Православия и по размаху исповеднического движения не уступала епархии Петроградской, признанной первенствующей в этом движении. Не случайно после первых книг данной серии, посвященных петроградским священномученикам и исповедникам²,

---

¹ «Вятская» в данном случае, как и далее по тексту в книге, употребляется в ее дореволюционных границах, когда она, как и губерния, включала в себя территорию нынешней Кировской области, большую часть Удмуртии, Марий Эл и часть Нижегородской области.

² Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский. М.: Братонез; СПб.: Кифа, 2011; Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. М.: Братонез, 2008; Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. М.: Братонез, 2009.

было издано отдельное жизнеописание вятского викария епископа Виктора (Островидова)³. В конце 1927 года именно епископ Виктор одновременно с петроградскими исповедниками выступил против губительной церковной политики митрополита Сергия (Страгородского) и встал на защиту церковной свободы. За ним последовали десятки приходов его епархии с клиром и многотысячной паствой. Это не могло не обеспокоить безбожные власти, и в скором времени епископ Виктор был удален от своей паствы и репрессирован — весной 1928 года он был арестован и отправлен в Соловецкий концлагерь.

На Соловках епископ Виктор встретился с епископом Нектарием, также отделившимся от митрополита Сергия и присоединившимся к петроградским иосифлянам⁴. Оба епископа нашли полное взаимопонимание и духовное единомыслие. К тому времени срок заключения у владыки Нектария заканчивался, и епископ Виктор посоветовал ему после освобождения поселиться в Казани, полагая, что там можно будет найти антисергианское духовенство, а также установить связи с яранскими и другими вятскими приходами и общинами. Более того, епископ Виктор надеялся на присоединение ревнителей Православия и из других епархий. Об этих беседах и надеждах епископ Нектарий позднее напишет так: *«Большой энтузиаст и ревнитель Православия покойный Еп<ископ> Виктор, прощаясь со мной в 1928 г<оду> в Соловках, восторженно говорил, что стоит только мне, противосергианскому епископу, появиться в Казани, как ко мне поедут с разных сторон православные люди*

³ Вятский исповедник. Святитель Виктор (Островидов). М.: Братонез, 2010.

⁴ Как стали называть по имени митрополита Петроградского Иосифа (Петровых) петроградских исповедников.

с Урала, Перми и т<ак> д<алее>, ища церковного общения и руководства».

Увы, эти ожидания не оправдались. Ревность верующих охладела, и, по словам епископа Нектария, он ничего не мог сделать для расширения Православия. Однако владыка явно недооценивал результаты своей архиерейской деятельности. Вынужденный осуществлять ее нелегально, будучи на положении ссыльного, он тем не менее в течение всего полутора лет сумел укрепить и поддержать большую часть «викторовского» духовенства, так что десятки приходов и общин, особенно в южной части Вятской епархии, не поколебались в своем твердом стоянии за чистоту Православия и, признавая духовное руководство епископов Виктора и Нектария, продолжали следовать по их исповедническому пути.

Влияние епископа Нектария на антисергианское движение в Вятской епархии было значительным, не уступая влиянию и авторитету епископа Виктора; не случайно в документах гонителей это движение стало именоваться «*викторо-нектарьевским*». Целый ряд следственных дел был возбужден богоборческими властями в 1930-х годах против православных христиан именно по обвинению в принадлежности к «*Викторовско-Нектарьевской организации церковников*», по версии чекистов, «*являвшейся также филиалом "Истинно-Православной Церкви"*».

За время своего пребывания в Казани епископ Нектарий успел рукоположить и назначить немало клириков как для открытых еще приходов, так и для тайного служения, на которое неизбежно вынуждены были переходить православные христиане под нарастающим прессом богоборческих гонений⁵. Некоторые

---

⁵ Примечательно, что именно епископ Нектарий благословил на служение в своей епархии приехавшего из Серпухова священника Никиту Игнатьева, а затем по его рекомендации рукопо-

из ставленников владыки Нектария осуществляли это служение на протяжении многих лет. Почти все они, как и большая часть его последователей из духовенства и монашествующих, претерпели страдания за веру, увенчавшись мученическими или исповедническими венцами. Светлой их памяти посвящается вторая часть нашей книги, составленная по архивным материалам следственных дел и воспоминаниям очевидцев.

В тексте книги документы, за некоторыми исключениями, оговоренными особо, даются в современной орфографии. Купюры обозначены отточиями. Цитаты из следственных дел выделяются курсивом.

* * *

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы Научно-Информационного и Просветительского Центра "Мемориал" — «Репрессии против духовенства и мирян в период 1918–1953 годов». Коллегам по НИПЦ "Мемориал" — самая искренняя признательность, особенно Игорю Васильевичу Ильичеву. Большая благодарность за помощь в архивных изысканиях вятскому историку, кандидату исторических наук Алексею Геннадьевичу Полякову, а также

ложил Козьму (Трусова), бывшего келейника иосифлянского Серпуховского епископа Максима (Жижиленко). Оба этих священника перешли на катакомбное служение и на протяжении многих лет духовно окормляли православных христиан. Так промыслительно оказались связаны судьбы вятских и серпуховских ревнителей Православия. (О епископе Максиме и серпуховских исповедниках подробно повествуется в предыдущей книге нашей серии: «Тайный» епископ Серпуховской Максим (Жижиленко). Сподвижники его и сострадальцы. Жизнеописания и документы. М.: Братонез, 2014.)

сотрудникам Государственного архива социально-политической истории Кировской области, Вятского епархиального архива, Архива Комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской и Марийской епархии РПЦ, Государственного исторического архива Чувашской Республики; яранскому историку Михаилу Юрьевичу Кожинову — за предоставленные фотографии.

Особая признательность Фрэнсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

ЧАСТЬ I

Жизнеописание епископа Нектария

Начало

Как известно, одним из основных источников для составления жизнеописаний священнослужителей Русской Православной Церкви, пострадавших от богоборцев в XX столетии, являются материалы следственных дел. В этом отношении епископ Яранский Нектарий, в миру Нестор Константинович Трезвинский, не исключение: в ведомственных архивах кроме двух дел (1925 и 1930–1931 годов), по которым епископ Нектарий был привлечен как главный обвиняемый, имеется еще целый ряд групповых дел десятков клириков и мирян Вятской и Казанской епархий, находившихся под духовным руководством владыки. Тем не менее составление точной биографии епископа Нектария оказалось делом непростым. Несмотря на то что в следственных делах сохранились довольно подробные его биографические данные⁶, о его жизни известно немного.

---

⁶ Так, в следственном деле 1925 года, кроме анкеты арестованного и двух протоколов допросов с обстоятельным изложением биографии, есть еще четыре листа под заголовком «Автобиография», собственноручно написанных владыкой Нектарием.

Так, остались невыясненными даже точная дата и место рождения владыки, его происхождение, родители... Будучи сиротой, он только предполагал, что родители были крестьяне или бедные сельские причетники. В своих показаниях на первом допросе 1925 года епископ Нектарий отметил, что после смерти родителей, будучи двух- или трехлетним мальчиком, он был взят на воспитание протоиереем Михаилом Вишинским⁷. Это же он указал и в "Автобиографии": *«Насколько мне позволяет память, я был принят в дом давно уже умершим протоиереем села Яцки Васильковского уезда Михаилом Вишинским и воспитывался у него в доме заботами общими его и его дочерей»*⁸. А на другом допросе прямо сказал даже так: *«родителей не видал — будучи подкидышем. Меня подобрал местный священник села Яцки»*⁹.

Таким образом, местом рождения будущего епископа Нектария считается село Яцки Василевской волости Васильковского уезда Киевской губернии. С датой рождения — сложнее. Так, в анкете и протоколах указывалось, что обвиняемому Нестору Трезвинскому (он же епископ Нектарий) — *«46 лет»* (на май 1925 года), и в "Автобиографии" владыка написал, что родился в 1878 году. А свое позднее поступление в семинарию в 1901 или 1902 году объяснял продолжительным пребыванием в Виноградском монастыре.

Однако далее в "Обвинительном заключении" того же следственного дела 1925 года отмечалось: *«Из процесса следствия установлено, что гражданином*

---

⁷ В материалах следственного дела дается два варианта написания фамилии: *«Вишинский»* и *«Вышинский»*.

⁸ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 55.

⁹ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 57.

Трезвинским скрыт свой возраст с припиской к такому на 10 лет больше, что и подтвердилось свидетельскими показаниями. Указанное гр<аждан>ин Трезвинский не отрицает, говоря, что приписка 10 лет в его документах произведена уполномоченным Александро-Невской Лавры Яковлевым, которого в настоящее время в живых нет, с целью уклонения... гр<ажданина> Трезвинского от тылового ополчения. Боясь последствий со стороны властей, он о приписке возраста молчал, представляя это воле будущего»¹⁰. И далее в "Обвинительном постановлении" указывалось, что «гр<аждани>н Трезвинский Нестор Константинович, он же епископ Нектарий, 36 лет...».

Прибавка возраста была сделана в документах всех насельников Александро-Невской лавры¹¹. Призыву в тыловое ополчение по декрету от 8 июля 1918 года подлежали все лица от 18 до 45 лет, в том числе и духовенство, и монашествующие. Большевицкая власть не могла их допустить, как и другие "эксплуататорские классы", к оружию, но привлечь к "защите республики" всячески ухищрялась и придумала для них тыловое ополчение — принудительное использование на тяжелых физических работах. Вероятно, приписка возраста давала хоть какой-то шанс монашествующим этого избежать.

Итак, вероятно, будущий владыка Нектарий родился 20 октября¹² 1889 года в Киевской губернии. До

---

¹⁰ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 132.

¹¹ Так, например, будущему епископу Виктору (Островидову) указан 1875-й, а не 1878 год, епископу Сергию (Дружинину) 1858-й, а не 1863-й.

¹² Точной даты в документах нет: так и в материалах следственного дела в Казани в 1930–1932 годах, по которому владыка Нектарий проходил как один из главных обвиняемых, указан только 1889 год. В удостоверении личности, выданном в нача-

четырёхлетнего возраста он воспитывался у протоиерея Михаила, настоятеля Никольского храма в селе Яцки, а потом был усыновлен его зятем, священником Константином Трезвинским из села Сокольча соседнего Сквирского уезда той же Киевской губернии¹³, который и дал свои отчество и фамилию приемному сыну. О судьбе священников Михаила Вишинского и Константина Трезвинского ничего не известно. Единственно, в 1925 году на следствии владыка Нектарий упоминал, что его воспитатели давно умерли и жива лишь жена Трезвинского, Анна Михайловна, приславшая письмо владыке в Яранск из города Умань Киевской губернии, где она проживала у дочери¹⁴.

ле 1920-х годов в Петрограде в качестве разрешения на жительство, указан фиктивный год — «1878» и «20 октября». Вполне вероятно, что число как раз соответствовало действительности: как правило, до революции младенца крестили на 8-й день по рождении и по святцам того дня давали имя. Как раз на 27 октября по старому стилю приходится празднование св. мученика Нестора Солунского, и в честь него и мог быть наречен будущий епископ Нектарий.

¹³ В настоящее время это Житомирская область, Попельнянский район.

¹⁴ «Я ей ответил на это письмо. Но переписываемся вообще очень редко и для того, чтобы не потерять совершенно друг друга и оказать ей на старости лет материальную помощь», — показал владыка Нектарий на допросе (ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 58 об.).

Учеба

До 10–11-летнего возраста Нестор жил и воспитывался в семье священника Константина Трезвинского вместе с его детьми и ходил в деревенскую школу. Позднее он должен был пройти обычное для детей духовенства обучение в духовных школах: 4-годичное в духовном училище и затем 6-годичный семинарский курс. В протоколах допросов и в "Автобиографии" владыки упоминалось, что он поступил в Киевскую духовную семинарию в 1901 или 1902 году, то есть в возрасте 13 или 14 лет, как раз подходящем для поступления в семинарию. Правда, духовное училище он, вероятно, не окончил, но мог самостоятельно изучить необходимые предметы и подготовиться к вступительным экзаменам в семинарию.

Как пишет владыка в "Автобиографии": *«Побывав около лет 10 в Киеве, я полюбил монастырскую жизнь и ушел из дома своего отчима в глухой Виноградский монастырь Киевской губернии. В этом монастыре жил до поступления в Духовную семинарию, занимаясь самообразованием, преимущественно богословским и науками, а также проходя другие мона-*

стырские послушания на кухне, пономарке, клиросе, письмоводстве»¹⁵.

Виноградский монастырь действительно был совсем небольшой отдаленной обителью, в 45 верстах от города Черкассы¹⁶. Число его насельников в 1881 году составляло всего 12 человек, к началу XX века едва достигло 20. Однако при этом монастырская жизнь там была вполне налажена, как молитвенная, так и хозяйственная. Братия, будучи на собственном содержании, отнюдь не бедствовала: достаточный доход давали монастырский сад и огород, а также сенокос и животноводство.

Почему Нестор оказался именно в этом монастыре? На одном из допросов владыка уточняет, что,

---

¹⁵ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 55.

¹⁶ Виноградский Успенский монастырь, основанный еще в XVI веке вблизи болота Ирдынь, изначально назывался Ирдынским Преображенским монастырем. В начале XVIII века он был разрушен. Впоследствии возобновлен на новом месте, по преданию около виноградника, и потому стал называться Виноградским. Первая деревянная Успенская церковь была построена там в 1773 году, вторая церковь, святителя Николая, — в 1782-м, третья, Св. Троицы, — в 1840-м. В 1851 году вместо деревянной Успенской церкви выстроен каменный собор. После революции 1917 года обитель была разорена: в начале 1920-х подверглась полному разграблению, была разобрана Троицкая церковь. В 1922 году убит бандитами последний настоятель. В 1923 году все здания обители, кроме двух оставшихся храмов, переданы лесничеству. В 1924 году переданы и храмы, а монахи изгнаны. В 1927 году Виноградский монастырь был признан памятником культуры под охраной государства, но в 1928 году в нем устроили лепрозорий, а после Второй мировой войны — психиатрический интернат. К настоящему времени монастырь полностью уничтожен, на его месте не осталось ничего, кроме пещеры с подземной часовней.

*«имея глубокое желание быть в монастыре, я стал и своего воспитателя, священника Трезвинского, просить отдать меня в один из монастырей Киевской губернии, который и определил меня послушником в Виноградский мужской монастырь Черкасского уезда Киевской губернии»*¹⁷. Вероятно, у отца Константина Трезвинского были какие-то связи — он мог знать настоятеля или кого-то из братии, согласившихся принять мальчика и присмотреть за ним. О монастырском житии Нестора ничего не известно. Но, по-видимому, ему в монастыре нравилось, по окончании духовной семинарии в 1908 году он вернулся и пробыл там на послушании еще более года.

О семинарских годах владыка подробно в "Автобиографии" не писал, только указал, что учился за казенный счет и что пережил в годы учения известную семинарскую забастовку 1905–1906 годов, но при этом отметил: *«Будучи церковно-аскетического взгляда на мир, я не давал себе полного отчета в происходивших тогда политических событиях»*¹⁸. Для того чтобы в полной мере оценить это осторожное замечание, нужно вспомнить обстановку того времени.

К началу XX века духовные семинарии, как и все российское общество, были настолько пропитаны атеистическим и нигилистическим духом, что из учебных заведений, призванных готовить юношество к будущему церковно-пастырскому служению (как это было обозначено в уставе семинарий в качестве их главной задачи), превратились в кузницу революционных кадров.

Революционные события 1905 года вскружили голову семинарским питомцам, и они приняли в них

---

¹⁷ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 57.

¹⁸ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 55.

самое деятельное участие. По всей стране семинаристы проводили собрания и съезды, митинговали, выработывали программы, требования которых сначала касались только реформы семинарского образования, но постепенно дошли и до чисто политических. Эти требования выражались в петициях, которые на общих собраниях вручались в семинариях начальству, после чего объявлялась забастовка, и занятия прекращались. Так происходило по всей стране, и осенью 1905 года бастовали 43 семинарии.

Не удовлетворившись теми уступками, которые были сделаны царским правительством в октябре 1905 года, семинаристы продолжали бастовать, устраивали беспорядки и в некоторых местах перешли к экстремистским действиям, вплоть до совершения террористических актов¹⁹.

Надо отметить, что Киевская семинария не фигурировала в числе самых революционных. Не слышно о том, чтобы в ней происходило нечто возмутительное. Нет о ней ни упоминаний в синодальных или полицейских отчетах, ни публикаций в прессе, как, например, о Пензенской, Вятской, Тамбовской и других. Незаметно и особой активности ее семинаристов в общесеминарском движении, по крайней мере, в исто-

---

¹⁹ Так, в 1906 году было совершено покушение на ректора Тамбовской семинарии архимандрита Феодора (Поздеевского). В 1907 году — покушение на ректора Черниговской семинарии, где выстрелом был ранен также и инспектор; в Тифлисской был расстрелян инспектор М. А. Добронравов; в Пензенской — ректор архимандрит Николай (Орлов); в Тамбовской преемник епископа Феодора (Поздеевского) архимандрит Симеон (Холмогоров) выстрелом семинариста был искалечен на всю жизнь — ему пулей перебило позвоночник; в лицо ректора Харьковской семинарии протоиерея Иоанна Знаменского была выплеснута серная кислота.

рических документах того времени это никак не отражено (так, например, и на всероссийский семинарский съезд в декабре 1906 года от Киевской семинарии были присланы не представители, а только наказы).

Тем не менее революционный угар не обошел стороной ее воспитанников. И лишь *«церковно-аскетическая настроенность»* юного Нестора Трезвинского уберегла его от тлетворного влияния, и хотя, по его словам, он *«не давал себе полного отчета в происшедших тогда политических событиях»*, не понимая до конца всей их пагубности и разрушительных последствий, но от них отстранился и революционным настроениям не поддавался. Более того, сохранив твердую веру, он готовился именно к церковному служению.

По окончании семинарии Нестор, однако, не мог сразу принять священный сан. По его словам, он *«не желал вступать в брак, чтобы идти в священники»*, но и принять монашество не решался. Нестор был еще молод — ему не исполнилось и 20 лет, — поэтому он вернулся в Виноградский монастырь. Пробыв здесь на послушании более года, он затем год служил псаломщиком в храме своего родного села Яцки. А в 1911 году, выдержав довольно серьезное конкурсное испытание, поступил в Киевскую духовную академию и был зачислен на казенную стипендию.

Летом 1912 года при переводе на 2-й курс Нестор принял монашеский постриг с именем Нектарий и был рукоположен в иеродиакона. Последний курс его академического обучения совпал с началом Первой мировой войны. И хотя он успешно окончил обучение и представил научную работу о службах двенадцатых праздников в Восточной и Римской Церквях, за что был удостоен звания кандидата богословия, в даль-

нейшем заниматься наукой или преподавательской деятельностью Нектарий не стал. По его словам, *«в это время уже шла европейская война. Будучи одиноким и видя, что многие семейные люди идут на фронт, я вместо того, чтобы пойти на духовно-учебную службу преподавателем семинарии или занять привилегированное положение в каком-нибудь монастыре, попросился на фронт простым полковым священником, так как в это время уже был иеромонахом»*²⁰ (когда он был рукоположен во иеромонаха, осталось неизвестным).

---

²⁰ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 53.

На войне

Сразу же по окончании духовной академии в июне 1915 года иеромонах Нектарий был назначен в 1-й Туркестанский стрелковый полк. На полковых священниках лежала обязанность духовного окормления военной паствы. Согласно инструкции, разработанной и одобренной на съезде военного духовенства в самом начале войны, священник во время боя должен был находиться на передовом перевязочном пункте, куда доставлялись раненые с поля боя. «Но и к этому пункту священник не должен быть привязан: он должен пойти и вперед — в окопы и даже за окопы, если этого потребует дело. Помимо общеизвестных обязанностей священника: совершения богослужений, напутствований, погребений, наставлений и ободрений, инструкция возлагала на священника много таких обязанностей, о которых и не помышляли его предшественники. Строевому священнику вменялось в обязанность помогать врачам в перевязке раненых, заведовать уборкой с боевого поля убитых и раненых, заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ, извещать возможно обстоятельнее родственников убитых, организовывать в своих частях об-

щества помощи семьям убитых и увечных воинов и т<ак> д<алее>»²¹.

«Характер и условия пастырской деятельности на поле брани требовали от каждого полкового иерея сугубой веры, мужества, готовности жертвовать собой, духовного дерзновения, постоянного самоотречения. Русский священник видел свою обязанность в поддержании воинского духа среди солдат». «Как бы ни был кто тверд духом, но не может человек спокойно относиться к ужасному призраку смерти, витающему над головой положительно на каждом шагу, — отмечалось в статье журнала "Вестник военного духовенства". — Слишком велик ужас этого призрака, чтобы можно было спокойно чувствовать себя. В такие минуты и нужен был ободряющий и вселяющий веру голос пастыря. Но для этого он и сам должен был быть выше страха смерти, иначе слова его оказались бы бездейственными и бессильными и вряд ли смогли бы укрепить души, охваченные ужасом кровопролития. И многие пастыри, вдохновляемые высшей силой, становились стражами воинской совести своего полка»²².

Немало случаев настоящего героизма, проявленного военными священниками, запечатлено на страницах журналов того времени и позднее в мемуарной литературе. Так и сам верховный командующий великий князь Николай Николаевич признавал: «Нам нужно поклониться в ноги военному духовенству за поддержку, какую оно оказывает нам в тяжкую годину войны»²³.

---

²¹ Протопресвитер Г. Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М.: Крутицкое подворье, 1996. С. 94.

²² Иеромонах Нестор (Кумыш). Новомученики Санкт-Петербургской епархии. СПб.: Сатис, 2003. С. 11.

²³ Вестник военного духовенства. СПб., 1915. № 2. С. 679.

О военном служении иеромонаха Нектария сведений немного. Владыка об этом подробно не распространялся и в "Автобиографии" лишь отметил: *«Единственно, что меня смущало в действующей Армии, так это привилегированное положение командного состава, к которому принадлежало и духовенство. За мое "братание" с простыми солдатами — или, как тогда называли, "либерализм" — офицерство недолюбливало меня»*. Ничего иного владыка не написал, так что о двух военных годах его служения почти ничего не известно.

Тем не менее с уверенностью можно сказать, что вместе со своей военной паствой иеромонах Нектарий побывал в жесточайших сражениях того времени, поскольку его полк входил в состав 1-го Туркестанского корпуса (армейскую пехоту) и с первых же дней войны участвовал в боях с германскими и австро-венгерскими войсками в Польше — в сентябре 1914 года сражался у Лыка, а летом 1915 года при Нареве, как раз во время летних боев 1915 года, самых тяжелых боев, которые, по отзывам военных специалистов, до той поры знала история.

В то время продолжалось великое отступление русских армий, начавшееся с весны 1915 года, когда германское командование, стабилизировавшее обстановку на своем Западном фронте с Францией, перебросило значительные воинские силы на восток и нанесло сокрушительный удар по русским армиям в Карпатах. В мае был потерян Львов, а в июне немцы начали наступление на Северо-Западном фронте, поставив перед собой задачу наголову разбить русские армии этого фронта и окружить армии Юго-Западного, таким образом, полностью вывести из строя вооруженные силы России с тем, чтобы в дальнейшем она уже не в состоянии была продолжать войну.

30 июня германская армия под гром ураганного огня полутора тысяч орудий обрушилась на позиции 1-й армии. Самый сильный удар был направлен на стык между I Сибирским и I Туркестанским корпусами. Весь июль по линии Нарева 1-я и 12-я армии сдерживали мощнейшие атаки противника, и благодаря стойкости этих армий грандиозный германский план разгрома Северо-Западного фронта рухнул. Но русским все равно пришлось отступить, и это отступление, будучи неорганизованным и непродуманным, повлекло за собой колоссальные потери.

Как и в первый год войны, верховное командование русской армии оказалось не в состоянии правильно оценить обстановку и разработать верную стратегию. И если в 1914 году оно руководствовалось легкомысленной идеей молниеносного наступления в самое сердце Германии, что не дало ничего, кроме огромного числа бесполезных жертв, то в начале 1915 года основной стратегией у него стало "ни шагу назад" (опять-таки бездумное), также обернувшееся бессмысленными потерями и поспешным хаотичным отступлением²⁴.

---

²⁴ Как писал замечательный военный историк А. А. Керсновский: «Предпринимая отход по нашей собственной воле, мы все время оставались бы господами положения, сохраняли бы за собой инициативу, выбор времени и места. Разработке плана согласованного отхода фронтов и армий должно было соответствовать заблаговременное укрепление ряда рубежей, на которых эти отходящие армии могли бы "показывать волчьи зубы" в наиболее выгодной для себя обстановке. Наш катастрофический отход как раз характеризовался совершенным неиспользованием фортификационных возможностей. Истощенные непрерывными боями войска должны были сами рыть своими же средствами мелкие окопчики, превращавшиеся затем в братские могилы ураганным огнем германской артилле-

В июле была сдана Варшава, в августе — Брест-Литовск, Ковель, Владимир-Волынский, Белосток, Гродно. «В результате всех этих неудач Ставка потеряла дух. Растерявшись, она стала принимать решения, явно несообразные. Одно из них — непродуманная эвакуация населения западных областей в глубь России — стоило стране сотен тысяч жизней и превратило военную неудачу в сильнейшее народное бедствие.

Ставка надеялась этим мероприятием "создать атмосферу 1812 года", но добилась как раз противоположных результатов. По дорогам Литвы и Полесья потянулись бесконечными вереницами таборы сорванных с насиженных мест, доведенных до отчаяния людей. Они загромождали и забивали редкие здесь доро-

---

рии. Заранее же заготовленные инженерами (в большинстве тактически малограмотными) и мобилизованным населением окопы обычно оказывались сооруженными вопреки требованиям тактики, а то и просто здравого смысла, и войска не могли ими пользоваться.

Ряд сражений, предпринятых по нашей воле на заранее подготовленных позициях, причинил бы гораздо большие потери врагу и гораздо меньшие нам, чем те бессистемные и бессвязные тридцати- и сорокадневные отступательные побоища, где зря гибли сотни тысяч людей, непродуманно уничтожались ценные и незаменимые кадры, без пользы расходовались без того скудные боевые запасы...

Сравнив упадочное полководчество нашей Ставки с таковым же Отечественной войны, мы сможем видеть, насколько стратегия суворовской армии 1812 года была выше стратегии милютинской армии 1915-го. Там, временно жертвуя пространством, Барклай и Кутузов спасли Россию. Здесь, упорно цепляясь за сохранение пространства, губили живую силу, губили страну» (*Керсновский А. А. История Русской армии. Часть III. Глава XV: Мировая война. С. 316–317.* — URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html>).

ги, смешивались с войсками, деморализуя их и внося беспорядок. Ставка не отдавала себе отчета в том, что, подняв всю эту четырехмиллионную массу женщин, детей и стариков, ей надлежит позаботиться и о их пропитании.

Организации Красного Креста и земско-городские союзы спасли от верной голодной смерти сотни тысяч этих несчастных. Множество, особенно детей, погибло от холеры и тифа. Уцелевших, превращенных в деклассированный пролетариат, везли в глубь России. Один из источников пополнения будущей красной гвардии был готов.

Прежнее упорство — "Ни шагу назад!" — сменилось как-то сразу другой крайностью — отступить куда глаза глядят. Великий князь не надеялся больше остановить врага западнее Днепра. Ставка предписывала сооружать позиции за Тулой и Курском. Аппарат Ставки начал давать перебои. В конце июля стало замечаться, а в середине августа и окончательно выяснилось, что она не в силах больше управлять событиями. В грандиозном отступлении чувствовалось отсутствие общей руководящей идеи. Войска были предоставлены самим себе. Они все время несли огромные потери — особенно 3-я армия — и в значительной мере утратили стойкость. Разгромленные корпуса Западного фронта брели прямо перед собой. Врагу были оставлены важнейшие рокадные линии театра войны, первостепенные железнодорожные узлы: Ковель, Барановичи, Лида, Лунинец.

Предел "моральной упругости" войск был достигнут и далеко перейден. Удару по одной дивизии стало достаточно, чтобы вызвать отступление всей армии, а по откатившейся армии сейчас же равнялись остальные. Истощенные физически и морально бойцы, утратив веру в свои силы, начинали сдаваться десятками

тысяч. Если июнь месяц был месяцем кровавых потерь, то август 1915 года можно назвать месяцем массовых сдач»²⁵.

В сентябре положение стабилизировалось, бои на Западном и Северо-Западном фронтах затихли, русские войска остановились на Западной Двине, сплошная линия фронта протянулась от Балтийского моря до румынской границы.

«В обескровленных рядах русской армии в середине сентября считалось только 870 000 бойцов — в полтора раза меньше мирного состава. Весна и лето 1915 года обошлись нам в 2 500 000 человек. Было потеряно и 2600 орудий: 900 — в полевых боях, 1700 — в крепостях Новогеоргиевске и Ковно. Утрачены были Польша, Литва и Курляндия, потеряна вся стратегическая железнодорожная сеть. Ответствен-

---

²⁵ «На Россию надвинулась военная катастрофа, но катастрофу эту предотвратил ее Царь. Император Николай Александрович принял решение стать во главе армии. Это было единственным выходом из создавшейся критической обстановки. Каждый час промедления грозил гибелью. Верховный главнокомандующий и его сотрудники не справлялись больше с положением — их надлежало срочно заменить. А за отсутствием в России полководца заменить Верховного мог только Государь.

История часто видела монархов, становившихся во главе победоносных армий для легких лавров завершения победы. Но она никогда еще не встречала венценосца, берущего на себя крест возглавить армию, казалось, безнадежно разбитую, знающего заранее, что здесь его могут венчать не лавры, а только тернии. Государь не строил никаких иллюзий. Он отдавал себе отчет в своей неподготовленности военной, и ближайшим своим сотрудником и фактическим главнокомандующим пригласил наиболее выдающегося деятеля этой войны генерала Алексева, только что благополучно выведшего восемь армий из угрожавшего им окружения» (*Керсновский А. А. История Русской армии. Часть III: Мировая война.*)

ность за катастрофу ложится прежде всего на Ставку. Упорство — стратегия "Ни шагу назад!" — имело результатом отступление не на "шаг", а на целых 500 верст и с разгромом всей вооруженной силы»²⁶. Роковые стратегические ошибки руководства стоили сотни тысяч (если не миллионы) человеческих жизней. Только благодаря героизму простого русского солдата российская армия не была полностью разгромлена.

Все это должен был видеть и переживать вместе со своей военной паствой иеромонах Нектарий. Но, по видимому, он не падал духом и, как и многие тогда воины, не терял надежды на благополучный ход войны, еще более укрепившейся после начавшегося весной 1916 года наступления Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова. Однако ошеломительный успех этого наступления не был правильно использован и столь близкая победа, увы, была упущена, а русские армии вновь понесли огромные, во многом уже невозполнимые потери.

По первоначальному плану наступлению Юго-Западного фронта в 1916 году отводилась вспомогательная роль, поскольку основной удар планировали наносить на западе. Поэтому Брусилову приходилось тормозить и все время равняться по Западному фронту. Именно по этой причине он не стал развивать наступление на Львов, которое было бы легче и, несомненно увенчавшись успехом, давало возможность полностью разгромить Австро-Венгрию и тем самым обеспечить перелом в войне. Однако из-за того, что командование не смогло правильно оценить обстановку и воспользоваться блестящей возможностью насту-

---

²⁶ Керсновский А. А. История Русской армии. Часть III: Мировая война. С. 315.

пленя Юго-Западного фронта, а, все цепляясь за мертвый первоначальный план, твердолобо стремились к основному наступлению на западе (почему-то избрав самую сильную и наиболее укрепленную противником часть фронта), Брусилов вместо Львова направил свои армии на Брест-Литовск, куда должны были наступать армии Западного фронта, и поэтому ему пришлось штурмовать Ковель, причем в лоб через болотистую долину реки Стоход²⁷.

26 июня 1916 года полк отца Нектария совместно с другими туркестанскими полками и с 30-м армейским корпусом форсировали Стоход. По словам немецкого генерала, «это был один из самых кризисных моментов на Восточном фронте». Однако русским не удалось за-

---

²⁷ «По мнению некоторых современных исследователей, отказавшись наступать в львовском направлении, генерал Брусилов передавал инициативу немцам. В итоге вместо обхода флангов группировки Линзингена, который бы вынуждал немцев добровольно очистить Ковель, дабы не оказаться в окружении, было принято неверное и опасное решение о фронтальном давлении посредством открытого штурма на болотистую долину реки Стоход, которая представляла собой сильное естественное препятствие. Участник войны так говорил о данной местности: "Сама по себе река Стоход небольшая, длиной около 150–170 верст, но глубокая (за исключением отдельных участков). Она протекает по широкой болотистой местности, разветвляясь в рукава, число которых доходит до двенадцати, отчего эта река и называется Стоход. Эти рукава то сливались в 1–3 русла, то, вновь расходясь, делали реку обманчивой, как по ее глубине, так и в проходимости. И, несмотря на свою по первому взгляду малозначимость, эта река в 1916 году сыграла для русских буквально роковую роль"» (*Пронин Александр*. Гибель русской гвардии. 1916 год: сражение на Стоходе / «Столетие». Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы. 24 сентября 2014. — URL: http://www.stoletie.ru/voyna_1914/gibel_russkoj_gvardii_357.htm).

крепиться и удержаться, 28 июня туркестанские полки под яростными атаками австрийцев вынуждены были отойти на правый берег Стохода. Попытки вновь форсировать реку оказались безуспешны.

У Брусилова не было резервных частей, а Ставка не направляла их с Западного фронта, все надеясь, что главное наступление должно идти на этом фронте. Таким образом, блестящее наступление на Юго-Западном фронте не было поддержано и развито, и раньше середины июля Брусилев не смог его возобновить. Неприятелю было подарено время, драгоценное время, целых три недели! И за это время немцы сумели подтянуть войска и укрепить свою линию обороны, так что долина Стохода и Ковельский район превратились в неприступную крепость. Это и показало первое же наступление, начавшееся в середине июля. В течение нескольких дней штурма русские войска не смогли продвинуться ни на шаг, немецкая артиллерия расстреливала наступавшие колонны, а болотистая местность Стохода не давала возможности ни для маневров, ни для применения русской артиллерии.

«Участник этого сражения дает следующую характеристику русских атак: "После слабой артиллерийской подготовки гвардейские полки цепь за цепью, почти колоннами, двинулись вперед. Но о движении людей нормальными перебежками под огнем противника здесь приходилось только мечтать. Движение цепей шло очень медленно, ноги так засасывались болотом, что люди падали или вытягивали ноги из тины с помощью рук, дабы не оставить в болоте сапоги. Рукава реки оказались настолько глубокими, что офицеры и солдаты в них тонули. Не хватало санитаров для оказания помощи раненым и выноса их из боя, а здоровые расстреливались немцами, как куропатки... От полка осталось приблизительно около ро-

ты. Здесь впервые пришлось слышать, как рядовые солдаты посылали проклятия высшему начальству... В общем — умышленно или по неспособности — здесь для русской гвардии наше командование вырыло могилу, ибо то пополнение, которое укомплектовало вновь состав полков, было далеко не гвардией»²⁸.

Первое ковельское сражение, казалось, должно было выявить всю неосновательность стремлений найти ключ к победе в гиблых болотах Стохода. Однако Ставка не сделала никаких выводов, штурм Ковеля продолжался. Теми же силами и теми же средствами. «И не успели полесские трясины засосать убитых в боях 15 июля, как Ставка воздвигла новые гати из человеческого мяса... "У русских было много войск, но они тратили их слишком беспорядочно", — вспоминал Фалькенгайн про июльские наши наступления на Стоходе. Сил наших было тогда достаточно для полного разгрома неприятеля — не было только разумного их применения»²⁹.

---

²⁸ *Пронин Александр.* Гибель русской гвардии. 1916 год: сражение на Стоходе...

²⁹ «Владимиров день — 15 июля — был решающим днем кампании. Он должен был показать всю бессмысленность ковельских сражений — вбивание лбом гвоздя в стенку. Будь тогда в Ставке полководец, он отказался бы от бессмысленного и кровавого ковельского миража и, учтя полностью создавшуюся политическую и стратегическую обстановку, произвел бы единственно возможную перегруппировку сил для нанесения сокрушительного удара из Молдавских Карпат во фланг и в тыл неприятельского расположения. Враг страшился этого удара, самой природой начертанного на карте. Его военачальники не скрывали своей тревоги в напряженные дни августа — сентября. И рев нашей артиллерии, тщетно надрывавшейся под Ковелем, должен был им казаться райской музыкой, показывая, что русские заняты совершенно иным, чем следовало бы» (*Керсновский А. А.* История Русской армии. Часть IV. Глава XV: Мировая война).

Ковельская операция велась до начала октября. Генерал Брусилов по-прежнему долбил Ковель, уже вопреки советам Ставки, осознавшей бесполезность этой операции и предлагавшей изменить направление удара. Первый Туркестанский корпус (с 10 сентября в составе Особой армии) продолжал биться на Стоходе. Здесь и был положен практически весь его состав. Расстрелом 3 октября на проволочных заграждениях туркестанских стрелков и армейцев 25-го корпуса закончилось шестое, к счастью последнее, ковельское сражение, одно из самых кровопролитных. *«После разгрома 1-го Туркестанского полка на р<еке> Стоход у меня потерялась вера в благополучный исход войны»*, — писал владыка Нектарий в "Автобиографии".

Действительно, несмотря на завоевание Буковины, вся грандиозная наступательная операция 1916 года в конечном счете оказалась вредной для России и русской армии. «Победы мая — июня были утоплены в крови июля — октября. Было перебито 750 000 офицеров и солдат — как раз самых лучших. Превосходный личный состав юго-западных армий был выбит целиком. Болота Стохода поглотили восстановленные с таким трудом полки гвардии, с которыми лег и остальной цвет императорской пехоты — богатыри VIII корпуса, железные полки, замурцы, туркестанские стрелки... Заменить их было некем»³⁰.

В роковой 1917 год Россия вступала с обескровленной армией, потерявшей большую часть своего лучшего состава. Вновь призванные, как офицеры, так и солдаты, едва обученные, всего по несколько недель носили военную форму. Армия переставала быть армией, превращаясь в вооруженный народ.

---

³⁰ Керсновский А. А. История Русской армии Часть IV. Глава XV: Мировая война.

И этот народ так же, как и в тылу, все больше подвергался разлагающему воздействию революционной пропаганды. Между начальниками и подчиненными стало чувствоваться отчуждение, не наблюдавшееся прежде.

«Для солдат 1914 года офицеры были старшими членами великой военной семьи воспитавшего их полка. Отношения между офицерами и солдатами русской армии были проникнуты такой простотой и сердечностью, подобных которым не было ни в какой иностранной армии, да и ни в каких иных слоях русского народа.

Вооруженный народ 1916 года видел в офицерах только "господ", принося в казармы запасных полков, а оттуда в окопы всю остроту разросшихся в стране социальных противоречий и классовой розни». Остатки кадрового офицерства сохраняли доверие солдат. А новые офицеры военного времени, которые главным образом выходили из прапорщиков³¹, в большинстве своем не сумели надлежащим образом себя поставить в отношениях с солдатами. Здесь были две крайности — либо панибратство и заискивание, либо, наоборот, высокомерие, совершенно не принятое раньше в русской армии. Вполне возможно, что и отец Нектарий столкнулся именно с этим, когда упомянул, что офицерство кичилось своим привилегированным по-

---

³¹ «Появились офицеры, в которых не было ничего офицерского, кроме погон, и то защитных. Офицеры, не умевшие держать себя ни на службе, ни в обществе. Слово "прапорщик" сделалось нарицательным. Вчерашний гимназист, а то и недоучка-полуинтеллигент в прапорщицких погонах командовал ротой в полтора-два-двадцать мужиков в солдатских шинелях. Он мог их повести в атаку, но не был в состоянии сообщить им воинский дух, той воинской шлифовки и воинской закалки, которой сам не обладал».

ложением и недолюбливало его за его сердечную простоту по отношению к солдатам.

В целом дисциплина в армии пошатнулась, служба стала нестись небрежно. Регулярной вооруженной силе приходил конец. Иеромонаху Нектарию довелось стать невольным свидетелем этого печального конца. Он оставался в рядах действующей армии, поскольку его прошение об увольнении, поданное им на имя протопресвитера военного и морского духовенства, не было удовлетворено. *«Протопресвитер вместо увольнения перевел меня в 44-й Сибирский стрелковый полк, где я и находился до октября 1917 года»*, — писал владыка. Кроме последнего эпизода, завершившего его военное служение, он не указал никаких подробностей, но нетрудно предположить, что он мог увидеть и пережить в этот последний для российской императорской армии год.

1917 год

В то время, когда готовилось новое наступление на фронте, в столице вспыхнул мятеж, давно запланированный и организованный внешними и внутренними врагами российского престола. Не будем выяснять причины случившейся трагедии и излагать ход дальнейших событий, он общеизвестен, хотя интерпретации как были, так и остаются различными. Но, несмотря на различные оценки, никто не будет оспаривать общий итог революционных месяцев 1917 года: России не стало... С устранением царя и упразднением самодержавия перестала существовать не только Российская империя, но и российская государственность. Даже само название государства с тысячелетней историей исчезло с политической карты мира³². В считанные месяцы и даже дни все было разрушено...

«Великой страной взялись управлять люди, до той поры не имевшие никакого понятия об устройстве государственного механизма. Пассажиры взялись управ-

---

³² На обломках империи возросло нечто новое, от чего веяло апокалиптическим ужасом. Но это уже другая тема...

лять паровозом по самоучителю и начали с того, что уничтожили все тормоза.

5 марта Временное правительство одним росчерком пера упразднило всю русскую администрацию. Были отрешены все губернаторы и вице-губернаторы. Возвращены все политические ссыльные и уголовные каторжники, и упразднены полиция и корпус жан-дармов. Призваны в Россию все эмигранты-пораженцы, агенты неприятеля, и упразднена контрразведка. Объявлена свобода, и брошены в тюрьмы тысячи инакомыслящих "реакционеров". Провозглашена "война до победного конца", и уничтожена дисциплина в армии...»³³

---

³³ «Армия была ошеломлена внезапно свалившейся на нее революцией. Рушилось все мировоззрение офицера и солдата, опустошалась их душа. Построенные темными квадратами на мартовском снегу войска угрюмо присягали неизвестному Временному правительству. Странно и дико звучали слова их присяги. "Тихое сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-й и 15-й дивизий весть об отречении своего Императора. И только местами в строю произвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы", — вспоминает командовавший в те дни VIII армейским корпусом генерал Деникин.

10 марта генерал Алексеев представил князю Львову записку "об отражении революции на фронте". Согласно этой записке, составленной по данным, поступившим в Ставку до проникновения на фронт "приказа номер первый", на Северном фронте отречение было встречено "сдержанно, многими с грустью, многие солдаты манифеста не поняли". Стрелки II Сибирского корпуса заявили, что "без Царя нельзя, евреям выходить в офицеры нельзя, а солдат следовало бы наделить землей, с платежами через банк". В 5-й армии солдаты были в недоумении: "Почему же нас не спрашивали?"

На Западном фронте к манифесту отнеслись "спокойно, многие с огорчением". В IX, X и Сводном корпусах 3-й армии —

Развал армии начался со знаменитого приказа № 1 от 1 марта 1917 года Петроградского Совета, упразднивший титулование и прочие формальности старой армии, а самое главное — предписывавший избрание солдатских комитетов во всех воинских частях. Этот приказ фактически убивал дисциплину. Хотя он был издан для столичного гарнизона, но дошел до армии и при попустительстве командования и поддержке нового военного министерства начал свое разлагающее влияние: повсюду стали избираться солдатские комитеты, проводиться собрания, митинги и т. п.

Окончательно же добила армию "Декларация прав солдата", — по словам генерала Алексеева, «последний гвоздь в гроб нашей вооруженной силы...», — принятая Временным правительством в начале мая 1917 года вопреки отчаянным протестам высшего командования. Согласно этой "Декларации", военнослужащие получали все политические права (участие в выборах), могли вступать в любую из политических

"с удивлением и сожалением"; сибирские казаки были "удручены". Выражалась надежда, что "Государь не оставит своего народа". [...]

На Румынском: в 9-й армии — "тягостное впечатление". В 4-й — "преклонение перед высоким патриотизмом Государя и недоумение перед поступком Михаила Александровича". В III конном корпусе — "нервность"... Найдись в Ставке воля и сердце, армию можно было бы спасти.

Царя не стало. Солдат недоуменно смотрел на офицера. Офицер растерянно молчал и оглядывался на старшего начальника. Тот смущенно снимал с погон царские вензеля... Так прошла первая неделя марта месяца, пока от Риги до Измаила огромный фронт не содрогнулся от удара отравленным кинжалом в спину. В действующую армию был передан "приказ номер первый"» (*Жерновский А. А. История Русской армии Часть IV. Глава XVIII: Без веры, царя и отечества*).

партий (в том числе и в большевистскую), могли исповедовать и проповедовать любые политические убеждения ("Долой войну!", "Долой офицеров!" и т. п.). В воинские части в тылу и на фронте могли свободно доставляться все без исключения печатные издания (в том числе анархические и большевистские). Отменялось обязательное отдавание чести. И, наконец, упразднялись все дисциплинарные взыскания. Фактически армия доживала последние дни.

Однако, несмотря на это, командование не отказалось от намеченного наступления. В тех невыносимых условиях, когда любая другая армия не могла бы даже существовать, российская собиралась еще и наступать! «В безобразной обстановке комитетов, съездов, митингов и резолюций Ставка и штабы фронтов продолжали разрабатывать планы летнего наступления. Планы эти были разработаны до мельчайших подробностей. Не знали только главного — удастся ли вывести войска из окопов, согласятся ли вкусившие всяких "свобод" русские солдаты пойти на неприятельскую проволоку. Этого не знали ни Верховный, ни штабы, ни строевые офицеры, ни сами солдаты.

...Войска митинговали, соглашаясь, как правило, с каждым из бесчисленных ораторов, хотя бы и говоривших совершенно противоположное. В одной и той же дивизии сплошь да рядом один полк выносил постановление наступать, второй высказывался только за оборону — без германских "принцесс" аннексии и контрибуции, а третий, ничего не постановляя, втыкал штыки в землю и самотеком шел домой — в Тамбовскую губернию, до которой "немцу не дойти". Последнее решение зачастую принималось через четверть часа по вынесении "единогласно и восторженно" резолюции воевать до победного конца. Этот сумасшедший дом

преподносился ничего не смыслившим делегациям английских и французских социалистов как величайшее достижение демократии XX столетия».

Уговаривать солдат идти в наступление приехал на фронт сам военный министр Временного правительства — А. Ф. Керенский. Речистый (получивший прозвище "главноуговаривающего"), но ничего не смыслящий в военном деле, боявшийся сесть на коня, он объезжал войска на автомобиле³⁴. В небольшом успехе начавшегося 18 июня наступления он увидел результат своего "магического воздействия" на войска и вообразил непобедимость "самой демократической армии в мире", о чем сразу же повсюду восторженно раструбил. Однако в действительности наступление, едва начавшись, захлебнулось, а настоящие последствия "демократизации" армии не заставили себя ждать.

В июле последовало массовое отступление на Юго-Западном фронте, превратившееся на некоторых участках в позорное бегство. Только благодаря генералу Л. Г. Корнилову, назначенному в это время командующим этим фронтом и восстановившему дисциплину путем введения крутых мер вплоть до расстрела дезертиров и мятежников, было спасено положение (на Северном фронте дело обстояло хуже, он был разложен сильнее, и в августе немцы легко овладели Ригой).

---

³⁴ «Полное незнакомство революционного военного министра с военной жизнью приводило иногда к забавным случаям. Когда Керенский в Тарнополе смотрел Забайкальскую казачью дивизию, то для встречи его был по уставу выставлен почетный караул, взявший при его приближении шашки наголо. Увидя сверкнувшее грозно оружие, Керенский вообразил, что наступил его последний час, и с громким жалобным писком побежал от караула и растерявшихся штабных назад, в автомобиль».

Возглавивший с конца июля всю российскую армию генерал Корнилов видел, в какую бездну катится Россия, и, как никто другой, понимал, что только самые решительные меры могут спасти положение и на фронте, и в целом в стране. Он вел переговоры об этом с Керенским, возглавившим Временное правительство после июльского большевицкого мятежа в Петрограде. Но тот все откладывал утверждение законопроекта об устройстве армии, разработанного генералом, оглядываясь на своих коллег в Совете рабочих и солдатских депутатов.

Когда Корнилов все же склонил его на необходимость введения в столицу надежных войск (после падения Риги Петроград был под непосредственной угрозой удара противника) и предложил Керенскому приехать в Ставку обсудить все детали дальнейших действий, Керенский послал вместо себя совершенно одиозного обер-прокурора Синода В. Львова, который, выслушав предложение генерала о необходимости установления диктатуры (с обязательным участием Керенского), превратно передал это предложение Керенскому (либо тот превратно его истолковал). После этого Керенский объявил главнокомандующего изменником и приказал военачальникам не подчиняться ему, амнистировал большевиков, призвав их к совместной защите завоеваний революции, и раздал оружие петроградскому пролетариату³⁵.

---

³⁵ «Трагически сложившаяся обстановка потребовала от главы Временного правительства выбора между Корниловым и Лениным. И Керенский выбрал Ленина. Выбор этот был для Керенского естественным. Воспитанный на культуре революции и преклонения перед "светлыми личностями", Керенский был человек своей среды упадочников.

Корнилов звал спасти Россию. Ленин призывал углубить завоевания революции. "Россия" была для Керенского отвлечен-

1 сентября Керенский провозгласил Россию демократической республикой, а себя верховным главнокомандующим, Корнилова же и сочувствующих ему генералов Деникина, Маркова и других приказал арестовать³⁶. Это было его единственное деяние в качестве главнокомандующего. Занятый бесконечной гово-

---

рым, ничего не говорившим понятием — географической картой на стене III класса гимназии. "Революция" зато была чем-то близким и родным — "прекрасной дамой". Россия обретала для Керенского смысл лишь с обязательным прибавлением прилагательного. "Царская Россия" была "страной кнута и произвола", неприятельской державой, Карфагеном, который необходимо было разрушить. "Революционную Россию", наоборот, можно и должно было считать своей страной при обязательном условии запретить в тюрьму всех инакомыслящих "реакционеров" (это называлось "свободой")... Корнилов говорил на непонятном Керенскому языке. Казак по происхождению, военный по призванию, государственник по воззрению, он был ему трижды непонятен, трижды неприятен, трижды чужд, тогда как Ленин был своим. Конечно, Керенский не одобрял Ленина, возмущался его "аморальностью", негодовал на братоубийственную проповедь марксистского изувера. Но это были только частности. И тот, и другой поклонялись революции. Один воскуривал ей фимиам, другой приносил ей кровавые жертвы. И Ленин, и Керенский говорили на одном и том же языке. Разница была лишь в акценте. Керенский предпочел своего Ленина чужому Корнилову. И отдал Ленину Россию на растерзание...»

³⁶ После большевицкого переворота генерал Корнилов и его соузники ушли на Дон и приступили к формированию Добровольческой армии для борьбы с большевиками. 31 марта 1918 года при штурме Екатеринодара генерал Корнилов был убит. «Неприятельская граната, — писал генерал А. И. Деникин, — попала в дом только одна, только в комнату Корнилова, когда он был в ней, и убила только его одного. Мистический покров предвечной тайны покрыл пути и свершения неведомой воли».

рильной в правительстве и предпарламенте, он не имел ни времени, ни желания заниматься армией. Да армии фактически уже и не было. По инерции еще продолжали существовать штабы, еще сидели в сырых окопах от Двины до Дуная сотни тысяч солдат, но зачем они сидят, за что воюют, они не знали... Умелые же большевистские агитаторы, не теряя времени, доходчиво им разъясняли, и, одурманенные проповедями о всеобщем равенстве и справедливости, воспламенявшиеся ненавистью к главным врагам своего будущего счастья — "эксплуататорским классам" ("буржуям", как их стали именовать)³⁷, разнузданные

³⁷ Как были сбиты с толку солдаты большевистской пропагандой и насколько просто можно было им разъяснить последствия их "антибуржуазных" действий, дает следующий пример, приведенный епископом Андреем в своей речи на собрании уфимских приходов в декабре 1917 года: «Со стороны большевиков во все стороны разосланы тысячи агитаторов, народных развратителей. Но встречаются и благородные антибольшевистские агитаторы. Об одном из них я и расскажу вам. Подъезжая к Рыбинску, ехал один старичок среди толпы солдат. Солдаты говорили между собой о том, что буржуев надо бить. "Вы разбойники!" — вскричал старичок... и стал защищать буржуев. Солдаты схватили его и хотели выбросить из вагона, как вдруг их остановил один с ними ехавший человек... "Не позволю трогать невинного старика, — сказал он, — а если хотите его выбросить, то бросьте и меня с ним, а лучше поговорим сначала". — "Да кто ты такой?" — спросили солдаты. "Я такая же дрянь, как и вы, удрал с фронта (пропускаю сильную терминологию, потому что она не подходит к моему сану), такой же погромщик, как и вы. Отец мой был буржуй — нажил землю и деньги; таким же и брата моего сделал! Я не хотел учиться, остался благородным пролетарием и мог только свиней пасти. Когда выросли мы, то отец завещал нам разделить поровну наследство после него; брат взял землю, а я деньги — 6000 рублей. Деньги, конечно, я пропил, — велики ли это деньги для хорошего пролетария? А тут на мое счастье

толпы бывших солдат либо бросали фронт и валили домой делить "буржуйскую" землю и добро, либо, оставаясь в постылых окопах, начинали расправляться с "буржуями" на месте.

Иеромонах Нектарий едва не стал жертвой подобной расправы в своем полку. Вот что он написал об этом в "Автобиографии": *«В день полкового праздника (1 октября) в этом полку случился весьма печальный инцидент, благодаря коему многие офицеры едва не лишились жизни. После изрядной выпивки начались в палатке пространные речи в пользу Керенского и Корнилова. Услышавши об этом, солдаты схватили винтовки и окружили палатку, где пировали офицеры. Я, сидя в своей землянке, услышал о происходившем, тотчас побежал посмотреть, что делается. Солдаты, взволнованные, бросились на ме-*

война подспела; пошел я на Карпаты, грабил и воровал, что плохо лежало у мирных жителей. Потом вот с большевиками соединился, потому что все пролетарии должны соединяться... А теперь к брату иду, он буржуй, землю имеет, значит, должен меня содержать во всем; а проживу одно буржуйское хозяйство, — дальше поеду... Скажи-ка мне твой адрес, — обратился проезжающий к солдату, который более всех шумел и подговаривал выбросить старичка...

— Я из Тульской губернии; еду к себе...

— Нет, ты скажи, как следует, твой подробный адрес...

— Да зачем тебе?

— Я к тебе и приеду. Я что-то слышал, ты говорил, что едешь домой, у тебя земля, пять коров, лошадь?.. Вот я к тебе и приеду... Ведь ты тоже, видно по всему, буржуй. Вот и приду я к тебе не просто, а с паспортом!" И вдруг этот пассажир-пролетарий вытаскивает огромный кинжал: "Вот мой и паспорт. Доволен ли, товарищ, пролетарским паспортом?" Когда подъехали к Рыбинску, солдаты у старичка прощения уже просили! Вот это умелый агитатор!» (Заволжский летописец, 1917. № 24. С. 685–693).

ня, предполагая, что я был вместе с офицерами, и потащили меня к палатке, но бывший здесь при пулемете солдат подтвердил, что я не был с офицерами, и меня отпустили. Поняв, что в полку мне больше нечего делать, я возвратился с фронта в Москву»³⁸.

Не ясно, как соединяли в своих речах офицеры имена Керенского и Корнилова, в октябре 1917 года еще пребывавшего в тюрьме по приказу Керенского, но до этих деталей уже никому не было дела. Очевидно, эти имена олицетворяли прежний строй, для солдат они оба были "буржуями", классовыми врагами, и вместе с их сторонниками подлежали беспощадному уничтожению.

Вскоре подобные расправы станут повсеместными. Произойдет знаменитая "октябрьская революция", и кровь зальет русскую землю. Спустя всего две недели в самой Москве отец Нектарий станет очевидцем чудовищной бойни: на протяжении семи дней здесь будут греметь взрывы и свистеть пули, тяжелая артиллерия будет бить по Кремлю, а распоясавшаяся солдатня убивать ни в чем не повинных людей.

«Мы переживаем какой-то кошмар, какой-то личный ужас при виде всего совершающегося, — писал в это время также находившийся в Москве епископ Уфимский Андрей (Ухтомский). — А наша родина, весь русский народ, сбитый с толку, переживает ныне последние недели своего свободного бытия. Кончается одна страница русской истории и начинается страшная другая... Россия, несчастная Россия, — променявшая свою свободу на революционный угар...

На улицах Москвы разыгрывалась дьявольская пляска. Вся Москва, голодная, сидела по домам и по

---

³⁸ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 54.

подвалам, а по улицам бессмысленно свистели пули по всем направлениям. Гремели раскаты пушечных выстрелов. Это русские люди громили свой родной Московский Кремль, который уцелел при Наполеоне...»³⁹

Страшная картина расстрелянных храмов и людей предстала пред епископом Камчатским Нестором (Анисимовым), пришедшим в Кремль сразу же после окончания обстрела 3 ноября 1917 года. «Чувство невыразимой тоски, поистине неизглаголанного горя и ужаса охватывает вас при виде этих разрушений, — писал владыка Нестор в очерке "Расстрел Московского Кремля". — И чем дальше вы углубляетесь в осмотр поруганной святыни, тем эта боль становится сильнее... С не поддающимся описанию волнением вы входите за ограду на каменную площадь к великому Успенскому собору и видите огромные лужи крови с плавающими в них человеческими мозгами. Следы крови чьей-то дерзкой ногой разнесены по всей этой площади».

Позднее епископ Нестор вспоминал: «В момент первого входа большевиков в Кремль через Спасские ворота, когда они только что взяли Москву в свои руки, я, имея на руках повязку Красного креста, так как ходил по Москве и помогал раненым нашим защитникам Москвы, вошел на этом основании в Кремль и взял с собою фотографа, и, пока шел грабеж в стенах Кремля большевистскими завоевателями, мы с фотографом обошли все исторические места и зафиксировали все разрушения»⁴⁰.

Во дворе синодальной конторы владыка услышал шум приближающейся к Чудову монастырю толпы

---

³⁹ Заволжский летописец. 1917. № 22. 15 ноября. С. 619–621.

⁴⁰ Четверть века святительского подвига владыки Нестора // Харбинское время. 1941. № 292. 28 октября.

солдат, требующей над кем-то самосуда. Подбежав к этой толпе, бушевавшей между Царь-пушкой и Чудовым монастырем, он увидел неизвестного ему полковника, отбивавшегося от окруживших его разъяренных солдат: «Солдаты толкали его, били прикладами и кололи штыками со всех сторон. Полковник окровавленными руками хватался за штыки. Ему прокалывали руки и наносили глубокие раны. Он что-то пытался выкрикивать, но никто его не слушал. Толпа требовала, чтобы его немедленно расстреляли. Какой-то офицер вступился за несчастного и, пытаясь защитить его своей грудью, тоже что-то кричал... Я подбежал к толпе большевиков и стал умолять пощадить жизнь полковника. Я заклинал их именем Бога, родной матери, ради малых детей просил оставить в живых, всячески, как только мог, уговаривал пощадить, но озверевшей толпой овладела уже сатанинская злоба. Отвечали угрозами немедленно расстрелять и меня, ругали буржуем, кровопийцей и пр<очее>. В это время какой-то негодяй большевик отбросил несчастного мученика в сторону. Раздались выстрелы, которыми все было кончено. Офицер, защищавший полковника, здесь же бросил бывшую у него винтовку, отошел к разрушенной стене Синодальной конторы и повалился на груды кирпичей. Причина убийства этого полковника (56-го полка), как впоследствии оказалось, заключалась в том, что полковник должен был временно сократить довольствие солдатам за недостатком провианта на 1/3 порции хлеба в течение полудня до подвоза нового запаса.

Подавленный, с разбитой душой, отошел я от толпы. Кровавая картина кошмарного убийства неотступно стояла перед моим взором. Озверелые лица солдат, размахивающих оружием, дикая расправа с

полковником, глумления и пытки... Дикий крик: "Товарищи! Расстрелять его, кровь нашу пьет, буржуй" ...

Тяжелые мрачные мысли, точно калеными стрелами, пронизывали мозг: "Неужели на Руси начинается кровавый пир сатанистов? Ведь то, чему я был свидетелем, так походило на пляску обезумевших детей-убийц на трупе своего отца... Боже! Неужели на Руси Святой начинается владычество темной злой силы?" »⁴¹

Видел ли подобный ужас отец Нектарий? Мы не знаем; он об этом, конечно, ничего не показывал на допросах и в "Автобиографии" лишь коротко написал, что в Москве *«пользовался в Донском монастыре гостеприимством своего ректора Академии епископа Иннокентия»*⁴². Но о кровопролитиях и бойне в столице он не мог не знать, и понятно, какие чувства испытывал, подобно всем искренним русским людям, и тем более духовным пастырям⁴³. Впереди им всем

---

⁴¹ Расстрел Московского Кремля. 27 октября — 3 ноября 1917 года // Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). Т. 1. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2005. С. 198–199.

⁴² Епископ Иннокентий (Ястребов) был ректором Киевской духовной академии в 1911–1914 годах. В июле 1914 — назначен на Полоцко-Витебскую кафедру. В январе 1915 — переведен в Москву, назначен председателем миссионерского совета и управляющим Донским монастырем. В 1928 — скончался в Москве, похоронен на Даниловском кладбище.

⁴³ Из послания уфимской пастве епископа Андрея (Ухтомского): «Пишу я эти строки, и меня душат слезы! Никогда от рождения моего не было у меня такого горя, как сейчас. Когда я хоронил свою родную мать, я не испытывал ничего подобного! Теперь мне приходится переживать гибель народа русского,

предстояли еще большие испытания. Владычество злой силы над Россией утвердилось прочно и надолго, и разрушительная ее деятельность только начиналась... Вскоре отец Нектарий столкнется с ней непосредственно и воочию увидит богоборцев, готовых к безжалостному уничтожению Церкви.

его позор и грядущую нищету. И я не скрываю, что я плачу горькими слезами: плачу день и провожу безумные ночи бесильного отчаяния... Я уже молчу! Ни писать в газетах, ни говорить на церковном соборе я не могу. Меня раздавило мое горе: это горе — горе русского народа!

Нужно чудо, чтобы прозрел русский народ свою беду. Но как некогда еврейский народ не познал дня своего спасения и не послушал пророков Божиих, а слушался пророков ложных, так и мы, русские люди, отошли от заповедей Божиих и погибаем» (Заволжский летописец. 1917. № 22. 15 ноября. С. 619–621).

В Петроградской епархии

В декабре 1917 года иеромонах Нектарий был принят в число братии Александро-Невской лавры в Петрограде. По-видимому, перед этим он побывал в Тюмени. В "Автобиографии" об этом сказано следующее: *«Наслышавшись в 44-м полку о Сибири, я пожелал там устроиться и обратился к епископу Тобольскому и Сибирскому Гермогену⁴⁴ с просьбой меня устроить в Сибири. Он мне предложил вступить в число братии Троицкого монастыря в Тюмени»⁴⁵* (иеромонах Нектарий, очевидно, епископа Гермогена встретил в Москве, где тот с августа 1917 года принимал участие во Всероссийском Поместном Соборе).

---

⁴⁴ Епископ Гермоген (Долганёв или Долганов, в литературе встречается различное написание его фамилии). С 1901 — епископ Вольский, викарий Саратовской епархии. В марте 1903 — назначен епископом Саратовским и Царицынским. В январе 1912 — уволен на покой с пребыванием в Жировицком монастыре, в марте 1917 — назначен на Тобольскую кафедру. 29 июня 1918 — принял мученическую кончину (утоплен большевиками в реке Туре).

⁴⁵ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 56.

В Сибири отец Нектарий не устроился: «В указанном монастыре мне не понравилось, и поэтому, прожив приблизительно дней пять, взяв с собою необходимое число продуктов и шубу для епископа Гермогена, я снова вернулся в Москву и проживал в Донском монастыре у своего бывшего академического ректора епископа Иннокентия без должности до декабря месяца 1917 года, затем был назначен в гор<од> Петроград в Александро-Невскую лавру иеромонахом»⁴⁶.

В лавре иеромонах Нектарий в определенное время совершал богослужения. Кроме того, в январе 1918 года он был назначен воспитателем певчих митрополичьего хора, с 6 июня — библиотекарем, с января 1919 года — письмоводителем канцелярии Духовного Собора лавры и уставщиком. 20 июня 1919 года — постоянным панихидным иеромонахом на лаврских кладбищах с освобождением от должности письмоводителя канцелярии, но с оставлением уставщиком. 9 апреля 1919 года указом Св. Синода иеромонах Нектарий был награжден к Пасхе за усердную службу золотым наперсным крестом⁴⁷.

В Петрограде отец Нектарий, по его словам, «прожил голодные годы 1918–1919 и 1/2 1920». Кроме служения и исполнения монастырских послушаний, а также тяжелых физических работ по городу, к которым новая власть принуждала монашествующих и священнослужителей, приходилось изыскивать пропитание для лаврской братии и в условиях полной разрухи и бушующей Гражданской войны в стране

⁴⁶ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 30.

⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 204-1917. Д. 509; Оп. 11-1919. Д. 20. Цит. по: Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. СПб.: Сатис, 2006. С. 147.

как-то исхитряться доставлять его до бывшей столицы. Отец Нектарий дважды ездил за продуктами: в мае 1918 года — в Омск, а в 1919 году — в Новгород.

Но не только голод, холод и крайнюю нужду — эти неизбежные последствия революции — довелось испытать отцу Нектарию в эти годы вместе с насельниками лавры. Здесь он стал очевидцем одного из первых открытых столкновений Церкви с богоборческой властью: именно Александро-Невская лавра как один из самых крупных и главных монастырей России сразу же подверглась гонениям, и здесь пролилась кровь одного из первых новомучеников Российской Церкви.

Наступление на Церковь богоборцы повели немедленно после захвата власти. Подготавливая проект отделения Церкви от государства, фактически ставивший Церковь вне закона, они еще до его принятия начали закрытие дворцовых и домовых церквей, захватили синодальную типографию и объявили, что все принадлежащее Синоду является собственностью народа. А затем предприняли попытку захватить Александро-Невскую лавру.

13 января 1918 года в лавру явился вооруженный отряд матросов с целью реквизиции зданий и всего имущества лавры якобы под приюты в ведение наркомата призрения. Вызванный кем-то из богомольцев наряд милиции установил отсутствие официальных документов о реквизиции, и по этой причине представители наркомата ушли ни с чем. На следующий день от наркома призрения А. Коллонтай поступило уже официальное извещение о реквизиции на имя настоятеля лавры епископа Прокопия (Титова).

В тот же день в Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения на Стремянной улице духовенство и прихожане провели срочное собрание, на котором приняли решение «твердо зая-

вить народным комиссарам, что православный русский народ не допустит отобрания имущества у монастырей и храмов...» Вечером в Троицкий собор лавры на богослужение, совершаемое митрополитом Вениамином с его викариями и другим духовенством, собрались сотни верующих, полных решимости защищать лавру.

16 января состоялось еще одно собрание духовенства и верующих, на котором митрополит Вениамин сообщил о том, что представитель наркомата признания заявил ему о переходе лавры в ведение "народа". Собрание приняло резолюцию протеста против этой акции, а также по предложению настоятеля Казанского собора протоиерея Философа Орнатского — решение устроить в ближайшее воскресенье крестный ход из всех церквей города к лавре. Под резолюцией были собраны подписи по всем петроградским храмам, после чего она была послана властям и опубликована в газетах.

Духовный Собор лавры попытался провести переговоры с Коллонтай, но она не пожелала это сделать. 19 января по ее распоряжению в лавру прибыл ее представитель в сопровождении 17 красноармейцев и матросов. Он потребовал от митрополита Вениамина очистить митрополичьи покои, а от епископа Прокопия — передать все имущество лавры. Получив отказ, он объявил их арестованными и приступил к обыску в подвалах. В это время с лаврской колокольни раздался набат — это кто-то из богомольцев поднял тревогу. К лавре стали стекаться толпы народа. Они разоружили матросов и комиссара, сбив его с ног (дело для него могло окончиться плачевно, если бы монахи не успокоили народ и не поспешили его вывести), красноармейцы сами побросали винтовки и разбежались.

Вскоре к лавре прибыли два грузовика вооруженных матросов и красногвардейцев с двумя пулеметами. По звонарям дали несколько залпов, но набат не умолкал. Тогда вернувшийся комиссар с красногвардейцами поднялся на колокольню и, угрожая револьвером, согнал звонарей. На дворе красногвардейцы стали изгонять богомольцев из лавры, раздались несколько выстрелов, был ранен книгопродавец Усов и задеты два мальчика.

В это время в лавру направлялся протоиерей Петр Скипетров, настоятель Скорбященской церкви на Шлиссельбургском проспекте. Еще за день до этого он был вызван по какому-то вопросу митрополитом Вениамином и к назначенному часу пришел в лавру. Несмотря на то что еще при подходе были слышны выстрелы и встретивший его сын-семинарист предупредил, что в лавре беспокойно, и просил дальше не ходить, протоиерей Петр вошел в лавру, пройдя сначала к св. мощам благоверного князя Александра в Троицкий собор, где совершался молебен епископом Прокопием, а оттуда к покоям митрополита. Здесь в главном подъезде он увидел красногвардейцев, угрожавших винтовками и револьверами толпе верующих женщин. Все происходившее тогда было подробно изложено в отчете епархиальной комиссии и опубликовано в "Петроградском церковно-епархиальном вестнике":

«Протоиерей Скипетров обратился с горячим пастырским увещанием к вооруженным людям не производить насилия над верующими, не издеваться над народными святынями. Не прошло и нескольких секунд, как последовал выстрел из револьвера со стороны одного из красногвардейцев, и *о<тец>* Скипетров, как подкошенный, безмолвно опустился на пол коридора. Лицо его имело совершенно спокойное выраже-

ние, но показавшаяся на мгновение изо рта кровь свидетельствовала, что он ранен... После ранения прот<оиерея> Скипетрова вооруженные люди разбежались, скрывшись от возбужденной толпы. Потерявшего сознание прот<оиерея> Скипетрова бережно перенесли в лаврскую братскую больницу. Сюда был вызван по телефону сын о<тца> Петра врач П. П. Скипетров, который нашел отца в крайне тяжелом состоянии. Револьверная пуля прошла через нижнюю челюсть и засела в шее. Экстренная медицинская помощь привела раненого на краткий момент в сознание, он попросил воды, а затем отрывисто сказал: "Маму... детей... благословить... умираю... владыку митрополита..." Пытался благословить подошедших детей, но это ему не удалось, так как он не мог поднять руки. Ввиду необходимости немедленной помощи он был перенесен в ближайший лазарет, располагавшийся по Невскому пр<оспекту>, 135. ...Здесь к больному была допущена его жена, которую он узнал, пытался ей что-то сказать, но не мог... Вскоре прибыл владыка Вениамин и благословил о<тца> Петра, тот открыл глаза, но не произнес ни одного слова... Были употреблены все средства, но, несмотря на это, около 10 часов вечера состояние больного внезапно и резко ухудшилось, и в 10 часов 45 минут вечера о<тец> Петр отошел в лучший мир»⁴⁸.

Еще несколько часов красногвардейцы находились в лавре, пытаясь запугать верующих, стреляли в воздух из пулеметов, но народ все прибывал. Видя его решимость, красногвардейцы лавру оставили. После их ухода был отслужен благодарственный молебен, затем всенощная. В лаврской трапезной состоялось

---

⁴⁸ Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. № 1. С. 4–5.

многолюдное собрание. «На нем после горячего обсуждения ситуации было принято решение спешно организовать из мирян и монашествующих православное братство Александро-Невской Лавры для отстаивания интересов обители, охраны церковного достоинства и разъяснения народу пагубности последних действий по отношению к святыне Православия. С 4 часов утра во всех лаврских храмах непрерывно совершались богослужения, толпы молящихся, идущих со всех концов столицы, начали заполнять их. Митрополита Вениамина посетила делегация рабочих Стеклянного и Фарфорового заводов, они выразили готовность "до последней возможности" защищать имущество Лавры⁴⁹. Затем явилась делегация от рабочих Экспедиции заготовления государственных бумаг, которая просила разрешить ей участвовать в охране святынь Лавры, чтобы предотвратить эксцессы»⁵⁰.

На следующий день, в воскресенье 21 января, состоялся общегородской крестный ход. По окончании богослужения из всех городских храмов к лавре двинулись верующие и духовенство. Около 200 процессий слились в один грандиозный крестный ход, в котором участвовало до полумиллиона человек. Лавра не могла вместить всех, и митрополит Вениамин с викарными епископами и множеством духовенства, вышедший навстречу, отслужил молебен и обратился к народу на площади с особого помоста. В этот день в лавре и в храмах города было оглашено знаменитое воззвание Патриарха Тихона от 19 января с анафематствованием разорителей Церкви, написанное свя-

---

⁴⁹ Наши ведомости. 1918. 20 января.

⁵⁰ Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1713–2013. Т. 3: 1917–2013 / Михаил Шкаровский. СПб.: Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра, 2013. С. 41.

тителем, несомненно, после получения сообщения о событиях в Петрограде.

Единодушные и смелый протест православных заставили советское правительство отступить. Еще вечером 19 января из Смольного поступило предложение настоятелю лавры успокоить народ и заявление о том, что их неправильно поняли... А после крестного хода было проведено чрезвычайное заседание правительства в ночь с 21 на 22 января, и вопрос о занятии помещений лавры решили оставить открытым, Коллонтай указала на недопустимость самочинности, свалив на нее всю вину за провал этой первой антицерковной акции.

Так православным удалось отстоять один из самых крупных российских монастырей⁵¹ — хотя и не надолго. Лавра, как и все монастыри в богоборческом государстве, была обречена, но все же, в отличие от большинства других, она не была закрыта сразу, и в ней еще более десятилетия теплилась монашеская жизнь, а храмы окончательно закрыли только спустя пятнадцать лет.

---

⁵¹ «В начале 1918 года в обители проживало почти 500 человек — продовольственный комитет отпускал хлеб на 458 взрослых карточек и 30 детских — мальчикам-певчим Митрополичьего хора. Из этого количества 100 человек составляла братия, 15 — священники-беженцы, 30 — старушки в лаврской богадельне, 10 — архиереи и их келейники, несколько десятков учащихся Духовных школ, взрослые певчие и остальные (около 200) — рабочие и служащие Лавры. Монастырское хозяйство по-прежнему было весьма обширным — конюшня, пекарня, производство свечей и т. д., хотя общий тяжелейший экономический кризис в стране уже существенно влиял на положение дел. Почти весь лаврский капитал — около 2 миллионов рублей — находился в государственных процентных бумагах и вследствие недавних правительственных распоряжений доходов не приносил...» (Там же. С. 45).

Получив отпор, власти не отказались от реквизиций и стали проводить их постепенно. Сначала конфисковали за неуплату колоссального налога находившиеся в собственности у лавры и сдаваемые в аренду дома, кладовые, земельные участки в городе. Осенью 1918 года заняли лаврскую пекарню, потом братскую трапезную с кухней (в ней устроили общественную столовую), здания духовной семинарии. В начале 1919 года были реквизированы все три кладбища лавры с кладбищенской конторой и со всеми книгами, записями и процентными бумагами. Летом того же года были реквизированы капиталы лавры. Фактически лавра лишалась всех источников доходов, не хватало средств на отопление и освещение, была закрыта лаврская больница из-за невозможности ее содержать. Насельники обитатели голодали, единственным подспорьем был огород, который разбили в митрополичьем саду (при этом испросив в аренду десятину земли в жилищном отделе Совета коммунального хозяйства). Основной доход оставался только от продажи свечей, которые еще производились на свечном заводике, а также от исполнения треб и пожертвований прихожан.

Несмотря на тяжелейшие материальные условия, монастырская жизнь в лавре продолжалась. Приходили монахи из закрытых монастырей, совершались новые постриги. Много замечательных монахов и клириков, принявших в дальнейшем страдания за веру и увенчавшихся мученическим венцом, встретил здесь в это время иеромонах Нектарий. Не говоря уже о самом священноархимандрите лавры, митрополите Вениамине (Казанском), — одном из первых новомучеников-святителей, расстрелянном большевиками в 1922 году, особенно примечательно в этом плане было знакомство отца Нектария с архимандритом Виктором (Островидовым) — наместником лавры с сентября 1918 года.

Их судьбы переплетутся и в дальнейшем будут тесно связаны с другой епархией, хотя они там даже не встретятся⁵². В январе 1920 года архимандрит Виктор, возведенный в архиерейский сан на Уржумскую кафедру, отбудет к месту своего служения в Вятскую епархию. Ровно через пять лет, также будучи рукоположен вятским викарием, поедет в Вятскую епархию и владыка Нектарий. Прослужат они там в разное время недолго (епископ Виктор в общей сложности проведет на Вятской земле менее двух лет, а епископ Нектарий менее четырех месяцев). Но в церковную историю они войдут именно как вятские святители, и церковное предание сохранит память об их исповедническом подвиге на Вятской земле. Так и в святцах епископ Виктор будет поминаться как святитель-исповедник вятский, а епископ Нектарий Яранский — как вятский викарий.

Но это будет позднее, а пока их исповеднический путь только начинался: в то время как епископ Виктор осуществлял свое архиерейское служение в Уржуме, иеромонах Нектарий был назначен временным настоятелем Екатерининского собора в Ямбург — небольшой уездный городок бывшей Санкт-Петербургской губернии в 120 верстах от столицы⁵³. К началу XX века население Ямбура составляло около 4000 человек, больше половины из которого приходилось на расквартированный пехотный полк. Ямбург считался одним из беднейших городов в губернии, основной

---

⁵² Их земные пути пересекутся только еще один раз на короткое время, но уже не на свободе, а в Соловецком концлагере в 1928 году.

⁵³ С начала 1920 года после мирного договора Эстонии с Советской Россией Ямбург стал пограничным городом. В 1922 году переименован в Кингисепп в честь эстонского революционера.

доход жители получали от сдачи внаем помещений для военнослужащих, а также занимались огородничеством и хлебопашеством.

Во время Гражданской войны население совсем обнищало, город оказался в самом центре военных действий. Отсюда начиналось наступление на Петроград Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. Ямбург был взят белыми 17 мая 1919 года и удерживался ими до начала августа. Летом линия фронта проходила по уезду. 5 августа город захватили красные. В октябре его ненадолго вновь заняла армия Юденича, выбившая красных. При отступлении красноармейцы подожгли казармы, из-за чего пострадали здания города. 14 ноября в Ямбург опять вошли красные. Во время штурма под обстрел артиллерии Красной Армии попал Екатерининский собор. В результате в нем были пробиты крыша и стена. Это был единственный православный храм в городе, так как церковь св. великомученика Георгия 146-го пехотного Царицынского полка, располагавшаяся в здании манежа, ликвидировали еще в 1918 году и в ней устроили театр.

В городе не осталось духовенства, и по просьбе верующих, оставшихся без духовных пастырей и богослужений, руководство лавры направило сюда иеромонаха Нектария. Отец Нектарий приехал в Ямбург в марте 1920 года. Известно, что о положении дел он вел переписку с митрополитом Вениамином. Так, например, в письме от 12 декабря 1920 года сообщал о плачевном состоянии собора, а также о том, что на престольный праздник в собор не приехал ни один из священников из соседних сел, *«боясь попасть на принудительные работы»*. В дальнейшем эта переписка была использована властями против отца Нектария для обвинения его в антисоветской пропаганде,

и письма митрополита приобщены к материалам следственного дела.

В "Автобиографии" о служении в Ямбурге владыка написал следующее: *«В Ямбурге я служил по август 1921 г<ода>. Отношение крестьянства ко мне было замечательно живое и расположенное, а городские меня за мою простоту не любили. Не подпустив к соборной выручке двух бывших жандармов, я в лице их нашел себе злостных врагов (гл<авным> обр<азом> их детей, состоявших на совет<ской> службе). На меня были поданы доносы не только местной власти, но и духовному начальству. Совершение мною в одной из деревень крестного хода без надлежащего разрешения властей явилось поводом к моему аресту и отправке в Петро<градскую> губ<ернскую> чеку, где я был приговорен к 1 году принудительных работ с содержанием под стражей в "Крестах"»⁵⁴.*

Крестный ход был действительно только поводом для ареста, а на самом деле власти не устраивало ревностное служение настоятеля городского собора. За ним внимательно следили осведомители и обо всем старательно доводили до сведения начальства. Так, осведомитель № 429 доносил о собраниях верующих на квартире у иеромонаха Нектария, о его антисоветской агитации в проповедях, где он, *«призывая к надежде, что 1921 г<од> принесет переворот к лучшей жизни, все недостатки настоящего времени считает наказанием Бога, мотивируя, что народ православный попал под гнев Божий за то, что церкви превратили в школы и театры, указывая на пробитую снарядом стену храма. Называет отверстие делом рук дьявола»*. В другом донесении осведомителя гово-

⁵⁴ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 56.

рилось, что 27 августа 1920 года иеромонах, хороня врача Прохорова, сказал: *«Счастливы ты, Петр Николаевич, что хоронят тебя не с пением безбожного "Интернационала", а хоронит тебя Святая Церковь»*.

1 сентября 1921 года иеромонах Нектарий был арестован. Накануне, 30 августа, он отслужил молебен в деревне Жабино Горской волости Ямбургского уезда и затем по просьбе верующих провел крестный ход, хотя и предполагал, что за это может угодить в тюрьму, и предупредил об этом верующих. На допросе отец Нектарий признал себя виновным в том, что нарушил данную им ранее подписку о непроведении крестных ходов, но отказался признать обвинение в ведении контрреволюционной пропаганды. Тем не менее уполномоченный Ямбургского политбюро ВЧК на следующий день, 2 сентября, составил заключение, в котором признал иеромонаха Нектария виновным в контрреволюционной агитации и *«элементом, вредным и опасным для пограничного уезда»*: *«Гражданин Трезвинский является как человек, имеющий высшее образование, сознательным противником Советской власти»*.

6 сентября отца Нектария перевели в Петроградскую тюрьму ЧК на Шпалерной улице. На допросах 9 и 14 сентября иеромонах по-прежнему отказывался признать себя виновным в предъявленных обвинениях. В графе «Политические убеждения» он написал: *«Националист-церковник»*.

Прихожане Ямбургского уезда обратились с ходатайствами в защиту своего пастыря. Сразу же после его ареста 60 крестьян деревни Жабино подписали письмо, в котором всю вину за проведение крестного хода брали на себя и просили отпустить ни в чем не повинного и в политическом отношении благонадежного батюшку. 6 сентября в ЧК было подано ходатай-

ство об освобождении отца Нектария за подписями более чем полутора сотен жителей Ямбурга, а 16 сентября — от прихожан Екатерининского собора. Они писали: «Отец Трезвинский ничего не имеет, совершенный пролетарий, даже не имеет сапог, ходит босой, тем не менее он не сребролюбец, он не берет деньги ни за какие требы и с нас не требует никаких средств на его содержание, живет, как птичка Божия, неизвестно чем питается».

Ничего не помогло, и 29 сентября было вынесено заключение, в котором иеромонах Нектарий был признан *«злостным агитатором»*, и его предлагалось, как *«вредного для современного положения провинции, изъять, направив в концентрационный лагерь»*. 8 октября 1921 года президиум Петроградской губернской ЧК приговорил иеромонаха Нектария Трезвинского к одному году принудительных работ с содержанием под стражей, и в тот же день он был отправлен во 2-й лагерь принудительных работ⁵⁵.

3 декабря 1921 года отец Нектарий был освобожден. Как он писал в "Автобиографии": *«Получив в декабре 1921 по амнистии свободу, уехал на Украину, дабы там забыться после пережитого. Здесь попал из огня в полымя, так как всюду господствовал бандитизм. На Украине я пожил в разных местах: в Киеве, в Лавре, в <городе> Звенигородке и <еле> Яцках»*. Владыка Нектарий по-прежнему лаконичен, и, что он пережил на Украине, мы опять-таки не знаем.

Во время Гражданской войны здесь, как и в других областях страны, действовало огромное количество вооруженных формирований, многие из которых под-

---

⁵⁵ Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. арх.-след. дел. П-40195. Л. 11-51; Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 147-148.

держивались крестьянами, яростно сопротивлявшимися большевистской политике продразверстки. Несмотря на то что в 1922 году экономическая политика изменилась и чекистам удалось стабилизировать ситуацию в целом, на Украине, по их подсчетам, еще действовало до 70 банд самого различного характера — от политических антисоветского настроения, анархистских, националистических и тому подобных до чисто уголовных, занимающихся банальным разбоем и грабежом всего населения.

По воспоминаниям очевидцев, с 1921 года в Киеве и больших городах жизнь постепенно налаживалась. Днем можно было спокойно ходить по улицам, не ожидая нападений (правда, ночью грабежи еще продолжались). Но в маленьких городах и селах все оставалось по-прежнему: в любой момент могли подстрелить из обреза, поджечь хату; не было никакой защиты при налете очередной банды. И несмотря на то, что главным объектом нападений являлись коммунисты и советские служащие, часто страдали простые люди, в том числе и церковники. Так и последний настоятель Виноградского монастыря был убит бандитами как раз в 1922 году.

Летняя засуха 1921 года усугубила и без того тяжелое положение. Зимой 1922 года начался голод, особенно в южных районах. Голодающие двинулись на север, в города; на улицах Киева появилось множество изможденных крестьян, умирающих от голода, — по утрам трупы взрослых и детей свозили на кладбища и хоронили в братских могилах.

В это время голод охватил и ряд губерний в России. В Поволжье вымирали целые села, в некоторых местах доведенные до отчаяния люди доходили до людоедства. «Даже по официальным данным советской историографии голодом было охвачено 22 млн человек,

к маю 1922 года в неурожайных районах Поволжья, Урала, Казахстана, Украины от голода умерло более 1 млн человек»⁵⁶. Это небывалое по масштабам бедствие советские власти решили использовать в своих богоборческих целях. Под предлогом помощи голодающим они приступили к изъятию церковных ценностей по всей стране, таким образом попутно с ограблением Церкви расправляясь с наиболее активными церковниками. Несмотря на то что архипастыри и пастыри сами осуществляли добровольные пожертвования на голодающих, власти намеренно производили изъятие насильственно и, оскорбляя чувства верующих грубым поруганием святынь, спровоцировали возмущение. В некоторых местах произошли столкновения, пролилась кровь. Вину за это власти возложили на Патриарха Тихона и "контрреволюционное духовенство". Начались аресты и судебные процессы.

Одновременно с этим власти учинили церковный раскол, так называемое обновленчество, главными деятелями которого стали либерально настроенные петроградские клирики. 12 мая они выступили со своим заявлением, опубликованным в газетах, в котором осудили действия Патриарха, обвинили его вслед за властями в отказе от помощи голодающим и требовали от Патриарха отказа от патриаршества. Пользуясь его арестом, они захватили патриаршую канцелярию в Москве и объявили себя Высшим Церковным Управлением (ВЦУ).

Однако обновленчество сразу же получило серьезный отпор: митрополит Петроградский Вениамин не только не признал самочинное ВЦУ, но и запретил в служении его главных зачинщиков, петроградских

---

⁵⁶ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг.: в 2 кн. / М. — Новосибирск, 1997. Кн. 1. С. 7.

священников Введенского, Красницкого и Белкова. Конечно же, митрополит Вениамин был сразу арестован, и против него и еще целого ряда активных петроградских клириков и церковных деятелей власти возбудили судебное дело. На громком процессе основными свидетелями предательски выступили обновленческие лидеры, обрекая митрополита на гибель своими убийственными клеветническими показаниями. По приговору трибунала митрополит Вениамин и еще трое обвиняемых были расстреляны, более пятидесяти священнослужителей и мирян получили различные сроки тюремного заключения.

Репрессии возымели свое действие: почти все петроградское духовенство, оставшееся на свободе, подчинилось обновленческому ВЦУ. Правда, еще в конце августа группа духовенства во главе с бывшим настоятелем лавры епископом Николаем (Ярушевичем) выступила с инициативой образования Петроградской автокефалии и подала в органы власти заявление о регистрации ее как независимого религиозного объединения. Но власти в регистрации отказали и осенью 1922 года отправили в ссылку большую часть клириков, подписавших это заявление.

«В октябре 1922 я снова вернулся в Ленинград в Александро-Невскую Лавру, но, заставши ее занятой обновленцами, я по февраль 1924 был безработным, пользовался поддержкой своих прихожан по Ямбургу и Ленинградских благодетелей», — писал владыка Нектарий. Да, он вернулся в трудное время, в один из самых критических моментов, переживаемых Русской Церковью: Патриарх Тихон был в тюрьме, митрополит Вениамин расстрелян, многие — в тюрьмах и ссылках. Обновленцы торжествовали, практически все храмы в Петрограде были у них в руках. Правда, храмы эти оставались почти пусты, народ в них не

шел, чувствуя неправду. А помпезно проведенный весной 1923 года в Москве обновленческий "собор", провозглашенный ими "Вторым Поместным собором", не только не укрепил их положение, но своим раболепством перед богоборческими властями и позорнейшими обличениями "мировой и отечественной контрреволюции" и "лишенного" обновленцами сана и даже монашества "бывшего" Патриарха Тихона еще более оттолкнул от них церковный народ.

С выходом Патриарха Тихона из тюрьмы летом 1923 года обновленчество и вовсе пошло на спад. После приезда в Петроград рукоположенного Патриархом епископа Мануила (Лемешевского) начался массовый отход от обновленчества приходов и духовенства. В конце октября 1923 года к Патриарху вернулась и Александро-Невская лавра. В ноябре настоятелем лавры был назначен рукоположенный Патриархом епископ Григорий (Лебедев). В это же время освобожден из тюрьмы один из петроградских викариев, епископ Венедикт (Плотников), бывший ближайшим помощником митрополита Вениамина и приговоренный вместе с ним к смертной казни, замененной тюремным заключением. Епископ Венедикт на правах старшего по хиротонии викария первенствовал на службах и управлял епархиальными делами.

Иеромонах Нектарий вернулся в лавру⁵⁷ и, будучи известен своей стойкостью против обновленцев, получил ответственное поручение. Как он писал: *«В феврале 1924 года староправославными епископами <о-*

---

⁵⁷ Где он пребывал и служил до этого времени, не ясно. Есть свидетельство о том, что в начале 1923 года он отслужил заупокойную литургию по блаженному Матвею Татомиру в Скорбященской церкви лавры (см.: Записки протоиерея А. Лебедева о русской церковной жизни первой половины XX века. Рукопись. Л., 1926. С. 149. Цит. по: Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 149).

рода> Ленинграда я был назначен благочинным монастырей и подворий Ленинградской епархии». По свидетельству профессора Н. А. Мещерского, в это время отец Нектарий окормлял Александро-Невское братство, после арестов оставшееся без духовного руководства. Мещерский вспоминает о службах весной 1924 года и, в частности, об отпевании монахини Екатерины (Князевой): «Ее отпевали в Александро-Невской Лавре, в Федоровской церкви... Отпевал ее о. Нектарий (выпускник Киевской Духовной Академии, украинец в братии Александро-Невской Лавры, так как никого из братских отцов не было, и он окормлял братство»⁵⁸.

В то время в Петрограде кроме епископов Венедикта и Григория (епископа Мануила арестовали в феврале 1924 года) был еще один викарный епископ Серафим (Протопопов). Очевидно, в это время отец Нектарий был возведен в сан архимандрита, а затем, как он об этом упомянул в «Автобиографии»: «В мае 1924 г<ода> в Ленинграде по указу Патриарха Тихона посвящен в епископа в г<ород> Витебск для староправославных общин, но туда не был отпущен за отобранием Л<енинградским> ГПУ подписки о невыезде».

Наречение в архиерейский сан происходило 23 мая / 6 июня 1924 года в Троицком соборе лавры. Сохранилось сообщение об этом в записях протоиерея Александра Лебедева: «Преосв. Венедикт пригласил меня принять участие в наречении архимандрита Нектария... На кафедре поставлены два кресла и аналой перед кафедрой. Два иподиакона, два архимандрита (Николай и Антоний) с Евангелием, за ними преосв. Венедикт в малом облачении и преосв. Григорий в ман-

---

⁵⁸ Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. С. 150.

тии и архидиакон. Царские врата затворяются. Иеромонах Виссарион с крестом и диакон со святой водой из боковых дверей. Протоиереи Богоявленский и Чуков, архимандриты Алексей и Серафим, которые и выводили архим<андрита> Нектария. Вначале, до наречения, пришел в алтарь преосв. Кирилл Любанский и, наскоро надев архимандричью мантию, вышел для участия в наречении. Архим<андрит> Нектарий взял у преосвященных благословение, потом архим<андрит> Алексей, получив благословение у преосв. Венедикта, прочитал указ о назначении архим<андрита> Нектария епископом. Молебен по чину. После отпуска архим<андрит> Нектарий сказал прекрасное слово. Потом многолетие нареченному. После многолетия — ко кресту и св. воде. Народу было много»⁵⁹.

Рукоположение состоялось 3/16 июня там же, в Троицком соборе. Поскольку выезд из Петрограда епископу Нектарию был запрещен и он не мог выехать в Витебскую епархию, то он служил в храмах Петрограда, очевидно, главным образом в лавре. И довольно часто — в храме Воскресения Христова на Екатерининском канале (канале Грибоедова). Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архивных материалах извещения об архиерейских богослужениях, которые обязан был подавать в Церковный стол регистрации центрального райисполкома председатель приходской двадцатки. Вот, к примеру, извещение от 7 октября 1924 года: «Сим заявлением доводится до сведения Церковного стола регистрации, что в праздник Воскресения 12 октября накануне Всенощную и Воскресную Литургию будет служить в храме Вос-

---

⁵⁹ Записки протоиерея А. Лебедева. С. 19. Цит. по: Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 150–151.

кресения — Епископ Николай, а в праздник Покрова Пресвятой Богородицы — накануне Всенощную и в праздник Обедню — 13/14 октября — Епископ Нектарий»⁶⁰.

Храм Воскресения (построенный на месте убийства государя императора Александра II и потому получивший название храм Воскресения на крови) в это время стал кафедральным собором Петроградской епархии. В достоинство кафедрального он был возведен Патриархом Тихоном за непоколебимую исповедническую позицию в отношении обновленцев, которую заняло его духовенство во главе с настоятелем протоиереем Василием Верюжским. В дальнейшем именно этот храм станет центром исповеднического движения, по версии чекистов — *«самого крайнего реакционного направления среди духовенства тихоновской ориентации»*.

Епископ Нектарий был единомыслен с этим духовенством, и потому его общение и служение вполне объяснимо. Позднее протоиерей Василий, давая показания о чаепитиях у него на квартире, упомянет в числе присутствовавших и епископа Нектария. Владыка Нектарий не только разделял строгое отношение к обновленцам, которого придерживалось духовенство, ориентировавшееся на храм Воскресения, но и занимал самую крайнюю, непримиримую позицию. Так, протоиерей Николай Чуков, стремившийся провести переговоры с обновленцами и примириться с ними на компромиссных условиях, с неодобрением писал о противниках этого, уподобляя их древним ригористам, не прощавшим отпадших во время гонений: «Есть такие "кафары" и здесь — вроде епископа Нек-

---

⁶⁰ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 7384. Оп. 33. Д. 269. Л. 4.

тария и группы около иг^{<уменьи?>} Афанасии», — записал протоиерей Чуков в своем дневнике⁶¹.

Последние богослужения, проведенные епископом Нектарием в храме Воскресения, — праздничное богослужение на Рождество Христово, 7 января (по новому стилю), вместе с епископом Венедиктом, а также всенощное бдение вечером в субботу, 10 января, и Божественная литургия в воскресенье, 11 января 1925 года⁶².

«В декабре 1924 получил выезд и в первых числах января Патриархом Тихоном я был назначен епископом староправославных общин г^{<орода>} Яранска и уезда», — написал владыка Нектарий. А на одном из допросов уточнил: *«После получения разрешения свободного проживания я отправился к Патриарху, который в декабре 1924 года меня назначил епископом в Яранск».* В середине января 1925 года владыка Нектарий выехал к месту своего служения.

---

⁶¹ Прот. Николай Чуков. Один год моей жизни. Страницы из дневника / Публ. В. В. Антонова // Минувшее: исторический альманах. Т. 15. М. — СПб., 1994. С. 566.

⁶² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 269. Л. 18.

В Яранске

Яранск — небольшой уездный городок на самом юге Вятской губернии, в 200 верстах от Вятки на берегу реки Ярань⁶³. В начале XX века население его составляло около 5 тысяч человек, в городе было 6 церквей, из них три каменные: Михайло-Архангельская, или Благовещенская, бывшего Вознесенского монастыря (одна из старейших в Вятской губернии), Успенский собор 1790 года и Троицкий собор, построенный в середине XIX века по проекту знаменитого архитектора К. А. Тона.

В 1920 году в Яранске учреждается епископская кафедра — викариатство Вятской епархии. В декабре 1921 года на нее был назначен преосвященный Сергей (Корнеев)⁶⁴. Летом 1922 года после ареста правящего

---

⁶³ Основан в конце XVI века в числе других городов-крепостей по периметру марийских земель при завершении Черемисских войн, которые Московское царство вело после покорения Казани Иоанном Грозным. В дальнейшем стал типичным купеческим городом российской провинции.

⁶⁴ Сергей (в миру Корнеев Сергей Евгеньевич) (1885–1937). 25 декабря 1921 — рукоположен в епископа Яранского; занимал различные обновленческие кафедры. В сентябре 1937 — приговорен к расстрелу в Уфе.

архиепископа Вятского Павла (Борисовского) и его викария епископа Глазовского Виктора (Островидова) епископ Сергей принял на себя временное управление всей Вятской епархией и присоединился к обновленческому ВЦУ. За ним последовало почти все духовенство епархии. Только в самой Вятке оставались ревнители Православия в Воскресенском соборе и монашествующие закрытых обителей.

В 1923 году после выхода из тюрьмы Патриарха Тихона и назначения временным управляющим Вятской епархии епископа Авраамия (Дернова) обновленчество начало терять свое влияние: к владыке Авраамиию перешла большая часть приходов в Уржуме, более половины в Вятке, все приходы Котельнича и множество приходов по всем уездам. В целом обновленчество в Вятской епархии было ослаблено. Однако в Яранском уезде оно еще прочно держалось более года: сказывался авторитет епископа Сергея, судя по отзывам, благообразного и обходительного человека. Но вскоре православным в Яранске удалость преодолеть соблазн обновленчества, и все приходы в городе, а также многие в уезде возвратились к Патриарху.

Основная заслуга в этом принадлежала членам церковно-приходского совета яранского Успенского собора. Как писал в рапорте Патриарху Тихону протоиерей Сергей Знаменский, в ноябре 1924 года назначенный настоятелем Успенского собора: «Главными деятелями в такой перемене и восстановлении Православия были церковный староста собора Иван Васильевич Охотников и следующие граждане: Николай Павлович Стародумов и братья Михаил и Иаков Алексеичи Чернышевы»⁶⁵.

---

⁶⁵ «О первом я уже делал доклад его Преосвященству, и последний представил его к благословию Вашего Святейшества. Но

Кроме них известны имена еще нескольких членов приходского совета, яранских купцов и крестьян⁶⁶. Чекисты назвали их «*кулаческо-монархическим элементом*», принадлежащим к «*тихоновской ориентации*», и отметили, что они «*грубо физической силой религиозной толпы этой же ориентации разогнали в Яранске так называемые обновленческие церковные советы, захватив все церкви под свое руководство, и послали к быв<шему> Патриарху Тихону в Москву делегата Чернышева за епископом*»⁶⁷.

Староста кафедрального собора Иван Васильевич Охотников позднее во время следствия в своих показаниях упоминал, как после неожиданного для всех перехода в обновленчество епископа Сергия (Корнеева)

было бы несправедливо оставить без внимания деятельность и последних трех, вместе с Охотниковым перенесших за свое святое дело тюремное заключение, а посему, вспомнив о них, когда я ехал к Вашему Святейшеству, решил их также представить к благословию Вашего Святейшества с выдачею грамот, будучи вполне убежден, что его Преосвященство вполне будет согласен с таковым моим представлением», — писал протоиерей Сергей. 4 марта Святейший Патриарх Тихон написал на рапорте свою резолюцию: «Указанным здесь лицам изъявляю признательность и призываю на них Божие благословение» (Священномученик Сергей Знаменский. Кашира: Светоч, 2004. С. 22).

⁶⁶ Помощники старосты — яранские торговцы Сергей Васильевич Уртминцев и Дмитрий Павлович Блинов, крестьяне Андрей Федорович Кузнецов из дер. Большое Поле Песчанской волости, Александр Михайлович Кузнецов из дер. Семеновская той же волости, Михаил Семенович Лебедев из дер. Иваново Песчанской волости, яранские торговцы и ремесленники Петр Петрович Халтурин, Дмитрий Ефремович Соломин, Павел Иаковлевич Шамшуров и Василий Федорович Лутошкин.

⁶⁷ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 197.

было проведено общее собрание верующих, на котором приняли решение перейти к Патриарху Тихону. *«В 1924 году от имени президиума приходского совета по настоянию духовенства Яранской епархии было писано к Тихону прошение о назначении на Яранскую викарию епископа. Не помню, в какое время церковный совет (президиум) написал к Тихону заявление. Вызвали к себе гр<аждани>на Чернышева Михаила Алексеевича, дали ему заявление и поручили свезти таковое к Тихону. В заявлении была написана просьба о назначении в Яранск епископа.*

Когда возвратился Чернышев в Яранск, он объяснил совету, что был у Патриарха, который ему сказал, что епископ будет послан...

Чернышева выбрали мы лишь потому, что он ездил часто в Москву по своим торговым делам, и ему было ехать заодно — не тратить излишних денег»⁶⁸.

Михаил Алексеевич Чернышев отправился к Патриарху 6 ноября 1924 года. Вероятно, инициатива его делегирования и написания ходатайства принадлежала протоиерею Сергию Знаменскому, как раз в это время прибывшему в Яранск. Спустя три месяца протоиерей Сергей сообщал Патриарху: «Два года Яранская епископия была обновленческой под управлением Сергия Корнеева. Но верующая душа, которая по природе — христианка, чутьем своим опознала ложный путь, указываемый ей, не подчинилась водительству изменника Православия, изгнала его и вступила в каноническое общение с Вашим Святейшеством. Ныне под духовным водительством Преосвященнейшего епископа Нектария она вся православная».

А в новом рапорте от 18 марта 1925 года написал: «Враг рода человеческого, нередко являющийся с целью

---

⁶⁸ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 104-104 об.

обольстить, аще возможно, и избранных во образе Ангела света, во образе епископа Сергия Корнеева, при его благообразной наружности и внешней доброте сердца, подкупающей ласковости и обходительности, два года обманывал верующих паствы Яранской, пася словесных овец Христовых среди болот и раскола, ереси и отступления от Православия и говоря, что ведет на чистый и ароматный луг вертограда Господня. Но пасомые увидели обман своего пастуха и изгнали его вместе с его помощником, настоятелем кафедрального собора отцом Турутиным. Оставшись одни среди этого болота, верующие молили Пастыреначальника Господа послать им "пастыря добра", который бы душу свою готов был положить за вверенные ему Богом люди, а не наемника, подобного изгнанному Корнееву, который ради временных своих благ, ради собственного спокойствия, из-за тщеславия (архиепископства ради) и шкурничества вел к гибели всю паству свою.

Бог вложил Вашему Святейшеству назначить нам епископа Нектария. Теперь мы видим, что такого первосвященника нам и подобает иметь. Он сразу исторг плевелы Сергия Корнеева. Кораблю Яранской церкви сразу дал верный курс и руль его держит крепкими руками. Правда, он горяч, но эта горячность есть ревность по Бозе, по вере, по святому делу душеспасения, что так ценно в очах Божиих, Которому ненавистна теплохладность»⁶⁹.

Примечательно, что почти теми же словами характеризовал ревностность молодого архиерея петроградский священник, протоиерей Никифор Стрельни-

---

⁶⁹ Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви / Сост. Игумен Дамаскин (Орловский). Тверь: Булат, 2002. Кн. 6. С. 352–353.

ков (в дальнейшем ключарь кафедрального собора Воскресения на крови). Вот как он начал свое письмо к владыке Нектарию 13 февраля 1925 года: «Приветствую Вас с водворением на пост Вашего святительского служения. Дай Господи Вам мудрости, мужества и любви Христовой в управлении душ словесных овец Вашей паствы и твердости в многотрудном ведении их в вечное Небесное Отечество наше. Не сомневаюсь, что вы ревностью о Господе, присущей Вам, воспламените сердца верующих огнем благодатного спасительного горения... и тако чрез Ваше архиерейство воссияет спасительная вера наша в далеком скромном уголке нашей Отчизны... Да поможет Вам Господь!»⁷⁰

В Яранск епископ Нектарий приехал 16 января 1925 года и, конечно, сразу же вступил в борьбу с обновленчеством, в чем нашел поддержку среди духовенства и мирян Яранского уезда. Так, весьма знаменательна торжественная речь, которой встретил владыку в своем храме в селе Кувшинском⁷¹ благочинный 1-го округа священник Николай Минеев⁷²:

«Преосвященнейший Владыко!

Чувство радости и благодарности наполняет сердца наши, видя Тебя, нашего милостиваго Отца и Архи-

---

⁷⁰ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 40. Далее до конца главы все цитаты, кроме оговоренных особо, из данного дела.

⁷¹ Сегодня село входит в состав Санчурского района Кировской области.

⁷² Минеев Николай Владимирович — родился в 1887 году в селе Корляки Яранского уезда Вятской губ. Священник в селе Кувшинское Яранского уезда. 17 декабря 1926 — приговорен к высылке в Зырянский край на 3 года.

пастыря в сем св<ятом> храме. Что скажем, встречая Тебя? Чем похвалимся мы, дети тьмы духовной?

Когда оглянешься назад и вспомнишь прежнее религиозное время, то приходится с чувством сожаления сознаться о великой перемене, происшедшей в настоящее время в религиозном сознании. Тлетворное влияние неверия коснулось и глухих мест. Вера, особенно среди молодого населения, поколебалась, нравы изменились к худшему. Неверие разлилось повсюду и проникло в отдаленные уголки, села и деревни.

Но, благодарение Богу, остались и твердо-непоколебимые в своей православной вере. Когда в 1923 г<оду> Церкви Православной коснулось веяние времени, выразившееся в самовольном со стороны белого духовенства захвате высшей церковной власти и созыве незаконного Собора, проводшего, чуждые духу православного, реформы церковные и низложившего борца за Церковь Прав<ославную> Свят<ейшего> Патриарха Тихона; одним словом, когда белое духовенство, предавшись греху своеволия и гордости, окончило изменой Православию, уйдя в обновленческий раскол; тогда проявилась и ревность к православной вере, в особенности со стороны низших членов Церкви — мирян.

И прихожане сего св<ятого> храма также проявили свою ревность к вере Православной, отказавшись быть в обновленческом расколе, невзирая на обновленчество своего духовенства во главе с архипастырем.

Тебя, Пр<еосвященнейший> Владыко, мы в особенности приветствуем, как ставленника борца за Православие Св<ятейшего> Патриарха Тихона.

На Тебя мызираем с надеждою. В Тебе видим опору нашего Православия и твердого защитника от нападков обновленчества в нынешнее тревожное время, богатое всякими превратностями.

Оживи наше равнодушие словом Твоего Святительского наставления, поддержи малодушные, подкрепи нас силой Твоего благословения. Пусть Твое Святительское слово укажет нам, среди надвигающегося неверия, путь истины и правды Божией.

Помолись за нас пред престолом Всевышнего в св<ятом> храме, да сделает Он нас достойными носителями высокого звания православных христиан, да поможет нам в чистоте хранить св<ятую> веру Православную, за которую предки наши проливали кровь свою.

Велика наша радость видеть Тебя, Пр<еосвященнейший> Владыка, в своем приходском храме; сердечна наша благодарность за Твое посещение нас недостойных.

Да будет благословен Богом вход Твой к нам!

Итак, Владыко святой, вниди в наш храм, сотвори молитву Г<оспо>ду о нас и благослови нас. Да Твоими святительскими молитвами хранит Г<оспо>дь наши селения и нас. Пусть Твое Святительское благословение ограждает нас от зла и напастей и направляет к исполнению заповедей Божиих.

Произнес при встрече Преосвящ<еннейшего> Нектария Еп<ископа> Яранского,

11 февр<аля> с<тарого> с<тиля> 1925 г<ода> в с<еле> Кувшинском.

Благочинный свящ<енник> Н<иколай> Минеев⁷³.

---

⁷³ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ-3673. Л. 39-39 об. Текст этой речи был приобщен к следственному делу, по которому менее чем через год отец Николай был арестован (среди прочего ему прежде всего вменялась в вину приверженность епископу Нектария и его антисоветской деятельности).

Однако далеко не все так радостно встречали епископа Нектария. Обновленцы и им сочувствующие негодовали. После второй литургии, отслуженной владыкой уже после праздника Богоявления 8/21 или 9/22 января, к нему приходил делегированный местными сторонниками обновленчества бывший член Государственной Думы с предложением *«никогда не касаться в своих проповедях обновленчества»*. Об этом владыка, как он показал позднее на допросе, сказал верующим на очередной беседе в четверг после акафиста и объявил, *«что я скорее готов уехать вовсе из Яранска, нежели молчать об обновленцах, так как они тоже не щадят нас в своих проповедях»*.

На епископа Нектария посыпались жалобы и доносы. Так, особенно усердствовал священник Троицкого собора в Яранске Хмельков, с которым владыка отказался сначала служить и принял в общение только через прочтение молитвы, так как Хмельков был рукоположен обновленческим епископом после нечестивого обновленческого собора 1923 года и вернулся к поминовению Патриарха без покаяния. Озлобившись на владыку Нектария за обличение обновленцев, Хмельков стал настраивать против него все городское духовенство, писал Патриарху кляузы через прихожан с тем, чтобы выжить владыку из Яранска, затем отправил к Патриарху старосту Троицкого прихода с жалобой на якобы жестокое обращение епископа Нектария с духовенством, наконец, вовсе отказался служить с владыкой и попытался через приходской совет перевести весь приход к епископу Котельничскому без созыва общеприходского собрания. Епископ Нектарий вынужден был принять строгие меры против раздорника и 9/22 марта 1925 года издал специальное распоряжение приходскому совету и причту Троицкого храма, о котором 14/27 марта известил весь Троиц-

кий приход, и подробно разъяснил причины и суть дела⁷⁴.

Спустя десять дней владыка Нектарий обратился с общим посланием ко всему духовенству и пастве своей епископии. Он призывал хранить святую православную веру и предостерегал от уклонения в обновленческие и другие соблазны. Отмечая добрые стороны церковной жизни Яранской епископии — усердное посещение богослужений богомольцами, приверженность церковным обрядам, многолюдные хождения с чудотворными иконами, — он вместе с тем обращал внимание своей паствы и на отрицательные явления, требующие исправления. Владыка указывал на недопустимость совершения Таинства Евхаристии на суррогатах (т. е. на различных соках, а не на виноградном вине и не на пшеничном хлебе, что в силу нужды было распространено повсеместно); предупреждал о венчании разведенных браков; выказывал свое возмущение распространением клеуз и доносов со стороны прихожан на духовенство, призывая покрывать любовью всякие недоразумения, а от духовенства в свою очередь требуя быть добрыми пастырями, являя пример настоящей христианской жизни.

В отношении обновлечества епископ Нектарий был по-прежнему неумолим и категоричен и написал следующее:

«На основании 1-го правила Св<ятого> Василия Вел<икого> обновленцы называются раскольниками, как разделившиеся с Православною Церковью в мнениях и некоторых предметах церковных. По этому же правилу священнослужители, отторженные, сделавшись мирянами, не могут преподавать другим благо-

---

⁷⁴ См. документ «Разъяснение епископа Нектария от 22 и 27 марта 1925 года» в Приложении I.

дать Св<ятого> Духа. Следовательно, и все таинства, совершаемые отщепенцами от Св<ятого> Православия, безблагодатны. По слову Св<ятого> Иоанна Златоуста — разделение церкви есть такой грех, какого не может загладить и кровь мученическая»⁷⁵.

Позднее в материалах следственного дела будет особо отмечено, что епископ Нектарий *«обновленческих епископов провозглашал ставленниками Советской власти — еретиками и прохвостами, так как они работают в контакте с Советской властью»*. Власти расценили всю деятельность епископа Яранского как крайне антисоветскую и контрреволюционную: в "Обвинительном заключении" по его делу было подчеркнуто: *«Вплоть до дня ареста Трезвинский все выступления публичные с проповедями религиозными облекал в форму критики Советской власти, РКП и всего существующего рабоче-крестьянского строя»*.

«Как только прибыл Нектарий в г<ород> Яранск, ввел формулу поминовения бывшего патриарха Тихона такого содержания: "Великого господина и отца нашего святейшего патриарха Московского и всея России Тихона", чем и дискредитировал судебные органы Сов<етской> власти», — отмечал уполномоченный ОГПУ по Яранскому уезду.

Власти пристально следили за прибывшим и с первого же дня собирали агентурные материалы. Недолго они терпели пламенного архипастыря, и не прошло и четырех месяцев, как он был арестован. В "Автобиографии" владыка Нектарий написал:

---

⁷⁵ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ-3673. Л. 71. Полностью текст послания епископа Нектария от 28 марта / 10 апреля 1925 года помещен в Приложении I. Материал предоставлен вятским историком А. Г. Поляковым.

«В Яранске жил и служил по 4 мая, когда хотел было съездить в Ленинград и Москву на месяц отдохнуть после нелегкого служения в отдаленной Вятской окраине, но на пути в Котельниче перед посадкой в поезд был арестован».

Арест был произведен 5 мая 1925 года. Правда, "Постановление об аресте" датировано 8 мая; вероятно, задержали владыку без ордера и постановления на железнодорожной станции города Котельнича перед самой посадкой в поезд. *«После обыска или осмотра вещей в дежурке на станции был отправлен в помещение управления ОГПУ г<орода> Котельнича, отсюда в домзак, утром этапным порядком чрез г<ород> Советск препровожден в домзак г<орода> Яранска»*, — указал владыка позднее в анкете арестованного в графе *«Где арестован»*.

Очевидно, арестовать епископа Нектария поспешили в связи с его отъездом. В постановлении от 8 мая 1925 года было указано: *«Уполномоченный Вят<ского> Губернского Отдела ОГПУ по Яранскому уезду Мордвинцев, рассмотрев следственный материал по обвинению Яранского епископа Нектария "в незаконных произнесениях проповедей во время исправления им религиозных обрядов в разных церквях уезда с уклоном вмешательства Сов<етской> власти в церковные дела, с целью дискредитирования последней в глазах религиозного населения, чем умышленно обострял взаимоотношения со стороны населения по отношению Власти Советов"». Привлечь к ответственности по ст<атье> 119 УК РСФСР. Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда — избрать безусловное содержание при Яранском Доме Заключения по I-й категории».*

На допросе в тот же день, вероятно, прозвучали вопросы о проповедях, так как в протокол занесены

следующие показания владыки: *«По прибытии в гор<од> Яранск во второй из произнесенных проповедей я делился своими впечатлениями, которые на меня произвели яранцы, между прочим упомянул, что я в Петрограде привык видеть перед собой людей образованных, чисто одетых, здесь же я вижу совсем другое, например, простые тулупы, зипуны и лапти, и не образованных, и объяснял, что при подобного рода публике затрудняюсь говорить, не знаю, буду ли я понят, так как с простыми людьми мне трудно объясняться, чем с образованными людьми».*

Эти показания были подчеркнуты следователем, и искренние слова о смущении перед простым народом, конечно, переиначенные на иной лад и совершенно в другом смысле, в дальнейшем повторялись по ходу дела и, несмотря на разъяснения владыки⁷⁶, были использованы против него. Так и в "Обвинительном заключении" значилось: *«Трезвинский при первом же служении в соборе, видя среди молящихся большинство из беднейшего населения, заявил: "Здесь я вижу грязных необразованных бестолковых мирян, тогда как я привык видеть только образованных и богатых", чем и проявил неуважение к беднейшему трудовому населению».*

На первом допросе владыка также, вероятно в ответ на вопрос, признал, что *«в некоторых проповедях лично говорил, что по подозрению нас в контрреволюции многие архиереи, духовенство и миряне сидели и находятся в тюрьмах и ссылках и также лишаются мест по лживым доносам обновленцев».*

---

⁷⁶ Например, на допросе 11 июня 1925 года епископ Нектарий, признавая, что он действительно в проповедях говорил, что видел простой народ и не знает, поймет ли он его, пояснил: *«Этим самым я хотел сказать, что отвык и не могу говорить совершенно понятным языком для простого народа».*

Владыка дал объяснения по поводу своих поездок в город Советск⁷⁷, признав, что побывал там дважды: первый раз ездил на погребение умершего священника; второй раз отслужил три всенощные и четыре литургии в соборе, заметив, что *«высказался за оставление старого стиля»*. По приглашению приходского совета села Кувшинского в Санчурской волости служил молебен в Санчурске, после которого коротко сказал проповедь на тему, что такое обновленчество. *«В проповеди, мною сказанной, о Советской власти я ничего не говорил»*. Несмотря на это, в новом постановлении уполномоченного 13 мая 1925 года подчеркнуто, что епископ Нектарий в церквях Советска и Яранска *«объяснял религиозному населению, что Советская власть вмешивается в дела церковные и делает гонения на православное духовенство»*.

Из губернского отдела ОГПУ последовало телеграфное распоряжение препроводить незаконченное следственное дело (собственно говоря, только начатое) вместе с арестованным без предъявления обвинения в распоряжение Вятского отдела ОГПУ. 21 мая владыка Нектарий был доставлен в Вятку и заключен в тюрьму. В "Анкете арестованного" он написал: *«Прошу допросить меня и предъявить мне обвинение, ибо я точно не знаю состава преступления, за какое я арестован»*.

На допросе 24 мая он подробно рассказал о себе. Однако этого следователю было мало, и на следующий день, 25 мая, владыка собственноручно изложил свою "Автобиографию" на нескольких листах. По-видимому, в тот же день было предъявлено обвинение по статье 119 УК РСФСР: *«дискредитирование Совет-*

---

⁷⁷ До революции слобода Кукарка, около 80 верст на северо-восток от Яранска.

ской власти в глазах религиозного населения», — так как этим же днем датировано первое заявление владыки на имя начальника Секретно-оперативного отдела Вятского ГПУ, приобщенное к материалам следственного дела. Несмотря на специфические "жанр" и "стиль" подобного документа, он довольно ярко отражает характер владыки:

«Выслушав предъявленное мне обвинение по 119-й ст<атье>, прошу внимания следующим строкам, не потому, что я прошу помилования или боюсь наказания, — нет. Если я, по-Вашему, виновен — накажите меня хоть сейчас.

Однако я никак не могу примириться с предъявленным мне обвинением в агитации против Советской власти. Если, допустим, я не убивал человека, как я соглашусь, что я убил, или если я не воровал, как я скажу, что я украл. Точно так же если я в положении Яранского епископа совершенно не занимался политикой, а знал только одно свое церковное дело, богослужение, проповедничество, назначение духовенства по местам, да брачные дела, как я могу согласиться с тем, что я подготовлял восстание против Советской власти.

Определенно заявляю: ни в проповедях, ни в частных разговорах я вообще не касался, да и не имею обыкновения затрагивать политику и существующую государственную Власть. Я не так наивен, чтобы в глухом провинциальном, переполненном сплетнями городке, зная, что за мною следят (ведь я из Ленинграда), где все на виду как на ладони, где нет никакой тайны, где всякое неосторожно выраженное слово может быть до неузнаваемости искажено, вести агитацию против Советской власти, даже подготовлять восстание? И группировать "монархические элементы"? Я все-таки не настолько глуп, чтобы так откры-

то лезть в петлю или бросаться с пятого этажа вниз головой. Как епископ я всегда имел и имею в виду 81-е Ап<остольское> правило, возбраняющее духовенству заниматься политикой.

Что касается т<ак> наз<ываемых> "монархических элементов", то таковые, как люди верующие, сами группируются вокруг храмов, и не в одном Яранске и не при мне лично, а всюду и везде в России. Я лично знал и ведал одни лишь православно верующие элементы, а до политической организации этих элементов мне не было и нет никакого дела. Если приходилось мне посещать дома верующих прихожан, быв<ших> буржуев, то я ходил по приглашению, и для меня равны как бедняки-пролетарии, так и б<ывшие> буржуи, раз они люди верующие, только сам я лично выбора никакого не делал и без приглашений никуда в частные дома не ходил.

Имя Патриарха Тихона задолго до моего приезда поминалось в Яранске с разрешения местных властей, а потому я лично здесь ровно ни при чем. Если я ездил по епископии, совершая богослужения, проповедовал, то это все опять-таки я делал не без ведома и разрешения местных властей.

Конечно, я знаю, что сводкам правительственных агентов больше доверия, чем моим показаниям, да и Яранскому Уполномоченному Мордвинцеву нужно оправдать себя на моей шкуре в глазах Вятки, дабы не показаться бездеятельным, но все-таки возводимое на меня обвинение в агитации и в подготовке восстания против Советской власти для меня крайне обидно и незаслуженно».

Не получив никакого ответа, 29 мая владыка Нектарий написал еще одно заявление:

«Привыкши к труду, я чувствую себя, находясь в заключении, неправомочным даром кушать хлеб.

"Кто не работает, тот не должен есть", — говорит ап<остол> Павел. Посему убедительно прошу начальство, если, конечно, не имеется в виду быть применена ко мне высшая мера наказания, прошу сослать меня в трудовой изолятор на Соловки.

От дачи показаний на допросах, если таковые будут применены ко мне, я не отказываюсь, но считаю свои показания совершенно бесполезными ввиду преимущественного доверия сведениям о мне с места — тамошних советских организаций.

Дальнейшим пребыванием или оставлением меня в г<ороде> Яранске я лично не заинтересован, ибо поехал туда не самовольно, а был послан за послушание Патриархом Тихоном как монах-епископ, да и само-то пребывание мое в глухой провинции, вдали от культурных центров тоже не из приятных.

Из предъявленного мне обвинения видно, что я признан социально вредным элементом в Яранском крае и мое дальнейшее там пребывание больше нежелательно представителям местных властей. Возражать не стану. Насильно мил не будешь. Хотя, как православный епископ, нисколько не кривя душой (нет расчета, ибо наказания не боюсь) и совестью... смело утверждаю, что с самого моего приезда в Яранск я всецело стремился поддерживать самые лояльные и покорные отношения с местными властями. В своих проповедях, а также общественных и частных разговорах я всегда избегал всякого уклона в сторону политики. Ведь теперь не 18-й и не 19-й годы, когда возможны были ошибки и недоразумения, тем более что я кой-чему научился в 1921 г<оду>, сидя в "Крестах".

Подвергать же в Яранском крае Православную Церковь Христову преследованиям со стороны властей — своими разными контрреволюционными затеями и безумными агитационными выступлениями

против Советской власти — все это не только никогда не входило в программу моей епископской деятельности, но я даже приходил в ужас и большое недоумение от приписывания мне столь нетактичных и авантюрных деяний, коими, как православный епископ по своим же церковным канонам, никогда не стал бы заниматься (и не занимался).

В заключение снова подчеркиваю свою усердную просьбу о возможно скорейшей ссылке меня в Соловки, дабы, трудясь, я не испытывал угрызений совести при вкушении хлеба.

Надеюсь, что Представители Вят<ского> ГПУ — Власти Трудящихся исполнят мою покорнейшую к ним и последнюю просьбу».

На допросе 2 июня епископ Нектарий практически дословно повторил изложенное им в заявлениях по поводу своей аполитичности, а также ответил на обвинения по поводу поминовения Патриарха Тихона и критики обновленчества: *«Если мне поставляется в вину поминовение Патриарха Тихона за богослужением, то его имя возносилось во всем Яранском крае за богослужением в храмах необновленческих общин задолго до моего приезда в Яранск. Причем на это было испрошено соответствующее разрешение, так мне заявил соборный причт в Яранске, а потому приписываемое всецело мне обвинение по поводу поминовения Патриарха Тихона... отпадает.*

При поездках по епископии испрашивал разрешения у власти, в проповедях ничего не говорил против власти, "так как знал, к чему все это повлечет". Критиковал обновленчество, так как Законы СССР не запрещают представителям одной религиозной организации касаться учения другой».

Все эти объяснения, конечно, не имели никакого значения для следствия, и на свои заявления владыка

получил самый неутешительный ответ. В связи с чем 5 июня он написал заявление уже на имя начальника Вятского ОГПУ:

«Еще раз повторяю свою покорнейшую просьбу о скорейшем отправлении меня в Соловки. Из сегодняшнего ответа мне Нач<альника> С<екретного> О<тдела> я понял, что мое дело пропащее. Мордвинцев съел Яранского епископа.

Инкриминируемые мне преступления я не совершал: за это готов хоть сейчас к стенке под расстрел.

Чтобы, "прикрываясь религиозными проповедями, готовить восстание против Советской власти" — ничего подобного и в голову не могло прийти среди обстановки, окружавшей меня в Яранске. Я не авантюрист.

Приходской Совет Собора г<орода> Яранска, за состав которого меня сейчас тянет ГПУ, был сгруппирован и президиумом местного исполкома утвержден еще не один год тому назад. Как же можно группировку этого коллектива верующих, называющегося теперь политически неблагонадежным, приписывать мне, новому человеку в Яранске, едва прожившему там три месяца, тем более что некорректного отношения или каких-либо выпадов против Власти за мое пребывание в Яранске со стороны упомянутого Приход<ского> Совета не наблюдалось.

Группировка Приходских Советов Яранского уезда из нежелательных для местных представителей Советской власти элементов населения состоялась задолго до моего приезда в Яранск, равно как и останется без меня по отправлении меня в ссылку или концлагерь.

При чем же я здесь? Какая моя вина? И что я мог сделать по реорганизации означенных Приход<ских> Советов. Ведь не епископ утверждает состав коллек-

тива верующих. Это дело местной власти. Священник Милославский переведен мною к Яранскому Собору по просьбе его жены, опасавшейся за плохое и подточенное туберкулезом здоровье мужа, ввиду той тяжелой обстановки, среди которой приходилось Милославскому работать в г<орode> Советске.

Моя работа в Яранской епископии была исключительно церковная без всяких уклонов в политику, а поэтому в настоящем своем положении я усматриваю не что иное, как акт произвола и насилия надо мною, как православным епископом, нетерпимого на территории Советской республики, и приписывания мне того преступления, которого я не мог совершить, зная строго карающие законы СССР.

Если же Вят<ское> ГПУ по-прежнему будет меня муржить, не отправляя в ссылку или дом зак<лючения>, то я вынужден буду в виде протеста прибегнуть к голодовке.

В заключение еще раз подтверждаю: Советскую власть и ее законы я признавал и признаю, против Власти никогда после "Крестов" не говорил и говорить не буду, а буду знать только свое дело: молитву и Слово Божие, не касаясь политики».

10 июня, по-видимому, был еще один допрос, хотя его протокола в деле не имеется, но 11 июня новое и последнее свое заявление на имя начальника Секретно-оперативного отдела Вятского ОГПУ владыка Нектарий начинает так: «В связи со вчерашним разговором о Знаменском...»

Протоиерей Сергей Знаменский, настоятель Успенского собора, к тому времени покинул Яранск. В начале мая, когда арестовали епископа Нектария, его в городе не было. По его словам, он ходил со службами по деревням уезда и вернулся недели через полторы после ареста владыки. Верующие просили

протоиерея ходатайствовать об освобождении епископа, что он и собирался сделать и, вероятно, надеясь на успешность этого ходатайства, написал владыке в тюрьму записку.

23 мая 1925 года на квартире протоиерея Сергия был произведен обыск, причем Мордвинцев подписал ордер не только на обыск, но и на арест протоиерея. Однако арестован тот не был; судя по протоколу обыска, его опять не было дома, и обыск был произведен в присутствии понятых и его супруги; в результате обыска было «обнаружено и изъято: телеграмм 5, писем от разных лиц 27, конвертов с адресами 7, открытка Тихона с группой священников, речь Знаменского, копия телеграммы об аресте Нектария»⁷⁸. Очевидно, среди изъятых писем была и записка владыки Нектария из тюрьмы, машинописную копию которой следователь специально приложил к делу протоиерея Сергия:

«Дорогой отец протоиерей Сергей Иванович, — писал владыка Нектарий, — записку вашу получил, благодарю за молитвы, уж больно вы скоро говорите об освобождении, когда я еще только переступил порог дома зака. Мои мытарства только еще начались, уверен, что буду мурыжиться не один год. Буди на все Воля Божия. Чувствую себя я спокойно и даже временно радостно. Живется мне, как на даче. Не нужно было нам в Великий пост говорить по 30 проповедей в неделю, не такое теперь время. Вашей супруге большое спасибо за обеды. На днях я, кажется, вовсе откажусь от передач и займусь постничеством. Хорошо бы мне сюда передать следовательную псалтырь⁷⁹ — <нераз-

⁷⁸ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3704. Л. 10.

⁷⁹ Речь идет о "следованной псалтири", при перепечатке же в ОГПУ для следственного дела понятно, что и псалтырь становилась "следовательной".

бор.> а также и епитрахиль, ибо без отправления богослужения жить тягостно. Жду, что скоро направят в Вятку, а там в Москву и далее в Нарым. Из моих денег, что у просворни в саквояже, 10 рублей пошлите в Питер по адресу: Ленинград, набережная Монастырки, дом № 1, флигель, корпус, кв<артира> 34, архимандриту Моисею Костыреву⁸⁰. Конечно, пишите от себя по моим поручениям, напишите, чтобы три рубля послал Петровне, а остальные взял бы себе, сходил на Староафонское подворье и перед чудотворным образом Богоматери поставил свечку за 50 копеек и сотворил за мою грешную душу 12 поясных поклонов. Храни Вас Христос. Привет всем. Недостойный епископ Нектарий. Я политически следственный»⁸¹.

28 мая протоиерей Сергей все же был допрошен в Яранске, однако опять-таки не арестован. Согласно протоколу допроса, он подтвердил, что епископ Нектарий говорил о своей преданности Православию, но на вопрос о содержании его проповедей ответил, что точно сказать не может, «так как проповеди говорились всегда в конце обедни, когда я был занят в алтаре». В отношении же своих проповедей отец Сергей не скрывал, что они были направлены против обновленцев и в одной из них, «касаясь обновленцев и того пути, по которому они ведут, имел выражение: "лучше идти по-старому с Богом, чем по-новому без Бога"». При этом отец Сергей подчеркнул, что он никогда не касался советской власти. Это, однако, не имело значения, и жирно отчеркнутая следователем фраза в иной редакции переключалась в "Обвинительное заключение". А в нужной "редакции" эта фраза отразилась

⁸⁰ Это адрес Александро-Невской лавры, но об упомянутом архимандрите Моисее ничего выяснить не удалось.

⁸¹ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3704. Л. 12.

в протоколе допроса свидетеля, которым явился еще один священник Успенского собора в Яранске.

Будучи предупрежден «за дачу ложных показаний» (как указано в начале протокола его допроса), он старательно изложил все, что нужно было следовательно в отношении подследственного епископа Нектария и его помощника священника Сергия Знаменского⁸². По ходу дела перечислил всех самых активных членов церковного совета Успенского собора, упомянув, что «они проявляют среди верующих недовольство Советской властью за то, что якобы "Советская власть притесняет так называемых Тихоновцев"». Подробно рассказал обо всех слухах в отношении священника Знаменского, не преминув пересказать самые скабрёзные. И в отношении епископа Нектария не удержался хотя и вскользь, но упомянуть о каких-то темных слухах.

А о его архиерейском служении высказался уже прямо: «Нектарий как епископ — любитель длинных церковных служб, строго соблюдает весь церковный устав. Заставляет молиться мирян, упрекая последних, когда сидят или разговаривают⁸³. Нетерпимо

---

⁸² Не забыл отметить и послужной список протоиерея Сергия Знаменского, который лично читал, и в нем значилось, что протоиерей Сергей «в империалистическую войну был продолжительное время добровольцем, полковым священником на передовых позициях в боях, за что был представлен корпусным офицерством к награде двумя Аннами и бриллиантовым крестом, который был надет на Знаменского собственноручно бывшим императором Николаем».

⁸³ Примечателен эпизод, который произвел «неизгладимое впечатление» на свидетеля, так что он его подробно изложил в показаниях: «Между прочим, служа в Успенском соборе на третий день моего пребывания <в Яранске> замечено было со стороны последнего (епископа Нектария) грубое отношение

относящийся к обновленцам, даже враждебно. За каждым своим богослужением проповедует на религиозно-нравственные темы».

Свидетель особо отметил резкие выступления Сергия Знаменского против неверующих и его отрицательное отношение к советской власти и существующему строю: *«А на одном богослужении за всенощной в проповеди Знаменский открыто публично закончил проповедь словами "лучше при старом строе, но с Богом, чем при новом без Бога". Ему никто ничего из верующих не возразил, все были удивлены и ждали, что его сегодня же ночью арестуют, но он арестован не был».*

Свидетель дал показание еще об одном факте, который также безуспешно придется опровергать и проतोиерею Сергию, и владыке Нектария: *«Епископ Нектарий хотел вместе с Знаменским объявить анафему всем неверующим в Бога и решил уже просить разрешение у бывшего Патриарха Тихона, но кто-то Нектария в этом разговорил. Тем не менее, в первый воскресный день поста нынче, Знаменский по предложению епископа Нектария, произнес проповедь, в которой сказал: "Мы знаем, наши враги следят за нами, так давайте соберемся и торжественно пойдём по улицам, не боясь их. Проклятие тем, кто усомнится и не будет нам верить, что мы служители Бога". В этой же проповеди Знаменский должен был бы анафематствовать всех неверующих, но почему-то анафематствования не произносил»⁸⁴.*

к 2-м мирянам, сидящим за началом богослужения в церкви и громко беседующим. Нектарий два раза посмотрел на них, но взгляд его не подействовал, тогда он громко вскричал: "Встать надо!" После некоторой паузы добавил: "Бесстыдницы". И служба пошла своим ходом» (Л. 62).

⁸⁴ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3704. Л. 14.

Вероятно, по окончании этого допроса следователь вручил свидетелю повестку с вызовом Знаменского на новый допрос. Протоиерей Сергей, по его словам, приехал в это время в Вятку ходатайствовать об освобождении епископа Нектария, зашел к этому свидетелю-священнику и, услышав о вызове в ГПУ, отказался взять повестку и в тот же вечер уехал в Москву (из Москвы он отправился в Дмитров, надеясь получить где-нибудь место священника по рекомендации епископа Серафима (Звездинского), с которым познакомился еще ранее в Зырянской ссылке. Не найдя места в Дмитрове и Рогачеве, протоиерей Сергей вернулся в Москву, оттуда поехал в Нижний, Арзамас и Саров, затем в Муром.

По поводу исчезновения протоиерея Сергия из Яранска владыка Нектарий должен был теперь давать объяснения. Он старался как-то отстраниться от Знаменского, понимая, что привлечение их вместе дает лишний повод для обвинений в антисоветской деятельности, а также может затянуть надолго само следственное дело. *«Местоукрывательство Знаменского несомненно долгое время останется неизвестным, а потому я убедительно прошу рассмотреть и решить мое дело помимо Знаменского и др<угих>»*, — написал владыка в заявлении. Отсюда и резкая характеристика "бегства" протоиерея как поступка, бросающего некоторую тень на деятельность самого владыки (которая, по его словам, *«ничего политически компрометирующего собой не представляет»*) и самого протоиерея как *«совершенно нервнобольного человека»*. Этим владыка объяснил его невыдержанность, нетактичные поступки, эксцентричность, подразумевая, по-видимому, и антисоветские выходки, которые вменяли в вину протоиерею Сергию Знаменскому власти.

Владыка далее весьма нелестно отзывается о протоиерее Сергии: так, он написал, что терпел протоиерея

Сергия подле себя только потому, что застал его в Яранске пользующимся большим почетом, доверием и любовью со стороны приходского совета собора, что *«его отношения ко мне часто напоминали басню Крылова "Пустынник и Медведь"»* и что уже соби-рался перевести Знаменского либо в Советск, либо во-обще предложить тому выехать из Яранской еписко-пии: *«Убежавши лично сам из Яранска, Знаменский совершил то, что ему неизбежно предстояло, ибо у меня иссякло терпение иметь дело с больными людь-ми — в лице настоятеля кафедрального собора»*.

Однако, несмотря на крайнюю резкость, эти заяв-ления не вредили протоиерею Сергию в политическом плане, а, напротив, даже могли в какой-то мере смяг-чить его "вину" перед советскими властями. Тем более что во время допроса 17 июня о проповедях Сергия Знаменского владыка Нектарий ничего не по-казал, сославшись на то, что *«не слышал проповеди Знаменского, будучи занят в алтаре причащением священников»*.

Нужно отметить, что позднее арестованный про-тоиерей Сергей⁸⁵ сам давал разъяснения по поводу

---

⁸⁵ Протоиерей Сергей был арестован в конце июня 1925 года в Муроме, куда он приехал, вызванный телеграммой об освобо-дившемся месте священника. Причем сначала ему было предъявлено обвинение по уголовному делу. Но затем это дело было прекращено, и отправленного в Вятку протоиерея Сергия обвинили по политической 119-й статье: *«Использование пред-рассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и поста-новлениям»*. В марте 1926 года отец Сергей был приговорен к 2 годам концлагеря и отправлен на Соловки. В 1927 — после окончания срока отправлен в Екатеринбург под надзор чеки-стов. В 1928 — выслан на 3 года в Узбекистан. После освобож-дения служил в Кашире. В ноябре 1937 — арестован, пригово-рен к ВМН и расстрелян на Бутовском полигоне.

своих проповедей: «Лично мною в г<ороде> Советске в Спасской церкви было совершено одно совместно с епископом Нектарием богослужение, во время которого была произнесена проповедь на тему — "Заблуждения обновленчества", в которой было мною сказано: "Лучше идти старым путем, но с Богом, чем по обновленческому пути, но без Бога". Это было сказано в церковном отношении, но не в отношении к гражданской власти...

По возвращении из гор<ода> Советска в одной из церковных служб, а именно в день Православия, мною была произнесена проповедь, которая была закончена словами "говорят, христианство отжило, умерло, а я вижу вас сегодня в таком количестве собравшихся, и мужчин, и женщин, и старых, и молодых, и образованных, и простецов, и радуюсь пастырским сердцем. Возьмем же священные хоругви — эти наши знамена, изнесем их на стогны града. Крестный ход есть смотр религиозным силам. Пусть неверующие видят силу, мощь христианства, которое не умерло, а живет".

Эти слова относились к верующим, слова "пусть неверующие видят силу, мощь христианства, которое не умерло, а живет" относились к неверующим, которые б увидели большое количество идущих мирян с иконами»⁸⁶.

Ни о каком анафематствовании речи не было, и епископ Нектарий об этом показал следующее: «В отношении анафемы всех неверующих у меня не было никакой мысли и тем более писать о разрешении наложить таковую Патриарху Тихону. За одну мысль о подобной просьбе Патриарх Тихон счел бы меня и Знаменского людьми сумасшедшими».

⁸⁶ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3704. Л. 63-63 об.

На том же допросе (уже в который раз!) владыка Нектарий повторил: *«Я не настолько наивный и глупый, чтобы приписываемыми мне выходками мальчишествовать, т<о> е<сть> затрагивать в проповедях Сов<етскую> власть и тем окончательно губить то церковное дело, которое я как епископ должен всячески беречь и охранять; тем более я не авантюрист, чтобы выступать в глухом провинциальном городе с противогосударственными заданиями — вроде пропаганды, агитации и пр<очее>».*

В самих действиях и поступках я как епископ оставался верным данному мною Ленинградской прокуратуре обещанию — в связи с разрешением мне выезда из Ленинграда знать только свое церковное дело: молитва — Слово Божие, совершенно не касаясь политики. Я очень скорблю по поводу возведенной на меня клеветы».

На допросе 19 июня владыка Нектарий, дав короткое объяснение о посвящении в стихарь мальчика Чернова⁸⁷, произведенном по желанию мальчика ввиду *«его исключительной любви прислуживать в алтаре для того, чтобы он имел законное право носить стихарь»*, далее вновь отрицал какую-либо свою причастность к политике. Не признал себя виновным в предъявленном обвинении и отказался признать инкриминируемые ему факты проповедей, *«закрывающие в себе агитационно-злостный характер против Сов<етской> власти»*. Тем более, судя по его показаниям, *«для таких дерзких выходов»* не было никаких поводов, поскольку отношение яранских властей к Церкви он встретил корректное — они ни в чем не стесняли и не препятствовали. Поэтому ради сохране-

---

⁸⁷ Опять-таки по доносу свидетеля это было якобы посвящение в иподиаконы.

ния этих отношений он, «как человек, еще не потерявший способности давать себе отчет в своих поступках», не мог допустить грубых выпадов по отношению к советской власти.

«Кроме того, — продолжал далее владыка, — не мог я допустить себе подобных фраз, потому что я строго придерживаюсь в своей жизнедеятельности церковных канонов, запрещающих служителям Церкви заниматься политикой, и тем более подвергать своими выходками преследованию Церковь...»

Популярность приобрести среди верующих таким образом я в Яранске также не собирался. Пособиями к произнесению проповедей являлись для меня преимущественно святоотеческие творения, в коих также о политике нет никаких упоминаний.

Говорю все это не потому, что боюсь наказания или только защищаю себя от неприятных последствий за речи против власти, а для восстановления правды. Как я могу приписывать себе то, что никогда не говорил. Если бы я ехал в Яранск с к<онтр>-р<еволюционными> заданиями, тогда я бы ни слова не стал говорить в защиту себя, а принял бы заслуженное наказание достойно и правильно. Лебезить пред представителями власти и отказываться от своих слов, подавать заявления, что я делал не раз, с целью оправдать себя считаю унижением человеческого достоинства.

Не знаю, будет ли иметь какое-нибудь значение мое объяснение, но во имя справедливости мне бы хотелось, чтобы к моим показаниям отнеслись с доверием».

В тот же день последовало постановление о переводе епископа Нектария из внутренней тюрьмы ОГПУ в Вятский изолятор спецназначения. 30 июня было вынесено "Обвинительное заключение", и обвиняемому

Трезвинскому предъявлено следственное производство. Несмотря на все его заявления, в "Обвинительном заключении" повторялись прежние обвинения в тех же выражениях и епископу Нектарию приписывались те же фразы, которые он не произносил и против которых особенно протестовал. Этот корявый полуграмотный документ весьма примечателен и своим содержанием, и стилем. Вновь подробно изложены обстоятельства дела и подчеркнуто, что с самого приезда в Яранск епископ Нектарий *«все выступления публичные с проповедями религиозными облакал в форму критики Советской власти, РКП и всего существующего рабоче-крестьянского строя:*

1) *Считал в проповедях современное положение временным, предшествующим "страшному суду", а потому призывал всех не бояться ни мучений, ни гонений, ни пыток со стороны неверующих.* 2) *Обновленческих епископов провозглашал ставленниками Советской власти — еретиками и прохвостами, так как они работают в контакте с Советской властью.* 3) *Агитировал, чтобы не бояться ни тюрьмы, ни ссылки, и не желает подделываться под новый лад, останется верным Тихону и твердо будет стоять за старый стиль, а потому предложил всем нынешнюю пасху не праздновать с жидами.* 4) *Агитировал о том, сколько тихоновских пастырей в ссылках, тюрьмах за то, что они придерживаются старого и не являются обновленцами, а Советская власть последних поддерживает.* 5) *Агитировал, что лучше старый строй с Богом, чем новый без Бога.* 6) *В день 8 марта агитировал, что мы знаем, наши враги следят за нами, так давайте соберемся и торжественным ходом пойдем по улицам, не боясь их; проклятие тем, кто усомнится, не будет верить, что мы слушатели Бога.* 7) *Агитировал о том, что советская*

школа портит детей, а потому и предлагал детей в советскую школу не отпускать. 8) Агитировал, что Советская власть и коммунисты силою оружия хотят заглушить религию, а потому призывал народ к твердости, стойкости и отпору врагам из неверующих. 9) На одном из богослужений публично заявил: "Ко мне была делегация, в числе которой почетный старожил, бывший член 4 Государственной Думы (монархист), с предупреждением, даже с угрозой не трогать в речах власть, но я беспощаден и никаких уступок". 10) Пытался анафематствовать всех неверующих с разрешения бывш<его> Патриарха Тихона».

Какие могли быть возражения со стороны обвиняемого? И кто бы на них обращал внимание, если автор документа не обращает внимания даже на противоречия собственного сочинения. На предпоследней странице того же заключения приведены показания свидетеля о том, что слова «лучше старый строй с Богом, чем новый без Бога» произнесены протоиереем Знаменским.

Однако все-таки было указано, что «привлеченный к следствию в качестве обвиняемого гр<аждаин>н Трезвинский Нестор Константинович, он же Нектарий, виновным в предъявленном ему обвинении сам себя не признал». И далее приведены возражения обвиняемого, в частности, что «обновленцев ставленниками Советской власти не называл и не говорил, что они работают в контакте с Советской властью, говорил вообще о праздновании праздников по старому стилю, ввиду того что празднования по новому <стилю> нарушают церковные правила, в отношении праздника Пасхи говорил, что крестьяне не должны праздновать таковую с иудеями, т<о> е<сть> раньше весеннего равноденствия. В проповедях

о том, что тихоновские пастыри — в тюрьмах и ссылках за то, что они придерживаются старого и не являются обновленцами, а Советская власть последних поддерживает, не говорил, а говорил об этом лишь в частных беседах».

Но далее в "Обвинительном заключении" приведены показания свидетелей, подтверждающих все обвинения. Дословно приведены майские показания главного из свидетелей, упомянутого выше священника Успенского собора: *«Трезвинский в проповедях говорил, что современное положение безверия есть преддверие близкой кончины мира, а потому призывал верующих не бояться ни ссылок, ни гонений на верующих со стороны неверующих. Резко нападал на обновленцев, доказывая, что они ставленники Советской власти и последняя их поддерживает. Говорил верующим, чтобы они не боялись ни ссылки и ни тюрьмы и что под новый лад подделываться не желает и останется верным Тихону. Доказывал в проповедях, что сколько тихоновских пастырей находится по ссылкам и тюрьмам за то, что они твердо придерживаются старого и не желают быть обновленцами, которых Советская власть поддерживает».*

Кроме этого вновь было повторено его же показание об анафематствовании неверующих и добавлено еще одно показание нового свидетеля: *«Перед отъездом в Ленинград Нектарий произнес резкую проповедь, собрав в нее все ранее произнесенные проповеди, и так неприлично, что его тошно было слушать, даже часть молящихся была возмущена его поведением».*

Завершалось "Обвинительное заключение" окончательно сформулированным обвинением: *«Гражданин Трезвинский Нестор Константинович, он же Нектарий... обвиняется в том, что он, будучи епископом города Яранска, при исполнении религиоз-*

ных обрядов и выступлений использовал таковые в целях: 1) возбуждения крестьянского населения с религиозными предрассудками против рабоче-крестьянской власти, 2) дискредитировал последнюю в глазах населения, 3) используя епископский сан, являлся организующим монархическим центром в Яранске, 4) произвел насилие над совестью семилетнего мальчика Олега Черных, посвятив его в иподьяконы, 5) с целью уклонения от тылового ополчения, будучи служителем культа, при учете в военных ведомостях умышленно скрывал свой возраст, предъявляя документ о его возрасте на 10 лет старше».

Считая вину доказанной, уполномоченный представлял дело на внесудебное рассмотрение Особого совещания Коллегии ОГПУ с предложением «гр<ажда-ни>на Трезвинского, 36 лет, а не 46, уроженца села Яцки Васильковского уезда Киевской губ<ернии>, служителя культа, высшего образования, привлекавшегося к ответственности за антисоветскую агитацию, изолировать из пределов Вятской губернии и лишить его возможности церковно-общественной и антисоветской деятельности как неисправимого».

13 ноября 1925 года епископ Нектарий был приговорен к заключению в концлагерь сроком на три года.

Старец Матфей Яранский и обновленчество

На первом допросе, упоминая свои встречи в Яранске, владыка Нектарий показал: «Перед отъездом из г<орода> Яранска я пешком ходил в поч<инок> Ерши,

который находится на расстоянии 35 верст от города. Там проживал иеромонах старец Матвей, ходил я к нему просто для того, чтобы посмотреть, как он живет, и отдать свой визит. К нему я пришел полчаса двенадцатого ночи и пробыл до десяти часов утра, а потом отправился обратно в гор<од> Яранск».

Это хождение «просто так отдать визит», пешком почти 40 км в одну сторону и занявшее два дня времени, конечно же, было не пустым развлечением, а важным духовным делом для епископа Нектария. Об отце Матфее отзывались как о подвижнике и прозорливце, и такого человека в своей епархии владыка непременно должен был посетить. Тем паче, что ему как никогда нужна была духовная поддержка. И владыка в своих ожиданиях не обманулся...

Когда он подошел к домику, где жил отец Матфей, и произнес молитву у двери, тотчас «из-за нее, словно бы его давно ждали, послышалось негромкое "Аминь". Дверь открылась, и о<тец> Матфей в полном монашеском облачении, смиренно испрашивая благословения, встретил владыку. Подойдя к иконам, владыка осенил себя крестным знамением, а о<тец> Матфей тихо воспел: "Мученицы Твои, Господи, во страданиях своих венцы прияша нетленные..." От этих слов тропаря мученикам у епископа Нектария мороз пробежал по коже. Он и не думал, что так скоро получит от старца ответ на все свои вопросы»⁸⁸.

О чем они еще говорили, можно только догадываться. Несомненно, владыка Нектарий увидел в отце

---

⁸⁸ Инокиня Татиана. Новомученик Нектарий (Трезвинский), епископ Яранский // Православная жизнь. 1997. № 2. С. 4; Прот. Алексей Сухих. Яранский чудотворец // Вятский епархиальный вестник. 1996. № 7.

Матфее духоносного старца и нашел у него полное взаимопонимание. Эта встреча накануне ареста, когда начинался крестный путь владыки — более десяти скорбных лет, исполненных тяжких невзгод тюремного и лагерного заключения, каторжных работ, всяческих поруганий и издевательств, — имела важное значение. Прозорливый старец не только предвидел мученический путь, но и укреплял будущего мученика на предстоящие страдания за веру и Церковь.

Сам, будучи строгим ревнителем Православия, отец Матфей категорически не принял обновленчества и, конечно же, не скрывал этого от своих духовных чад. При всей своей уединенной жизни старец пользовался большой известностью в Яранском уезде и соседних губерниях, за духовным советом и молитвенной помощью к нему приходило много людей, и его влияние на верующих было значительным.

До революции на протяжении почти двадцати лет он был духовником Анно-Пророчицкого монастыря, находившегося в 10 верстах от Яранска (совсем новой обители, основанной в 1899 году на землях купчихи Анны Беляевой). Иеромонах Матфей⁸⁹ первоначально был назначен помощником строителя этого монастыря. Затем с 1902 года стал духовником братии, а также исполнял должности казначея и эконома. Обитель росла, накануне революции 1917 года в ней было более 30 монахов и 45 послушников. Предвидя наступление гонений, отец Матфей говорил: «Грядет скорбь великая, но через нее очистится народ, переродится.

---

⁸⁹ До этого отец Матфей, в миру Митрофан Кузьмич Швецов, начал свой монашеский путь в Александро-Невском монастыре в Филейках близ Вятки в 1891 году, будучи 36 лет от роду. До этого, пребывая в миру, он вел строгую духовную жизнь с юных лет под руководством филейского старца Стефана (Куртеева).

На крови мучеников возрастет древо святости, от которого будут питаться многие и насытятся».

В 1918 году Пророчицкий монастырь был закрыт властями, причем в результате провокации. В феврале 1918 года в монастырь обратился представившийся белым офицером человек с просьбой спрятать его. Монахи согласились помочь ему. Оказалось, что этот "офицер" на самом деле был сотрудником уездного ЧК, посланным в монастырь для проверки сведений о том, что в нем якобы прячутся белые и находится оружие. Сведения не подтвердились. Но под этим предлогом монастырь был закрыт, а его настоятель игумен Геннадий (Парфентьев) приговорен к расстрелу⁹⁰.

---

⁹⁰ См.: Вятский епархиальный вестник. 2009. № 8. На землях монастыря устроили совхоз. Правда, оставалась действующей одна церковь, при которой проживало несколько монахов, зарегистрировавших общину. В 1925 году им даже удалось получить от совхоза в аренду дом, где разместили 10 монахов и принимали богомольцев. Оживление монастыря и антисоветская деятельность его насельников не могли понравиться властям, и в 1928 году монастырь был закрыт окончательно. Вот что писала областная газета: «Игумен Мухачев ездил по деревням и учил. Учил подрывать все мероприятия советской власти, учил не вводить никаких улучшений в сельское хозяйство, не отдавать детей в школы.

— Чем дальше учишься — тем дальше от Бога, — излюбленные обычно слова Мухачева крестьянам.

И бывало, Мухачева слушали. Слушали и... не читали книг, сторонились газет, послушали, например, Мухачева, в деревне Красной Речке. В эту деревню Мухачев приезжал для того, чтобы сорвать самообложение. И сорвал...

Монастырь закрыли совсем недавно. Тот факт, что на протяжении целых 10 лет в нескольких верстах от уездного города и буквально рядом с совхозом орудовал монастырь, этот факт дает задуматься о многом» (Вятская правда. 1929. № 99).

Отец Матфей поселился в Ершах Беляевской волости⁹¹, жил в домике-келии, построенном для него его духовными чадами. Есть свидетельство о том, что этот домик построили братья матушки Аполлинарии из Воздвиженского монастыря, так называемого Домнушкина, который находился неподалеку от деревни Ахмоличи⁹². Этот монастырь тоже был razорен, и монахини разошлись по окрестным селам и деревням. Как свидетельствовали очевидцы: «Матушка Аполлинария, когда razорили монастырь, поселилась рядом со знаменитым отцом Матвеем — приехали три ее брата и построили два дома: один для матушки Апол-

---

⁹¹ В настоящее время употребляется название «деревня Ершово», а ранее было «починок Ерши». Иногда говорили «хутор Ершовский», так, например, называет его в своих воспоминаниях (хранящихся в настоящее время в Кикнурском краеведческом музее) уроженец села Лом А. И. Козлов.

⁹² Этот монастырь — или скорее община, так как статус монастыря она едва ли получила, — был создан жительницей деревни Ахмоличи Домной под руководством старца Матфея: «В Ахмоличах она свой дом первоначально превратила в молитвенный дом. После смерти мужа Федора она часто стала посещать мужской Пророчицкий монастырь. Как пишет Козлов, "вскоре завоевала авторитет у монаха монастыря Матфея. Мимо нашей д. Рыжаково он часто навещал Домну, снабжал её религиозной литературой, иконами". В народе Домна прослыла прозорливой. К ней стали ходить за советом верующие люди. Настоятели мужского Пророчицкого монастыря помогли Домне построить женский монастырь, который стал за короткое время очень посещаем. Она стала его настоятельницей. Была построена деревянная церковь, а также около 7 больших корпусов, в которых жили до 100 человек. Монастырь закрыт в 1922 году, то есть просуществовал около 8 лет» (Из истории Воздвиженского (Домнушкина) монастыря / В. А. Толстогузова, учитель краеведения МОУ ООСШ м. Знаменка, филиал ООШ с. Лом. — URL: <http://biblioteka-67.ucoz.ru>).

линаруии, другой для отца Матвея»⁹³. А. И. Козлов, уроженец села Лом, вспоминал: «Последний раз я встретил отца Матфея в 1925 году. Тогда я работал в лесхозе. Мы переходили в другой квартал через хутор Ершовский. На хуторе мы увидели отца Матфея, который сидел на бревнах, вел проповедь к народу, который приходил к нему из дальних деревень»⁹⁴.

Матушка Аполлинария, непреклонная в отношении обновленчества, так же как и отец Матфей и иеромонах Арсений, священник, окормлявший ранее их монастырь, в дальнейшем не приняла "нового обновленчества" и вплоть до своей кончины в 1958 году вместе с другими верными христианами подвизалась в катакомбном служении. О ней и об отце Арсении нет точных биографических данных, сохранились лишь воспоминания, опубликованные в "Суздальских ведомостях" в 1998 году. Но в одном из следственных дел в Вятском архиве есть очень интересное свидетельство об иеромонахе Арсении (Сокольникове), *«возглавлявшем вместе с иеромонахом Матвеем Домнушкин монастырь»*. Монастырь, как указывается в материалах

---

⁹³ «Домики эти находились недалеко, километрах в четырех от Коноплей, где жили родители матушки С. — теперь уж этой деревни нет (в ней было 33 дома и была построена часовня, в которой молились по воскресеньям). Родители матушки С. посещали отца Матвея, как-то раз и ее брали с собой. У них был дом, который казался им маленьким, и они спрашивали благословения выстроить дом побольше. "А что, жить в нем можно?" — спросил о<тец> Матвей. "Можно". — "Тогда не надо строить другой, оставайтесь в этом". Через несколько лет, когда началось раскулачивание, родители матушки С. оценили преимущество небольшого дома» (И врата адовы не одолеют Ее // Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 3. С. 25).

⁹⁴ Из истории Воздвиженского (Домнушкина) монастыря...

этого дела, *«недалеко от села Лом был ликвидирован в 1923 году», «Матвей скоро умер, а Арсений, прослышавший среди верующей публики "святым человеком", стал вести бродячий образ жизни, скрываясь от властей, регулярно посещая в с<еле> Лом бывших своих приближенных по монастырю крестьян», создал «нелегальный религиозный кружок, скоро превратившийся в церковно-черносотенный»⁹⁵.*

Деятельность "арсеньевцев" очень обеспокоила власти, так как они не только вели религиозные беседы и *«фактически руководили религиозной общиной церкви с<ела> Лом», но и повели «практическую работу с целью ослабить мероприятия советской власти»* — отказывались переходить на многополье, участвовать в кооперации, учить детей в школах. Священник Антоний Голохвастов, назначенный в 1925 году епископом Нектарием в Ломовскую церковь, полностью поддержал или, как отмечено в заключении по делу, *«примкнул к арсеньевцам, таким образом кружок обеспечил себе руководство со стороны Голохвастова и бродячего Арсения».*

На допросах отец Антоний и обвиняемые крестьяне отрицали свою антисоветскую деятельность. Отец Антоний признал лишь, что призывал прихожан собирать помощь высланному на Соловки епископу Нектариию, и подтвердил, что бывал у старца Матфея, которого, как и многие из его прихожан, считал духовником. С иеромонахом Арсением отец Антоний был знаком и виделся, когда тот бывал проездом в их селе, но о чем тот вел беседы или о чем были беседы, которые устраивали в своих домах обвиняемые крестьяне в 1923–1924 годах, показать не мог, так как только в 1925 году приехал в Лом.

⁹⁵ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 4. Д. СУ-4822. Т. 1. Л. 129.

Об этих "собеседованиях" показал на допросе один из арестованных крестьян-"арсеньевцев", Александр Ефимович Толстогузов: *«На почве церковной борьбы тихоновцев с обновленцами мы, как приверженцы тихоновцев, стали у себя в домах устраивать религиозные собрания для борьбы с обновленцами, по воскресеньям и праздничным дням у меня в доме собирались до 5 и 6 граждан... Эти сходки раза три или четыре навещал иеромонах Домнушкина монастыря Арсений Сокольников, который читал свои книги святых отцов, из которых рассказывал, что в образе Советской власти пришел антихрист и воцарился на земле и объявил гонение на Православную Церковь. Объяснял, что обновленческую церковь признавать не следует, так как она антихристова».*

Разговоры о кончине мира, огненной войне и скором падении советской власти Александр Ефимович отрицал. Добровольные пожертвования для епископа Нектария признавал. О встрече, по-видимому последней, со старцем Матфеем осторожно сказал: *«Иеромонах Матфей проездом через наше село ненадолго останавливался у Попова Я. Я. Его мы из саней выносили в избу на руках. Он являлся нашим пастырем, чтений он никаких не проводил»⁹⁶.*

Старец Матфей отошел ко Господу 16/29 мая 1927 года. Он не дожил до "нового обновления", однако его предвидел. Как писал об этом в своем последнем

---

⁹⁶ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 4. Д. СУ-4822. Т. 1. Л. 108-109 об. По этому делу в декабре 1927 года приговоры были относительно мягкими: только священник Голохвастов был выслан в Сибирь на три года, а пять крестьян: Безжелезных Варфоломей Гаврилович, Попов Яков Акимович, Семенов Иван Петрович, Толстогузов Александр Ефимович, Коновалов Яков Феофанович — приговорены к 6 месяцам лишения свободы, но по амнистии освобождены, отсидев под следствием три месяца.

письме 1936 года епископ Нектарий: «Покойный старец Матфей предупреждал прозорливо яранцев, говоря: "Первое обновленчество легко было разузнать, там был суд над Патриархом, новый стиль, женатый епископат, второбрачные попы. А второе церковное заблуждение очень трудно будет познать и различить"».

Тем не менее, как только возникло это "второе обновление", паства старца Матфея в большинстве своем сразу же его отвергла, нисколько не сомневаясь, какую позицию занял бы их старец, и в дальнейшем обращалась за руководством к епископу Нектарию, противостоявшему этому новому разрушительному соблазну, потрясшему Русскую Православную Церковь.

Не случайно в памяти народной имена епископа Нектария и старца Матфея оказались неразрывны. Оба они были исповедники и защитники истинной веры православной и таковыми оставались на протяжении десятилетий для всех христиан, старавшихся по мере своих сил эту веру сохранить в условиях жесточайших богоборческих гонений. Вот почему для христиан дорога была память о них, а для богоборческих властей — столь ненавистна.

И как только не старались последние эту память искоренить! Сколько усилий приложили, чтобы воспрепятствовать почитанию старца Матфея и паломничеству на его могилу на Яранском кладбище, начавшемуся вскоре после погребения старца. Само это погребение, собравшее многотысячные толпы народа, явилось грандиозным крестным ходом и своего рода торжеством Православия. Из Ершово гроб несли на плечах, оставиваясь в деревнях и селах для служения панихид. «После отпевания гроб с крестом, хоругвями и зажженными свечами обнесли вокруг храма, и многотысячная процессия двинулась в Яранск. Похоронное шествие растянулось едва ли не на версту. Все это напоминало

скорее перенесение мощей, чем обычное погребение. Ударом большого колокола на колокольне Троицкого собора встретил город печальное шествие. Все городское духовенство с хоругвями и иконами вышло навстречу процессии, гроб внесли в Троицкий собор, блиставший от зажженных свечей и паникадил, где отслужили панихиду. Из собора крестный ход направился на городское кладбище. Здесь, рядом с кладбищенской Вознесенской церковью и был похоронен старец Матфей»⁹⁷.

По инициативе общины Успенского собора над могилой старца была воздвигнута часовня, верующие постоянно сюда приходили, особенно много собиралось в день преставления старца 16/29 мая. Безбожные власти в скором времени уничтожили часовню над могилой старца вместе с Вознесенской кладбищенской церковью. Поскольку паломничество к могиле продолжалось, то в 1950-х годах попытались совсем «ликвидировать святое место»⁹⁸. Могильный холм срыли бульдозером,

---

⁹⁷ Преподобный Матфей, Яранский чудотворец. К 15-летию прославления / Публ. подгот. священник Алексей Веретельников. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/57635.htm>.

⁹⁸ Так, уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Кировской области П. Смирнов сообщил: «Могила иеромонаха Матфея в городе Яранске (умер в 1927 году). На эту могилу в последние 10 лет, в период с 20 по 26 мая, стекалось до 300–500 верующих. Решением Яранского райисполкома эта могила как "святое место" закрыта и паломничество прекращено. В 1959 году паломников уже не было.

План прекращения паломничества.

Яранск — Матфей. Поедет туда на 10–15 дней тов. Ильин:

1. Устроить проезд по кладбищу, под который попадет и эта могила.
2. 10–12 мая принять решение райисполкома о ликвидации этого "святого места".
3. Выявить и принять меры к организаторам паломничества» (ГАКО. Ф. Р–2169. Оп. 45. Д. 54. Л. 1–2).

место забетонировали. Но верующие все равно продолжали приходить тайком, некоторые шли издалека по 100 километров пешком. Пробираясь к могиле ночью, пробивали бетон, набирали землицы. Зажигали свечи, молились. Милиция часто караулила, не допускала. Как вспоминали очевидцы, «разгоняя верующих с могилы, охранники говорили: "Зачем вы к нему пришли? Идите в церковь, там ставьте свечи... Не надо тут петь, он был враг советской власти: церковь его не признает, не чтит, священники не ходят... А вы пришли — значит, вы тоже враги советской власти!"»⁹⁹

Об этом же, не обинуясь, коммунисты писали в своих документах и советских газетах вплоть до конца 1980-х годов. В этом плане характерный пример — статья в яранской газете 1987 года:

«Многолюдно было 28–29 мая на яранском городском кладбище. Особым вниманием посетителей пользовалась могила некоего Матфея. Собравшиеся у нее люди пели псалмы, крестились, раскладывали на могиле куски мыла, яйца, пряники и другие продукты питания, устанавливали зажженные свечи. Некоторые уносили в пакетах землю, из которой образован могильный холмик. Здесь же дружинники с красными повязками на рукавах, призывавшие собравшихся прекратить моление и разойтись...

Наш корреспондент попросил секретаря Яранского райисполкома Станислава Анатольевича Кузнецова прокомментировать происходившее на кладбище.

1. Речь идет, наверное, о богослужении, проводившемся по линии русской православной церкви?

---

⁹⁹ И врата адовы не одолеют Ее: Материалы по истории Истинно-Православной Церкви в России... // Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 3. С. 25.

2. Нет, русская православная церковь к данному "мероприятию" отношения не имеет. Во всяком случае, местные священнослужители не поддерживают его. Но православные верующие по давно установившейся традиции ежегодно в указанные дни собираются у могилы и учиняют религиозные церемонии в честь умершего в 1927 году иеромонаха Матфея.
3. А при чем здесь дружинники?
4. В данном случае имеет место несоблюдение гражданами правил проведения церемоний культа, которые гласят, что религиозные церемонии под открытым небом могут проводиться лишь с предварительного на то разрешения исполкома местного Совета народных депутатов. К нам же никто за таким разрешением не обращался. Более того, есть специальное постановление райисполкома от 1975 года, запрещающее религиозные собрания у могилы Матфея. Так что присутствие дружинников на кладбище вполне оправдано, поскольку речь идет о незаконных действиях паломников.
5. Чем заслужил Матфей такое почитание?
6. Матфей — это церковное имя местного иеромонаха Швецова Митрофана Кузьмича. О личности его сейчас мало что помнят. Одни утверждают, что Матфей ничем особенным среди служителей культа не выделялся, другие припоминают, что он стоял на позиции непризнания Советской власти, третьи говорят о его отшельническом образе жизни. По отзывам старожилков, в первые годы после смерти Матфея никакого паломничества к его могиле не было. Однако со временем история жизни иеромонаха стала обрастать неправдоподобными слухами о его про-

рочествах, чудных исцелениях больных на его могиле. Это обычные бездоказательные байки. Медицине не известно ни одного факта такого исцеления. Наоборот, вследствие нарушения санитарных норм обращения с продуктами питания у могилы Матфея можно получить инфекционное заболевание.

7. Значит, поклонение "святому" месту не такое уж безобидное явление?
8. Да, кроме нарушения правил проведения религиозных церемоний, следует выделить и моральный аспект: факт почитания человека, стоявшего на враждебных к Советской власти позициях. Комментариев тут, думаю, не требуется...»¹⁰⁰

Весьма примечателен тот факт, который отметил с самого начала секретарь райисполкома, *«местные священнослужители не имели отношения»* и *«не поддерживали» «данное мероприятие»*, то есть почитание святого. Да, так и было на самом деле! Для них, исполнявших приказания властей, святой старец был не нужен, более того, чужд и враждебен. И это тоже не случайно, ибо официальная Церковь в советском государстве раболепно служила безбожникам, будучи основанной на той самой неправде "новообновленчества", о которой предупреждал старец Матфей и которую столь ярко обличал епископ Нектарий как самую пагубную и разрушительную для Церкви, еще более опасную, чем первое открытое обновленчество.

Но об этом речь впереди, а пока вернемся к 1925 году, когда владыка Нектарий должен был еще бороться с обновленчеством в его первоначальном виде.

---

¹⁰⁰ Знамя коммунизма (Яранск). 1987. 23 июня. № 78 (9564). — URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/57635.htm>.

В то время, когда владыка находился в Вятской тюрьме, обновленцы вновь активизировались. Надеясь в связи с кончиной Патриарха Тихона достигнуть какого-то компромисса с его преемниками, они стали готовиться к проведению своего второго "поместного собора", уговаривая и православных принять в нем участие и таким образом достигнуть примирения. Присланный в Вятку из обновленческого Синода епископ Иоасаф¹⁰¹ начал пропагандистскую деятельность в этом направлении. Летом 1925 года он распространил по Вятской епархии свое послание, в котором всячески клеветал и пытался очернить имя почившего к тому времени Патриарха Тихона и всех оставшихся ему верных православных архиереев, а вятское духовенство и паству убеждал примириться с обновленцами.

Узнав об этом, епископ Нектарий в тюрьме срочно написал послание яранской пастве и сумел передать на волю и оригинал, и копию, причем оба документа оказались у благочинного 1-го округа отца Николая Минеева, который ознакомил с ними священников своего округа. Во время следствия в феврале 1926 года отец Николай признал, что рассылал послание по церквям своего округа, несмотря на то что сам находил его слишком резким. И оригинал, и копия послания владыки были приобщены к материалам дела отца Николая вместе с его сопроводительной запиской: *«Письмом от 27 (24?) авг<уста>¹⁰² с<его> г<ода> Преосвященный Еп<ископ> Нектарий шлет привет духовенству 1 округа. Благочинный священник Н<иколай> Минеев. Расписка в прочтении и пересылке без задержек по адресу»*. Далее следует пере-

¹⁰¹ Рогозин Иосиф Александрович, бывший епископ Мензелинский, перешел к обновленцам и в мае 1925 года был назначен архиепископом Вятским.

¹⁰² 27 августа/9 сентября, 24 августа/6 сентября.

чень приходов¹⁰³: село Сметанино; в городе Санчурске — Покровский собор, Владимирская церковь, Тихвинская церковь; села: Городище, Алексеиха, Борки, Мусерское¹⁰⁴. У последнего адресата в Сухоречье приписка — «отсюда благочинному»¹⁰⁵.

В своем послании епископ Нектарий обратился к вятской пастве с горячим увещанием, ни в коем случае не участвовать в выборах на очередной лжесобор и не поддаваться на льстивые уговоры о примирении. Владыка прямо назвал обновленцев, задавшихся реформаторскими планами обновления Церкви, раскольниками и еретиками. Более того, в начале послания как в качестве эпиграфа он поместил слова из своего архиерейского обещания:

«"Богомерзкого обновленческого движения, раздирающего Церковь Христову, отвращаюся и анафематствую оное". "Богомерзкий разбойнический Собор 1923 в Москве со всеми его постановлениями анафематствую". "Со всеми примкнувшими к сему обновленческому соблазну обещаюся не имети церковнаго общения"».

Как и в первом весеннем послании, епископ Нектарий прямо писал, что обновленческое духовенство безблагодатно и таинства, им совершаемые, недействительны как неимущие силы благодатного освящения — и это по той причине, что обновленчество, явившись неправославной еретической организацией, отделилось от единства Св. Православной Церкви. Что означает эта безблагодатность, владыка Нектарий подробно и наглядно разъяснил:

---

¹⁰³ Против каждого названия прихода от одной до трех подписей.

¹⁰⁴ Сегодня: село Мусерье.

¹⁰⁵ Автограф Н. В. Минеева. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3673. Л. 38.

«Совершает обновленец, например, литургию, надевает он и то же, как у православных, облачение, читает те же самые по служебнику молитвы, поет такие же песнопения. Производит те же обряды, но таинства у него не совершаются. На престоле так и остается простая просфора, а в чаше — вино с водою, а не Тело и Кровь Христовы.

Совершает обновленец исповедь, выслушивает грехи, читает разрешение, но грех отпустить не может.

Рукополагает обновленческий епископ кого-либо во священника или диакона, однако рукоположенные им лица так и остаются мирянами.

Освящает, например, обновленец воду, погружая в нее крест, но вода, как и была, остается не только простой, но уже окощунствованной.

По мнению свв. отцов Церкви, таинства еретиков — жертва бесов. Отчего же так? — Да от того, что благодать Св. Духа пребывает во единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, где преемственно переходит от поставленных благодатных епископов. В других же религиозных организациях, отделившихся от Православной Церкви, порвавших всякую связь с благодатными епископами, нет освящающей и спасающей благодати Св. Духа.

Поскольку обновленцы отделились от Патриарха, как подчеркивает владыка Нектарий, канонически православного преемника св. апостолов, хранителя веры и духовного центра, то тем самым они лишили себя апостольской преемственности и отделились от Тела Церковного. «Как ветвь, отрубленная от ствола, не принадлежит дереву, или рука с ногой, отсеченные от тела, не являются уже частями тела, так и обновленческая церковь не является уже Церковью Христовой», — писал владыка.

Далее он призывал свою паству утверждаться в вере, закрывать свой слух от «вкрадчивых и обманчивых посланий волков в овечьей шкуре», оставаться верными благодатным епископам и окормляться пас-

тырями, чуждыми обновленческого духа и преданными почившему исповеднику св. Патриарху Тихону. И закончил он свое послание так:

«Помните: кому Церковь не мать, тому и Бог не Отец. По слову Св<ятого> Златоуста — нет большего греха, как разделение Церкви Христовой. Этого греха не может загладить и кровь мученическая. Не мы, православные, а нечестивцы-обновленцы начали и продолжают свое ужасное дело раздирания Церкви Христовой. Хотя по слову Христову — Его Церковь не одолеют и врата ада, но мы, верующие, должны опасаться, как бы не коснулось нас грозное слово Христово: "отнимется от вас Царствие Божие и дано будет народу, приносящему плоды его" (Матф. 21, 43). Убоимся возлюбленные страшного Суда Божия, будем отвращаться от выходцев ада, церковных смутьянов-обновленцев, которые сами погибают и влекут в вечную гибель других. Это люди, по слову ап<остола> Иуды, отделяющие себя от единства веры, душевные, не имеющие Духа Божия¹⁰⁶, а вы, возлюбленные, назидая себя на святейшей вере вашей, молясь Духом Святым, сохраняйте себя в любви Божией, ожидая милости от Господа нашего Иисуса Христа, Ему же честь и слава во веки. Аминь.

Страждущий в заключении Нектарий, Епископ Яранский»¹⁰⁷.

---

¹⁰⁶ «Это — люди, отделяющие себя (от единства веры), душевные, не имеющие духа» (Иуд. 1, 19).

¹⁰⁷ Автограф. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3673. Л. 40-41 об. Текст документа предоставлен вятским историком А. Г. Поляковым. Полный текст послания приведен в Приложении I.

Соловецкий концлагерь

Приговоренный к трем годам концлагеря, епископ Нектарий был отправлен на Соловки. 17 ноября 1925 года в Москву в отдел центральной регистрации поступило донесение из Вятки: *«Вятский Г<убернский> С<екретный> О<тдел> ОГПУ сообщает, что Трезвинский Нектарий Константинович при отношении №... отправлен этапным порядком в распоряжение Управления Соловецким концлагерем, Кемский пересыльный пункт.*

Содержать на уголовном режиме и числить за 6 С<екретным> О<тделом> ОГПУ»¹⁰⁸.

Что означала эта отправка «*этапным порядком*», можно представить по воспоминаниям очевидцев. Этап был частью наказания, недаром изможденные узники или их близкие при возможности старались ходатайствовать об избавлении от этапа и готовы были за свой счет ехать к месту ссылки. Но это было возможно (и то — в исключительных случаях) только для осужденных к высылке, приговоренных к концлагерям этапировали непременно под строгим конвоем.

---

¹⁰⁸ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Д. СУ-3930. Л. 150.

Сначала их перегоняли из тюрьмы к поезду — либо пешком, либо перевозили в битком набитом грузовике, прозванном «черный ворон». Что представляла собой такая перевозка, опять-таки известно по опыту узников. Отправленный на Соловки из Бутырской тюрьмы в июне 1925 года генерал И. М. Зайцев (1879–1934) писал:

«Скажу несколько слов об этом чудище. Это перевозочное средство для развозки арестантов по тюрьмам и подвалами ГПУ. Это 6-цилиндровый грузовик, на котором поставлен сплошной кузов: в передней стенке кузова маленькое окошечко с железными прутьями накрест, в задней сплошная дверца. Кузов обит листовым железом и окрашен в черный цвет. Отсюда и дано москвичами название ему «Черный Ворон». Во время работы «Черный Ворон» быстро мчится по улицам Москвы, непрерывно подавая рычащие гудки. Прохожие в ужасе шарахаются в стороны, посматривая с тяжелым состраданием на это чудище. Но сколько в нем несчастных жертв, некоторые не знают...

А в нем вот сколько: в нем две скамейки по сторонам, каждая при плотной посадке на 10–12 человек, следовательно, всего на 20–24 человека. У чекистов другая нагрузка — 45 человек, по следующему расчету: на каждой скамейке другой ряд должен сесть на колени первому, упиравшись друг другу коленями, после чего никакого прохода нет, но отправители и нагрузчики дают надбавку в 5 человек. Как хотите, так и размещайтесь, хоть на головы садитесь. При каждой погрузке всегда происходят удручающие сцены»¹⁰⁹.

---

¹⁰⁹ *Зайцев И. М.* Соловки (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти). Шанхай: Слово, 1931; Воспоминания соловецких узников, 1923–1939. Т. 2: 1925–1928. Соловки: Спасо-Преображенский монастырь, 2014. С. 206. Автор, описывая погрузку его партии, упомянул подобную сцену, назвав при

И. М. Зайцев обратил внимание на усиленную охрану, при которой происходила погрузка: каждую партию заключенных, выведенных из тюрьмы, окружает сплошное кольцо конвоиров с заряженными винтовками на изготовку, за этой цепью еще несколько старших конвоиров с наганами в руках. Кроме того, улица перед тюрьмой забаррикадирована также сплошной вооруженной стражей (а за ней были видны толпы народа, в большинстве плачущие женщины и дети, пришедшие проститься со своими мужьями и отцами, но их не подпускали, не разрешали подавать никаких знаков и возгласов, а потом еще и разгоняли конные милиционеры).

«Лицу, незнакомому с тюремными порядками при новом коммунистическом режиме, не знающему также практических приемов органов ГПУ, может показаться, смотря на такую суровую строгость и бдительность охраны, что отправляется партия каких-то тягчайших государственных

всей ее непристойности «смехотворным курьезом», — вероятно, по сравнению со случаями избиений и травм арестантов особо усердствующими в их плотной загрузке охранниками. Когда погрузили их партию, в последний момент запихнули еще несколько арестанток — молодых женщин, «подвагонных» проституток, и «так как кузов был так плотно набит пассажирами, что не было возможности пошевелиться, не говоря уже о продвижении в каком-либо направлении — почему одной проститутке пришлось по необходимости поместиться на колени владыки Ювеналия, архиепископа Курского и Тульского. По этому поводу шпана острила всю дорогу, делая порнографические замечания, а архиерейская пассажирка, не желая уступить московским апашам в их словесном искусстве, делала в свою очередь еще более скабрзные реплики. Бедный владыка Ювеналий оказался в беспомощном состоянии и не знал, как реагировать на такую скабрзность по его адресу» (Там же. С. 210).

или уголовных преступников, готовых броситься на свою стражу.

В действительности нет никакой надобности в применении такой строгости. В нашей, например, партии, за исключением необходимого числа "шпаны" (мелкие воришки, карманщики, хулиганы), остальные все каэры, другими словами, люди, ни в чем не виновные. В нашей партии были два архиепископа, три епископа и человек двенадцать прочего духовенства религиозных культов.

Конвоиры, вооруженные, как говорят, до зубов, сплошным кольцом охраняют лиц, которые являются высшими представителям христианской Церкви, другие духовными отцами верующих россиян всех народов и культов... Вот к ним ГПУ относится с такой суровой подозрительностью, как бы причисляя их к опасным врагам государства и общества.

Да, они враги... но враги не культурного благонаправленного общества, а враги разрушителей основ нравственности, семейных и общественных взаимоотношений. Причем они враги не физические, а духовные... Их оружие — смирение, всепрощение, ангельская кротость и доброта... Это такое оружие, которое все ваши усовершенствованные средства борьбы бессильны преодолеть... И не преодолеют»¹¹⁰.

Воронки привозили партии заключенных на вокзал, где их опять-таки под конвоем перегоняли к специальным вагонам где-нибудь на запасных путях, подалее от публики, куда и грузили. В то время использовали так называемые "столыпинские вагоны".

«Это обыкновенный купированный вагон, только из девяти купе пять, отведенные арестантам (и здесь, как всюду на Архипелаге, половина идет на обслугу!), отделены от коридора не сплошной перегородкой, а решеткой, обнажающей купе для просмотра... Окна коридорной сто-

---

¹¹⁰ Там же. С. 208–209.

роны — обычные, но в таких же косых решетках извне. А в арестантском купе окна нет — лишь маленький, тоже обрешеченный слепыш на уровне вторых полок (вот, без окон, и кажется нам вагон как бы багажным). Дверь в купе — раздвижная железная рама, тоже обрешеченная... По расчетам вольных инженеров в сталинском купе могут шестеро сидеть внизу, трое лежать на средней полке (она соединена как сплошные нары, и оставлен только вырез у двери для лаза вверх и вниз) и двое — лежать на багажных полках вверху»¹¹¹.

Норма в 11 пассажиров редко соблюдалась, и часто заталкивали еще по несколько человек, причем, как правило, всех вперемешку: и политических, и уголовников, и больных, и здоровых. Везли очень долго, с бесконечными остановками и стоянками на путях, с выгрузками и перегонами в пересыльные тюрьмы, и почти не обеспечивая заключенных едой.

Соловецкие этапы формировали в Москве и Петербурге: в Бутырской тюрьме и в "Крестах" соответственно. На эти два сборных пункта со всей страны свозили заключенных, откуда их уже и отправляли поездами в Кемь. Точно не известно, куда был отправлен епископ Нектарий из Вятки. Вполне возможно, что его перевезли в Петербург, и тогда владыка мог опять попасть в знакомые ему "Кресты", а оттуда уже этапироваться дальше.

Очень яркое описание такого этапа из "Крестов" как раз в 1925 году оставил бывший морской офицер императорского флота Б. Л. Седерхольм, отправленный на Соловки в конце августа 1925 года. Несмотря на то что ему не пришлось испытать перевозки на вронках — их партию перегоняли на Николаевский

---

¹¹¹ *Солженицын А. И.* Архипелаг Гулаг. Т. 1. М.: Новый мир, 1990. С. 349, 350.

вокзал пешком, — конечно, под конвоем и прицелом заряженных винтовок, но при этом без особых издевательств, более того, женщин и стариков даже посадили на телеги с вещами. Но зато потом до Кёми везли трое суток в нечеловеческих условиях.

Всю их партию в 94 человека затолкали в один вагон. «Весь вагон был разделен вдоль железной решетчатой перегородкой, отстоявшей менее чем на метр от одной из вагонных стенок. Таким образом получался узкий коридор, в котором все время находилось пять вооруженных часовых, сменявшихся каждые два часа

Все пространство вагона позади решетки было разделено поперечными перегородками на ряд отделений. Нас разместили по 15—16 человек в каждом отделении, вместе с нашими вещами. Каждое отделение состояло из трех этажей, образуемых подъемными скамейками так, что на каждый этаж отделения пришлось по 4—5 человек с вещами. Ни сидеть, ни двигаться было невыносимо. Можно было только лежать, и по требованию конвойных лежать нужно было головой к решетке, так как каждые полчаса конвойные при свете свечки считали наши головы. Скамейки, разделявшие этажи, тесно соприкасались одна с другой, образуя сплошной помост, и мы лежали в каждом этаже совершенно вплотную друг к другу. Каждое изменение положения тела вызывало протест соседей. Со стороны решетки скамейка не доходила до нее на 1½ фута, и благодаря этому промежутку можно было протискиваться в уборную, которая находилась в конце вагона, на той же стороне, что и наши отделения, то есть за решеткой. Уборная не закрывалась, и оттуда все время шел отвратительный запах. Протискиваться в уборную было чрезвычайно трудно, а для лежащих на верхних двух этажах больных и стариков это было почти невозможно.

Первую ночь путешествия я провел настолько ужасно, что даже о секретке № 26 я вспоминал как о недостижимом отныне блаженстве.

Сжатый со всех сторон лежащими людьми, в пропитанном зловонием воздухе, я не мог ни на минуту забыть-ся сном. Один из моих соседей, старый крестьянин, все время кашлял мне прямо в лицо, и под утро у него пошла горлом кровь. Клопы и вши положительно атаковали нас, и от движения лежащих людей на верхних полках сыпались на лицо эти отвратительные насекомые и пыль. В довершение всего старый хромой священник, страдавший недержанием мочи, лежавший на верхней полке, не мог попасть в уборную, и благодаря щелям наверху мы ужасно страдали. Ко всему этому надо прибавить, что наши вещи были свалены тут же, и это еще более увеличивало тесноту и грязь. Многие прошли несколько этапных пересыльных тюрем, прежде чем попасть в Петербург, а эти тюрьмы всегда переполнены свыше нормы и кишат всевозможными насекомыми.

С рассветом стало еще хуже. Темнота отчасти скрывала ужас окружающего, но при бледном свете занимавшегося северного осеннего утра моим глазам открылась не поддающаяся описанию картина человеческих страданий. Измученные бледные лица, груды грязных разбросанных вещей, лужа крови от моего чахоточного соседа, плевки на полу и капающая сверху моча несчастного старика.

На мое заявление и просьбу куда-нибудь убрать старика-священника, страдавшего расстройством мочеиспускания, конвойный начальник, смерил меня взглядом и сказал: "Не ваше дело, не на прогулку едете. В других отделениях еще хуже, однако никто не жалуется".

По-видимому, в других отделениях было действительно хуже, так как на рассвете, когда мы стояли на каком-то полустанке, в одном из отделений поднялся шум. Заключенные просили убрать труп только что скончавшегося их товарища, чахоточного татарина из Крыма. Шум все увеличивался, и началась перебранка с конвойным. Во время этой перебранки американский инженер Шевалье в состоянии истерики бился о решетку и что-то кричал. Начальник конвоя выстрелил в него и прострелил ему пле-

чо»¹¹². Только через десять часов Шевалье сделали перевязку; потом в Кеми из-за начавшейся гангрены ему ампутировали руку.

У Седерхольма в дороге были деньги, и на какой-то из станций ему удалось через конвойного купить несколько штук яиц, хлеба и свиного сала и кое-как подкрепиться. Большинство же заключенных, по его словам, не имело ни денег, ни запасов провизии, так как почти все были взяты на этап неожиданно для них. Поэтому все они должны были довольствоваться в течение трехсуточного путешествия одним килограммом черного хлеба и тремя дрянными солеными рыбами, выданными в Петербурге перед отправлением из тюрьмы на этап. Чувствуя себя разбитым до последней степени, Седерхольм не мог представить, каково же было тем из узников, которых везли из дальних мест!

«Когда мы приехали на станцию Кемь, все облегченно вздохнули, — пишет он далее. — Увы, настоящие страдания тут только начинались! На станции наш вагон отцепили, и мы стояли там около двух часов. Наконец вагон тронулся, и мы поехали к месту расположения пересыльного лагеря, отстоящего от станции Кемь на 12 километров.

В первый раз за трое суток нашего путешествия мы получили возможность вдохнуть свежий воздух и размять отекавшие от неподвижного лежания члены. Накрапывал осенний дождик, но было еще светло, так как в этой широте в это время солнце заходит около 9 часов вечера. Всех нас выстроили во фронт с вещами в руках. Потом было приказано погрузить вещи на подъехавшие две телеги и опять стать во фронт...

---

¹¹² *Седерхольм Б. Л.* В разбойном стане. Три года в стране концесий и "чеки". 1923–1926. Рига, 1934. С. 231–234, 237.

Инженера Шевалье вынесли на руках и вместе с несколькими стариками положили на телегу. Еще раз нас всех пересчитали, и, окруженные конвоем, мы двинулись по четыре человека в ряд. Пройдя каким-то унылым, типичным северным поселком, мы миновали громадные штабеля сложенных досок и минут через двадцать ходьбы подошли к пустынному месту, огороженному несколькими рядами колючей проволоки. На желтых деревянных воротах красовался советский герб — серп и молот, а под ним надпись "Особый пересыльный пункт управления Соловецкими лагерями особого назначения (сокращенно УСЛОН)". Мы вошли в открывшиеся настежь ворота и пошли по широкому дощатому настилу, по обеим сторонам которого было расположено по шесть длинных дощатых одноэтажных бараков. Продолжал накрапывать мелкий дождь, за бараками виднелось серое неприветливое море, скалы и чахлая растительность»¹¹³.

Кемский пересыльный пункт был расположен на Поповом острове — каменистом, совершенно лишенном деревьев угрюмом островке (3 км в длину и 2 км в ширину), соединенном с берегом дамбой и мостом.

«На восточной стороне Попова острова находятся две пристани — северная и южная. Используется же только последняя. Попов и Соловецкие острова разделяют около 40 миль: 12 миль до Рымбаки (крохотный островок) и 28 миль от Рымбаки до Соловецких островов. Море между Поповым островом и Рымбаки зимой не замерзает, а между Рымбаки и Соловецкими островами замерзает. На Рымбаки находятся маяки и склады...

Сам концлагерь (на Поповом острове) имеет вид прямоугольного огороженного пространства, приблизительно в 200 ярдов длиной и 150 шириной. Он стоит на болоте в юго-восточной части острова, а вокруг разбросаны груды

---

¹¹³ Там же. С. 240–241.

каменной. Близость болота способствует распространению малярии, цинги и легочных заболеваний. На Соловках заключенные ужасно мучаются из-за отвратительных комаров, которые роятся на болоте, никому не давая покоя ни днем, ни ночью. Лагерь огорожен высоким проволочным забором. Вдоль него через определенные интервалы высятся часовые сторожки, вмещающие по восемь человек...»¹¹⁴

Этап Седерхольма прибыл сюда в конце августа 1925 года. Едва ли что изменилось спустя три месяца, когда привезли этап владыки Нектария. Разве что вместо унылого осеннего дождика их встречал пронизывающий ледяной ветер с заснеженного моря и зимний мрак короткого дня (в конце ноября — начале декабря дневной свет в этих северных широтах представляет собой скорее сумерки — утренние и переходящие в вечерние). Так что те "тоска и зима", которые, по образному выражению Седерхольма, «вошли ему в сердце», как у протоппа Аввакума, взглянувшего на сии "печальные места", только многократно усугубились.

Несколько десятков чекистов в кожаных куртках и фуражках с красными околышками встречали прибывшие партии заключенных. Первым делом заключенных подвергали обыску и обучали «военному строю».

«Большинство арестантов, — писал генерал И. М. Зайцев, — не имело, конечно, понятия о военных порядках, как люди штатские, особенно духовенство разных культов,

---

¹¹⁴ *Мальсагов С. А.* Адский остров. Советская тюрьма на далеком севере // Воспоминания соловецких узников. 1923–1939. Соловки: Спасо-Преображенский монастырь, 2013. Т. 1. С. 391–393.

и уж подавно женщины, в числе их есть и старушки, — все должны стоять в строю и двигаться по командам. Размещены, например, так в строю стоят — архиепископ, епископ, генерал, бывший губернатор, ксендз или пастор, а между ними или рядом с ними босые, рваные, сопливые "шпанята", которые притом норовят что-нибудь украсть».

За непорядок в строю могли сразу же подвергать избиванию, а муштровали порой по несколько часов, обучая маршировать, поворачиваться по командам и выкрикивать общее "здра" на приветствие начальникам. «Такой собачий выкрик применен теперь в Красной Армии», — заметил генерал И. М. Зайцев, описывая прием их партии, в которой, как уже отмечалось, было немало духовенства. После пятичасового обыска их всех еще раз выстроили на панели и в течение часа учили здороваться.

«Согласованность при такой массе, в 650 человек, нам никак не удавалась. Начальство свирепело. Все время слышится гав-гав-гав (площадная брань). Бешеный Основа (командир полка охраны) обращается к владыке Глебу, епископу Воронежскому, стоящему рядом со мной: "Ты, толстопузый, почему зажал губы и не отвечаешь?" Бедные архипастыри должны были лаять по-собачьи и кричать "Здра"»¹¹⁵.

С самого начала при приеме начальник лагеря объяснял вновь прибывшим заключенным, что они сосланы за тяжкие преступления в лагерь, который находится на военном положении, так что от них требуется безусловное повиновение и за малейший проступок следует строжайшее взыскание, включительно до расстрела. Таковое нередко тут же наглядно демон-

---

¹¹⁵ Зайцев И. М. Указ. соч. С. 215–216.

стрировали, как при приеме партии Седерхольма, когда по доносу одного из заключенных чекистов (он этапировался вместе с другими арестантами и в пути получил от шпаны чайником по голове) его обидчики были без особого промедления выявлены и уведены. Через полчаса всех заключенных вывели на берег моря и показали на три трупа с простреленными головами (причем их лично застрелил сам "пострадавший" чекист-заключенный).

«В этот момент всем стало ясно, что такое УСЛОН, — пишет Седерхольм. — Тут же перед еще не остывшими трупами, под дождем, у серого, унылого моря нас разбили на две группы и вывели на главную линейку лагеря, т<о> е<сть> на широкий деревянный помост, тянувшийся между бараками. Каждую группу окружили чекисты и конвойные солдаты, после чего всех нас вывели за ворота и повели через поселок. Минут через двадцать мы пришли на пристань, около которой стоял большой пароход. Нам приказали нагрузить его углем. Это была адская работа, так как мы в течение 3 суток почти ничего не ели и почти не спали. Нагрузив несколько мешков, я упал и потерял сознание.

Очнувшись, я увидел, что лежу на мешках из-под угля и рядом со мной сидит молодой человек в кожаной куртке при револьвере. Видя, что я пришел в сознание, чекист сказал: "Что, старикашка? Сомлел? Ну, иди, записывай мешки!" Меня поставили у сходни, и я должен был считать проходивших мимо грузчиков с мешками. Часов около 11 вечера, перед самым окончанием погрузки, потерял сознание бывший вице-губернатор, Павел Иннокентьевич Попов. Он так и не очнулся, так как умер, не приходя в сознание.

Со времени отъезда из Петербурга шли четвертые сутки, а в нашей партии было уже 6 покойников и один с простреленным плечом. Есть над чем задуматься!

Мы вернулись в барак около 12 часов ночи и как были, т<о> е<сть> в угольной пыли, в грязи, повалились

на нары и заснули. Клопы неистовствовали, из щелей стен немилосердно дуло.

В 5 часов утра нас подняли. Кое-как я вымылся позади барака на скалах. Дул холодный пронизывающий ветер, небо было серое, и эти вытянувшиеся в одну линию бараки среди болота и скал производили гнетущее впечатление.

В половине шестого мы отправились в лагерную кухню за кипятком и черным хлебом. Деньги мои у меня отобрали при осмотре вещей и сказали, что внесут их на мой текущий счет. О получении книжки нечего было и думать пока, так как мы были в состоянии "морального карантина", то есть не имели ни минуты свободной. Едва напились мы кипятку с черным хлебом, как всех заключенных лагеря выстроили на главной линейке для поверки.

Все заключенные лагеря разбиты на четыре роты. Как командиры рот, так и взводные командиры назначаются из среды заключенных, преимущественно чекистов. Если ротное начальство не чекисты, то это еще хуже, так как к ним предъявляются из штаба лагеря еще более строгие требования, чем к чекистам, и это, разумеется, отражается на рядовых заключенных. Поверка длится около сорока минут, и все это время надо стоять "смирно", то есть абсолютно замерев на месте. Я думаю, что такой фронтальной дисциплины, какая царит в УСЛОН, не было даже в гатчинских полках Императора Павла.

Сейчас же после поверки всех заключенных разводят по работам. Работы самые разнообразные, так как весь лагерь сам себя обслуживает. На различных хозяйственных работах, в канцеляриях, в мастерских, на электрической станции, работают преимущественно те заключенные, которые уже давно находятся в заключении и прошли моральный карантин. Период карантина для каждого заключенного различен: от одного месяца и до нескольких лет — в зависимости от его социального происхождения, прошлой деятельности и характера "преступления"¹¹⁶.

---

¹¹⁶ *Седерхольм Б. Л.* Указ. соч. С. 243–246.

"Моральный карантин", который постоянно применялся в Соловецком лагере и в последующие годы с неослабевающей жестокостью, представлял собой каторжный труд по 12–16 часов в день в адских условиях и на крайне скудном пайке, и это для едва державшихся на ногах людей после изнурительного этапа. На обед давали суп из картофеля и гнилой трески (ее запахом был пропитан весь лагерь)¹¹⁷, на ужин — две ложки каши с подсолнечным маслом. Жилищные условия были также невообразимым издевательством над измученными людьми. В вонючих холодных бараках на деревянных нарах с клопами и другими насекомыми, порой опять-таки в ужасающей тесноте, когда в барак, рассчитанный на 120 человек, помещали по 500 (на каждого человека было отмерено на нарах место шириною в 20 сантиметров, при этом еще где-то нужно было разместить и вещи).

Архиепископ Иларион (Троицкий), увидевший весь ужас барачной обстановки и лагерную пищу, когда впервые прибыл в Кемский лагерь, «даже он, жизнерадостный и бодрый, — по свидетельству о<тца> Михаила Польского — сказал: "отсюда живыми мы не выйдем". И он в Соловецких лагерях

---

¹¹⁷ Но у многих заключенных не было ни кружек, ни мисок, ни ложек. Они стояли толпами у дверей кухни, прося счастливых обладателей посуды взять в свои миски обед на их долю. Как пишет Б. Л. Седерхольм: «Я не успел опомниться, как мне в руку всунули два картонных кружочка, по которым выдается обед, и у меня духу не хватило отказать несчастным людям, не имевшим даже миски. У меня в руках был небольшой алюминиевый таз, в котором я мылся, так как мою миску украла еще в дороге. Я набрал почти до краев вонючей похлебки к великому удовольствию моих случайных доверителей» (*Седерхольм Б. Л. Указ. соч. С. 248*).

пробыл шесть лет, но все же живым не вышел из своего заключения»¹¹⁸.

Сколько продолжался "моральный карантин" для владыки Нектария — не известно. Седерхольм и Зайцев провели в Кемпи по двое суток и были перевезены на Соловецкий остров. Там их тоже ожидал "моральный карантин", но об этом далее. Ко времени прибытия владыки Нектария в Кемь навигация была уже закрыта, и в Кемском лагере ему пришлось пробыть всю зиму и весну. На каких работах он был, в каких условиях — ничего не известно. Но осталось замечательное свидетельство о его участии в пасхальном богослужении 1926 года.

К тому времени в Кемском пункте было немало духовенства, в том числе и архиереев. 15 апреля привезли архиепископа Илариона (Троицкого). Впервые он был отправлен в Соловецкий лагерь еще в 1923 году: с конца декабря 1923 года содержался в Кемском пересыльном пункте, с середины 1924 года на Соловецком острове. В конце лета 1925 года его увезли в Ярославскую тюрьму, а весной 1926 года опять отправили на Соловки. В Кемском пересыльном пункте они и встретились с епископом Нектарием. Об их общем молении на Пасху 1926 года написал в своих воспоминаниях священник Павел Чехранов¹¹⁹:

«Подходила Пасха. Людей нагнали в пункт видимо-невидимо. Вследствие весенней распутицы лесные разработки закончились, и более тысячи человек возвращались

---

¹¹⁸ *Польский Михаил, протопресвитер*. Новые мученики Российские: в 2 ч. Ч. 1. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). М.: Светлячок, 1994. С. 133.

¹¹⁹ Священник Павел Чехранов (1879–1961) служил в Никольской церкви в Ростове-на-Дону. В 1923 — за неприятие обновленчества отправлен на Соловки.

обратно в лагерь. А весь лагерь рассчитан на 800 человек. Клуб закрылся и переделан под жилое помещение с нарами. В прочих бараках проходы замощены нарами, двойные нары переделаны в тройные (в три этажа). Даже привилегированный канцелярский барак обращен в двойные нары, вместо шестидесяти человек стало в нем сто двадцать.

Кипятку сплошь и рядом не отпускалось, так как котлы под обед и ужин занимались. Шла Пасха. И как хотелось, хотя и в такой затруднительной обстановке, совершить молитвенный обряд. "Как это так! — думал я, — пусть даже и сейчас, когда проснуться поговорить через толпу затруднительно, как не пропеть "Христос воскрес!" в пасхальную ночь!"...

И я решил подготовить свою братию. Повел разговоры с благодушнейшим епископом Нектарием (Трезвинским), епископом Митрофаном (Гришиным)¹²⁰, епископом Рафаилом (Гумилевым)¹²¹ и епископом Гавриилом (Абалниковым)¹²². Последний и не подозревал, какая ему писанка готовится. Из прочей братии оповещены были отец О. Филонен, шахматист, постоянный компаньон владыки Илариона, отец Аркадий Маракулин.

Однако приглашенные разбились на две группы. Только архиепископ Иларион и епископ Нектарий согласились на пасхальную службу в далеко не законченной пекарне, где только одни просветы были прорублены, ни дверей, ни окон. Остальное епископство порешило совершить службу в своем бараке, на третьей полке, под самым потолком, по соседству с помещением ротного начальства. Но я решился пропеть пасхальную службу вне барака, дабы хотя бы в эти минуты не слышать "мата". Сговорились.

---

¹²⁰ Епископ Аксайский, викарий Донской Митрофан (Гринев) (1877–1938).

¹²¹ Епископ Александровский, викарий Ставропольский Рафаил (Гумилевский) (1887–1938).

¹²² Епископ Осташковский, викарий Тверской Гавриил (Абалымов) (1881–1958).

Настала Великая Суббота. Арестантский двор и бараки, как сельди, были наполнены прибывавшими из лесозаготовок. Но нас постигло новое испытание. Последовало распоряжение коменданта ротным командирам не допускать и намеков на церковную службу и с восьми часов вечера не пускать из других рот. С печалью сообщили мне епископы Митрофан и Гавриил это распоряжение. Однако я своему "причту" настаивал: все же попытаемся в пекарне совершить службу. Епископ Нектарий сразу согласился, а архиепископ Иларион нехотя.

Но все же попросил разбудить в 12 часов. В начале двенадцатого я отправился прежде всего в барак, где помещался владыка Нектарий. Двери были настежь открыты, и мне, быстро вошедшему, преградил дорогу дневальный. "Не велено пускать никого из других рот..." Я остановился в нерешительности. Однако владыка Нектарий был наготове. "Сейчас, сейчас", — сказал он мне. Я отправился к владыке Илариону. Войдя стремительно в барак, я направился мимо дневального, который оказался несколько знакомым мне и расположенным.

"Пожалуйста, поскорее делайте и уходите. Не приказано..." Я кивнул ему головою, подошел к владыке Илариону, который, растянувшись во весь свой великий рост, спал. Толкнул его в сапог, владыка приподнялся. "Пора", — сказал я ему шепотом. Весь барак спал. Я вышел. На линейке ожидал владыка Нектарий.

Присоединился владыка Иларион. И мы гуськом тихо направились к задней стороне бараков, где за дорогой стоял остов недоконченной пекарни, с отверстиями для окон и дверей. Мы условились не сразу, а по одиночке прошмыгнуть. И когда оказались внутри здания, то выбрали стену, более укрывавшую нас от взоров проходящих по дорожке. Мы плотнее прижались к ней — слева владыка Нектарий, посередине — владыка Иларион, а я — справа. "Начинайте", — проговорил владыка Нектарий. "Утреню?" — спросил владыка Иларион. "Нет, все по порядку, с полунощи", — отвечал владыка Нектарий. "Благословен Бог наш..." — тихо произнес владыка Иларион.

Мы стали петь полунощницу. "Волною морскою... " — запели мы. И странно, странно отзывались в наших сердцах эти с захватывающим мотивом слова. "Гонителя мучителя, под землю скрыша..." И вся трагедия преследующего фараона особенно в этой обстановке чувствовалась нашими сердцами как никогда остро. Белое море с белым ледяным покровом, балки для пола, на которых мы стояли, как на клиросе, страх быть замеченными надзором. И все же сердце дышало радостью, что пасхальная служба все же совершается нами вопреки строгому приказу коменданта.

Пропели полунощную. Архиепископ Иларион благословил заутреню. "Да воскреснет Бог, и расточатся врази его..." — не сказал, а прошептал, всматриваясь в ночную мглу, владыка Иларион. Мы запели: "Христос воскресе!.." Плакать или смеяться от радости, думал я. И так хотелось нажать голосом чудные ирмосы! Но осторожность руководила нами. Закончили утреню. "Христос воскресе!" — сказал владыка Иларион, и мы все трое облобызались. Владыка Иларион сделал отпуст и ушел в барак. Епископ Нектарий пожелал и часы с обедницей совершить. И мы совершили вдвоем. Только я был за предстоятеля. Владыка Нектарий за псаломщика, так он сам пожелал, ибо знал все песнопения, равно и чтения — апостоловец, наизусть.

Днем по случаю праздника я пригласил владыку Илариона на кофе в свой барак. Но пили его в комнате канцелярии хозяйственной части, пустующей по случаю праздника. Владыка удивился моей смелости и изобретательности. Кофе — с халвой, с кусочками кулича, который был прислан кемским духовенством для всех нас.

"А пили вы кофе по-венски?" — спросил меня владыка и, смеясь, рассказал, как это делается. На другой день службу совершили мы с владыкой Нектарием вдвоем, ходя по дорожке. И этот день также казался мне праздничным, как и первый с "богослужением"¹²³.

---

¹²³ Резникова И. А. Православие на Соловках. СПб.: НИЦ "Мемориал", 1994. С. 43–46.

Пасха 1926 года была поздней — 19 апреля по старому, то есть 2 мая по-новому. Вероятно, и весна была поздней, и навигация могла открыться позднее обычного (она и так открывалась не раньше мая). По-видимому, с первым же рейсом владыки были доставлены на главный Соловецкий остров, так как 27 мая / 7 июня они уже принимали участие в составлении знаменитой записки соловецких узников.

Подверглись ли они "моральному карантину" здесь? Вполне возможно. В воспоминаниях отца Михаила Польского, прибывшего на Соловецкий остров в июне 1924 года, о карантине нет упоминания. Духовенство его партии, хотя и занято было на тяжелых работах по прокладке железной дороги, размещено было сразу в 6-й роте, в бывших монашеских кельях. В келье для одного монаха — по 8, 12 и 14 человек на складных деревянных кроватях для каждого, так тесно, что едва можно было пробраться между ними. Но все были несказанно рады такому размещению как самому лучшему месту в концлагере: среди своих и не в бараке.

В 1925 году духовенство, очевидно, уже не избежало "карантина". И. М. Зайцев упоминает измученных архиереев его партии, которые наряду со всеми были, по выражению чекистов, "взяты в оборот", то есть их всех поместили в карантинной роте в главном соборе¹²⁴ и гоняли на разные работы с короткими переры-

---

¹²⁴ «В здании собора было помещено 720 человек. В помещении были непрерывный шум, крики, ругань — все это сливалось в сплошной общий гул. Часто раздавались выкрики отборной площадной брани с применением святых имен и названий в самом мерзком кощунственном смысле. Это было не что иное, как оргия обезумевших людей для осквернения святого места, лишь недавно высокочтимого русским народом. Мало этого, справа от входа в собор была небольшая пристройка, которая

вами в течение двух суток. Так, они пробыли на работе 36 часов лишь с тремя перерывами по два часа каждый, абсолютно без сна и совершенно голодные. В довершение всех мучений уголовники обворовали всех, и особенно пострадало духовенство.

Однако по прохождении этих мытарств духовенство все-таки попадало в 6-ю роту¹²⁵ и с 1925 года значалось не на общие работы, а сторожами, в лесничество и в каптерки — заведовать продуктами. До этого работавшие каптерщиками уголовники растаскивали все продукты, и, несмотря на жестокие расправы с проворовавшимися, ничего нельзя было поделаться. Пробовали назначать чекистов или бывших сексотов, результат был тот же. «Это надоело Эйхмансу¹²⁶, и практичный латыш решил сдать все дело внутреннего снабжения лагерей корпоративно духовенству, до того рассеянному по самым тяжелым уголовным ротам и не допускавшемуся к сравнительно легким работам. Духовенство приняло предложение,

---

символизировала келью святого Зосимы, здесь до ограбления чекистами хранились вещи, служившие святому в его обиходе. Теперь здесь устроили отхожее место, притом для большего осквернения без всяких приспособлений, а прямо на пол... В течение дня зловонную массу очищали и выносили назначенные арестанты. Как раз на эту работу в первый же день был назначен священник, провинившийся тем, что ответил не по-военному ротному командиру Воронову» (*Зайцев И. М.* Указ. соч. С. 223).

¹²⁵ Шестая рота — святительский корпус Соловецкого кремля. В 1937–1939 — тюремный корпус, в 1970–1980 — дирекция и отделы музея, в 1990-е — гостиница.

¹²⁶ Эйхманс Федор (Теодор) Иванович (1897–1938). С 1916 — на фронте в дивизии латышских стрелков, с 1923 — заместитель начальника УСЛОН, в 1925–1929 — начальник Соловецкого отделения лагеря, в 1930 — руководил всеми лагерями ОГПУ, в 1938 — расстрелян.

епископы стали к весам, за складские прилавки, диаконы пошли месить тесто, престарелые — в сторожа. Кражи прекратились»¹²⁷.

«Если в последние годы моего пребывания на Соловках духовенство заняло как бы привилегированное положение по отбытии принудительных работ, — писал И. Зайцев, — то это не ради его самого или их сана, а потому, что духовенство оказалось самым честным, аккуратным, добросовестным и исполнительным из всех других заключенных соловчан. Как ни тяжело было соловецкой администрации из чекистов признаться, что те, кого они презрительно называли "дармоедами", "обманщиками" и "эксплуаторами" народа и пр<очее>, оказались самыми безупречными людьми, но делать было нечего, сама жизнь принудила администрацию к этому»¹²⁸.

Куда попал епископ Нектарий, не известно. В сборнике "Новые мученики Российские" лишь упоминается, что он рыбачил¹²⁹, однако точных данных об этом нет. Рыбными промыслами заключенные занимались в отдаленных скитах под руководством нескольких соловецких монахов, оставленных на острове после закрытия монастыря для поддержания соловецкого хозяйства, которое силами заключенных не могли наладить без специалистов (кроме рыболовных тоней, работали электростанция, кожевенный, чугунно-ли-

---

¹²⁷ *Ширяев Б. Н.* Неугасимая лампада. М., 1991. С. 49–50.

¹²⁸ *Зайцев И. М.* Указ. соч. С. 262.

¹²⁹ Это же на первый взгляд подтверждает рассказ матушки С., опубликованный в материалах по истории Истинно-Православной Церкви на страницах "Суздальских епархиальных ведомостей" (1998. № 3). Однако очевидно, что рассказ относится не к соловецкому заключению, а к последнему периоду жизни владыки в концлагере на Каспии.

тейный, кирпичный заводы, верфи по постройке лодок и барж, различные мастерские).

Рыбу, знаменитую соловецкую сельдь и треску, как и прежде, ловили в больших количествах. Ничтожная часть этих уловов шла на кухню лагеря, а все главным образом отправлялось в Москву — засоленное в бочках.

«Промысловые артели получали продовольствие натурой, имели своего кашевара и, конечно, не стеснялись пользоваться в нужном количестве пойманной рыбой. В побережных скитах, где жили эти артели, помещение было также несравнимо лучше, чем в церквях кремля. При рыбных артелях постоянно находилась вооруженная охрана, но жилось там легче, сытнее и гораздо свободнее, и попасть заключенному в такую артель было большим счастьем»¹³⁰.

Отец Михаил Польский работал на рыбных промыслах летом 1926 года вместе с архиепископом Иларионом (Троицким), еще двумя епископами и несколькими священниками (с кем именно, он не указал). На фотографии из 8 заключенных (все, очевидно, духовного звания) за починкой сетей известны только архиепископ Иларион и епископ Игнатий (Садковский). Вполне возможно, что состав артели мог меняться. Отец Михаил писал, что они работали на Филимоновой тоне в семи верстах от кремля на берегу одного залива Белого моря. Так, 7 июня 1926 года он шел туда по лесной дороге из кремля после обсуждения проекта знаменитой декларации соловецких узников. Этот документ, выразивший соборное мнение

---

¹³⁰ *Шауфельбергер А. С. Л.* Соловки // Воспоминания соловецких узников. 1923–1939. Т. 1. Соловки: Спасо-Преображенский монастырь, 2013. С. 654.

заключенных архиереев в Соловецком концлагере по одному из самых насущных для Церкви в то время вопросов, заслуживает особого внимания.

Декларация соловецких узников

Заключенные архиереи в Соловецком концлагере от лица Церкви обращались к правительству советского государства с предложением положить конец «прискорбным недоразумениям между Церковью и советской властью» и предоставить Церкви в действительности те права, которые были провозглашены формально советскими законами. Подробно излагая принципиальное отношение Церкви к государству, соловецкие узники надеялись устранить «недоразумения» (то есть гонения) и договориться с властями хоть о каком-то сносном для Церкви положении в советском государстве.

Отец Михаил Польский, непосредственно принимавший участие в обсуждении соловецкого документа, приводит его текст в первом томе сборника "Новые мученики Российские" под заголовком "Памятная записка соловецких епископов, представленная на усмотрение правительства". Несмотря на то что этот документ не был официальным, он выражал мнение большой группы епископата, собранного в одном месте заключения и, таким образом, представлявшего своего рода малый собор Российской Православной Церкви. Отец Михаил называет 24 архиерея, пребывавших в Соловецком лагере с 1923 по 1926 год, и среди них и епископа Нектария Яранского. Из этих 24 епископов 17 непосредственно принимали "Памятную записку", остальные не были поблизости от Соловецкого кремля, но о содержании записки знали

и свое мнение высказали архиепископу Евгению (Зернову), признанному старшим среди архиереев по их общему согласию.

Являясь соборным мнением всех заключенных на Соловках архиереев, "Памятная записка" «отражала общие условия жизни Церкви и общий ее исповеднический дух. Дух этого документа преисполнен непоколебимой твердостью во всем, что касается собственно церковной жизни, совершенно чужд и малой тени соглашательства, совершенно безбоязнен в свидетельстве правды и свободен в своем мнении среди уз. Документ отвечает высочайшему достоинству Церкви и ее вечному значению, указывая ее истинный путь»¹³¹.

Непосредственным составителем "Памятной записки" был профессор Московской духовной академии Иван Васильевич Попов, который руководствовался указаниями архиепископа Евгения. «С ним он по преимуществу совещался, но до общего собрания епископов читал "Записку" и небольшой группе епископов и духовенства, подвергая ее многосторонней критике. Во всех этих собраниях живо участвовал и архиепископ Иларион, соратник И. В. Попова в Московской Духовной Академии».

Общее же собрание, утвердившее окончательный текст, состоялось в день отдания Пасхи 27 мая / 9 июня 1926 года. В этот день, как пишет отец Михаил, в монастырском кремле Соловецкого острова в продуктовом складе лагеря собрались по возможности все заключенные здесь епископы для заслушания доклада профессора Ивана Васильевича Попова. Складом заведовал игумен из Казани, отец Питирим Крылов, с ним вместе в качестве сотрудников работала там

---

¹³¹ *Польский Михаил, протопресвитер.* Новые мученики Российские. Т. 1. С. 165.

группа духовенства. Он и предоставил свое помещение для секретного совещания, которое прошло не без испытания.

«Совершенно неожиданно в неурочное время лагерь стал обходить для осмотра сам начальник всех лагерей Соловецкого острова Эйхманс со своим штабом. О<тец> Питирим встретил его на складе и надеялся, что он не пойдет в комнату его и его сотрудников, где происходило в это время заседание епископов. Но начальник решительно подошел к дверям и открыл их. Увидев вместе большую группу духовенства, он удивился: "Это что за собрание?" — "У нас сегодня праздник", — ответил смущенно о<тец> Питирим. Почему этот момент прошел благополучно, трудно сказать. Надо полагать, что начальство вообще было довольно порядком на складе, и в то время духовенству позволялось иногда по праздникам ходить в кладбищенскую церковь преп. Онуфрия, открытую для остатка монахов, рабочих-специалистов, временно остававшихся еще на пепелище своего монастыря. Потом эта поблажка была уничтожена, и все вольнонаемные монахи были удалены из лагеря, и последний их храм закрыт»¹³².

Составление "Памятной записки" было вызвано настоятельной необходимостью урегулировать крайне напряженные взаимоотношения Церкви и советского государства, точнее, крайне враждебное отношение государства к Церкви и попытаться получить хоть какой-то легальный статус в советском государстве, где Церковь была совершенно бесправной, будучи поставленной вне закона сразу же после захвата власти большевиками в октябре 1917 года.

---

¹³² *Польский Михаил, протопресвитер.* Указ. соч. С. 164. Далее до конца главы цитаты из данного издания, кроме оговоренных особо.

Об этом соловецкие узники пишут в начале своего документа: «Несмотря на основной закон, обеспечивающий верующим полную свободу совести, религиозных объединений и проповеди, Православная Российская Церковь до сих пор испытывает весьма существенные стеснения в своей деятельности и религиозной жизни. Она не получает разрешения открыть правильно действующие органы центрального и епархиального управлений; не может перевести свою деятельность в ее исторический центр — Москву; ее епископы или вовсе не допускаются в свои епархии, или, допущенные туда, бывают вынуждены отказываться от исполнения самых существенных обязанностей своего служения — проповеди в церкви, посещения общин, признающих их духовный авторитет, иногда даже посвящения. Местоблюститель Патриаршего Престола и около половины православных епископов томятся в тюрьмах и ссылке или на принудительных работах. Не отрицая действительности фактов, правительственные органы объясняют их политическими причинами, обвинив православный епископат и клир в контрреволюционной деятельности и тайных замыслах, направленных к свержению советской власти и восстановлению старого порядка. Уже много раз Православная Церковь, сначала в лице покойного Патриарха Тихона, а потом в лице его заместителей, пыталась в официальных обращениях к Правительству рассеять окутывающую ее атмосферу недоверия».

Авторы соловецкого документа констатировали всю безуспешность этих попыток, о чем многие из них хорошо знали и по своему собственному опыту. Как и епископ Нектарий в Яранске и Вятке во время следствия, многие из них также тщетно старались доказать свою непричастность к политике, занятость

исключительно церковными делами и полную лояльность в отношении гражданских законов.

Тем не менее в "Памятной записке" они вновь повторяли известные факты и положения об аполитичности Церкви: подчеркивали «совершенное устранение Церкви от вмешательства в политическую жизнь», заверяли правительство «с полной искренностью, что ни в храмах, ни в церковных учреждениях, ни в церковных собраниях от лица Церкви не ведется никакой политической пропаганды». При этом соловецкие узники с поразительной откровенностью заявляли, что отдают себе отчет, «насколько затруднительно установление благожелательных отношений между Церковью и государством в условиях текущей действительности» в силу существенного расхождения между Церковью и советской властью, и отмечали, что было бы неправдой, не отвечающей достоинству Церкви, об этом умалчивать.

Однако это расхождение, подчеркивали авторы соловецкого документа, вовсе не в том, что желает видеть политическая подозрительность и клевета врагов в вопросах перераспределения материальных благ или организации власти. Нет, Церковь этого не касается! Она и перераспределение богатств всегда признавала правом государства, и лояльность сохраняла и сохраняет в отношении правительств всех стран, в границах которых имеет своих членов («она уживается со всеми формами государственного устройства — от восточной деспотии старой Турции до республики Североамериканских штатов»). Расхождение же лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, который является официальной идеологией коммунистической партии и советского правительства, этой партией руководимого.

И здесь соловецкие узники также прямо и откровенно писали о противоположности религии и коммунизма: «Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога Творца мира, руководителя его жизни и судеб, коммунизм не допускает его существования, признает самопроизвольность бытия мира и отсутствие разумных конечных причин в его истории. Церковь полагает цель человеческой жизни в небесном призвании духа и не перестает напоминать верующим об их небесном отечестве, хотя бы жила в условиях наивысшего развития материальной культуры и всеобщего благосостояния, коммунизм не желает знать для человека никаких других целей, кроме земного благоденствия. С высот философского мирозерцания идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь проповедует любовь и милосердие, коммунизм — товарищество и беспощадность борьбы. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью. Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодоношения, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку достижение его вечного предназначения, но и служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий их энергию, как на

источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм — ее уничтожения. При таком глубоком расхождении в самых основах миросозерцания между Церковью и государством не может быть никакого внутреннего сближения или примирения, как невозможно примирение между положением и отрицанием, между да и нет, потому что душою Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицает коммунизм».

Это смелое, можно сказать, исповедание, кроме того еще и дополненное обличением жалких попыток обновленцев какими-то компромиссами или изменением в вероучении примирить христианство с коммунизмом, тем не менее, не помешало авторам послания с такой же прямоотой утверждать возможность сосуществования Церкви и советского государства. При всей идеологической непримиримости столкновения этих антиподов в практической жизнедеятельности, — утверждали соловецкие узники, — можно избежать, если будет последовательно проводиться закон об отделении Церкви от государства.

«Такой закон, изданный в числе первых революционным правительством, вошел в состав Конституции СССР и мог бы при изменившейся политической системе до известной степени удовлетворить обе стороны. Церковь не имеет религиозных оснований не принять его. Господь Иисус Христос заповедал предоставлять "Кесарево", т<о> е<сть> заботу о материальном благосостоянии народа, "Кесарю", т<о> е<сть> государственной власти, и не оставил нам, своим последователям, завета влиять на изменение форм или руководить их деятельностью. Согласно этому вероучению и традициям, Православная Церковь всегда сторонилась политики и оста-

валась послушной государству во всем, что не касалось веры».

Церковь в полной мере исполняла и исполняет этот закон, в отличие от правительства, которое не остается нейтральным в отношении религии, а употребляет все средства государственного воздействия для насаждения атеизма, — подчеркивали соловецкие узники и вновь смело заявляли, что и здесь они не могут умолчать или по примеру обновленцев вслух всего мира позорно лгать, «что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она пользовалась бы столь полной свободой». Напротив, Церковь должна со всей справедливостью заявить о несправедливости законов, ограничивающих ее религиозную деятельность.

Призывая государственную власть соблюдать свою же Конституцию, авторы документа отметили, что Церковь свое отношение к государственной власти «основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, она никогда не призывает к оружию и политической борьбе, она повинуетя всем распоряжениям гражданского характера. Однако при этом Церковь желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей Конституцией, и не может стать слугой государства».

Обратим внимание на последнюю фразу. Это ключевой момент всего документа, его лейтмотив. Соловецкие архиереи неоднократно повторяли, что устранение Церкви от политики предполагает, что она не может занимать никакую позицию в политических вопросах и поддерживать ту или иную политическую

силу. Тем более осуществлять надзор за политической благонадежностью своих членов. «Православная Церковь считает сыск и политический донос совершенно несовместимыми с достоинством пастыря», — открыто написали соловецкие узники.

По этой же причине, отвергая обвинения в сношениях с эмигрантами и отрицаясь от поддержки их политической деятельности, направленной против советской власти, авторы послания отказывались и от осуждения деятельности эмигрантов, и тем более от церковного суда над зарубежными епископами (как того постоянно требовали власти от Патриарха Тихона, а затем от его заместителей в качестве доказательства лояльности к советской власти). Мотивируя свой отказ помимо всего прочего и чисто практическими условиями¹³³, авторы послания прямо заявляли: «Мы не можем одобрить обращение церковного амвона и учреждений в одностороннее орудие политической борьбы». И еще более дерзновенно: «Закон об отделении Церкви от государства двусторонен, он запрещает Церкви принимать участие в политике и гражданском управлении, но содержит в себе и отказ государства от вмешательства во внутренние дела Церкви и Ее вероучение, богослужение и управление».

---

¹³³ «Те церковно-гражданские законы, которыми руководилась Церковь в христианском государстве, после падения его утратили силу, а чисто церковные законодательства, которыми единственно в настоящее время может руководиться Церковь, не предусматривают суда над клириками и мирянами по обвинению в политических преступлениях и не содержат в своем составе еще канонов, которые налагали бы на верующих наказания за преступления подобного характера». Также и в отношении суда над зарубежными епископами. По канонам их может судить только Собор, и при этом обязательно личное присутствие обвиняемых, что было совершенно невыполнимо по тогдашним условиям советского государства.

Подчеркнув, что Церковь всецело подчиняется этому закону, соловецкие епископы выразили надежду, что и государство «добросовестно исполнит по отношению к Ней те обязательства по сохранению Ее свободы и независимости, которые в этом законе оно на себя приняло», что Церковь не будет оставлена в бесправном положении, что будут пересмотрены законы, запрещающие обучение детей закону Божию и т. п., что будет разрешено организовать епархиальные управления, избрать Патриарха и т. д.

И в заключение соловецкие архиереи еще раз подчеркнули, что, предоставляя настоящую "Памятную записку" на усмотрение правительства от имени Российской Церкви, они искренне изложили «как затруднения, мешающие установлению взаимно-благожелательных отношений между Церковью и государством, так и те средства, которыми они могли бы быть устранены». Таким образом, изложено «открыто, без всяких умолчаний, что Церковь может обещать советской власти и в чем не может отступить от Своих принципов и чего ожидает от Правительства СССР».

Если вспомнить, к кому обращались соловецкие узники, то не знаешь, чему больше удивляться: смелости или наивности? Неужели они и в самом деле полагали, что правительство СССР отступит от своего воинствующего безбожия и предоставит Церкви ограниченные, но вполне законные условия существования?

Отец Михаил Польский писал, что большинство его союзников действительно надеялись на успех переговоров с властью, лишь архиепископ Иларион совершенно не верил в установление нормальных отношений, а на "Памятную записку" смотрел как на своего рода апологию, предназначенную для распространения в народе, а не как на документ, который будет

иметь практическое значение. «И на всякие доводы ученых юристов любил декламировать басню Крылова "Волк и Ягненок"... Характеристика отношений церковников и большевиков в этой басне дана верная. Власти не верят никаким нашим заверениям в верно-подданнических чувствах. У власти своя логика — "религия нам вредна, она по существу контрреволюционна, и вас, поддерживающих религию в народе, мы ненавидим и тесним, и желаем вас уничтожить, поэтому, конечно, и вы нас ненавидите и всегда желаете нашего падения, и при всяком удобном случае будете против нас"». «Говоря словами Волка из басни:

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите;
Но я с тобой за их разделаюсь грехи...

За контрреволюционную сущность религии и за контрреволюционные грехи наших собратьев они и "разделяются" с нами...»

При этом, замечает отец Михаил, власть все время обманывала и делала вид, что готова к соглашению. Власть сулила Церкви легализацию на определенных условиях. Не случайно в "Памятной записке" соловецкие узники неоднократно подчеркивали принцип невмешательства Церкви в политику и на этом основании обосновывали невозможность не только порицания гражданских мероприятий правительства, но и их одобрения.

Но как раз последнего настойчиво и требовала власть. Нейтральная, "аполитичная", то есть свободная Церковь ей была не нужна. Потому и соловецкая декларация, конечно же, не годилась. Так же как и подобный проект "Обращения к православным архи-

пастырям и пастырям и пасомым”, составленный митрополитом Сергием (Страгородским), возглавившим Русскую Церковь в качестве заместителя Патриаршего Местоблюстителя после ареста митрополита Петра (Полянского) в декабре 1925 года. Примечательно, что проект митрополита Сергия был составлен почти одновременно с “Памятной запиской” на Соловках — датирован 28 мая / 10 июня 1926 года — и был приложен митрополитом к его ходатайству в НКВД о легализации Высшего Церковного Управления.

Во многом проект митрополита Сергия перекликается с соловецким, хотя несомненно идет дальше в выражении лояльности советской власти. Так, митрополит заявляет: «Я взял на себя от лица всей православной староцерковной иерархии и паствы засвидетельствовать перед Советской властью нашу искреннюю готовность быть вполне законопослушными гражданами Советского Союза, лояльными гражданами к его правительству и решительно отмежеваться от всяких политических партий и предприятий, направленных во вред Союза»¹³⁴.

Но далее он, как и соловецкие архиереи, пишет, что не может замалчивать того противоречия, которое существует между православными и коммунистами-большевиками, управляющими Союзом. И прямо говорит о противоположности их целей и задач. Более того, он не обещает «примирить непримиримое и подкрасить нашу веру под коммунизм». «Прогресс церковный мы видим не в приспособляемости Церкви к

---

¹³⁴ Акты Святейшего Патриарха Тихона, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 // Сост. М. И. Губонин. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт: Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994. С. 474.

"современным требованиям", не в урезке Ее идеала и не в изменении Ее учения и канонов, а в том, чтобы при современных условиях в церковной жизни и в современной обстановке суметь зажечь и поддержать в сердцах нашей паствы весь прежний огонь ревности о Боге их и научить пасомых в самом зените материального прогресса находить подлинный смысл своей жизни все-таки за гробом, а не здесь».

Понятно, что уже этого было более чем достаточно, чтобы не только отвергнуть проект, но и привлечь его автора за антисоветскую пропаганду («Смысл жизни не здесь...»). После такого заявления совершенно бесполезно было доказывать лояльность и убеждать, как пишет митрополит Сергей, что православный христианин, свято соблюдающий свою веру, живущий по заповедям, будет самым образцовым гражданином любого государства, в том числе и советского, в какой бы области жизни ни пришлось ему действовать: «Потребуется ли государство отказаться от собственности, нужно ли будет положить жизнь свою за общее дело, нужно ли показать пример трезвости, честности, усердия на службе обществу, — всему этому научит христианина его вера»... Если при всей своей лояльности христианин все-таки не отказывается от веры, то едва ли он сможет стать образцовым гражданином государства, поставившего своей целью уничтожение веры как "опиума" и "предрассудка", препятствующего прогрессу человечества.

Однако признать это в то время мало кто из искренних православных людей хотел. Напротив, подобно митрополиту Сергию и соловецким архиереям-узникам, многие закрывали глаза на горькие факты действительности и пытались убедить и себя, и власть в возможности совместить несовместимое... Надеялись отказаться, "очиститься" от политики, стать вне ее.

«Отмежевавшись таким образом от эмигрантов, мы будем строить свою церковную жизнь в пределах СССР совершенно вне политики», — заключает митрополит Сергей свое обращение, перед этим выразив «свой полный разрыв с политиканствующим духовенством». Так же как и соловецкие узники, он отказался судить заграничное духовенство и писал, что представители церковной иерархии не могут взять на себя особых доказательств лояльности и наблюдения за политическими настроениями своей паствы, а тем более экзекуторские функции и применять церковные кары для отщепенцев.

Такая позиция, конечно же, власти не устраивала. Не отмежевания от заграничного епископата они требовали от церковной иерархии Московского патриархата, а строгого громогласного его осуждения наряду со всей «мировой буржуазией». Существование "вне" политики в СССР исключалось. Здесь всё и все, в том числе и церковная организация, могли быть только на стороне советской власти, прочее оказывалось вражеским и подлежало уничтожению.

Ходатайство митрополита Сергея было отвергнуто, ни о какой легализации не могло быть и речи. А в ноябре 1926 года митрополит в числе других архиереев был арестован. Во время заключения он "пересмотрел" свою позицию и по выходе из тюрьмы выступил уже с другим "Обращением", всецело отвечающим требованиям безбожной власти.

Известно, что во время ареста в бумагах митрополита Сергея была обнаружена и изъята соловецкая "Памятная записка", переданная ему одним освободившимся из лагеря священником. Как пишет отец Михаил Польский: «При обыске, в бытность его в Нижнем Новгороде, чекисты у него это послание нашли, и митрополит Сергей должен был признать, что,

видя, что оно длинное, отложил его в сторону». К этому отец Михаил добавляет в качестве примечания: «Вот поистине, мне не пришлось пожалеть, что мой проект не был принят и не пошел из рук моих к нашему Первоиерарху. А когда я увидел после, что из сторонников "соловецкого послания" ни один не остался ему верен, но все, начиная с автора его, подчинились митрополиту Сергию, то получил, грешный, и полное удовлетворение своему попоранному самолюбию»¹³⁵.

Проект "Послания" священника Михаила Польского и его выводы

Свой проект, о котором священник Михаил упоминает, он прочитал перед архиереями тогда же в Соловецком кремле, когда обсуждалась "Памятная записка". Отец Михаил предлагал от лица Первоиерарха решительно засвидетельствовать перед властью факт ее открытого гонения на Церковь. Факт, властью отрицаемый всегда. Тем самым церковный народ был бы поставлен в полную известность о происходящем, а церковная власть благословляла бы его принять невинные страдания за веру даже до смерти.

Надо сказать, что в конце "Памятной записки" и соловецкие архиереи предусматривали, в случае отказа власти идти на примирение с Церковью, дальнейший путь страданий. Но сказано это было весьма мягко и неопределенно:

---

¹³⁵ *Священник Михаил. Положение Церкви в Советской России. Иерусалим, 1931. — СПб., 1995. Приложение к православному журналу "Возвращение". С. 46.*

«...Если ходатайство будет отклонено, Она (Церковь) готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целостности внешней организации заключается Ее сила, а в единении веры и любви преданных Ей чад ее, наипаче же возлагает Свое упование на непреодолимую мощь ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его Создания».

Отец Михаил предлагал сказать больше, открыть глаза на правду положения, на бесполезность всех попыток примирения и на всю работу власти по уничтожению религии:

«Все уже так ясно, что довольно играть в прятки с властью. Надо предупредить народ, разоблачить обман власти о какой-то свободе религии в России и, сделав свое дело, страдать, идти прямо на страдания. Мне казалось, что такой твердый, независимый голос епископов только и может повлиять на самую власть, ибо она совершенно не выносит моральной силы, и ей только одной еще может сделать уступки, хотя и временные, власть боится делать из врагов своих героев духа, мучеников».

Отец Михаил понимал, что такое послание вызвало бы ярость большевиков, поднялся бы шум об очередном контрреволюционном заговоре, и дело могло дойти до крови. Но он не видел, как иначе можно было исполнить долг, лежащий таким бременем на плечах каждого пастыря. Как иначе предупредить народ церковный?

«Когда чтение проекта послания было мною окончено, один епископ сказал мне: "По-вашему, умирать, так с музыкой... видна казачья кровь... притом же это не обращение к правительству, а обращение через голову правительства к народу". Должен признать, что суждение это было

по существу моего доклада с полным пониманием его содержания, смысла, духа, даже результатов. Возражения же всех прочих моих слушателей были по форме, вроде того что "это не послание, а журнальная статья", "для послания слишком длинно" и прочие....

Итак, мой проект был не только не принят, но оказался совсем не нужным и излишним. Суть моего доклада совершенно была чужда пониманию моих слушателей, разве за исключением одного, который хоть и понял, в чем дело, но не принял и не согласился. Самый тон, решительность выступления для них невозможны. Никто к таким выступлениям нравственно не готовился. Мой проект не соответствовал потребностям момента. Большинство расположено вести переговоры с властью в надежде на благополучный исход их. Они полагают, что умирать не придется, этого никто и не требует, обойдется и без этого. Вообще, по поводу смертельной борьбы за веру они ничего не полагают. По-моему, это был сон в момент надвигающейся на Церковь опасности. Неужели они уверены, что будет толк от их переговоров с властью? Власть требует от нас безусловной сдачи всех наших позиций на ее волю и милость, она не терпит с нашей стороны никаких условий и договоров. Что сама вздумает дать, то и будет наше, а вернее, все возьмет и ничего не даст. Это — такая азбука! Мой проект не подошел, непрактичен, а надежда на соглашения — практична?!»¹³⁶

Так размышлял отец Михаил и, по его словам, раскрывал свое огорченное сердце пред Богом, идя из кремля на Филимонову тоню, где он, как уже упоминалось выше, работал с архиепископом Иларионом и еще двумя епископами и несколькими священниками.

---

¹³⁶ *Священник Михаил.* Положение Церкви в Советской России. С. 28. Далее до конца главы все цитаты, кроме оговоренных особо, из данной книги.

Интересно, кто был тот епископ, который понял суть проекта отца Михаила? К сожалению, по понятным причинам отец Михаил в своем очерке не называл имен своих союзников, кроме усопших. В целом же он подчеркнул, что «подавляющее большинство из них были безусловно честные, самоотверженные и не случайно попавшие в тюрьму. Никто из них не думал что-либо сдавать врагу. В этом смысле общее настроение отражает и соловецкое послание. Если бы нужно было для пользы Церкви сидеть в лагере принудительных работ еще и еще, то думаю, что никто бы из них не отказался. Но враг, делая свою политику, вступал в беседу, звал на соглашение и уступки; все хотя и знали, что враг обманщик, но увлеклись игрой в политику и вместо готовых прямых ответов "да" и "нет" пытались оттянуть время и придумать что-либо такое, чтобы было ни "да", ни "нет". Решительный шаг боялись сделать в отношении к власти, а это — на руку власти, ибо власть сама всегда избегала решительных шагов в отношении к Церкви и вела дело ликвидации ее исподволь».

В конечном итоге эта игра окончилась плачевно... Весной 1927 года, когда священник Михаил уже был не на Соловках, а в Зырянском крае (продолжая отбывать ссылку), из Москвы было получено известие о том, что митрополит Сергей смог договориться с властями. В обмен на обещание властей легализовать церковное управление, разрешить иметь свой журнал и тому подобное митрополит организовывал при себе коллегия для управления или Синод, дела которого должны быть открыты для ГПУ; назначение архиереев на места также должно происходить с ведома и согласия ГПУ; митрополит должен был издать послание к Церкви, соответствующее ее новому курсу, и должен был обратиться к заграничной Русской Церкви

с предложением прекратить противосоветскую пропаганду.

«Согласиться на эти условия, — писал отец Михаил, — означало сдать власть над Церковью в руки ГПУ, в руки безбожников». Еще до появления самого послания (декларации) митрополита Сергия ссыльное духовенство уже представляло, каково оно будет, — не лучше обновленческих. «Впереди — ложь, стыд и позор наш... Но что делать, пока не знали». Позднее, описывая и анализируя эти события, священник Михаил писал:

«Если в игре в политику духовенства с большевицкой властью опасность для Церкви раньше только надвигалась, то теперь эта опасность пришла. Духовенство вместо прямого и открытого разрыва с богоборной властью ради своей веры, как это было в древности, во времена гонений, попыталось теперь с властью договориться на точке обоюдного соглашения и уступок со своей стороны. Игра в политику оказалась нам не по плечу. Политика как искусство — не нашего духа дело. Власть в этой игре выиграла, а мы сдались полностью. Кто-то однажды при мне в присутствии одного архиерея сказал, что, может быть, удастся и перехитрить власть, и мы дождемся, что власть сдастся и принуждена будет дать нам религиозную свободу. Епископ на это ответил: "Беса не перехитришь"...»

«Но та хитрость, которая теперь была проделана ГПУ над нами, по своему масштабу превосходила все доселе бывшие опыты его над Церковью. Без преувеличения теперь можно было сказать, что вся Поместная Российская Православная Церковь оказалась пойманной в большевицкие сети. Как теперь выпрыгнуть из этих сетей? То обстоятельство, что митрополит Сергей не только допустил ГПУ к контролю над Церковью, но именно к управлению ею, не служит ли основанием для непризнания власти в Церкви самого митрополита Сергия, как мы не признали власти обновленцев, за которыми стояло ГПУ? Да, но там были

основания канонические, а здесь? Митрополит Сергей — законный архиерей, хранящий пока что в целости церковные каноны и догматы. То, что ГПУ управляет Церковью и митрополит Сергей ему подчинился, не будет официально объявлено, как не было объявлено и об обновленцах, хотя это было для всех вполне осязательно. В чем будем обвинять митрополита Сергея? Официально ведь никто, кроме него, не будет управлять Церковью. Но обновленцев не признавать было легко: они совершили преступления против канонов. Это очень мешало ГПУ овладеть всею Церковью, портило всю его злую работу. Власть тогда отыскивала в нас контрреволюцию, но мы были неуязвимы: мы объявляли, что страдаем за Церковь, за ее каноны, погрязшие обновленчеством. Теперь ничего этого нет. Никаких оснований, кроме политических, кроме соглашения с властью митрополита Сергея, для отделения от него не оставалось. Да и те надо иметь в явном виде...»

Теперь не было канонических причин для неповиновения церковной власти, и все неповинующиеся будут сразу объявлены контрреволюционерами.

«Конечно, пощады таким не будет. Теперь мы все поняли: загадка, давно данная агентом власти, отгадана. Нас вывели, как говорится, на чистую воду. Всю контрреволюцию нашу враг обещал вскрыть, обнаружить, когда поставит нам нашего, канонического¹³⁷.

---

¹³⁷ На Соловках архиепископ Иларион поведал о разговорах, которые вел с ним весной 1926 года в Ярославской тюрьме агент власти. Агент склонял архиепископа присоединиться к григорианскому расколу, самочинной коллегии архиереев во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским), объявившей себя Высшим церковным управлением после ареста Местоблюстителя митрополита Петра. «Архиепископ Иларион ответил агенту, что церковные каноны не позволяют ему признать в Церкви самочинной захватнической власти Григо-

И вот теперь это время настало. Бог видит, как мы искренне не желали быть контрреволюционерами, но как же помириться с властью безбожников в Церкви? Мы пойманы, накрыты, попали, как птицы, в западню, ловко на нас расставленную.

Все наши бесконечные беседы и рассуждения на эту тему были нам бесполезны. Никто не знал, как мы выйдем из положения. Нас обошли, окружили. И мы были так сконфужены, как будто нас поймали на месте преступления.

Когда появилось послание митрополита Сергия, в нашем Зырянском ГПУ один чекист не удержал в себе злорадства и архиерею, пришедшему по обычаю расписаться в своем явочном листе, сказал: "А здорово подковырнул вас Сергий!.. "

Это было его буквальное выражение.

ГПУ накрыло нас, и ликовало, и ожидало обнаружения неповиновения митрополиту Сергию, то есть чистой воды контрреволюции.

Наше положение было до крайности тяжелым. При мысли о делах церковных ум был в недоумении, воля — в расслаблении, чувства — в стыде и скорби».

Эти пространные цитаты из очерка священника Михаила Польского — яркое свидетельство непосредственного очевидца и участника событий. Думается, что подобные переживания были у большинства

рия. Тогда агент сказал с угрозой: "Ну, подождите: я вам дам вашего, и если вы его не признаете, то тогда уже пощады не будет"». На слушателей эта фраза агента, по словам отца Михаила, произвела большое впечатление и, конечно, всех встревожила. Что это могло значить? «Наши рассуждения о планах агента на этот раз нам ничего не давали, хотя мы весьма привыкли к тактике ГПУ и часто угадывали события. Мы всегда отдавали должное ГПУ: свое дело там делали лучше, умнее, чем мы свое» (С. 22–23).

ссылного духовенства. Опыт отца Михаила, искреннего и самоотверженного священника, непоколебимого исповедника, важен и поучителен. Вырвавшись из Советского Союза (после тюрем и концлагеря он совершил побег из ссылки, нелегально пересек всю страну с севера на юг и, рискуя жизнью, перешел границу с Персией)¹³⁸, он не только подробно описал пережитое, но и провел глубокий анализ церковных событий, того огненного искушения, в которое оказалась ввергнута Русская Православная Церковь. Его размышления и выводы, выстраданные сердцем, во многом созвучны и порой даже дословно совпадают с мыслями многих исповедников, оставшихся в России под гнетом безбожной власти.

Большинство из них, очевидно, к этим выводам должны были прийти не сразу, а пройдя тот путь, который, как и для отца Михаила, был неизбежен для православных "тихоновцев" после покаянных заявлений Патриарха Тихона в 1923 году. До этого, с самого начала революции, Патриарх обличал гонителей и их

---

¹³⁸ Отцу Михаилу оставался месяц до освобождения из ссылки, и он понимал, что освободиться сможет только как сергиевец, в противном случае либо очень скоро опять посадят в тюрьму, либо вообще не выпустят, испытав перед освобождением. «Препятствий к побегу из ссылки и переходу через границу никаких не было, кроме риска своей жизнью. Но я решил рискнуть и ею, ибо я человек слабый. Я боялся уступить, пасть, изменить истине, за которую боролся. На мои письма относительно митр. Сергия от ряда епископов и священников я получил увещания: меня все обращали в Православие, ибо я отступаю от законного. Я оказывался одиноким. Я потерял почти всех старых друзей. Единомышленники есть, но где они? Они, как и я, все в одиночестве — мы разбросаны. Чувство гнева и горького презрения к человеческой бесчестности охватывало мою душу, когда я читал оправдания лжи. Всюду проникла эта ложь, всех опутала и низложила».

беззакония, призывал народ к покаянию и молитве, защите храмов от посягательств безбожников, а в январе 1918 года провозгласил анафему гонителям. И хотя в тексте анафемы не назывались коммунисты или большевики, но понятно, что именно к ним, «творящим кровавые расправы», как к «извергам рода человеческого» было направлено архипастырское грозное слово обличения и прещения. И именно так анафема и была воспринята народом: «Патриарх предал анафеме советскую власть»!

В 1923 году, выходя из тюрьмы, Патриарх написал, что он раскаивается в своей прежней деятельности против советской власти, и объявил, что отныне он ей не враг¹³⁹. Хотя определенные церковные круги крайне отрицательно восприняли эти унижительные заявления, никаких разделений в Церкви не произошло. Церковный народ и пастыри с радостью встретили Патриарха, объясняя, что он пошел на это унижение не из-за страха, а ради блага Церкви. Причем Патриарх жертвовал только самим собой, ни на кого не перелagая ответственности; и в этом была принципиальная разница между ним и митрополи-

---

¹³⁹ Власти рассчитывали этим уронить авторитет Патриарха и внести смуту в Церковь. «Покаянное заявление Патриарха, напечатанное в советских газетах, не произвело на верующий народ ни малейшего впечатления. Без всякой малейшей пропаганды весь верующий народ, как один человек, каким-то чудом Божиим так формулировал свое отношение к этому "покаянному заявлению": "Это Патриарх написал не для нас, а для большевиков"» (*Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности патриарха Тихона (1923–1925). Мюнхен, 1959. С. 15. Цит. по: Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 14).

том Сергием, объявлявшим себя последователем Патриарха.

Впрочем, сам Патриарх жалел, что согласился сделать эти заявления. Знай он правду о церковном положении, он ни за что бы не пошел на "примирение" с советской властью. Патриарх говорил своим близким: «Читая в заключении газеты, я с каждым днем все больше приходил в ужас, что обновленцы захватывают Церковь в свои руки. Если бы я знал, что их успехи так ничтожны и народ за ними не пошел, я бы ни за что не вышел из тюрьмы». Кроме того, признавался Патриарх, он предполагал, что наконец появился закон, революционный хаос всякого беззакония окончился, и теперь предстоит иметь дело с настоящей государственной властью. Это впечатление нарочито создавали богоборческие власти. Как писал об этом отец Михаил Польский:

«Враг много раз соблазнял. Он уверял, что и при советской власти Церковь существовать может. Это как будто даже обеспечено советским государственным законом. Все зависит от нас самих. Кажется, уступи только, сделай то немногое, что власть требует от тебя, и Церковь начнет спокойное и свободное существование, как это было и прежде. И как было вначале не пойматься на этот обман? Через какие печальные опыты надо было убедиться, что государственная власть не только может не исполнять своих обещаний, но что ложь и обман входят в систему, в постоянный порядок государственного управления? Никогда не предполагалось, что такими хитростями власть добивается своих целей. Власть лгала и обманывала, требовала от Церкви уступок, много за это обещала и не только ничего не давала, но и преследовала Ее, вела к уничтожению.

Как было не поверить закону, охранявшему права религий? И Патриарх подкреплял сдачу своих позиций мыс-

лю, что у власти есть закон. И мы все сначала надеялись, что будем жить, преодолев какие-то наши недоразумения с властью».

Так и отец Михаил в то время на допросе в ЧК на вопрос о политических убеждениях ответил: *«Я не имею права их иметь»*. Вслед за Патриархом он, по его словам, пытался *«очиститься от политики»*, зная, что Церковь существовала при всякой власти, невзирая на форму управления и отношение к ней власти. Он полагал, что может быть чист от всяких политических убеждений, но, конечно, такие взгляды нисколько не помогли ему. Следовательно обвинил его в пропаганде против советской власти. Отец Михаил стал отрицать за собою такое преступное деяние, но признал, что всегда говорил в церковной проповеди против безбожия.

«— Кого вы разумеете под безбожниками? — спросил следователь.

— Безразлично. Всех: будет ли то рабочий или ученик школы, — ответил обвиняемый.

— Конечно, и представителей власти?

— Да, всех».

В "Обвинительном заключении" было предъявлено обвинение: *«возбуждение масс на религиозной почве против Советской власти»*.

«Итак, — писал отец Михаил, — я оказался все-таки политически виновным, несмотря на свое очищение от всякой политики. Но я все же настаивал на своем и рассуждал, что лучше страдать невинно по ложному обвинению с чистой совестью перед Богом, перед людьми, перед самим собою, страдать за религию, за веру, за Бога и Церковь, чем за дела политические. И действительно, всякое политическое чувство у меня было как-то атрофировано. Я не питал почему-то никакой ненависти к власти. Правда, в пору

было только нести тяготу тюремного сидения. Над своими же собратьями-союзниками, искренне желавшими скорейшей гибели этой власти, я шутил, говоря им, что хотя за ними и нет никаких политических преступлений, но они страдают справедливо: власть "угадала" их настроения и мысли и посадила их за дело. "Надо очиститься. Привыкли жить с властью заодно. Попробуйте пожить без нее, как жили наши предки с татарами или греки с турками, а то еще хуже, как первые христиане с Неронами и Диоклетианами, за которых умели еще и молиться! А мы вот отстали от истинного христианства и не имеем совсем духа и жизни наших отцов". Так рассуждал я».

Однако вскоре отец Михаил убедился, что в советском безбожном государстве «очиститься от политики» невозможно и что прежние принципы отношения к властям, даже к древним язычникам-гонителям христиан, неприемлемы по отношению к безбожной, вернее, богоборной власти большевиков:

«Сколько ни очищайся от политики и как ни будь безупречен в этом смысле, обвинения в контрреволюции не избежишь. Большевицкая ложь, в которой запутались прежде всего обновленцы и которой много послужили, заключалась в том, что будто церковники преследуются не за веру, а за контрреволюцию. Но так как большевики самой программой своей заявляют, что никакой религии не признают и с нею борются, то попробуйте доказать, что идейной борьбе с религией не содействует физическое насилие над нею и обвинение в контрреволюции не есть просто способ борьбы с религией! Когда и как здесь очистишься от политики? Если ты хочешь остаться религиозным человеком, то никогда и никак. Единственное условие очищения от контрреволюции (как и спасение от тюрьмы и всякого гонения) — отказ от религии, от веры в Бога».

«Большевицкое безбожие сознательно отвергает идею Бога как вредную. Если прежний, еще недавний атеист,

сознавая хотя бы практическую полезность идеи Бога, говорил "если бы Бога не было, то его надо бы было выдумать", то большевик-безбожник полагает, что если бы Бог и был, то Его надо уничтожить. Большевики рассматривают религию как общий единый дух борющегося с ними многочленного тела (капитала). Если социалистическая идеология большевиков объединяет и двигает, то только христианская и вообще религиозная идеология также организует, объединяет, оживляет, убеждает, по-своему дисциплинирует и направляет людей. Противоположная большевикам духовная сила только в религии. Поэтому они, ведя борьбу с религией, "борются за душу человека", чтобы отвоевать у религии это поле. И только две идеологии по-настоящему борются за власть над душою человека, за обладание ею. Поэтому для себя большевики не отделяют религии от политики. Борьба с религией есть необходимая часть и является необходимым пунктом их программы. Только дух безбожия мог создать эту революцию, и только безбожник может строить большевицкое социалистическое государство».

Подчеркивая невозможность отделения религии от политики в безбожном государстве, отец Михаил признает тщетность своих усилий: когда он пытался защищать Церковь и веру и при этом не быть политическим врагом советской власти, как-то ее признавать.

«Это было возможно по отношению к языческим и магометанским и вообще признающим Бога властям. У язычников и магометан религия была связана с политикой и с общим строем государственной жизни, но всякая другая религия, и в частности христианская, всегда находила среди них условия для своего существования, хотя и весьма трудные подчас. Власть иногда не терпела иноверных и преследовала их, а то и терпела и даже просила их молиться за себя. И христиане терпели иноверную власть и отделяли политику от религии. Но естественно, что в государстве безбожном никаких условий существования ни для

какой религии нет. Безбожие и вера в Бога взаимно исключают друг друга. Одна сторона должна вытеснить другую, вместе они не уживутся. В безбожном и богоборном государстве принципиально исключается бытие религии на земле. Борьба идет не на жизнь, а на смерть».

Постепенно отец Михаил осознал, что сама мысль об отделении политики от религии в отношении большевиков — неправильна, что за этим стоял очередной большевицкий обман:

«Для себя безбожная власть ни в каком случае не различает политики от безбожия (безбожие ее есть и политика, и политика ее есть безбожие), а от нас хитро требует этого различения: мы должны очиститься от политики ради того, чтобы она тем легче нас уничтожила. Вот каковы замыслы врага. Когда власть сочиняла статью закона — "возбуждение масс на религиозной почве против советской власти", то она знала, на что восставала, и спешила охранить себя законом. Она будет бороться с религией, а ты не смей защищаться, отделяй политику от религии, изгоняй политику из своих убеждений, признавай только ее права, а от своих священных прав отказывайся. Нет, сознательно позволять власти обманывать себя нельзя. У меня остается право — не признавать такую власть. Ибо, что значит — признавать такую власть и подчиняться ей? Не значит ли это — содействовать ей в нашем уничтожении, стать изменником и предателем своей веры? Признание по существу безбожной власти не есть ли отказ от исповедания моей веры? Если я верую в Бога, то я противник этой власти. Если же я говорю, что я не против нее, то я за нее, отрекаюсь от борьбы против нее, я поддерживаю ее и борюсь против себя, против своей веры. Чем я тогда отличаюсь от безбожника? Разве только на словах, а не на деле. Отказ от политики не только практически бесполезен, когда мы пытались приспособиться к советским условиям и спастись от обвинений в контрреволюции, но и принципиально не-

верен, неверен перед Богом и совестью, перед моим народом и русской историей»¹⁴⁰.

Ошибка Патриарха — его отказ от «своей прежней политики», то есть от единственно возможного отношения к богоборной власти, — была осознана в том числе и самим Патриархом¹⁴¹. «Анафематствование

---

¹⁴⁰ «Разве мы, христиане, не имеем представления о нормальной государственной власти, которая "не напрасно меч носит" и во все времена была "страшна не для добрых дел, а для злых"? А теперь не видим ли перед собою принципиального беззаконника и по происхождению, когда власть пришла насильем и обманом людей, и по способу управления, когда до нынешнего дня каждый человек в этом государстве, как лодка без руля и весел в открытом море на произволе стихии. <...> Ни одна из заповедей Закона Божия — чти Бога, храни праздник, почитай отца и мать, не убивай, не прелюбодействуй, не желай ничего чужого, — не только не ограждена большевицкой властью, но ею же принципиально нарушена. Сама она выступает безбожником и богохульником, упразднителем праздников, учителем презрения к родителям, беззаконным убийцей или преступником, узаконителем и покровителем прелюбодеяния, вором и грабителем, лжесвидетелем-клеветником, хищником, вечно сжигаемым желанием всего, что есть у кого-либо. Христианство же нас освобождает от подчинения такой власти...»

¹⁴¹ Примечательно свидетельство врача М. А. Жижиленко, тайно рукоположенного во епископа Серпуховского в 1928 году: «В одной из бесед Святейший Патриарх Тихон высказал владыке Максиму (тогда еще просто доктору) свои мучительные сомнения в пользе дальнейших уступок советской власти. Делая эти уступки, он все более и более с ужасом убеждался, что предел "политическим" требованиям советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви. Незадолго же до своей кончины Святейший Патриарх высказал мысль о том, что, по видимому, единственным выходом для Русской Православной Церкви сохранить свою верность Христу — будет в ближайшем будущем уход в катакомбы» (*Польский Михаил, протопресвитер. Новые мученики Российские... Ч. 2. С. 21*).

большевиков и призыв к борьбе с ними были правильными, — писал отец Михаил. — Правы были мои друзья-союзники, которые когда-то искренне желали скорейшего падения этой власти. Не чудовищно ли для верующего желать укрепления этой власти?»

Отказ от политики, аполитичность оказались фантазией, несбыточной мечтой. Пытаясь очиститься от политики, — приходит к выводу отец Михаил, — мы попали в большевицкие сети, до измены Церкви, до предательства, до пособничества врагам в борьбе с нашей верой. Если не против большевицкой власти, то за нее, на ее поддержку должны были встать. И деятельность митрополита Сергия, доведшая до логического конца «очищение от политики», наглядно это показала.

Соглашение митрополита Сергия

В начале апреля 1927 года митрополит Сергей был неожиданно для всех выпущен из тюрьмы. Он собрал на совещание нескольких архиереев, составивших Временный Патриарший Священный Синод, и 18 мая обратился с заявлением в НКВД СССР с просьбой зарегистрировать его самого и Временный Синод для заведования делами Русской Православной Церкви, а также просил «сделать распоряжение местным властям» о разрешении по епархиям регистрировать состоящих в его ведении архиереев (староцерковников). До получения регистрации митрополит Сергей просил разрешить ему и Синоду приступить к деятельности; 20 мая временное разрешение он получил¹⁴². Сове-

---

¹⁴² В "Справке", выданной митрополиту Сергию 20 мая 1927 года, значилось: «Заявление и <справляющего> д<олжность> "Мес-

менник и активный участник церковных событий тех лет писал об этом так:

«Для людей дальновидных стало несомненно, что между митрополитом Сергием и советским правительством в лице ГПУ во время его тюремного заключения состоялось какое-то соглашение, которое поставило его самого и близких ему епископов в совершенно исключительное положение наряду с другими. В то время как продолжались аресты и ссылки, когда в ответ на убийство Войкова за границу в тюрьмы бросали по всей России не только последних епископов, но и рядовое духовенство, — митрополит Сергей получил право свободно жить в Москве, каковым правом он не пользовался даже до ареста. Наконец, когда стали известны имена епископов, призванных им в Синод, о капитуляции митрополита перед Советской властью не могло быть больше сомнений. В Синод вошли архиепископ Сильвестр — бывший обновленец, архиепископ Алексей Хутынский, бывший обновленец, назначенный на петроградскую кафедру от живой церкви после казни митрополита Вениамина, архиепископ Филипп — бывший беглопоповец, митрополит Серафим Тверской — человек, о связях которого с ГПУ знала вся Россия, которому никто не верил.

Вслед за таким составом Синода начались такого же характера новые епископские хиротонии и назначения: Сергей Зенкевич, Владимир Горьковский и др<угие> бывшие обновленческие протоиереи были рукоположены

тоблустителя Московского Патриаршего Престола", митрополита Нижегородского Сергия, гр<аждаина> Страгородского, и список образовавшегося при нем временного, так называемого Патриаршего Священного Синода <...> в Административном Отделе Ц<ентрального> А<дминистративного> У<правления> НКВД получены и приняты к сведению. Препятствий к деятельности органа, впредь до утверждения его, не встречается» (Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 498).

во епископы; епископы Артемий Ильинский, Назарий, Андрей, Мельхиседек Паевский, Матфей Храмцов и др<у-гие> — тоже бывшие обновленцы, жившие на покое, были назначены на епархиальные кафедры. С другой стороны, начались увольнения на покой ссыльных епископов. В атмосфере все растущего недоверия вышла, наконец, в июле 1927 года и знаменитая декларация митрополита Сергия. Казалось, карты были открыты — митрополит Сергей капитулировал перед ГПУ, принял все условия "легализации" и ныне последовательно проводит их в жизнь»¹⁴³.

"Послание к пастырям и пастве", получившее в дальнейшем известность как декларация, было выпущено митрополитом Сергием и его Синодом 16 (29) июля 1927 года. Оно было разослано по всем епархиям и приходам и затем опубликовано в "Известиях ЦИК" от 19 августа 1927 года. Обращаясь к "Архипастырям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Святой Всероссийской Православной Церкви", митрополит Сергей сообщал об учреждении Временного Патриаршего Синода и получении разрешения на его деятельность. «Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление», — писал митрополит Сергий.

---

¹⁴³ Обзор главных событий церковной жизни в России за время с 1925 года до наших дней: Выписки из журналов Архиерейского Синода, переписка с Патриархом Московским Тихоном, митр. Евлогием и другими о положении Православной Церкви в Советской России // ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 9. Как установлено, автором "Обзора" был Георгий Александрович Косткевич (1904–1973), духовный сын киевского священника Анатолия Жураковского, активный церковный деятель, помощник и тайный курьер украинских архиереев.

Однако на самом деле легализации центрального управления еще не было, и Временный Синод лишь получил разрешение на существование "до формальной регистрации". «Ничего более существенного, чем приведенная выше "Справка" из Административного отдела Центрального Административного Управления НКВД о том, что его заявление об образовании Синода "принято к сведению" и "препятствий к деятельности органа, впредь до утверждения его, не встречается", митрополит Сергей ("гр<ажданин> Страгородский"), судя по всему, так и не получил»¹⁴⁴.

Тем не менее митрополит писал о легализации Синода как о совершившемся факте и выражал на-

---

¹⁴⁴ «По советским законам (а именно по инструкции Нарком<а-та> юст<иции> и НКВД РСФСР от 27 апреля 1923 г<ода>) Синод как центральная организация мог быть должным образом легализован лишь в качестве "исполнительного органа всероссийского съезда религиозного общества". Именно так был легализован обновленческий "Священный Синод". "Но у митрополита Сергея, — говорилось в одном из полемических документов 1928 г<ода>, — так называемом "Каноническом исследовании деяний митрополита Сергея", — этих церковных съездов не было, и Сергиев Синод составлен им единолично, по-видимому, по соглашению с каким-нибудь органом советской власти, играющим в РСФСР роль бывшего обер-прокурора. Как можно думать, весь процесс регистрации Синода свелся к тому, что список членов Синода был предоставлен митрополитом Сергием в НКВД, а здесь он был присовокуплен к делу. Во всяком случае, у митрополита Сергея нет никакой официальной бумаги НКВД об утверждении Сергиевского Синода в качестве исполнительного органа староправославной Церкви. Таким образом, дефективный с точки зрения канонов Церкви Сергиев Синод не имеет никакого юридического значения и по гражданским законам» (Мазырин А. В. Легализация Московской патриархии в 1927 году: Скрытые цели власти // Отечественная история. 2008. № 4. С. 122).

дежду, «что легализация постепенно распространится и на низшее церковное управление», а именно на епархиальное, уездное, и призывал вознести благодарственные молитвы ко Господу и выразить «всенародно нашу благодарность и Советскому Правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения», а вместе с тем заверить правительство, что «мы не употребим во зло оказанного нам доверия». Митрополит осуждал действия зарубежных врагов, подчеркивая, что их действия мешают получению легализации и упорядочению церковной жизни, и потому считал обязательным показать, что «мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского Государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством».

«Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской Власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза "не только из страха, но и по совести", как учил нас Апостол (Рим. 13,5)»¹⁴⁵.

---

¹⁴⁵ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 510–512.

Упоминание варшавского убийства в декларации не случайно. Несмотря на желание и неоднократные попытки как самого митрополита Сергия, так и его последователей истолковать ключевые слова декларации о "радостях" и "горестях" в смысле радостей и горестей страны, а не советской власти, заявление о варшавском убийстве как об ударе, направленном в православных, не оставляет места никаким другим толкованиям, ясно показывая действительный смысл этих "радостей" и "горестей".

«И чтобы никто не думал, что это простая политическая лояльность, признание Советской власти постольку, поскольку как Божия пощущения, а именно — полное духовное братание, тут же давался интересный перечень тех бедствий режима, которые Церковь, по Сергию, рассматривает и своими бедствиями или "ударами в нас", то есть в Церковь, как выражалась Декларация. В числе таких "ударов" обозначено "убийство из-за угла, подобное варшавскому".

До сей поры, кажется, никто не обратил должного внимания на этот своеобразный "пароль", секретные слова Сергия оголтелым антихристам. Под "варшавским убийством" имеется в виду убийство русским патриотом Борисом Ковердой большевистского дипломата Войкова (Пинхуса Лазаревича Вайнера) в 1927 году. Теперь не все знают, кто такой был Вайнер (Войков), а тогда, в 1927 году, все, в том числе и митрополит Сергий, прекрасно знали, что он один из самых главных организаторов убийства Царской Семьи... Так, прикровенно, косвенно, но достаточно определенно для понимающих Сергий давал понять, что Церковь едина с большевиками во всех их преступлениях, начиная с главного — с цареубийства. Все управление Церковью, всеми Ее внутренними делами, то есть всей жизнью отдавалось сергианским церковным руководством в руки заведомых и беспощадных врагов Церкви. Но так, что воля этих врагов исполнялась как воля и решение цер-

ковной иерархии... Все это в обмен на "легальное существование" церковной власти в центре ("патриархия") и обещание разрешить церковную власть на местах (епархиальные управления)»¹⁴⁶.

Такой ценой была достигнута пресловутая легализация, а точнее, даже еще и не легализация, а лишь ее обещание. Не получив фактически ничего, церковное руководство со своей стороны пообещало слишком много и, увы, свои обещания в отличие от богоборческих властей вынуждено, вернее, принуждено было исполнять. Этот печальный факт констатировали очевидцы — авторы церковных документов, переданных за границу:

«Получая легализацию, Церковная организация вступала в известные договорные, конечно, несчастные отношения с правительством, принимая на себя ряд обязательств. Правда, полученные ею при этом, как показала история, не выходили за пределы тех, кои предусмотрены советским же законодательством, т<о> е<сть> фактически Церковь не получала ничего, обязательства же, даваемые ею, были громадны. Она допускала, признавала право правительства регулировать свою внутреннюю жизнь, т<о> е<сть> фактически вступала в такие отношения с правительством, которые напоминают положение Государственной Церкви, с наличием всех привилегий государства, предусматриваемых этим положением, и при отсутствии таковых для Церкви.

Всякий дальновидный и сознательный ум не может не понимать, что Советское государство, приобретая права вмешиваться во внутреннюю церковную жизнь, не может использовать их иначе как в интересах разрушения Церкви, а поэтому признание Церковью этих прав равносильно самоубийству... Однако церковные деятели, соблазнясь

---

¹⁴⁶ *Лебедев Лев, протоиерей.* Границы Церкви // Православное обозрение. СПб., 1998. Сентябрь. 1996. № 2.

легализацией, думали, что им удастся перехитрить советскую власть, что, приобретя права легальной организации, они сумеют парировать влияние советской власти на церковную жизнь, так что оно не даст своих разрушительных для Церкви последствий».

«Митрополит Сергей, издавая Декларацию, может быть, полагал, что она ни к чему не обязывает его. Однако через год он вынужден был поминать в храмах власть, которая гонит веру, а через 2 года вынужден был в своих знаменитых интервью произнести величайшую клевету на Церковь, на себя самого, сорвав с Церкви Ее мученический венец, втопав его в грязь у ног безбожия»¹⁴⁷.

Отец Михаил Польский по поводу декларации писал так:

«Вся Церковь почувствовала, что митрополит Сергей совершил преступление, что он сдал управление Церковью власти безбожников и действует и будет действовать впредь под диктовку ГПУ. Митрополит получил огромное количество анонимных писем с протестами, обвинениями и оскорблениями. Вопрос о признании митрополита Сергея был поставлен в православных приходах всей страны. От Белого моря и зырянских деревень и до Черного моря — на всем пути, который я в общем проехал перед побегом своим за границу и лично сам в этом убедился. В Москве народ при встрече с митрополитом не давал ему покоя.

Один из ближайших сотрудников митрополита писал мне в Зырянский край: "Каждая баба считает своим долгом бросать митрополиту Сергию оскорбления". Я ему отвечал: "Ведь у нас, у православных, так: если и архиерей лжет, то и баба ему об этом в глаза скажет".

Некоторые священники и многие епископы явились сами к митрополиту и высказывали ему в глаза резкие обли-

---

¹⁴⁷ К вопросу о положении Православной Церкви в СССР // ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 139–140.

чения. Другие епископы написали ему очень смелые протесты, в которых не только перечисляли пагубные для Церкви мероприятия его, но указали на вредность и бессмысленность самого союза Церкви с такою гражданскою властью»¹⁴⁸.

Однако, к сожалению, этот всеобщий народный протест не получил должной поддержки у архипастырей. Весьма немногие архиереи решились выйти из подчинения митрополиту Сергию, — отмечал отец Михаил. Защитники Сергия рассуждали, что ради сохранения единства нужно идти на все. «Большим приобретением для митрополита Сергия было то, что на поддержку ему стал архиепископ Иларион (Троицкий). Как человек авторитетный, он повлиял на многих и некоторых епископов успел возратить к митрополиту Сергию»¹⁴⁹.

По словам отца Михаила, архиепископ Иларион не стал производить какую-либо оценку действиям митрополита Сергия, а настаивал только на том, чтобы от него не отделялись. Очевидно, именно под его влиянием заключенные на Соловках архиереи оставались в общении с митрополитом Сергием, несмотря на свое несогласие с ним, которое выразили в письме митрополиту. Этот документ от 14/27 сентября 1927 года, известный как "Открытое письмо с Соловков Заместителю Патриаршего Местоблюстителю Митрополиту Сергию по поводу его Послания от 16/29 июля 1927 г<ода>", явился одним из первых откликов на декларацию¹⁵⁰.

---

¹⁴⁸ *Священник Михаил*. Положение Церкви в Советской России. С. 42.

¹⁴⁹ Там же. С. 43.

¹⁵⁰ В сборнике Губонина этот документ помещен под заголовком "Отклик православных епископов, заключенных на Соловках, на Декларацию <...>" // Акты Святейшего Патриарха

Одобрив сам факт обращения митрополита Сергия к правительству с «заверением лояльности», заключенные архиереи Соловецкого лагеря тем не менее прямо написали: «Но мы не можем принять и одобрить послания в его целом по следующим соображениям», — и далее перечислили по пунктам основные: невозможность принять мысль митрополита о безоговорочном подчинении Церкви гражданским установлениям, выражение всенародной благодарности правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения, принятие митрополитом Сергием официальной правительственной версии о причинах столкновения между Церковью и государством и его угрозу исключить из клира Московской патриархии эмигрантское духовенство за политическую деятельность.

В заключение, находя послание (декларацию) "неполным, недоговоренным, а потому недостаточным", соловецкие узники повторили почти дословно то утверждение и одновременно требование, которое было выражено ими годом ранее в первом их послании, обращенном к правительству: «Закон об отделении Церкви от государства двусторонен: устраняя Церковь от вмешательства в политическую жизнь страны, он гарантирует ей невмешательство правительства в ее внутреннюю жизнь и в религиозную деятельность ее учреждений. Между тем закон этот постоянно нарушается органами политического наблюдения. Высшая Церковная Власть, ручаясь за лояльность Церкви в отношении к государству, от-

---

Тихона... С. 515–516. Текст дается по машинописи митрополита Иоанна (Снычева) в крайне сокращенном виде — урезаны все пункты несогласия, так что порой теряется весь смысл документа.

крыто должна будет заявить правительству, что Церковь не может мириться с вмешательством в область чисто церковных отношений государства, враждебно-го религии»¹⁵¹.

Известен еще один соловецкий документ того же времени, подписанный епископом Василием (Зеленцовым), с указанием: "1927 год. Остров Соловки". В сборнике документов "Дело митрополита Сергия" этот документ помещен под заголовком "Каноническое исследование послания Митрополита Сергия Еп<ископа> Василия Прилукского" (осень 1927 г<ода>)), и далее подзаголовок, вероятно, самого автора «Необходимые канонические поправки к посланию М<итрополита> Сергия и его священного Синода от 16/29 июля 1927 г<ода>»¹⁵².

Епископ Василий писал, что ознакомился с содержанием послания митрополита Сергия только по газетному тексту, напечатанному в московских газетах от 19 августа 1927 года (думается, что и все остальное духовенство на Соловках могло ознакомиться с декларацией таким образом. Вероятно, это произошло не ранее конца августа — начала сентября, когда была доставлена на остров почта с очередной партией заключенных).

«Главное содержание послания не богословское, а политическое: послание главным образом сообщает о политических стараниях митрополита Сергия установить мирное сожительство между Всероссийской Пра-

---

¹⁵¹ Центральный Архив ФСБ РФ. Д. Р-49509. Следственное дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"» 1930–1931 годов. Т. 4. Л. 592–593.

¹⁵² ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. «Дело митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1927–1928 гг. Китеж, 1929 год». Л. 30–36 об.

вославной Церковью и советской властью большевиков», — писал епископ Василий. Он подчеркивал, что не будет входить в обсуждение самих этих стараний, поскольку не имеет о них никакой информации из надежных источников, а только то, что говорит о них послание. Сами эти старания он воспринимает сочувственно, так как апостолы Христовы заповедали христианам: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми» (Рим. 12, 18).

«Но при этом, — подчеркивал епископ Василий, — мир этот должен быть, безусловно, Христов, без всяких уступок врагу Христову, диаволу. К сожалению, послание митрополита Сергия, — констатировал владыка Василий, — предлагает, увы, мир не Христов». Предполагая, что это произошло вследствие ошибки митрополита и его Синода, которые в старании добиться от сов<етской> власти мира «уклонились от канонического пути», владыка Василий хочет, по его словам, «прийти на помощь митрополиту Сергию и его св. Синоду, т<ак> к<ак> и незрелый еще умом сын иногда помогает мудрому отцу, и указать канонические недочеты их послания от 16/29 июля 1927 г<ода>».

Далее епископ Василий подробно излагал понятие «церковной политики» и напоминал о постановлении Всероссийского Поместного Собора от 2/15 августа 1918 года, объявившем об отказе от общецерковной политики и оставлении ее частным делом. Этим устанавливалась свобода политической деятельности отдельных членов Церкви и запрещалось принуждать церковными методами членов Церкви примыкать к той или иной политике.

В противоречие с этим послание митрополита Сергия ставит в обязанность всем членам Всероссийской Православной Церкви заниматься политикой, притом

одного определенного направления, что является, по мнению епископа Василия, нарушением постановлений Поместного Собора. Только Собор может отменить прежнее постановление и изменить сам принцип отношения Российской Церкви к политике. Таким образом, попытка митрополита Сергия добиться мира с большевиками с самого начала поставлена и движется не по каноническим рельсам (а значит, в нарушение церковной правды) и поэтому ничего не принесла и не принесет.

«Требуется немедленно ввести эту попытку митрополита Сергия и его св. Синода в каноническое русло церковной правды и прежде всего заявить большевикам, что только Всероссийский Поместный Православный Собор епископов (одних или расширенный с участием клириков и мирян в форме общецерковного Всероссийского Собора) вправе говорить о политике и совершать какую-либо политическую деятельность от имени нашей Церкви», — заключал епископ Василий.

Так, не принимая декларации митрополита Сергия, владыка Василий пытался найти каноническое обоснование своего неприятия. Это было важно, поскольку одним из самых весомых аргументов у защитников митрополита Сергия, как уже отмечалось, было именно его якобы безукоризненное соблюдение канонов и догматов. Попытка епископа Василия указать на канонические нарушения, была одной из первых, возможно, не самой удачной. Сосредоточившись на противоречии декларации определениям Поместного Собора, он не касался других аспектов. Тем не менее он о них знал, о чем вскользь упомянул: «Есть и еще другие недочеты в ней с церковной точки зрения, о которых скажем в другой раз, если Бог даст возможность сказать».

Позднее, в апреле 1928 года, епископ Василий написал новую большую работу: "В чем состоит верность Христу в церковной жизни", — где высказался полнее. «В основном я писал там о неканоничности действий М<итрополита> Сергия и его Синода, в некоторых случаях касался и безбожников», — отметил он. А еще через год уже строго потребовал от митрополита Сергия отказа от декларации и раскаяния и предупредил, что если тот этого не сделает, то объявит его раскольником. Тогда же в обширной брошюре "Исповедание верности Христу" епископ Василий призвал христиан к активной борьбе с безбожной властью. В конце того же года он будет арестован в Иркутской ссылке, вывезен для дальнейшего следствия в Москву и после его завершения расстрелян 7 февраля 1930 года.

К сожалению, совершенно не известно, при каких обстоятельствах владыка Василий писал свои "Канонические поправки к посланию митрополита Сергия". Советовался ли он с кем-либо? Обсуждал ли? Так же как не известно, кто был составителем общего "Открытого письма" от 14/27 сентября. Разумеется, нас это интересует прежде всего по отношению к епископу Нектария. К сожалению, не сохранилось почти никаких данных о его жизни в Соловецком лагере: где именно он там находился, с кем из архиереев общался, что говорил и думал... Точно известен лишь факт его официального отделения от митрополита Сергия в феврале 1928 года. Но что этому серьезному решению предшествовало, какие размышления, переживания, можно только предполагать.

Разрыв с митрополитом Сергием, причем бесповоротный и категоричный, полностью соответствующий характеру владыки Нектария, конечно, был закономерным итогом его архипастырского пути, того пути,

который неизбежно проходили в то время все искренние "тихоновцы" и о котором подробно писал отец Михаил Польский как об искренней попытке «очиститься от политики» в надежде обрести для Церкви "статус вивенди" в советском государстве. Попытке, как уже отмечалось, совершенно безуспешной, ибо боготорческие власти не оставляли места для "аполитичной" или "нейтральной" Церкви, требуя либо полностью подчиниться и *«перекраситься в советские тона»*, либо признаться в контрреволюционности и получить соответствующее наказание. Либо "за", либо "против" — иного выбора не оставалось.

Епископ Нектарий, подобно другим архиереям и клирикам, в том числе и отцу Михаилу Польскому, сначала старался уклониться от политики — вспомним его показания во время следствия 1925 года в Яранске, когда он неизменно заявлял о своей лояльности и аполитичности, занятости исключительно церковными делами. Так и декларацию соловецких узников в 1926 году владыка Нектарий подписывал со спокойной совестью, будучи согласен с ее принципиальными положениями. Но дальше по пути "очищения", которого требовали безбожные власти, он пойти не мог и с негодованием отверг компромисс митрополита Сергия.

Можно представить, какое возмущение вызвала у владыки декларация 1927 года, противоположная по духу соловецкой, и какие нравственные терзания он испытывал, когда столкнулся с неправдой, исходящей от первоиерарха Русской Церкви (пусть хотя бы и временно исполняющего обязанности), и с той растерянностью среди епископата, с которой эта неправда была встречена. Ведь многие несогласные с декларацией, оставаясь в подчинении митрополиту Сергию,

неизбежно вынуждены были искать ему оправдания. Так и соловецкие узники-архиереи практически все, даже несогласные с митрополитом Сергием, но оставшиеся у него в подчинении, в конечном итоге приняли его декларацию, а от своей прежней отказались. Голос архипастырской, да и просто христианской совести заглушался формальным пониманием канонов, верность которым стремились сохранить. Однако эту верность почему-то сводили к слепому подчинению якобы "законному", "каноничному" архиерею.

Однако мог ли оставаться законным архиерей, подчинившийся безбожникам и исполняющий их волю? Ответ на этот вопрос для епископа Нектария, как и для других вдумчивых пастырей, был ясен и прост. «Каноны не для защиты лжи, обмана и предательства. "Законный" сделал то самое церковному народу, чего народ боялся, когда боролся с обновленцами: он заключил союз между Церковью и безбожниками. Это — предательство», — писал отец Михаил Польский¹⁵³.

«Защитники М<итрополита> Сергия говорят, что каноны позволяют отлагаться от Епископа только за ересь, осужденную Собором; против этого возражают, что деяния М<итрополита> Сергия достаточно подводятся и под это условие, если иметь в виду столь явное нарушение им свободы и достоинства Церкви, единой, Святой, Соборной и Апостольской.

А сверх того каноны ведь многое не могли предусматривать. И можно ли спорить о том, что хуже и вреднее всякой ереси, когда вонзают нож в самое сердце Церкви — ее свободу и достоинство. Что вред-

---

¹⁵³ В очерке, опубликованном за границей в 1931 году, но к этому выводу он пришел, еще будучи в ссылке в 1928 году (*Священник Михаил*. Указ. соч. С. 82).

нее — еретик или убийца?»¹⁵⁴ — писал митрополит Иосиф (Петровых), возглавивший исповедническое движение в Петроградской епархии, а затем и в целом антисергианскую оппозицию (его именем стали называть это исповедническое движение, и в документах гонителей нередко отождествлялись понятия "*иосифлянство*" и "*истинное православие*").

«Но преступление м<итрополита> Сергия заключается не в одних канонических правонарушениях в отношении церковного строя, как было уже не раз показано в различных "обращениях" к нему... оно касается самого существа Церкви. Именно в своей Декларации м<итрополит> Сергей как бы исповедал, а в делах осуществляет незаконное слияние Божьего с кесаревым, или, лучше, Христова с антихристовым, что является догматическим грехом против Церкви и определяется как грех, апостасия, т<о> е<сть> отступничество от Нея»¹⁵⁵, — писал в своей работе "Ответ востязующим" Михаил Александрович Новоселов, замечательный православный церковный деятель, один из самых ярких иосифлян. Чекисты отводили ему основную роль в организации антисергианской оппозиции и разработке основных идей иосифлянства. В следственных документах он наряду с петро-

---

¹⁵⁴ Из письма архимандриту Льву Егорову 1928 года. Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-78806. Т. 3. Л. 174 об. — 177 // *Польский М., протопресв.* Новые мученики Российские... Ч. 2. С. 7–8.

¹⁵⁵ И, следовательно, в отношении к митрополиту Сергию и тем более к указам, исходящим от него, следовало держаться 3-го правила III Вселенского Собора: «Вообще повелеваем, чтобы единомудрствующие с православным и вселенским собором члены клира отнюдь никаким образом не были подчинены отступившим или отступающим от православия епископам».

градским священником Феодором Андреевым именовался «идеологом иосифлянства».

Работу "Ответ востязующим" (1 Кор. 9, 13) Михаил Александрович составил весной 1928 года в виде ответов на основные вопросы и претензии к иосифлянам со стороны защитников митрополита Сергия. В параграфе XV при ответе на вопрос «Что преступного совершил м<итрополит> Сергий против Церкви?» он среди прочего поместил следующую выдержку из письма некоего архиерея: «Митрополит Сергий вступил в блок с антихристом, нарушил каноны и допустил равное отступничеству от Христа малодушие или хитроумие (май 1928 г<ода>)»¹⁵⁶. Эта примечательная цитата дана под заголовком "Епископ из ссылки". Теперь можно с уверенностью сказать, что этим епископом был не кто иной, как владыка Нектарий, превративший общение с митрополитом Сергием.

Разрыв с митрополитом Сергием и сергианством

Вот что писал епископ Нектарий в конце апреля 1928 года: «После молитв и долгих размышлений я прекратил церковное общение с м<итрополитом> Сергием (замещающим собою Патр<иаршего> Местобл<юстителя>), как вошедшим в блок с антихристом, нарушившим церковные каноны и допустившим равносильное отступничеству от Христа малодушие или хитроумие. Всякому православно верующему сыну Церкви Христовой зазорно и для вечного спасения

¹⁵⁶ Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-78806. Т. 3. Л. 66-87. Опубликовано: Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. М.: Братонез, 2008. С. 316-317, 321.

небезопасно идти за таким вождем, как м<итрополит> Сергий, ставшим и пошедшим скользким и весьма ненадежным путем.

Синод же собран из так называемых подмоченных или ссученных епископов. Назначение епископов на кафедры происходит с ведома или одобрения начальника Московского отдела № 6. Может ли быть это приемлемо православными людьми, а тем более епископами? Я долгое время (5 месяцев) разделял мнение соловецкого епископата относительно м<итрополита> Сергия (еще с первой недели Великого поста). Теперь, видя печальные последствия сделок и компромиссов со стороны м<итрополита> Сергия, допущенных им для "спасения" Церкви, я решил определенно и бесповоротно отделиться от м<итрополита> Сергия и стал в ряду других епископов, порвавших с м<итрополитом> Сергием, несмотря на то что бы меня впереди ни ожидало.

Будущее покажет, прав я или нет. Надеюсь и верю, что эта церковная нижегородская ярмарка под неообновленческим флагом потерпит полное посрамление, и православно верующие все уйдут от этой печальной церковной авантюры, затеянной для уничтожения и поругания Церкви Христовой (отделился я официально с 1-й недели Великого поста), иже есть столп и утверждение Истины. Прошу усердно молить о моем недостоинстве. Грешный Нектарий, по милости и благодати Божией Еп<ископ> Яранский, 1928 г<ода>, 25 апр<еля>. Кемперпункт (Иг<умен> Иоанн, кн<ига> 3, стр<аница> 40)»¹⁵⁷.

---

¹⁵⁷ В объятиях семиглавого змия. Церковь в порабощенной России. Монреаль: Братство преп. Иова Почаевского, 1984. С. 102–103. Цитаты из письма приведены в этой книге со ссылкой на магистерскую работу или материалы к ней игумена Иоанна (Снычева). В этой работе, изданной спустя четверть

Это письмо частного характера, очевидно, было адресовано кому-то в Петрограде. Мы не имеем сведений о том, что владыка Нектарий лично знал М. А. Новоселова. Но через духовенство храма Воскресения на крови, с которым владыка сохранял тесные связи, М. А. Новоселов мог быть ознакомлен с содержанием его письма.

Официального уведомления митрополита Сергия о прекращении канонического общения с ним епископа Нектария не сохранилось. Владыка Нектарий только упоминает, что оно состоялось в первую неделю Великого поста. Великий пост в 1928 году начинался 27 февраля по новому стилю. Первая неделя (по-славянски "седмица") продолжалась с 27 февраля по 4 марта. На 4 марта приходилось первое воскресенье (по-славянски "неделя") Великого поста — празднование Торжества Православия¹⁵⁸.

В известном письме пастве в 1933 году владыка Нектарий писал, что отделился в феврале 1928 года. Текст этого письма публиковался в разных изданиях, причем там есть разночтения, в частности, где-то указывается даже точная дата — "8 февраля", что совсем запутывает дело. Но скорее в оригинале было просто "в феврале", а при переписывании или перепечатке «в» могли принять за цифру "8". В любом случае по старому стилю это был февраль.

века отдельной книгой, письмо владыки Нектария только упоминается и указан его номер (№ 39) из архива митрополита Мануила (Лемешевского) (*Митрополит Иоанн (Снычев)*). Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия: григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие. Их особенность и история. Самара, 1997. С. 324).

¹⁵⁸ Митрополит Иоанн (Снычев) в своей работе называет датой отделения епископа Нектария 4 марта 1928 года.

Объясняя, почему он не сразу отделился, владыка Нектарий упомянул, что «долгое время (5 месяцев) разделял мнение соловецкого епископата относительно митрополита Сергия». Сказывался авторитет соловецких архиереев и особенно архиепископа Илариона (Троицкого). О последнем свидетельствовал еще один соловецкий узник, архимандрит Феодосий (Алмазов), попавший на Соловки летом 1927 года: «Голос соловецких узников-епископов в мое время был далеко слышен за пределами Соловков. Лишь по внушению соловецких епископов декларация митрополита Сергия от 29 VII—1927 г<ода> была сравнительно мягко принята православным церковным обществом»; «особенно защищал декларацию митрополита Сергия архиепископ Иларион»¹⁵⁹.

Несмотря на это, архимандрит Феодосий также отметил, что «соловецкими святителями митрополиту Сергию были поставлены четыре пункта, ограничивающие его уступчивость большевикам», и что «соловецкий первенствующий владыка Петр оказывал мало сочувствия затее митрополита Сергия (Страго-

---

¹⁵⁹ Это подтверждает и отец Михаил Польский, получивший в ссылке письмо с Соловков от архиепископа Илариона, писавшего, что в соглашении митрополита Сергия с властью не видит ничего особенного. Отец Михаил отметил: «К моему глубокому сожалению, архиепископ Иларион рассуждал так, что отношения Церкви к власти регулируются практическим расчетом. <...> Слышал это из уст архиепископа не я один, но я немало возражал ему, полагая, что возводить в закон разные случаи в истории не следует. У нас могут быть и принципиальные взгляды для руководства. Таким образом, ошибался ли митр<ополит> Сергей или поступал с практическим расчетом, архиепископ Иларион не строго судил об отношениях главы Церкви с властью».

родского)»¹⁶⁰. Речь шла об архиепископе Петре (Звереве), признанном первенствующим после отправки с Соловков архиепископа Евгения (Зернова). Это свидетельство весьма важно: оно подтверждает и в какой-то мере разъясняет ту информацию, которая приведена в книге еще одного соловчанина — Никонова-Смородина, попавшего на Соловки летом 1928 года.

Никонов-Смородин пишет о своей беседе с заключенным Серебряковым, состоявшейся осенью 1928 года. Серебряков рассказал о том, что епископы на Соловках разделились на две партии из-за отношения к митрополиту Сергию и что противники последнего группировались вокруг владыки Петра. Серебряков ошибочно назвал его митрополитом Крутицким, но ясно, что речь шла об архиепископе Воронежском Петре (Звереве), отправленном в октябре 1928 года на остров Анзер в штрафную командировку "Троицкая". Серебряков предполагал, что поскольку с владыкой были изолированы другие его сторонники, то это была не обычная лагерная мера, а приказ из Москвы:

«Вероятно, борьба с Церковью вступает в новую решительную фазу. И вот это прежде всего отразилось на

---

¹⁶⁰ *Архимандрит Феодосий (Алмазов)*. Мои воспоминания (Записки соловецкого узника). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. С. 100. Архимандрит Феодосий мало мог сообщить о церковных делах, поскольку архиереи не особенно вводили его и других в курс дела. По его словам, «соловецкий епископат держал себя гордо с заключенным духовенством». Хотя по отношению к самому архимандриту архиепископы Иларион (Троицкий) и Петр (Зверев), епископы Антоний (Панкеев) и Василий (Зеленцов) были очень милостивы — помогали ему деньгами и продуктами, — и он называет их своими благодетелями. <...> Но вместе с тем отмечает и обособленность архиереев: «Со мной были вежливы, но для обсуждения общецерковных дел я не был приглашаем».

высших иерархах. В последний раз в этом году они совершили пасхальную утреню. На литургию им не разрешили остаться».

Серебряков был на пасхальной службе, и, по его воспоминаниям, с владыкой Петром служило двенадцать архиереев.

«Торжественная была служба. Запас риз в ризнице церкви был небольшой, и пришлось монахам несколько риз сшить из мешков. Незабываемая была служба. Трудно о ней рассказать обычными людскими словами. В церкви небольшая кучка монахов, два-три заключенных в серых бушлатах. Крестный ход вокруг церкви без колокольного звона и соловецкое особое пение на древний образец вызвали у всех слезы. Еще бы, пятисотлетние традиции. И заметьте, — иерархи отправляют службу так же — именно на этот старинный лад. Помните поговорку — со своим уставом в чужой монастырь не суйся. Это, оказывается, не пустые слова. И вот от этого особого лада соловецкая служба получается особенная, проникновенная»¹⁶¹.

Архимандрит Феодосий писал, что на Пасху 1928 года богослужение также совершалось и в Знаменской церкви кремля — он служил там вместе с епископом Гомельским Тихоном (Шараповым). О причинах отдельного служения он не объяснял, как и о разделении соловецких архиереев, более того, он отметил: «Пока совершалась (до 1929 г<ода>) церковная служба в Соловках, мы поминали митрополита Петра и Сергия»¹⁶².

---

¹⁶¹ Никонов-Сморodin М. З. Красная каторга. София, 1938. С. 192–193. Цит. по: Резникова И. А. Православие на Соловках. С. 60.

¹⁶² Архимандрит Феодосий (Алмазов). Указ. соч. С. 151.

Сейчас уже трудно точно узнать о позиции архиепископа Петра. Из писем его воронежской паствы, в том числе священников, отделившихся от митрополита Сергия, явствует, что он разделял их взгляды и настроения¹⁶³. Общался ли с архиепископом Петром епископ Нектарий, не известно, из соловецких архиереев владыка Нектарий в одном из своих писем упоминает лишь епископа Илариона (Бельского), прервавшего общение с митрополитом Сергием с января 1928 года. Фактически из всего соловецкого епископата только они вдвоем это и сделали; причем к окончательному решению, очевидно, пришли вполне самостоятельно.

Только с конца весны 1928 года стали прибывать на Соловки этапы, в которых были духовенство и верующие, активно выступившие против митрополита Сергия и официально прервавшие общение с ним и его Синодом. Доходили ли ранее о них сведения на Соловки? Возможно, но если учесть, что первые официальные отделения от митрополита Сергия начались в самом конце декабря 1927 года и в январе 1928 года¹⁶⁴, то непосредственное влияние на решение заключенных епископов они едва ли могли оказать. Тем более что епископ Иларион провел весь 1927 год в

---

¹⁶³ См.: Письмо протоиерея Иоанна Андреевского в книге «Новые мученики Российские» (Ч. 2. С. 67–68).

¹⁶⁴ Подробный ход событий в Петроградской и Вятской епархиях, а также частично в Московской (в Серпухове) изложен в других книгах нашей серии: Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. М.: Братонеж, 2008; Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. М.: Братонеж, 2009; Вятский исповедник: Святитель Виктор (Островидов). М.: Братонеж, 2010; Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский. М.: Братонеж, 2011.

тюрьме, пока шло следствие по его делу, и только к концу года был отправлен на Соловки, официально срок его пребывания в Соловецком лагере исчисляется со 2 января 1928 года.

У епископа Нектария, конечно, оставались связи с близкими по духу людьми как среди клириков, так и среди мирян Петроградской и Вятской епархий, где до заключения на протяжении семи с половиной лет проходило его служение. Особенно в этом плане была важна его связь с духовенством кафедрального храма Петроградской епархии Воскресения на крови, который на рубеже 1927–1928 годов стал центром иосифлянского движения и в целом антисергианской оппозиции. С духовенством этого храма владыка Нектарий еще ранее, как уже отмечалось, был единомыслен по отношению к обновленцам и теперь разделял их позицию категорического неприятия нового "обновления" в лице митрополита Сергия и его Синода.

В материалах Казанского следственного дела 1930–1931 годов, по которому владыка Нектарий проходил в качестве одного из главных обвиняемых, есть упоминание о его переписке с ключарем храма Воскресения на крови — протоиереем Никифором Стрельниковым. *«Со Стрельниковым знакомы с 1920 года. О том, что Стрельников одной со мной ориентации, стало известно в 1927 году во время пребывания на Соловках от партии сосланных церковников из Ленинграда, студентов и профессоров»*¹⁶⁵, — показал епископ Нектарий на допросе. И добавил, что эти церковники привезли ему просфору от архиепископа Димитрия Гдовского в знак молитвенного общения. Фамилии их владыка не назвал,

---

¹⁶⁵ Архив Управления ФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2–18199. Т. 3. Л. 575.

сказав, что не помнит. Следовательно не преминул использовать столь наглядный факт и далее в протоколе того же допроса присылку просфоры охарактеризовал как принятие епископа Нектария в «*контр-революционную организацию Истинно-Православная Церковь*».

Однако, скорее всего, эти события происходили не в 1927-м, а в 1928 году, так как, во-первых, епископ Гдовский Димитрий вместе с епископом Нарвским Сергием официально заявили о своем отделении от митрополита Сергия 26 декабря (13 декабря по старому стилю) 1927 года, а храм Воскресения на крови перешел к иосифлянам уже в январе 1928 года (первые богослужения отделившихся архиереев начались с праздника Рождества Христова, и храм был официально зарегистрирован за иосифлянами 20 января); во-вторых, массовые аресты церковников в Петрограде, в том числе иосифлян, начались не ранее середины 1928 года. И если даже владыка Нектарий узнал о событиях в Петрограде в течение месяца (вероятно, протоиерей Никифор Стрельников постарался его сразу известить), едва ли это сообщение было определяющим. Подобная информация могла только ускорить принятие решения, но необходимость и неизбежность его принятия владыка осознал сам. Причем следует помнить, что он оставался в одиночестве, идя вразрез с общим мнением соловецкого епископата.

Только в самом конце мая или начале июня 1928 года владыка наконец встретился с единомышленниками и близкими по духу архиереями и клириками. Первым из них стал, очевидно, епископ Виктор (Островидов), бывший его духовный наставник по Александро-Невской лавре. Теперь епископ Виктор возглавлял исповедническое движение в Вятской и соседних с ней епархиях, ставшее одним из самых

многочисленных и стойких во всей антисергианской оппозиции. Будучи арестован 4 апреля 1928 года в Глазове, он 18 мая был приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

Где на Соловках он встретился с епископом Нектарием, не известно. Это могло произойти и в Кемперпункте. Вообще точных сведений о пребывании епископа Нектария в лагере нет¹⁶⁶. А относительно последних месяцев путаницу вносит указанная подпись под его письмом из архива митрополита Мануила (Лемешевского). Если предположить, что это место написания, то, значит, с конца апреля 1928 года владыка Нектарий был уже в Кемпи. Однако Иван Михайлович Андреевский в своих воспоминаниях называет владыку среди участников тайных богослужений, которые совершались на Соловецком острове.

«В глубине леса, на расстоянии одной версты, была полянка, окруженная березами. Эту полянку мы называли "Кафедральным собором" нашей Соловецкой Катакомбной Церкви в честь Пресв. Троицы. Куполом этого собора было небо, а стенами — березовый лес. Здесь изредка происходили наши тайные Богослужения. Чаше такие богослужения происходили в другом месте, тоже в лесу, в "церкви" имени св. Николая Чудотворца. На богослужения, кроме нас пятерых, приходили еще и другие лица: священ-

---

¹⁶⁶ На запрос в Информационный центр МВД Карелии получен ответ, что *«личного дела заключенного Трезвинского Нестора Константиновича, 1889 г<ода> р<ождения>, уроженца села Яцки, Васильковского уезда, Киевской губернии, на архивном хранении нет. Имеется только учетная карточка Трезвинского Нектория <так в документе> Константиновича». Письмо от 20 марта 2015 года № 3/954. Карточка неинформативна, кроме указания, что заключенный работал сторожем, — ни дат, ни мест содержания не имеется.*

ники о<тец> Матфей, о<тец> Митрофан, о<тец> Александр; епископы Нектарий (Трезвинский), Иларион (викарий Смоленский) и наш общий духовник, замечательный духовный общий наш руководитель и старец — протоиерей о<тец> Николай Пискановский. Изредка бывали и другие заключенные, верные наши друзья. Господь хранил наши "катакомбы", и за все время с 1928 по 1930 г<од> включительно мы не были замечены»¹⁶⁷.

Осужденный по делу "Братства преп. Серафима Саровского" И. М. Андреевский был приговорен к пяти годам концлагеря 8 октября 1928 года, так что привезен на Соловки он был не ранее второй половины октября. Епископа Нектария он, конечно, еще мог застать, поскольку освобожден владыка был позднее. Согласно уведомлению из УСЛОН, он отбыл из Соловецкого лагеря 20 ноября 1928 года.

Тогда получается, что после апреля 1928 года владыка Нектарий опять пребывал на Соловецком острове. И в этом случае его должны были вновь привезти из Кеми и уже с последними рейсами навигации отправить обратно в ноябре месяце. Можно еще предположить и то, что его не перевозили весной, а указание на "Кемперпункт" в его письме от 25 апреля из архива Мануила (Лемешевского) следует воспринимать не как место написания, а как место отправки письма¹⁶⁸.

Вполне вероятно, что к приезду И. М. Андреевского тайные богослужения совершались на Соловецком острове на протяжении нескольких месяцев. Очевид-

---

¹⁶⁷ Польский М., *протопресв.* Новые мученики Российские. Ч. 2. С. 70.

¹⁶⁸ Почтовое отделение, обслуживающее Соловецкий концлагерь, было на Поповом острове, и обычно письма имели штемпель «п<очтовое> о<тделение> Попов Остров», однако иногда письма оформляли и в Кеми с соответствующим штемпелем.

но, что епископы Виктор, Нектарий, а также Иларион (Бельский) и другое духовенство уже не ходили в Онуфриевскую церковь, где соловецким монахам были дозволены ежедневные богослужения, в которых еще до конца 1928 года могло принимать участие заключенное духовенство¹⁶⁹.

Известно, что одна из последних служб там была на Покров, то есть 1/14 октября 1928 года. Очень примечательный эпизод относительно этой службы приводит владыка Нектарий в своем письме 1929 года, которое, кстати, помимо прочего подтверждает и сам факт его нахождения на главном Соловецком острове вплоть до глубокой осени. В письме владыка Нектарий сообщает о епископе Иларионе (Бельском):

«Этот епископ сперва в Соловках с января и по октябрь 1928 года не находился в церковном общении с митрополитом Сергием, но потом под давлением сергиевских епископов 1 октября (по ст<арому> ст<иллю>) 1928 года служил в Соловецком кладбищенском храме, помянув митрополита Сергия. А незадолго перед этим виден был весьма тревожный сон, будто бы он ногами растоптал образ Богоматери Смоленской Одигитрии. И что же? После служения литургии с сергиевскими епископами он вместо

---

¹⁶⁹ По свидетельству Д. С. Лихачева, иосифлянское духовенство уже не ходило в эту церковь, так как монахи были сергиане. В своих воспоминаниях он отмечает, что к моменту прибытия его этапа в Соловецкий лагерь в ноябре 1928 года духовенство уже определенно разделилось «на "сергианское", соглашавшееся с декларацией митрополита Сергия о признании Церковью советской власти, и "иосифлянское", поддерживавшее митрополита Иосифа, не признававшего декларации. Иосифлян было громадное большинство. Вся верующая молодежь была также с иосифлянами» (Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. Т. 1. СПб.: Изд-во «АРС», 2006. С. 207–208).

духовного утешения и радости стал испытывать ужасное угрызение совести и угнетение духа. И мне стало ясно, — говорил он мне, — сергиевское отступничество, и я оказался как бы соучастником сергиевских преступлений против Православной Церкви. И что же — он в тот час заявил сергиевским епископам, что он от них отходит на прежнюю свою церковную позицию к епископу Виктору, Нектарию и Димитрию и другим»¹⁷⁰.

К тому времени епископ Нектарий еще более укрепился в убеждении, что митрополит Сергей идет по пути отступничества. Нисколько не поколебались в своих убеждениях и епископы Виктор (Островидов) и Димитрий (Любимов). Оба святителя, претерпевая страдания, увенчались исповедническими венцами.

Епископ Димитрий на протяжении двух лет фактически возглавлял иосифлянское движение, будучи заместителем митрополита Иосифа (пребывавшего в ссылке в Николо-Моденском монастыре). После ареста в ноябре 1929 года владыка Димитрий на одном из первых допросов смело заявил: *«Мы, иосифляне, сохраняем истинное православие и как истинно православные выступили против декларации митрополита Сергия с требованием изменить курс церковной политики. Мы считаем, что своей декларацией митрополит Сергей подчинил Церковь антихристовой власти»*¹⁷¹. И в дальнейшем владыка Димитрий сохранял твердость на протяжении всего следствия¹⁷².

---

¹⁷⁰ Послания и письма свят. Нектария // Православная жизнь. 1997. № 2. С. 20.

¹⁷¹ Архив УФСБ РФ по СПб. и ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 85.

¹⁷² Так, через год на допросе 1 октября 1930 года владыка Димитрий показал: *«По моему и моих сторонников убеждению, Церковь вела себя правильно в политическом отношении и по отношению к советской власти до раскаяния Патриарха Ти-*

В 1931 году он был приговорен к 10 годам строгого заключения в политизоляторе, где скончался 17 мая 1935 года, проведя в общей сложности в тюрьме пять с половиной лет.

Епископ Виктор пробыл в лагере до 1931 года, продолжая участвовать в тайных богослужениях. Утверждения Снычева о его "раскаянии" и примирении с митрополитом Сергием якобы под влиянием архиепископа Илариона (Троицкого) опровергнуты как совершенно не соответствующие действительности. Уже давно общепризнанным является тот факт, что епископ Виктор, будучи одним из самых строгих обличителей сергианства, оставался непреклонным до самой своей кончины в ссылке 2 мая 1934 года. Пребывая с 1931 года в Усть-Цильме, он поддерживал связь и со своей паствой, и с единомышленными ему архиереями. Незадолго до кончины он передал управление своей вятской паствой архиепископу Серафиму (Самойловичу), одному из ведущих деятелей антисергианской оппозиции, и написал весьма знаменательное послание, своего рода завещание, где не только подтвердил свою прежнюю позицию, но и фактически подвел итог деятельности митрополита Сергия. Приведем основные выдержки из этого знаменательного послания святителя:

«В деле расточения Церкви вместе с предательством митр<ополит> Сергий произвел и тяжкую хулу на Духа Святого, которая по неложному слову Христа никогда не простится ему ни в сей, ни в будущей жизни...

хона в контрреволюционной деятельности. В политическом отношении нам поэтому неприемлемы ни обновленцы, к тому же отступники от Церкви, ни митрополит Сергий и его сторонники» (Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 11. Л. 208).

Смесив в одно в великом святейшем таинстве Евхаристии вопреки слову Божию "верных с неверными" (2 Кор. 6, 12–18), Святую Церковь и борющихся на смерть врагов Ея, митрополит этим своим богохульством нарушает молитвенный смысл великого таинства и разрушает его благодатное значение для вечного спасения душ православно верующих. Отсюда и богослужение становится не просто безблагодатным, по безблагодатности священнодействующего, но оно делается мерзостью в очах Божиих, а потому и совершающий и участвующий в нем подлежат сугубому осуждению.

Являясь во всей своей деятельности еретиком-антицерковником, как превращающий Святую Православную Церковь из дома благодатного спасения верующих в безблагодатную плотскую организацию, лишенную духа жизни, митр<ополит> Сергей в то же время через свое сознательное отречение от истины и в своей безумной измене Христу является открытым отступником от Бога Истины.

И он без внешнего формального суда Церкви (которого невозможно над ним произвести) "есть самоосужден" (Тит. 3, 10–11); он перестал быть тем, чем он был — "служителем истины" по слову: "Да будет двор его пуст... и епископство его да примет ин" (Деян. 1, 20)...

Настоящее деяние, в дополнение к ранее сделанным нами в 1927–1928 г<одах> заявлениям, мы совершаем в строгом сознании нашего архипастырского долга перед нашей паствой, всеми верными чадами Церкви Православной, стоя в послушании Церкви Христовой, в должном подчинении правилам Вселенских Соборов и Собора Российской Церкви 1917–1918 годов, возглавляемой ныне Патриаршим Местоблюстителем Петром, митрополитом Крутицким, и его заместителем Серафимом, архиепископом Угличским.

"Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство!"» (Лук. 12, 32)¹⁷³.

---

¹⁷³ Акты Святейшего Тихона... С. 634–635. Более подробно о позиции епископа Виктора, а также о последних годах его исповеднической жизни в книге: Вятский исповедник: Святитель Виктор (Островидов). М.: Братонез, 2010.

Примечательно, что именно с епископом Виктором общался епископ Нектарий и именно владыка Виктор посоветовал ему после освобождения ехать в Казань. Поскольку проживание в центральных пунктах и Вятской губернии было запрещено, нужно было определиться с местом жительства. Казань находилась ближе всего к Вятской губернии, и можно было надеяться установить связь с вятской паствой и клириками, в том числе и с яранскими. А также найти единомышленников из числа паствы и клириков митрополита Кирилла (Смирнова), с которым казанцы поддерживали связь в ссылке.

6 декабря 1928 года из Управления Соловецких лагерей последовало следующее сообщение в отдел Центральной регистратуры ОГПУ в Москве: *«УСЛОН сообщает, что, согласно выписке из протокола О<собого> С<овещания> при К<оллегии> ОГПУ от 18/5–28 г<ода>, заключенный Трезвинский Нектарий Константинович из Сол<овецких> лагерей освобожден, с лишением права проживания в 6 ц<ентральных> п<унктах> и погран<ичных> губ<ерний> и окр<угов> сроком на 3 г<ода>, с прикреплением к определенному местожительству на тот же срок и 20/XI–28 г. убыл в г. Казань»*¹⁷⁴.

---

¹⁷⁴ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Л. 150.

В Казани

1. Первые встречи

По пути из Соловков епископ Нектарий остановился на несколько часов в Ленинграде и повидался с некоторыми своими знакомыми (позднее на допросе он отказался назвать их фамилии), а по прибытии в Казань, по его словам, *«первым делом занялся исканием истинно-православного храма»*. Поскольку епископ Виктор (Островидов) советовал иметь в виду отца Николая Троицкого, *«которого считал нашим»*, владыка сразу направился в Вознесенскую церковь, где отец Николай был настоятелем. Однако ожидания епископа Виктора не оправдались. Позднее на допросе владыка Нектарий показал:

«С первого же посещения я убедился в том, что с о<тцом> Троицким мне не придется иметь дело, т<ак> к<ак> в его храме поминалось имя митр<ополита> Сергия. Я же считаю это большим грехом.

Поэтому, когда епископ Стефан¹⁷⁵ произнес поминовение митрополита Сергия, я во всеуслышание произнес: "Господина нашего Высокопреосвященнейшего Кирилла, митрополита Казанского и Свияжского, да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки". При выходе из храма я заявил: "Мне здесь нечего делать, храм не православный". Для меня вполне достаточно было, что о<тец> Троицкий допустил поминовение митр<ополита> Сергия, хотя лично от него я не слышал этого поминовения»¹⁷⁶.

После этого епископ Нектарий побывал в церкви Богоявления у епископа Афанасия (Малинина), «с которым имел в виду договориться, т<о> е<сть> найти общий язык в смысле общности в церковной ориентации, но ушел от него убежденный в том, что с ним не может быть ничего общего». То же самое произошло и в Варваринской церкви, где служил о<тец> Николай Петров.

Только у одного человека, да и то не духовного звания, нашел владыка полное взаимопонимание: «*Был я еще в Казани у быв<шего> профессора Духовной академии Несмелова В. И., беседовали о современном положении церковных дел. Несмелов говорил, что митрополит Сергей, как виновник церковной катастрофы, должен быть низвергнут*».

К профессору Виктору Ивановичу Несмелову, как и к протоиерею Николаю Троицкому, также рекомендовал обратиться епископ Виктор, знавший профессора

---

¹⁷⁵ Очевидно, речь идет о епископе Шадринском Стефане (Знаменовском), пребывавшем в это время в Казани на положении ссыльного. Биографические справки на всех клириков, о которых повествуется в данной главе, приведены в Приложении III.

¹⁷⁶ Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2–18199. Т. 3. Л. 568.

еще со студенческих лет: в Казанской духовной академии Виктор Иванович преподавал метафизику и являлся одним из руководителей Философского общества, в работе которого активно принимал участие в 1899–1903 годах студент Константин Островидов — будущий святитель Виктор.

В. И. Несмелов был выдающимся богословом и педагогом. За время своей академической службы он разработал интереснейшее и оригинальное философское учение, издал ряд книг и статей. Он пользовался заслуженным авторитетом в академических и церковных кругах. И после революции несмотря на то, что остался не у дел — духовная академия была закрыта, и в Казанском университете ему не дали преподавать, — продолжал пользоваться непререкаемым авторитетом даже в среде советской научной интеллигенции и студенчества.

Виктор Иванович не скрывал своего отрицательно-го отношения к советской власти и ее мероприятиям и прямо говорил об этом; весьма нелестно отзывался профессор и о марксизме. По свидетельству одного из студентов, часто бывавших у Несмелова, профессор говорил о том, что *«марксизм есть смесь разных философских систем, есть лоскутная философия, никакого ленинизма и марксизма нет, есть просто догма, которая убивает всякую свободу мысли и калечит молодежь»*. И в своих показаниях на допросе Виктор Иванович подтвердил: *«С теорией материализма я не согласен. Имен К. Маркса и В. И. Ленина не упоминал, т<ак> к<ак> ни того, ни другого не считаю философии. К. Маркс, с точки зрения философа-мыслителя, — самый жалкий немецкий бюргер. В таком свете я только мог оценивать К. Маркса и Ленина»*.

С такой же ясностью и резкостью сформулировал профессор Несмелов и свое отношение к митрополиту

Сергию; и в своей прямоте он был близок к епископу Нектарию. Однако, как ни было утешительно это единомыслие для владыки, все же одного знакомства с профессором В. И. Несмеловым, безусловно, было недостаточно для организации церковной жизни. Владыка должен был служить, духовно окормлять свою паству. И ему пришлось это делать нелегально, как показал он на допросе: *«Я ушел в подполье, решив образовать вокруг себя единомышленников, не согласных с митр<ополитом> Сергием и его позицией»*.

Казань в целом не оправдала тех надежд, которые возлагал на ее духовенство и паству епископ Виктор (Островидов), посветовавший епископу Нектарию поселиться там. Антисергианской оппозиции там фактически не было, и даже не соглашавшиеся с декларацией и политикой митрополита Сергия сохраняли с ним общение и подчинялись его Синоду. Произошло то же самое, что и с соловецкими епископами. И эта ситуация, по-видимому, была типичной. Несмотря на то что декларация митрополита Сергия и его политика вызвали всеобщий протест, как уже упоминалось, мало кто решился на открытый протест и отход.

«Митрополит угрозой запрещения в священнослужении по праву законного главы Церкви привел большинство протестующих к повиновению. Хотя сладкому самообману наступающего мира с властью предались весьма немногие епископы (в каких обстоятельствах не найдешь таких оптимистов!), а подавляющее большинство, раз подчинившись митрополиту, принуждено было тотчас защищать его от нападков протестующих собратий и народной массы, которая готова была вся, целиком, отойти от митрополита, явись для этого общий для всей Церкви вождь. Но такого вождя не было, согласно с волею епископов и отдельных священников выходили из подчинения митрополиту Сергию епархии и отдельные приходы.

Епископы, защитники митрополита, решили продолжать борьбу за каноны, полагая, что подчинение законному архиерею — выше всего. За что боролись от начала с обновленцами, и теперь уже нечего было отступать. Надо уж стоять до конца на своем пути. Они рассуждали так: надо сохранять единство Церкви. Новый раскол недопустим, и то, что он уже возник в лице отделившихся от митрополита Сергия, есть новое великое горе. Деяниями митрополита Сергия догматы и церковные каноны не повреждены, и нет достаточных оснований ему не подчиняться. Пусть митрополит принимает грех на себя, это его дело, он будет отвечать за все на суде церковного Собора, который когда-нибудь будет, а мы его судить не можем. Мы должны исполнять то, что он приказывает, хотя это нам и не нравится...»¹⁷⁷

Ради церковного единства смирялись с губительной политикой митрополита Сергия. Между тем митрополит, заключив соглашение с безбожными властями, должен был исполнять все условия этого соглашения. И прежде всего допустить вмешательство властей во внутреннюю жизнь Церкви, причем на всех уровнях — от синодального до приходского. Последствия этого вмешательства были самые убийственные для Церкви, ибо богоборческие власти не изменили своего отношения к Церкви и религии¹⁷⁸.

---

¹⁷⁷ *Священник Михаил*. Положение Церкви в Советской России. С. 42–43.

¹⁷⁸ Спустя чуть меньше месяца после публикации декларации митрополита Сергия в тех же "Известиях" была опубликована беседа Сталина с первой американской рабочей делегацией, во время которой он откровенно заявил: «Партия не может быть нейтральной в отношении носителей религиозных предрассудков, и она будет вести пропаганду против этих предрассудков, в отношении реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс. Подавили ли мы реакционное духовен-

По поводу Синода, собранного митрополитом Сергием из архиереев, желательных для ОГПУ, уже упоминалось выше. Никакой пользы для Церкви от таких архиереев не приходилось ждать, к тому же и создание этого органа при заместителе Местоблюстителя было совершенно неканоничным.

Не менее разрушительно было вмешательство ОГПУ в епархиальную жизнь на местах. Вот что написал об этом священник Михаил Польский, бежавший в то время из ссылки, проехавший всю страну с севера на юг и немало повидавший на этом пути. Так, во время его странствования один знакомый ему архиерей, не зная, что отец Михаил в бегах, предложил ему у себя в епархии священническое место. При этом по-дружески предупредил, что должен представить его кандидатуру в ГПУ.

«Уж не говорю, как это было некстати для моего положения, но и противно моей душе до омерзения, — писал о *тец* Михаил. — "Нет, из таких рук я священнического места никогда не приму", — сказал я. Оказывается, всякий

ство? Да, подавили. Беда только в том, что оно еще не вполне ликвидировано» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. 15 сентября). «Надо понимать, что в число "реакционеров" мог попасть любой носитель религиозных предрассудков; в глазах большевиков сама вера — явление реакционное. Даже ревностный исполнитель заказов ОГПУ обновленец Александр Введенский характеризовался Тучковым как "контрреволюционный тип"; понятно, каким было отношение к "староцерковникам". Годы НЭПа не привели и не могли привести ВКП(б) к отказу от стратегической цели в отношении Церкви — цели ее ликвидации. Квазизаконоуложение Московской патриархии в 1927 году была лишь тактическим ходом для достижения этой цели» (Священник Александр Мазырин. 1927 год в истории Русской Православной Церкви / Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года. С. 87–88).

раз списки кандидатов на вакантные места подаются архиереем в ГПУ, а оно уже избирает удобных для себя лиц. Эта новость сергиевского режима в Церкви, может быть, покажется сразу не так предосудительной, но надо же знать, каким принципом руководится ГПУ в выборе лиц на священнические места. Бесчестного, порочного, недостойного своего звания священника, того, который отгоняет народ от Церкви, убивает в нем религиозное чувство, архиерей бессилён удалить из прихода, потому что тот имеет поддержку ГПУ, будучи и заведомо чекистом. ГПУ же осмеливается не только защищать такого от архиерея, но и требовать его назначения, если он без места. Всех сколько-нибудь деятельных, умных, честных, поддерживающих религиозные настроения в массах, ГПУ неумолимо продолжает устранять, будь они даже сергиевской ориентации. Большевики твердо помнят, чего они хотят, и добиваются своего.

Положение сотрудника ГПУ (ведь безобидная подписка быть "честным" гражданином и им, моим епископом, дана) совершенно невыносимо для моего епископа и представляет ему тяжкие нравственные страдания. Нервная система его расшатана, ночи он не спит, вызовы в ГПУ и разговоры там хотя и являются весьма любезными и чуть ли не дружескими, совершенно убивают его, и он чувствует себя развалиною в молодые свои годы.

Я доказываю ему необходимость отделиться от митрополита Сергия и, конечно, идти опять в тюрьму. Он говорит, что этим дела уже не поправишь. Ничего не изменится в создавшемся порядке. Бросить кафедру невозможно: народа жалко, народ у него еще есть, и этот народ не знает, куда идти, остались храмы под знаком православных только сергиевские. Может быть, он уйдет за штат и заменит себя кем-либо, потому что далее исполнять распоряжения ГПУ у него нет уже сил.

Прежде архиереи (кроме обновленческих и григорьевских) в ГПУ — чужие люди. Теперь они — свои там и почти что завсегда. В некоторых местах сергиевские епи-

скопы пользуются полным доверием ГПУ. Так, например, в одном месте касса кафедрального собора по предложению ГПУ целиком находится в руках архиерея. Вопреки всем светским правилам и обычаям и приходской совет без его разрешения не может истратить ни одной копейки, его боится и с ним считается, зная, кто стоит за его спиной.

От одного архиерея, имя которого, как и многих других, не называю, ГПУ потребовало подать списки на всех монахов и монахинь города и епархии. Он подал такие списки, и тотчас все они поголовно были арестованы и сосланы в места ссылки. При этом само же ГПУ не постеснялось распространить слух, что оно здесь ни при чем, а виноват во всем архиерей, который подал на них списки. Конечно, это — клевета, но пособничество было действительно и со стороны архиерея.

Зачем играть такую позорную роль? Но как быть иначе сергиевскому епископату? Тихоновские епископы не имели нужды в такой работе. Их дело было сидеть по тюрьмам. А этим надо быть на свободе, чего никак ГПУ даром не может предоставить духовенству.

Один епископ получил от митрополита Сергия назначение на епархию. Агент ГПУ поздравил его с назначением и добавил: "Теперь придите ко мне (разумеется, на Лубянку): договоримся".

Нужно заметить, агент ГПУ бывает дважды в неделю (а один раз непременно) в Управлении митрополита Сергия. Важно обойдя всех посетителей и расспросив каждого — откуда он и зачем явился сюда, чекист уединяется с митрополитом Сергием. Но большей частью вместо себя в канцелярию сергиевского Синода старший агент посылает своих помощников.

Указанный мною епископ отказался от кафедры и на Лубянку не пошел. Но если кто не имел мужества отказаться от кафедры вовремя, тот обязан был получать напутствия от ГПУ, если ГПУ находило нужным их дать. В провинциальном же ГПУ вновь прибывшему епископу, немало подождавшему в приемной, начальник наставитель-

но и серьезно говорит: "Советую вам твердо держаться митрополита Сергия, в этом ваше спасение" (разумеется, от репрессий ГПУ).

Таковы факты.

Конечно, как предполагалось, талантливейшие и деятельнейшие архиереи, хотя и признали митрополита Сергия, не получили своих кафедр. ГПУ не позволило.

Вспоминается Патриарх. Тот давал свои назначения. И пусть архиереи, отправляясь в одну сторону, попадали в противоположную. ГПУ делало, что хотело и могло, но и Патриарх исполнял свой долг перед Богом и Его Церковью по совести. А теперь ГПУ наносило нам удары нашими руками.

Пойдя за митрополитом Сергием, повинуюсь ему как законному иерарху при великих компромиссах совести своей, лучшая часть епископата зачеркнула годы своего сидения в тюрьмах и ссылках, честного пути и борьбы. Митрополит Сергей сдал свой епископат врагу. Моральные силы епископата, согласившегося работать с ним, низложены им»¹⁷⁹.

То же самое произошло и с рядовым духовенством и народом. И далее отец Михаил пишет об этом. Мы вновь обращаемся к его очерку о положении Церкви в Советской России и приводим столь обширные цитаты как одно из самых ярких свидетельств о тех роковых для Русской Церкви событиях. Сам будучи непосредственным их очевидцем и участником, отец Михаил — смелый и искренний священник, исповедник, претерпевший страдания за веру, — вырвавшись на свободу, не только подробно описал пережитое, но и дал глубокий анализ происходящего. Его выводы во многом совпадают с мыслями и выводами других

---

¹⁷⁹ *Священник Михаил. Положение Церкви в Советской России. С. 50–53.*

исповедников, остававшихся под гнетом богоборной власти и не имевших доступа к печатному слову.

Так и епископ Нектарий, четко выразивший свою позицию на допросах во время следствия, и в нескольких письмах пастве сделал это довольно лаконично, не оставив подробного описания событий, по крайней мере в тех источниках, какие дошли до нас. О специфике такого источника, как протоколы допросов, говорить не приходится, а сохранившиеся письма тоже по большей части были адресованы его пастве, нуждавшейся в простых и четких архипастырских наставлениях, а не в рассуждениях и размышлениях. Да и «*прикрепленный к определенному месту жительства*» поднадзорный епископ мог судить только о Казани и прилегающей Вятской губернии и не имел полноты информации, как отец Михаил Польский, побывавший во многих епархиях. Тем не менее примечательно, что замечания и наблюдения владыки Нектария в отношении Казани и его вятской паствы полностью созвучны с мыслями и выводами отца Михаила.

О сущности заблуждения митрополита Сергия и своем отходе от него владыка Нектарий писал в одном из писем: «Наше отхождение имеет в своей основе не какой-либо мелочный каприз или что-либо оскорбительное для самолюбия, а направлено против преступной приспособляемости митрополита Сергия и прочих иерархов к советской власти, против допущения самого грубого и бесцеремонного вмешательства во внутреннюю жизнь Церкви Христовой работников ГПУ»¹⁸⁰. А на допросе 5 июня 1931 года заявил: «*Я лично считаю митрополита Сергия и его Синод филиальным отделением 6-го отдела Московского*

---

¹⁸⁰ Православная жизнь. 1997. № 2. С. 23.

ОГПУ при ближайшем и непосредственном участии Тучкова Е. А.; ставленниками последнего я считаю митрополита Сергия, его Синод и особенно митрополита Серафима Александрова»¹⁸¹.

Владыка Нектарий также почувствовал, как пали духом церковные пастыри и народ. Спустя месяц после приезда он еще раз встретился с отцом Николаем Троицким, тем самым, на которого рассчитывал епископ Виктор. И этот один из самых выдающихся священников Казани, смелый проповедник, инициатор создания братства защиты веры и обличитель безбожия в первые годы революции, теперь, по словам владыки, посоветовал ему *«вести себя как можно тише, так как можно пострадать от одного "учреждения", сам он тоже не находил возможным по-рвать с еп<ископом> Афанасием, боясь того же, против чего предупреждал меня»¹⁸².*

Позднее в одном из последних писем из концлагеря владыка Нектарий писал:

«Вот мы видим, что за митрополитом Сергием пошло почти все церковное большинство, спокойно признав церковное управление, навязанное Церкви (в лице его) органами ОГПУ. И только одиночные небольшие группы православных... в Петрограде, Серпухове и, главным образом, в Вятской епархии, в том числе и яранских пределах, не признали митрополита Сергия, прекратили церковное общение с сергиевским духовенством.

Большой энтузиаст и ревнитель Православия покойный епископ Виктор, прощаясь со мной, еще в 1928 г. в Соловках восторженно говорил, что стоит только мне, противосергианскому епископу, явиться в Казань, как ко мне пой-

---

¹⁸¹ Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-18199. Т. 3. Л. 566.

¹⁸² Там же. Л. 577.

дут с разных сторон православные люди для церковного общения и руководства. Но, к сожалению, эти его слова не оправдались. Ревность у верующих людей охладела, и даже, наоборот, пришлось мне серьезно опасаться, как бы не пошли за Сергием и яранские приходы, <которые> отошли <ранее> от митрополита Сергия благодаря пастырскому влиянию покойного протоиерея Иоанна Фокина и падеринского ктитора, большого ревнителя Православия, мирянина Нестора Яковлевича Мосунова.

Живя в Казани в 1929 году, я почти ничего не мог сделать для расширения Православия, испытывая церковное одиночество, весьма скорбел душой...»¹⁸³

Это очень важный момент. Вот они — самые печальные последствия декларации митрополита Сергия — именно разлагающее влияние компромисса на народ. Как писал отец Михаил Польский:

«Теперь с народом случилось то же, что с лучшею частью епископата и духовенства: вопреки совести идти за своим вождем; не свободно и радостно, а как пленник или проданный раб. В силу этого с народом случилось большое духовное несчастье: у него отнята душа, всякое воодушевление в борьбе за веру, ревность, усердие к служению истине. Сначала отняты вожди, любимые архиереи и священники, в которых имели радость и духовную поддержку, потом случилось худшее: не только все оставшиеся, но и любимые изменили истине, пали, принесли пасомым тяжкие разочарования. Ни на кого нельзя надеяться. Если архиереи и священники сами не знают истины или знают, но сознательно лгут, у них нет правды и честности, то на что же надеяться? Так говорят люди. Поэтому: "Поражу пастыря, и рассеются овцы".

---

¹⁸³ Письмо епископа Нектария 8/21 июля 1936 года // ГАСПИ КО. Ф. 6799. Следственное дело Симеона (Яндулецкого). 1942 год. Т. 4. Л. 204.

Прежде, при Патриархе, моральная сила всей Церкви противостояла грубому физическому насилию власти. Теперь этой силы не стало ни в духовенстве, ни в церковном народе вслед за их вождем.

Таковы результаты соглашения митрополита Сергия с ГПУ. Для врага самое главное было — низложить моральные силы церковного народа, ибо он боялся героизма, протеста, единодушия. И этого он наконец дождался. Что такое закрытие и разрушение храмов в России? Для врага Церкви это дело было второе и последнее. Главное для него было — уничтожить нас нравственно и духовно. Чего он сам не мог сделать, в том ему помогли, ведь овладеть духом не то, что телом. Первое (то есть дух) всегда до смерти в нашей власти. Только здесь мы независимы. Ослабив силы духа, сломив его сопротивление, враг уже делает далее все, что хочет. Постепенно он своей цели добивался, поскольку ослабевало нравственное сопротивление Церкви, постольку не стеснялся физического насилия над нею. Неужели это не факт? Чем объяснить, что без протеста масс уничтожаются на их глазах их святыни? Конечно, общим моральным упадком»¹⁸⁴.

В письме из концлагеря 1933 года владыка Нектарий также писал об этом упадке, о безразличии народа, о духовенстве по большей части «обрядоисполнителей, для которых лишь бы было чем пропитаться и как-то спокойно жить», и упомянул, что «еще при самом своем разрыве с митрополитом Сергием в феврале 1928 года предвидел, что борьба с сергианством хотя и является борьбой за правду Христову, будет долгой, бесславной и внешне почти безуспешной. «Из истории Церкви Христовой видно, что почти все борцы за правду Христову погибали в борьбе и что толь-

---

¹⁸⁴ *Священник Михаил*. Положение Церкви в Советской России. С. 55–56.

ко после их смерти торжествовало то дело Божие, за которое они боролись. Так будет и в нашей борьбе с сергианством»¹⁸⁵.

Слова владыки сбываются. На сегодняшний день правота противников сергианства признана даже официальной структурой, именующей себя Московской патриархией и имеющей преемство от митрополита Сергия. А многие из антисергиан включены в официальный список канонизированных ею новомучеников и исповедников. Как при этом преемники митрополита Сергия совмещают свое "преемство" с почитанием новомучеников, которых митрополит подвергал прещениям, обвинял в расколе и т. п., — это отдельная тема. Но наиболее последовательные и компетентные церковные историки из их среды признают всю бессмысленность и бесполезность сергианского соглашения с богоборцами: «Мы же должны извлечь для себя урок, с такой силой преподанный нам историей: цель не оправдывает средства, нельзя принести пользу Церкви, совершая свое служение нечистыми руками, с помощью лукавства и лжи нельзя утвердить правду»¹⁸⁶.

И подтверждают фактами и цифрами на основании документов и научных исследований то, о чем свидетельствовали очевидцы событий почти уже вековой давности:

«В видах той же ликвидации религии и Церкви власть ныне накладывает такие налоги на духовенство, каких оно не в силах платить, и сажает его целыми партиями в тюрьму

---

¹⁸⁵ Три письма из лагеря священномученика Нектария, епископа Яранского / Публ. В. В. Антонова // Русский пастырь. 1998. № 1 (30). С. 96.

¹⁸⁶ Священник Александр Мазырин. 1927 год в истории Русской Православной Церкви. С. 95.

и закрывает приходы; часть духовенства стоит с протянутой рукою около храмов (в Москве, например), прося милостыню; с других больших групп духовенства больших городов взята подписка о невыезде, чтобы таким образом сохранить готовые кадры для ссылки на принудительные работы; духовных лиц лишают квартир, и в то же время их никто не хочет брать на квартиры из боязни репрессий, которые за это тотчас и следуют; им не дают хлебных карточек; их не убивают, но и жить им не позволяют. Но это страдание, пришедшее главным образом после соглашения митрополита Сергия с властью, легло на плечи духовенства без всякого утешения, когда смысл борьбы потерян: власти все сдано. Так, не желавшие бороться за Церковь, усиленно избегавшие тюрьмы, ее не миновали. Избегавшие сидеть в ней за истину церковную, сели за неуплату налогов. Враг неумолим, нашим соглашением не подкуплен и смеется над нашим практическим расчетом, непрестанно готовя нам уничтожение»¹⁸⁷.

«Трагично было и то, что компромисс, на который пошел митрополит Сергий и который вызвал такие потрясения в Церкви, ни к какому смягчению антицерковной государственной политики не привел. Террор против Церкви только усиливался. Это хорошо видно на собранной ныне в ПСТГУ¹⁸⁸ статистике репрессий. С 1927 г<ода> размах гонений на Русскую Церковь начал возрастать небывалыми ранее темпами. Если принять за 100% число арестов по "церковным делам" в 1926 г<оду> (заметим, не самом спокойном для Русской Церкви, достаточно вспомнить, что в конце года прошли массовые аресты в связи с попыткой тайных выборов Патриарха), то в 1927 г<оду> этот показатель равен уже 171,

¹⁸⁷ *Священник Михаил*. Указ. соч. С. 66.

¹⁸⁸ ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

в 1928 — 235, в 1929 — 807, в 1930 — 2204. В каждый последующий год арестовывалось в полтора-два три раза больше служителей Русской Православной Церкви, чем в предыдущий. За неполных четыре года, прошедших со времени издания декларации митрополита Сергия, размах антицерковных репрессий вырос в 22 раза. "Вы обещали вырывать по 2, по 3 страдальца и возвращать их к обществу верных, а смотрите, как много появилось новых страдальцев, которых страдания еще более усугубляются сознанием того, что эти страдания явились следствием Вашей церковной политики", — писал митрополиту Сергию архиепископ Серафим (Самойлович) в феврале 1928 г<ода>. Горечь, вызванная унижившей Церковь политикой митрополита Сергия, усиливалась пониманием того, что облегчения Церкви это унижение не принесло»¹⁸⁹.

Самым печальным для защитников и последователей митрополита Сергия было то, что и они не избежали гонений. «Заявив в конце 1927 года петроградской делегации во главе с епископом Димитрием, что он "спасает Церковь", митрополит Сергей в итоге не сумел спасти даже своих ближайших сотрудников, доверившихся ему. Из девяти иерархов, подписавших июльскую "Декларацию" 1927 г<ода>, во времена "Большого террора" 1937–1938 г<одов> уцелели только сам митрополит Сергей, ставший к тому времени Московским, и митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), причем к их аресту все было готово. Кроме них, к 1939 г<оду> на кафедрах оставались еще два их викария: архиепископы Сергей (Воскресенский) и Николай (Ярушевич). И это на весь Московский Патриархат в пределах СССР. К ним

---

¹⁸⁹ Священник Александр Мазырин. Указ. соч. С. 86.

можно добавить несколько сот священников, продолжающих служить в еще незакрытых, "показных" храмах, преимущественно в больших городах, куда заезжали иностранцы. В общей сложности уберечь от физического уничтожения удалось лишь несколько процентов православных священнослужителей, а от закрытия — несколько процентов существовавших храмов. Церковное управление было парализовано, и управлять было практически некем»¹⁹⁰.

В этом плане самым наглядным примером служат материалы следствия по групповому делу в Казани, по которому были репрессированы в 1930–1931 годах активное духовенство и миряне, причем самых разных направлений. Конечно же, одна из главных ролей в этом деле была отведена епископу Нектарию. Но наряду с ним и сохранявшие общение с митрополитом Сергием, в том числе и отец Николай Троицкий, столь старательно избегавший попасть под подозрение «одного учреждения» и по этой причине подчинявшийся епископу Афанасию и митрополиту Сергию, не только не избежал ареста, но и оказался в числе основных руководителей «казанской к<онтр>р<еволюционной> организации».

Прежде чем перейти непосредственно к обзору материалов этого следственного дела, необходимо дать хотя бы краткое описание церковного положения в Казани на момент приезда епископа Нектария.

2. Митрополит Кирилл

Правящим архиереем Казанской епархии с 1920 года являлся митрополит Кирилл (Смирнов). Он подвер-

---

¹⁹⁰ Священник Александр Мазырин. Указ. соч. С. 93–94.

гался постоянным репрессиям и лишь на короткое время был допущен властями в Казань: на месяц в 1920 году и на несколько месяцев в 1922 году. Тогда владыка Кирилл вместе со своими викариями успешно начал борьбу с обновленцами, и богоборческие власти поспешили его удалить из Казанской епархии: владыка был вновь арестован и отправлен в ссылку в Зырянский край. Временное управление епархией принял один из его викариев, епископ Чистопольский Иоасаф (Удалов).

Владыка Иоасаф продолжил борьбу с обновленцами, и по их доносу в сентябре 1923 года власти запретили ему служение в храмах. После этого временное управление епархией принял второй викарий — епископ Чебоксарский Афанасий (Малинин). В 1924 году епископ Иоасаф был вызван в Москву и арестован, затем после трехмесячного тюремного заключения выпущен с запретом выезжать из Москвы, а в ноябре 1925 года вновь арестован и в мае 1926 года отправлен на 3 года в ссылку в Сибирь, на север Красноярского края в далекий Туруханский район. Известно, что он пребывал вместе с епископами Дамаскином (Цедриком) и Николаем (Добро-нравовым) в станке Полой — за полярным кругом¹⁹¹.

Весной 1927 года в Туруханский район отправили в ссылку и митрополита Кирилла. Перед этим его арестовали в Зырянской ссылке в декабре 1926 года и доставили в Вятскую тюрьму. Здесь с митрополитом встретился специально прибывший в Вятку начальник VI отделения Секретного отдела ОГПУ Е. А. Туч-

---

¹⁹¹ Станок Полой — поселок на берегу Енисея, где в двух избах проживало все его население — пожилой охотник, два его сына и семья одного из сыновей.

ков¹⁹². Он предложил владыке свободу и возможность возглавить Высшее Церковное Управление, но тут же оговорил свои условия: «"Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, вы должны будете нам помочь", — сказал Тучков. "Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да. В противном случае я скажу: "Брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить, и я вынужден это сделать""». — "Нет, не так. Вы должны сделать вид, что делаете это сами, и найти соответствующее обвинение!" Владыка Кирилл отказался. Говорят, он ответил: "Евгений Александрович! Вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь!"»¹⁹³.

---

¹⁹² В это время на Лубянке разрабатывали дело «о тайных выборах патриарха», по которому был арестован целый ряд архиереев, в том числе и митрополит Сергей. Эти выборы заключались в том, что по инициативе группы епископов, получивших одобрение митрополита Сергия, был проведен письменный опрос русского епископата (разумеется, все производилось в тайне путем разъездов и личных встреч). Почти все опрошенные, не менее 60–70 архиереев, подали свои голоса за митрополита Казанского Кирилла (Смирнова). Как размышлял один из современников: «События конца 1926 года остаются загадочными и непонятными. Была ли тут грандиозная провокация, имевшая целью избавиться от определенной части почему-либо неудобных епископов, имело ли место трусливое предательство тех, кто первый попал в ГПУ в ноябре 1926 года, может быть, даже случайно» (ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. С. 7–8). Эта странная история с "выборами" наглядно показала, какой высокий авторитет имел митрополит Кирилл у российских архиереев. И Тучков незамедлительно пожелал воспользоваться этим в своих целях.

¹⁹³ Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТБИ, 2009. С. 44.

После этого митрополит Кирилл был осужден на три года новой ссылки и отправлен в Сибирь. Примечательно, что в день вынесения приговора митрополиту Кириллу в Вятке, 23 марта 1927 года, в Москве был продлен срок содержания под стражей заключенного в то время в Бутырской тюрьме митрополита Сергия *«ввиду серьезности состава преступления»*. Однако неожиданно, спустя всего десять дней, последовало постановление о его освобождении. Что произошло за эти десять дней (после 23 марта), можно только догадываться, но, судя по ходу дальнейших событий, условия, предложенные Тучковым митрополиту Кириллу, были предложены митрополиту Сергию и им приняты. Митрополит Сергей вышел на свободу, и ему даже было разрешено проживать в Москве. Он занимался устройением церковных дел — собирал Синод, назначал и перемещал епископов, выпускал декларацию, в то время как митрополита Кирилла под конвоем везли за полярный круг.

Более двух лет пробыл владыка Кирилл на самом севере Туруханского района в отдаленном станке Хантайка, находившемся еще дальше от станка Полой вниз по Енисею. По пути владыка встретился со ссылными архиереями, в том числе и со своим викарием епископом Иоасафом (Удаловым). И в дальнейшем они поддерживали связь через редкую почту. Переписывался митрополит и со ссылкойным духовенством из других станков (поселков).

Казанская епархия, несмотря на кратковременность пребывания в ней ее правящего архиерея, сохраняла ему верность, имя митрополита Кирилла неизменно поминалось за богослужениями, пастыри и богомольцы усердно молились о страждущем в узах. Осенью 1927 года митрополит Сергей отменил поминовение ссылных архиереев (зато ввел поминовение

своего имени как заместителя Патриаршего Местоблюстителя, что было совершенно неканонично). Временно управлявший Казанской епархией епископ Афанасий (Малинин) все это исполнял, и в храмах епархии, очевидно, прекратили поминовение митрополита Кирилла. Епископ Нектарий с этим столкнулся в первом же казанском храме. Недаром он громко возгласил, очевидно во время Литургии на Великом входе, «Господина нашего Высокопреосвященного Кирилла...». Понятно, что договориться с епископом Афанасием, беспрекословно исполнявшим указы митрополита Сергия, владыка Нектарий ни о чем не мог.

Примечательно, что как раз епископу Афанасию святитель Кирилл адресовал письмо, в котором открыто выявил свое отношение к митрополиту Сергию и его деяниям. Это знаменитое письмо от 15 мая 1929 года, копию которого митрополит Кирилл направил и митрополиту Сергию, стало началом их известной переписки. К тому времени владыка Кирилл был переведен из отдаленной Хантайки в Енисейск, где мог получить больше информации о происходящем и где было более регулярное почтовое сообщение. Однако и до этого из затерянного на берегах Енисея заполярного поселка владыка вел переписку и поддерживал связь с казанской паствой¹⁹⁴. Хоть и с

---

¹⁹⁴ Казанские монахини Виталия и Калерия Терсинские постоянно отвозили письма и посылки, что и подтвердили во время следствия 1930–1931 годов. Так, Виталия на допросе показала: *«На протяжении ряда лет я неоднократно, приблизительно 7–8 раз ездила к митрополиту Кириллу. В 1928–29 г<одах> я также ездила в Красноярск и останавливалась у гр<аждан>ки КАЛУГИНОЙ Елизаветы Ефимовны, проживающей по ул<ице> Парижской Коммуны, № 26 (ныне умершей), она в то время состояла членом кружка помощи*

большой задержкой, церковные новости все же доходили и туда, и, несмотря на то что владыка Кирилл не спешил с выводами и официальным выступлением, он делился своими мыслями с близкими.

Известно его письмо архимандриту Неофиту (Осипову) от 13 июля 1928 года: «Учреждение новой формы ВЦУ¹⁹⁵ я не признаю. Покойного Патриарха реформатором не считаю, а заявление, сделанное о нас в Сергиевской Декларации, считаю клеветой. О Господине нашем Петре молюсь, потому что не знаю о его отношении к так называемому Патриаршему Синоду»¹⁹⁶.

Также в письме архимандриту Владимиру (Пуссету) начала 1929 года, в котором владыка Кирилл опровергал распространяемые слухи о его поддержке митрополита Сергия и в ответ на вопрос, вернее, утверждение последнего написал: «Мне часто приписывают мысли и слова, каких я не высказывал. К этому разряду принадлежит и цитированная Вами влагаемая в мои уста фраза: "ради церковного мира и сохранения единства нужно покрыть любовью то, в чем погрешил митрополит Сергий". Я ничего подобного никогда не говорил»¹⁹⁷.

ссылным церковникам. У нее я проживала месяца по 3 или 4, но епископа Кирилла там не было, и привозимое мною из Казани мы с Калугиной отправляли багажом через Гос<ударственное> пароходство» (Т. 1. Л. 120).

¹⁹⁵ ВЦУ — Высшее Церковное Управление.

¹⁹⁶ Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) / Публ. и прим. Н. А. Кривошеевой и А. В. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 8. М.: ПСТБИ, 2001. С. 341.

¹⁹⁷ Важное письмо митрополита Кирилла / Публ. В. В. Антонова // Русский пастырь. Сан-Франциско, 1994. № 2 (19). С. 75.

В письме от 7 февраля 1929 года, адресованном кому-то из непоминающих в Москве, митрополит Кирилл уже прямо пишет, что он не может подчиняться митрополиту Сергию, подменившему законно-преемственную власть в Церкви незаконной. «Совершенную им подмену церковной власти, конечно, нельзя назвать отпадением от Церкви, но это есть, несомненно, тягчайший грех падения. Совершителей греха я не назову безблагодатными, но участвовать с ними в причастии не стану и других не благословлю, т<ак> к<ак> у меня нет другого способа к обличению согрешающего брата»¹⁹⁸.

В Казани о несогласии митрополита Кирилла с митрополитом Сергием знали. Так, епископ Нектарий в письме пастве 8 января 1929 года писал:

«Имеются достоверные данные от бывшего профессора богословия в Томском университете, митрофорного протоиерея о<тца> Иакова Галахова, находящегося в ссылке в Сибири, в 60 верстах от великого в наши дни святителя исповедника митрополита Казанского и Свяжского Кирилла. По сведениям от этого ученого старца-протоиерея, Владыка митр<ополит> Кирилл, сей великий адамант и столп Православия, томящийся многие годы по отдаленным ссылкам, этапам и дом<ам> зак<лючения>, сей первейший по патриаршему завещанию местоблюститель патриаршего престола, тоже не признает отступника Нижегородского Сергия и не находится с ним ни в церковно-каноническом, ни в молитвенном общении»¹⁹⁹.

---

¹⁹⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-44340. Л. 40. Цит. по: Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. С. 73–74.

¹⁹⁹ Православная жизнь. 1997. № 2. С. 20.

Протоиерей Иаков Галахов проживал в ссылке в станке Потаповский, и его сын Николай, один из деятельных церковников в Казани, заведующий Арским кладбищем, просил отца узнать о мнении митрополита Кирилла по самым насущным церковным вопросам. Вот что показал протоиерей Иаков на допросе:

«В 1927 г<оду> видел его <митрополита Кирилла> на ст<анке> Хантайка в Туруханском крае. Будучи соседом его по станку, имел с ним переписку, получал от него посылки съестных припасов (2 раза). Переписка касалась разных предметов, касающихся мелких интересов ссыльной жизни. Но дебатировали и по поводу вопросов церковных. Сообщали друг другу о том, где жили и как, начиная с 1920 г<ода>. По просьбе сына Николая, проживающего в Казани, запрашивал его <Кирилла>, как он смотрит на митрополита Сергия, считает ли он каноничным учреждение Синода... Получил от него ответ, приблизительно месяца через 1 1/2, полностью переписал его взгляд на митрополита Сергия и Синод и послал сыну... Точно не помню, что я писал сыну со своей стороны, но помню хорошо, что в других письмах митрополиту Кириллу я защищал Сергия».

Епископ Нектарий с Николаем Галаховым встретился в январе 1929 года, — по-видимому, именно тогда и узнал о позиции митрополита Кирилла; позднее они виделись еще несколько раз. В августе 1929 года владыка специально пошел к Николаю Галахову, когда узнал от верующих о письме митрополита Кирилла, с содержанием которого тот охотно знакомил. Очевидно, это было как раз то самое майское письмо митрополита Кирилла, в котором он уже не в частном порядке, а как правящий архиерей высказал свое суждение. Письмо митрополит адресовал непосредственно своему викарию Казанской епархии епископу

Афанасию (Малинину) в ответ на вопросы своей казанской паствы по поводу деятельности митрополита Сергия. Это же письмо митрополит Кирилл отослал, как уже упоминалось, митрополиту Сергию и таким образом официально известил его о своей позиции. Сделал это владыка Кирилл не случайно; вот что он написал об этом в июне 1929 года епископу Дамаскину (Цедрику):

«Обращение к митрополиту Сергию с громоздким посланием кажется мне ненужным преувеличением церковного значения митрополита Сергия и подливанием масла в огонь сомнения, и так сжигающий бедного Владыку. Недостатка в братских увещаниях по отношению к нему за эти два года не было. Но митрополит Сергей глух к ним. Не расслышит он и нового, хотя и более строгого окрика. Поэтому достаточно, кажется мне, для личного местоблюстительского уполномоченного частного доведения до его сведения со стороны каждого несогласного с церковной его деятельностью, что деятельность эта идет мимо нас, и поощрять ее своим согласием и послушанием мы не можем. Можно прямо просить, чтобы, пока существует так называемый "Временный Патриарший Синод", митрополит Сергей не трудился бы присылать данному корреспонденту свои распоряжения, так как за ними по архипастырской совести не может быть признано обязательного значения»²⁰⁰.

Именно так митрополит Кирилл и поступил, уведомив майским письмом и своего викария епископа Афанасия (Малинина), и самого митрополита Сергия. Отвечая в письме на вопросы, присланные ему из Казани и свидетельствующие о том, что церковная дея-

---

²⁰⁰ *Мазырин Александр, иерей.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви... С. 75.

тельность митрополита Сергия смущает совесть многих чад казанской паствы, владыка Кирилл подробно пишет о нарушениях митрополита Сергия и заявляет о своем воздержании от общения с ним:

«Ни от чего святого и подлинно церковного я не отделяюсь, страшусь только приступать и прилепляться к тому, что признаю греховным по самому происхождению, и потому воздерживаюсь от братского общения с митрополитом Сергием и ему единомышленными архипастырями, так как нет у меня другого способа обличить согрешающего брата»²⁰¹.

Упомянув покойного митрополита Ярославского Агафангела, митрополита Петроградского Иосифа с его двумя викариями (Димитрием и Сергием), архиепископа Угличского Серафима и епископа Вятского Виктора, обращавшихся с увещаниями к митрополиту Сергию и ничего не добившихся, митрополит Кирилл подчеркивает, что повторять опыт этих неоднократных увещаний бесполезно, и потому подобно этим архипастырям воздерживается от общения с митрополитом Сергием и считает это исполнением своего архипастырского долга.

При этом митрополит Кирилл оговаривается, что этим своим воздержанием он ничуть не утверждает безблагодатности совершаемых сергианами священнодействий, и хотя литургисать с митрополитом Сергием и ему единомышленными архипастырями не станет, но в случае смертельной опасности со спокойной совестью примет елеосвящение и последнее напутствие от священника сергиева поставления или подчиняющегося учрежденному Синоду, если не окажется

---

²⁰¹ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 640.

в наличии священника, единомышленного ему (митрополиту Кириллу).

В отношении мирян владыка Кирилл не советовал деятельно участвовать в церковно-приходской жизни приходо́в, где возносится имя митрополита Сергия, но в то же время полагал, что они могут посещать богослужения и принимать Св. Дары в храмах, подчиняющихся митрополиту Сергию, если в данной местности не будет другого православного храма.

Таким образом, при всем своем неприятии деяний митрополита Сергия митрополит Кирилл весьма осторожен в своих выводах и оценках. Его позиция, конечно, была более чем умеренной и отличалась от иосифлянской. За что и подверглась резкой критике с обеих сторон: и со стороны митрополита Сергия, и со стороны некоторых ревнителей-антисергиан. В одном из своих писем священнику Евлампию Едемскому-Своеземцеву в ноябре 1929 года владыка Кирилл писал:

«В мае я был вынужден высказать вслух свое суждение о произведенном митрополитом Сергием соблазне учреждением т<ак> н<азываемого> Синода. В очень многих местах суждение мое встречается враждебно, как якобы примиренчество и потеря православного чутья»²⁰².

Так, например, епископ Иларион (Бельский) — соузник епископа Нектария по Соловкам — крайне отрицательно отнесся к позиции митрополита Кирилла, когда узнал о ней (по-видимому, уже только в конце 1933 года, когда освободился из концлагеря).

---

²⁰² Цит. по: Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского // Авт.-сост. А. В. Журавский. М.: Издание Сретенского монастыря, 2004. С. 559.

В январе 1934 года он написал митрополиту очень резкое до грубости письмо, в котором излил всю свою горечь и возмущение по поводу того, по его мнению, «своеобразного положения в Церкви», которое избрал митрополит Кирилл и которое поставляло митрополита «не в лоне Православной Церкви». Епископ Иларион писал:

«От признания благодатными Сергиевских последователей недалеко до логического вывода, заключающегося в признании так же благодатными и их соборов, и самочинных синодов, которыми они законных архипастырей лишают кафедр, запрещают священнослужителей, извлекают из священного сана православных».

«Такое признание мы могли бы рассматривать как позор для архипастыря, на которого вся Церковь до сих пор смотрела как на исповедника и столпа св. православия. Вы бы в таком случае явились не собирателем воедино православных, а как бы вторым Иудой-предателем, прелюбодеем, разлагателем и участником в разрушении церковной законности, чего мы не можем допустить и поверить этому»²⁰³.

Епископ Нектарий был далек от такой категоричности. Несмотря на то что он сам был настроен весьма решительно и считал митрополита Сергия отпавшим от Церкви, митрополита Кирилла он понимал и мнение его хотя и не разделял, но не осуждал. Так, по поводу письма митрополита Кирилла он сказал на допросе следующее:

---

²⁰³ Машинописная копия письма была приобщена к материалам последнего следственного дела епископа Илариона 1937 года (Государственный архив Марий Эл. Ф. Р-1086. Оп. 8. Д. 824). Полностью письмо опубликовано в нашей книге: Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий Каргопольский, Иларион, епископ Поречский... С. 244–252.

«С содержанием этого письма в принципе я согласен, за исключением некоторых пунктов, в том числе "о благодатности сергиевского духовенства", и с возможностью православным верующим людям иметь церковное общение с сергиевским духовенством.

Согласен я также и с тем пунктом письма митрополита Кирилла, где говорится о том, что митрополит Сергей и синод при нем продались советской власти, предали внутреннюю свободу Православной Церкви».

В письме, конечно, такой прямолинейной формулировки нет. Митрополит Кирилл пишет лишь о неприемлемости церковно-административной деятельности митрополита Сергея — неканоничном учреждении Синода и превышении полномочий, фактически присвоении заместителем прав Патриаршего Местоблюстителя. Вокруг этих двух вопросов и велась главным образом его полемика с митрополитом Сергием. Однако не только в этом заключалось их разногласие. Как писал в письме митрополиту Сергию в октябре 1929 года епископ Дамаскин (Цедрик), духовно близкий митрополиту Кириллу:

«Вопрос о полномочиях и связанный с ним вопрос о праве Вашем самолично изменять установленный раньше (и, следовательно, обязательный для Заместителя) курс корабля Церкви — имеет широкое принципиальное значение; сведенный по тактическим соображениям к одному, безопасному для открытой трактовки, вопросу о Вашем Синоде, он естественно вмещает в себя и все другие недоуменные вопросы, но мудрость Ваша почему-то игнорирует это обстоятельство».

Действительно, в тех условиях можно еще было надеяться обсуждать чисто административные вопро-

сы, не вызвав обвинения со стороны властей (впрочем, даже их обсуждение власти не оставляли безнаказанным, как это и произошло с митрополитом Кириллом). Кроме того, когда митрополит Кирилл писал об изменении порядка церковного управления, — в частности, о создании Синода, — как о тяжком грехе митрополита Сергия, понятно, что он имел в виду не просто административное нарушение, которое он не приемлет, если перефразировать слова епископа Нектария из его вышеприведенного письма пастве, в силу "мелочного каприза" или "оскорбленного самолюбия", а серьезнейшее деяние, произведенное под внешним давлением врагов Церкви и имеющее самые пагубные последствия.

В письме от 30 января 1930 года митрополит Кирилл в ответ на ультимативное послание митрополита Сергия подчеркивал, что его с митрополитом Сергием разделяют воззрения последнего на «пути осуществления Церковью своего призвания в здешнем мире, ибо воззрения эти нарушают правду Церкви и искажают ее православное лицо». «Во имя этой правды и достоинства Православной Церкви, исполняя свой архипастырский долг, решил я поднять свой голос», — писал святитель Кирилл²⁰⁴.

«Корни разногласий митрополита Кирилла с митрополитом Сергием крылись в различном понимании природы Церкви и смысла архипастырского служения в ней. Если для митрополита Кирилла важнее всего для судеб Церкви было свидетельство правды и явление миру Ее божественного достоинства, верности

---

²⁰⁴ Два письма митрополита Кирилла / Возвращение. 1996. № 4 (8). С. 35; Антонов В. В. Петроград-Ленинград 1920–1930-е. Вера против безбожия. СПб.: Лики России, 2011. С. 274.

духу Христову, то митрополит Сергей во главу угла ставил сохранение централизованной церковной власти и считал возможным ради этого идти на такие компромиссы, которые многими воспринимались как предательство»²⁰⁵.

Не случайно в выступлении митрополита Кирилла митрополит Сергей увидел серьезную угрозу всем своим планам. Прислушайся другие архиереи к голосу ссыльного митрополита — все начинания митрополита Сергия рухнут, он потеряет свою власть и останется совершенно не у дел. Ведь митрополит Кирилл был одним из самых авторитетных иерархов Русской Церкви в то время, и в нем действительно многие видели, как писал епископ Иларион (Бельский), исповедника и столпа Православия. Недаром Патриарх Тихон назвал именно митрополита Кирилла первым из кандидатов на должность Патриаршего Местоблюстителя²⁰⁶.

Строго говоря, именно владыка Кирилл и должен был возглавить Церковное Управление после кончины Патриарха. Однако, как известно, в апреле 1925 года в права Патриаршего Местоблюстителя вступил митрополит Петр (Крутицкий), и архиереи, собравшиеся на погребение Патриарха, признали это законным, подписав соответствующий акт; митрополит Кирилл в то время находился в ссылке. Примечательно, что не кто иной, как митрополит Сергей убедил архиереев в обязательности присутствия Местоблюстителя

---

²⁰⁵ *Мазырин Александр, иерей*. Указ. соч. С. 93.

²⁰⁶ В завещательном распоряжении Патриарха в 1925 году; вторым был указан митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), третьим — митрополит Петр (Полянский). Право указать кандидатов Патриарху было предоставлено Всероссийским Поместным Собором 1917–1918 годов.

в Москве²⁰⁷. Самому же митрополиту Сергию в декабре того же 1925 года нисколько не помешало принять на себя обязанности заместителя Патриаршего Местоблюстителя отсутствие разрешения на въезд в Москву. И он почти целый год возглавлял Церковное Управление из Нижнего Новгорода.

Несмотря на свое недоумение, митрополит Кирилл признал владыку Петра. Как позднее он засвидетельствовал об этом в своих показаниях во время следствия 1930 года: *«Здесь <в Усть-Сысольске> мне стало известно, что Местоблюстителем Патриаршим является м[итрополит] Петр, т[а]к к[а]к ни меня, ни м[итрополита] Агафангела при смерти Патриарха в Москве не оказалось. Хотя для меня остается и сейчас непонятным, почему отсутствие в Москве могло быть препятствием к исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, но раз епископатом, бывшим в Москве при погребении Патриарха, местоблюстительство возложено было на м[итрополита] Петра, то я с любовью признал это для себя обязательным и до сих пор мыслю себя в каноническом и молитвенном*

---

²⁰⁷ «Существует свидетельство о том, что именно он и убедил епископов, собравшихся на погребение святителя Тихона, не дожидаться возвращения из ссылки митрополитов Кирилла и Агафангела и сразу утвердить Местоблюстителем Крутицкого митрополита. Один осведомленный автор писал в ноябре 1927 г<ода> о митрополите Петре, что "его на местоблюстительское кресло избрали не без содействия митрополита Сергия, под благовидным предлогом в свое время отклонившего первых двух кандидатов: митрополита Кирилла и митрополита Агафангела"» (ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 222; Ки-фа — Патриарший местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 360–361).

с ним общении как [с] первым епископом страны»²⁰⁸.

Патриарший Местоблюститель являлся временным первоиерархом, причем он не имел всего объема прав, принадлежащих Патриарху. Его обязанностью было подготовить Поместный Собор, на котором должно было произойти избрание нового Патриарха и решение всех насущных вопросов. Учреждать в Церкви какой-либо новый порядок Местоблюститель не мог, как и передавать свои права по завещанию. Поэтому назначение заместителя, как это сделал митрополит Петр, хотя митрополит Кирилл и признал, но еще более ограничивал его права. Заместитель на время отсутствия Местоблюстителя мог лишь исполнять его волю и просто вести текущие дела и, безусловно, не мог принимать без его ведома какие-то серьезные решения.

Поставив это положение во главу угла, митрополит Кирилл снимал все остальные вопросы. Таким образом, дальнейшая полемика с заместителем Местоблюстителя становилась просто бессмысленной. Если митрополит Сергей присвоил не принадлежащие ему права Местоблюстителя и даже большие, то есть фактически узурпировал церковную власть, то совершенно ни к чему было обсуждать его деяния и вступать с ним по этому поводу в дискуссию. Если изначально он не имел права на все свои мероприятия, потрясшие Церковь, то и не было необходимости спорить с ним и его сторонниками о целесообразности этих мероприятий. Достаточно было просто объявить его власть не каноничной и не подчиняться. Что митрополит Кирилл и сделал, доказывая неправомочность и неканоничность положения митрополита Сергея спокойно и

---

²⁰⁸ Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее... С. 376.

смиренно в духе братского увещевания, и усердно просил того уведомить Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) о происходящем в Церкви.

Отметим, что митрополита Петра законным первоиерархом признавал и епископ Нектарий, однако не столь безоговорочно. Во время следствия на первом же допросе он сказал: *«Я принадлежу к числу духовенства Тихоновской ориентации, т<ак> к<ак> только Патриарха Тихона считаю каноническим главой Православной Церкви. Теперь же после смерти его временно подчиняюсь митрополиту Петру, хотя законным преемником Патриаршего престола считаю митрополита Казанского Кирилла. Митрополита Сергия считаю отступником, узурпатором, виновником церковной катастрофы»*. Владыка Нектарий в какой-то момент, по его словам, даже запрашивал архиепископа Димитрия (Любимова), *«не пора ли поминать Патриаршим Местоблюстителем митрополита Кирилла вместо митрополита Петра, в отношении канонического преемства которого есть сомнения»*.

Недоверие к митрополиту Петру добавляли "андреевцы" — последователи епископа Уфимского Андрея (Ухтомского), с которыми общался владыка Нектарий в Казани. Епископ Андрей считал митрополита Петра ставленником ОГПУ. Однако, как сказал владыка Нектарий: *«Выразить полное и окончательное согласие с доводами еп<ископа> Андрея относительно митрополита Петра не могу, т<ак> к<ак> не убежден в этом, но сомнений в отношении канонического преемства митр<ополита> Петра у меня много, тем более что митр<ополит> Петр был малоизвестен для Православной Церкви»²⁰⁹*.

²⁰⁹ Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2–18199. Т. 3. Л. 566, 570, 573.

Подробно об этих сомнениях владыка говорить не стал. На его запрос по поводу поминовения ответ из Петрограда, вероятно, был отрицательный. Иосифляне поминали митрополита Петра как законного Местоблюстителя и главу Русской Церкви и надеялись, что он, как только получит известия о происходящем, поддержит их и остановит своего зарвавшегося заместителя. Так и митрополит Кирилл, как уже упоминалось, полагал необходимым довести до сведения Местоблюстителя последние церковные события и предлагал митрополиту Сергию передать весь материал, в том числе и их переписку, на усмотрение митрополита Петра как первого епископа страны.

Митрополит Сергей этого делать не собирался. Он считал, что митрополит Петр передал ему все местоблюстительские права и потому он (митрополит Сергей) обладает властью первоиерарха. Митрополиту Кириллу он отвечал властно и жестко, призывая его «прекратить неблагодарную работу подкапывания Дома Божия» и не мешать его усилиям «восстановить нарушаемый теперь порядок и чин церковной жизни». Непревзойденный мастер диалектики, митрополит Сергей искусно полемизировал с владыкой Кириллом, отстаивая свои полномочия и доказывая противоречивость позиции своего оппонента, обвинял того в полном единомыслии и общении с отделившимися "раскольниками", "отщепенцами", "церковью лукавнующих", "хульниками", отрицающими таинства в сергианских храмах. В заключении своего первого письма митрополит Сергей потребовал от митрополита Кирилла пересмотреть его позицию до 1 декабря 1929 года, в противном случае грозил перейти к соответствующим действиям.

На это владыка Кирилл ответил подробным письмом, где вновь писал о полномочиях заместителя и не

каноничности деяний митрополита. По поводу хулы на Церковь и хульников, к которым митрополит Сергей приобщал и его, он указал, что слышит об этих хулах впервые, и, подчеркивая свое признание благодатности таинств сергиан, написал: «Если хулы такие действительно кем-нибудь произносятся, то они плод личного темперамента говорящих, плод, — скажу Вашими словами, — "беспросветной темноты одних и потери духовного равновесия другими"»²¹⁰.

И далее показал, что именно таким "хульником" становится сам митрополит Сергей, когда в постановлении своего Синода от 6 августа 1929 года воспрещает, «несмотря ни на какие просьбы, отпевать умерших в отчуждении» от своего Синода, «не говоря уже о перемазывании крещенных тем же Св. Миром помазанных» и о «перевенчании венчанных». Тем самым митрополит Сергей, по убеждению владыки Кирилла, неясный еще для многих спор, вызванный его церковной деятельностью, «закрепляет как непримируемую церковную вражду». И это по той причине, что отрицательное отношение к своей деятельности по церковному управлению воспринимает как отрицание самой Церкви и Ее Таинств.

Митрополит Кирилл еще раз подчеркнул, что он, отказываясь от евхаристического общения с митрополитом Сергием, ни его, ни себя не считает стоящими вне Церкви. «Для церковного мышления такая теория совершенно неприемлема — заявляете Вы, — это попытка сохранить лед на горячей плите, — писал святитель Кирилл. — Если в данном случае есть с моей стороны попытка, то не к сохранению льда на горячей плите, а к тому, чтобы растопить лед диалектико-книжнического пользования канонами и сохра-

---

²¹⁰ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 655.

нить святыню их духа. Я воздерживаюсь литургисать с Вами не потому, что тайна Тела и Крови Христовых будто бы не совершится при нашем совместном служении, но потому, что приобщение от чаши Господней обоим нам будет в суд и осуждение, так как наше внутреннее настроение, смущаемое неодинаковым пониманием своих церковных взаимоотношений, отнимет у нас возможность в полном спокойствии духа приносить милость мира, жертву хваления».

Владыка Кирилл также напомнил, что таким образом он выражает свое несогласие с церковной деятельностью митрополита Сергия и, не имея полномочий внешнего воздействия, считает своим нравственным долгом прервать с ним евхаристическое общение, а их спор просит передать на суд первого епископа — митрополита Петра (Полянского), имеющего все полномочия в отношении своего заместителя.

В ответ митрополит Сергей по-прежнему настаивал на своих полномочиях, отказываясь передать дело митрополита Кирилла на суд Местоблюстителя, и во втором своем письме поставил уже ультимативное условие: если до 15 февраля 1930 года митрополит Кирилл не выразит канонического послушания и не откажется от общения с раскольниками, то вступит в действие постановление об увольнении его от управления Казанской кафедрой и запрещении в священнослужении.

В этом письме митрополит Сергей подчеркнул, что для оппозиции главным вопросом является вовсе не его Синод, а декларация: «В ней наши противники, сами не отрицающие обязанности для каждого христианина гражданской верности (например, епископ Виктор Островидов), не совсем последовательно увидели заявление не таких же, как и они, земных людей, граждан СССР, а заявление самой Церкви, как

благодатного учреждения. Отсюда крики о подчинении Церкви государству, Царства Божия — царству мира и даже Самого Христа — Велиару. Упразднением Синода таких фанатиков не примирить: они требуют, чтобы мы возвратились к узконациональному пониманию христианства, когда идея Вселенской Церкви подменялась идеей православно-русского государства»²¹¹.

Правильно указав на главную причину неприятия его церковного курса, митрополит Сергей в последней фразе, мягко говоря, написал неправду. Практически все его противники в своих протестах старались держаться той самой "аполитичности", которая была выражена еще в соловецком послании 1926 года. И понятно, что даже ультрамонархисты по своим убеждениям не стали бы их высказывать в публичных дискуссиях в советском государстве, дабы не дать повод властям для обвинения в политических преступлениях.

Но митрополит Сергей легко бросил в сторону своих оппонентов обвинение в «узконациональном понимании христианства», так же как в своей июльской декларации вину за тяжелое, гонимое положение Церкви возложил не на богоборческие власти, а на церковных людей и написал, что все "недоразумения" между Церковью и властью происходят из-за тех церковных кругов, которым, по его словам, «может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием».

Более того, в письме митрополиту Кириллу митрополит Сергей уже прямо заявил об антисоветской настроенности своих оппонентов: «Нет ничего неожиданного в том, что среди оппозиции стоят, по Вашим словам, люди, проявившие много усердия по борьбе

---

²¹¹ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 679.

с обновленчеством. Это говорит только о том, что многие восставали и против обновленчества не потому, что это было церковное бесчиние, а больше потому, что оно "признало" Советскую власть. Недаром и теперь кое-кто спрашивает — какая же разница у нас с обновленцами, если и мы "за Советскую власть"».

Понимал ли митрополит Сергей, когда писал все это, какой повод для обвинения в контрреволюции своих оппонентов он давал властям? Ведь и без того все не соглашавшиеся с его декларацией сразу же причислялись к политическим врагам советского государства (радости и горести которого митрополит Сергей объявил своими). А теперь и он сам обвинял их в антисоветчине. Показательно, как этим сразу же поспешило воспользоваться ОГПУ.

В Казани составители "Обвинительного заключения" по следственному делу о создании «к<онтр>р<еволюционной> религиозно-монархической организации» не только представили «глубоко контрреволюционное» письмо митрополита Кирилла как ключевой момент в становлении этой организации, но в доказательство этого утверждения ссылались на письмо митрополита Сергея и даже дословно его цитировали. Не случайно митрополит Кирилл был вновь арестован в начале 1930 года, причем главным обвинением ему было предъявлено выступление против митрополита Сергея²¹². И последний в свою очередь не замедлил

---

²¹² «Из обвинительного заключения по следственному делу 1930 года прямо вытекает, что главной причиной новых репрессий ОГПУ против митрополита Кирилла было именно его несогласие с митрополитом Сергием, в том числе и в вопросе о Синоде: *"Пользуясь среди духовенства и верующих СССР громадным авторитетом, как первый кандидат, — согласно завещанию патриарха Тихона, — в заместители патриарха, СМИРНОВ с первого момента организации в Москве*

с обещанными церковными прещениями — почти одновременно с арестом митрополит Кирилл был уволен с кафедры и запрещен в священнослужении Синодом митрополита Сергия.

«Бороться с оппозицией от Заместителя требовала власть, но из последующих событий видно, что он и сам, со всем своим талантом, активно включился в эту борьбу. Конечно, и действия оппозиции были далеко не всегда и не во всем безупречны, но удивляет то, с каким пафосом митрополит Сергий утверждал собственную правоту, как бы не замечая, что тем самым он лишь помогал власти расправиться с наиболее самоотверженными служителями Церкви. Ему при его выдающихся умственных способностях и эрудиции не составляло большого труда показать канонические изъяны в выступлениях его оппонентов, что он и делал, исписывая порой многие страницы бумаги, но при всей отточенности и триумфальности его аргументации внутренней правды в его словах не было. Результат же полемики с ним для оппозиционеров почти всегда был один: ссылки и лагеря, а позднее — расстрелы. Невозможно думать, что сам митрополит Сергий желал им такой участи, но он оказывался по своему встроенным властью в налаженный механизм выявления ревностных, не способных на сделки с совестью служителей Церкви и их последующего унич-

---

митрополитом Страгородским Синода и опубликования последним Декларации о лояльном отношении Синода к советскому правительству становится в оппозицию Страгородскому и начинает кампанию за ликвидацию Синода и за восстановление во главе Церкви патриарха с неограниченной властью, вербуя этим себе к./р. настроенных сторонников в различных городах СССР"» (Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. П-17429. Л. 52; Мазырин Александр, иерей. Указ. соч. С. 84).

тожения. Он это видел, но оставался на своем месте в той же роли»²¹³.

В том же своем письме митрополиту Кириллу митрополит Сергей после выявления антисоветской настроенности своих противников упрекал владыку Кирилла: «Ваше отмежевание от некоторых крайних выражений оппозиции нисколько не исправляет Вашего канонического положения. Если, как я указал в прошлом письме, наша оппозиция уже сорганизовалась в отдельное общество и "поставила свой алтарь", то не имеет существенного значения, все ли заблуждения этого общества Вы разделяете или некоторые, важно, что ради общения с ним Вы готовы расторгнуть общение с нами».

По существу, это замечание митрополита Сергея было правильным. Действительно, несмотря на осторожную позицию митрополита Кирилла и его отмежевание от категоричных заявлений наиболее крайних антисергиан, в сущности, они были единомышленниками. Недаром епископ Нектарий говорил о своем согласии с письмом митрополита еще в 1929 году. Все они считали деятельность митрополита Сергея погрешительной и отступнической. Разница была лишь в оценке степени этого отступничества. Митрополит Кирилл надеялся, что это ошибка, которую можно исправить путем братского вразумления. Епископ Нектарий, как и епископ Виктор или петроградские иосифляне, считал это предательством. Развитие событий в дальнейшем показало, кто был прав...

В одном из последних своих писем за несколько месяцев до мученической кончины в 1937 году святитель Кирилл написал следующее:

---

²¹³ Священник Александр Мазырин. 1927 год в истории Русской Православной Церкви // Алчущие правды. С. 89.

«По поводу Ваших недоумений относительно сергианства могу сказать, что те же самые вопросы и в такой же почти форме были обращены ко мне из Казани десять лет тому назад, и тогда я отвечал на них утвердительно, потому что считал все сделанное митрополитом Сергием ошибкой, которую он сам осознает и пожелает исправить. К тому же среди рядовой паствы нашей было множество людей, не разбиравшихся в происшедшем, и нельзя было требовать от них решительного и деятельного суждения о событиях. С тех пор много воды утекло. Ожидания, что митрополит Сергей исправит свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательных членов Церкви было довольно времени, побуждений и возможности разобраться в происходящем, и очень многие разобрались и поняли, что митрополит Сергей отходит от Православной Церкви, какую завещал нам хранить Св. Патриарх Тихон, и, следовательно, для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства. Спасутся ли пребывающие в сергианстве верующие, мы не можем знать, потому что дело спасения вечного есть дело милости и благодати Божией, но для видящих и чувствующих неправду сергианства (каковы Ваши вопросы) было бы непростительным лукавством закрывать глаза на эту неправду и там искать удовлетворения духовных своих нужд, потребностей с совестью, сомнящеюся в возможности такого удовлетворения. Все, что не от веры — грех. Ложь нельзя исправить ложью и, стало быть, нельзя предпочитать григорьевство сергианству»²¹⁴.

Это письмо было написано в марте 1937 года и адресовано иеромонаху Леониду. Очевидно, вопросы, с которыми тот обратился к митрополиту, были теми

---

²¹⁴ *Мазырин А.* Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава "правой" церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. Вып 11. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 405.

же вопросами, на которые владыка отвечал в своем письме епископу Афанасию (Малинину) в мае 1929 года, — о возможности церковного общения с сергианами, молитвы, причастия Св. Таин.

Владыка Кирилл писал, что тогда он отвечал утвердительно, то есть допускал возможность участия в таинствах, поскольку надеялся, что митрополит Сергей исправит свою ошибку. Надо отметить, что даже после прещений, которым в 1930 году митрополит Сергей подверг святителя Кирилла, тот еще надеялся на вразумление митрополита и в 1933 году написал ему еще одно письмо. А по окончании ссылки, по устному свидетельству своей духовной дочери, получив на несколько месяцев свободу, приехал в Москву и явился в Патриархию: «Учиненный страж преградил ему вход, но высокий, когда-то могучий митрополит отстранил его, шагнул в кабинет митрополита Сергия. Можно только догадываться о том, какой была эта последняя встреча. Через несколько мгновений митрополит Кирилл вышел; видимо, ему все стало ясно»²¹⁵.

Итак, после первого письма *«много воды утекло»*, и ожидания не оправдались, а, напротив, выявилась *«обновленческая природа сергианства»*. И митрополиту Кириллу, как и многим, стало ясно, что *«митрополит Сергей отходит от той Православной Церкви, какую заещал нам хранить патриарх Тихон»*. Таким образом, ошибки митрополита Сергия оказались не просто ошибками церковного управления, как их пытаются порой представить²¹⁶, а чем-то гораздо

---

²¹⁵ Мазырин А. Там же. С. 405.

²¹⁶ Малоубедительным представляется объяснение А. В. Журавского: «Для митрополита Кирилла "обновленческая природа сергианства" заключается не в утверждении за деятельностью

более серьезным. Было бы странно, что святитель Кирилл при всей его "мягкости" и сдержанности считал бы административные погрешности отходом от Церкви. А то, что этот "отход" митрополита Сергия не что иное, как губительное отпадение от Церкви, митрополит Кирилл особенно подчеркнул, завершая эту фразу важнейшим выводом, не оставляющим места никаким другим толкованиям: «И, следовательно, для православных нет с ним части и жребия». Если вспомнить, при каких обстоятельствах эти грозные слова были произнесены св. Апостолом (Деян. 8, 18–24), то становится ясно, что святитель Кирилл не мог допустить их легковесное употребление. Тем более что далее по тексту письма он задается вопросом: «Спасутся ли пребывающие в сергианстве верующие?» И отвечает, как обычно отвечали вопрошающим, когда речь шла о судьбах инославных и отпавших от Православной Церкви: «Мы не можем знать, потому что дело спасения вечного есть дело милости и благодати Божией».

В этом же письме 1937 года владыка Кирилл написал: «С митрополитом Иосифом я нахожусь в братском общении, благодарно оценивая то, что с его именно благословения был высказан от Петроградской епархии первый протест против затеи митрополита Сергия и дано было всем предостережение в грядущей опасности». А на допросе 20 августа 1937 года в ответ на вопрос, что он писал в изъятом и неотправленном письме Синицкой про митрополита Иосифа, владыка Кирилл сначала сказал: «Только просил передать привет». Когда на это последовало

митрополита Сергия какой-то новой "ереси", а в нарушении нормального (патриаршего) церковного управления, в своеобразном "обновлении" митрополитом Сергием формы высшей церковной власти» (*Журавский А. В. Указ. соч. С. 357–358*).

жесткое требование следователя дать «откровенные показания и не скрывать истинный смысл и факты его деятельности», владыка Кирилл ответил: «Да, я в этом письме писал о том, что считаю митрополита Иосифа Петровых своим единомышленником»²¹⁷.

Примечательно, что и ранее митрополит Кирилл хотя и не разделял «иосифлянских крайностей», но не порицал архиереев и клириков, отошедших от митрополита Сергия и решительно выступивших со своим протестом. Более того, уже в 1930 году он одобрил общение священника Евлампия Едемского-Своеземцева с епископом Нектарием. Отец Евлампий приехал в Казань после ссылки. Он привез епископу Нектарию письмо из Актюбинска и, так познакомившись с владыкой, на первое время остановился у него. После «некоторого недоумения» отец Евлампий вступил с епископом Нектарием в церковное общение и сообщил об этом в письме митрополиту Кириллу. Позднее во время следствия отец Евлампий назвал владыку Нектария своим единомышленником. Митрополит Кирилл в ответ написал следующее:

«"Думаю, что в Вашем положении я поступил бы также". "Преосвященному, если не нарушится Ваше общение, — просил митрополит Кирилл в конце письма, — передайте мой братский привет"... "Пусть есть некоторая разница в степени, какую определяется воздержание Ваше и его от общения с м<итрополитом> Сергием, но воздержание таковое признается необходимым и вновь прибывшим поселенцем. По существу, это звук одного и того же клавиша, но у одних с нажимом на педаль, у других без него. Диез, стоящий при ноте И. прекрасного, не может производить какофонию, особенно ввиду все более

²¹⁷ Журавский А. В. Указ. соч. С. 367.

усиливающейся тугости на ухо Валаамского (он именинник 28 июня²¹⁸)".

"*И. прекрасный*", очевидно, не кто иной, как митрополит Иосиф (по наименованию прекрасным ветхозаветного патриарха Иосифа)²¹⁹.

В дальнейшем, когда усилилась «тугость на ухо Валаамского», «нажим на педаль» вслед за иосифлянами пришлось осуществлять и самому митрополиту Кириллу, одному из самых смиренных в своем терпении по отношению к митрополиту Сергию архиереев антисергианской оппозиции.

На самом деле при всей мягкости первого обращения к митрополиту Сергию святитель Кирилл уже тогда предполагал подобный ход событий. И потому даже в майском письме 1929 года, утвердительно отвечая о возможности молитвы за митрополита Сергия — наряду с другими архиереями и вообще православными христианами, то есть на проскомидии, молебне (но не в качестве первоиерарха), — оговорил условие: до тех пор «пока общецерковное рассуждение не объявит учиненного митрополитом Сергием злоупотребления доверенной ему церковной властью грехом к смерти (Мф. 18, 15–17; 1 Ин. 5, 16)»²²⁰.

---

²¹⁸ 28 июня / 11 июля — день памяти преподобного Сергия Валаамского, в честь которого получил в 1890 году свое монашеское имя Иван Страгородский (будущий митрополит).

²¹⁹ Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2–18199. Т. 4. Л. 378, 379. Цит. по: *Мазырин Александр, иерей*. Указ. соч. С. 101–102.

²²⁰ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 640. Можно отметить, что в какой-то мере это суждение было осуществлено в декабре 1933 года, когда по инициативе архиепископа Серафима (Самойловича) на совещании ссыльного духовенства в Архангельске было принято Деяние, объявившее, что митро-

Также и отвечая на вопрос о возможности обращения казанцев за духовным окормлением к архиереям других епархий (по примеру вятских "викториан", после ареста епископа Виктора обращавшихся к петроградским архиереям-иосифлянам), митрополит Кирилл написал, что для своей Казанской епархии считает такой порядок пока преждевременным. То есть и здесь отметил условие — "пока", на данный момент. Это, кстати, не ускользнуло от внимания митрополита Сергея, который сразу же в своем ответе, обвиняя казанского святителя в общении с "церковью лукавнующих" и готовности одобрять и поддерживать самые непозволительные действия "самочинников", подчеркнул: «Если для своей казанской паствы Вы не рекомендуете такой способ действий, то только как преждевременный, а не как неправильный по существу».

Позиция митрополита Кирилла вскоре стала известна в Казани, как уже указывалось, через Николая Галахова, получившего копию первого письма митрополита (непосредственный адресат этого письма, епископ Афанасий (Малинин), по-видимому, никому ни-

---

полит Сергей «узурпировал власть, учинил раскол, впал в ересь и отступил от исповедничества православия». К этим серьезным обвинениям было добавлено еще более тяжкое: «Отказавшись от призыва Христа к исповедничеству, митр<ополит> Сергей произнес хулу на Церковь и в лице Ея на исповедников, а в расточении Церкви и хулу на Духа Святого (Мф. 12, 30, 32)». И далее: «Не входя в рассмотрение остальных деяний митр<ополита> Сергея за тот же период времени, Мы, по благодати, данной нам от Господа нашего Иисуса Христа, объявляем митр<ополита> Сергея лишенным молитвенного общения с нами и со всеми православными Епископами Русской Церкви, предаем его церковному суду с запрещением в священнослужении...» (Деяние нового Священномученика Серафима Угличского / Публ. и примеч. Н. Савченко // Православная Русь (Джорданвилль). 1999. № 9. С. 7).

чего не сообщал, по крайней мере об этом сведений нет). Последующая переписка митрополита Кирилла с митрополитом Сергием также была переслана в Казань. Так, профессор В. И. Несмелов в марте 1930 года писал епископу Астраханскому Андрею Комарову: *«Я только что ознакомился с теми важнейшими документами, которыми обменялись между собою ссыльный митрополит Кирилл и благоденствующий на явную погибель Православной Церкви митр<ополит> Сергей. Считать отщепенцем митр<ополита> Кирилла я не могу, я вижу в нем доблестного священномученика за Церковь Христову и с упованием взираю на него как на будущего спасителя Церкви, а мерзавец Сергей — губитель Церкви»*²²¹.

Кроме профессора Несмелова, очевидно, и среди казанского духовенства письма митрополита Кирилла нашли сочувствие. В материалах следственного дела есть показания одного из свидетелей: *«Я боялся, что ТРОИЦКИЙ и Вознесенская церковь явятся в Казани началом какой-то новой группировки. Оппозиция черносотенно-монархического духовенства новому патриаршему местоблюстителю Сергию наиболее ярко выявилась в период учреждения им Синода при себе. В этот период организация солидаризировалась с высланным из Казани соратником по к<онтр>р<еволюционной> деятельности патриарха Тихона — бывшим Казанским митрополитом Кириллом, который с места ссылки, через голову Синода, обратился к епархиальным управлениям с призывом о неподчинении митрополиту Сергию, обвиняя его в "осовечивании Церкви"»*.

Таким же образом в материалах следственного дела характеризовалось и настроение духовенства Вар-

---

²²¹ Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-18199. Т. 3. Л. 727.

варинской, Грузинской и Кладбищенской церквей. Понятно, что казанские чекисты весьма преувеличивали и во многом выдавали желаемую для них «контрреволюционную» настроенность за действительную. На казанское духовенство и бывших профессоров духовной академии возводились самые убийственные обвинения в политических преступлениях, вопреки тому что большинство обвиняемых были весьма далеки от политики и вполне законопослушны и лояльны во всем, в том числе и в церковном отношении. Несмотря на недовольство митрополитом Сергием, они не прерывали с ним общения, так что ни о какой «новой группировке», которую бы они создали, речи не было. Тем паче о каких-то политических замыслах и заговорах... Однако казанские чекисты умело закрутили дело. Они ловко воспользовались перепиской митрополита Кирилла с митрополитом Сергием и независимо от степени лояльности по отношению к митрополиту Сергию репрессировали самых, по их мнению, на тот момент «неблагонадежных церковников» в Казани.

3. Следственное дело контрреволюционной церковно-монархической организации в Казани и Татарской АССР 1930–1931 годов

В пространном "Обвинительном заключении" по данному делу «уполномоченные» «Полномочного Представительства ОГПУ Татарской АССР» самым подробнейшим образом на 60 страницах машинописного текста изложили историю "вскрытия" и "ликвидации" в 1930 году сей крайне «антисоветской организации», имевшей своей конечной целью «свержение Советской власти». Руководство ею, по их версии, осуществля-

лось «*бывшими профессорами Казанской Духовной Академии НЕСМЕЛОВЫМ В. И., ПЕТРОВЫМ Н. В., бывшим Казанским викарным епископом Иоасафом УДАЛОВЫМ и монархистом — бывшим деятелем "Союза Русского Народа" — священником ТРОИЦКИМ Н. М.*»²²²

В процессе следствия казанские чекисты установили — и это было одним из самых важных их "достижений", недаром в тексте "Обвинительного заключения" пропечатано заглавными буквами, — что эта «*каэр организация*» есть не что иное, как «**ФИЛИАЛ ВСЕСОЮЗНОГО КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ЦЕНТРА ЦЕРКОВНО-МОНАРХИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ "ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ"**».

Возводя начало возникновения казанской организации еще к дореволюционным временам, когда в Казани существовал «*крепкий, сплоченный, возглавляемый казанским черносотенным духовенством "Союз Русского народа"*», одним из руководителей которого являлся священник Николай Троицкий, авторы и разработчики следственного дела подробно изложили деятельность отца Николая и во время Гражданской войны, и с 1922 года после его возвращения в Казань с другими «*монархическими деятелями*» и «*бывшими людьми*». Особо подчеркнули его успех по привлечению «*антисоветски настроенного элемента и группированию*» вокруг церковных приходов и антисоветскую работу с молодежью, в частности возрождение существовавшего в Казани до 1919 года «*Союза христианской молодежи*» (сокращенно «*Хрисомол*»). Антисоветское влияние на молодежь было отмечено и со

---

²²² Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-18199. Т. 3. Л. 699. Далее до конца главы все цитаты, кроме оговоренных особо, приведены из данного дела.

стороны бывших профессоров духовной академии, особенно В. И. Несмелова. Посещения его квартиры студентами и духовенством, а также встречи и общение увязали с организационной деятельностью по объединению всех недовольных советской властью²²³.

Окончательное же оформление в Казани разрозненных антисоветских групп в единую организацию констатировали как результат декларации митрополита Сергия в 1927 году: *«Реакционное духовенство гор<ода> Казани открыто встало в оппозицию церковному центру, обвиняя митрополита Сергия в "осовечивании" Церкви, в подчинении "православия" Советской власти и т<ак> д<алее>. И в процессе своей деятельности, основанной на несогласии с позицией церковного центра по отношению к Советской власти, являясь к этому времени объединенным в группы с исключительно реакционно настроенным духовенством, легко и окончательно оформилось в единую к<онтр>р<еволюционную> религиозно-монархического толка организацию».*

---

²²³ В специальной подглавке так определяются цели и задачи, поставленные создателями «вскрытой» «каэр организации»: *«Через концентрацию большей части реакционного духовенства, и в первую очередь репрессированного карательными органами Сов<етской> власти; через индивидуальную обработку молодежи, в том числе и студенчества, и вовлечение ее в к<онтр>р<еволюционный> "Союз христианской молодежи"; через вербовку в свою среду реакционной а<нти>с<оветской> части мирян; через внедрение в среду церковников и верующих вообще враждебных по отношению к власти настроений путем агитации и пропаганды а<нти>с<оветских> и к<онтр>р<еволюционных> идей, в одиночку при встречах, при посещении с крестом на дому и в церкви с амвона — активизировать эту массу вокруг борьбы с отдельными мероприятиями Советской власти, с целью подрыва, а затем свержения ее, т<о> е<сть> власти Советов».*

Дальнейшее развитие этой организации связали с «контрреволюционным воззванием» митрополита Кирилла — тем самым первым его письмом 1929 года с ответами на вопросы казанской паствы:

«Ориентируясь на черносотенного митрополита Кирилла, находившегося за к<онтр>р<еволюционную> деятельность в ссылке в Туруханском крае, Казанская церковно-монархическая организация, в лице уже выделившихся руководителей профессоров НЕСМЕЛОВА В. И., ПЕТРОВА Н. В., священника ТРОИЦКОГО Н. М. и др<угих>, упомянутых выше, имея в своем составе подготовленную а<нти>с<оветски> настроенную молодежь в лице "Хрисомола", начинает свою организованную к<онтр>р<еволюционную> деятельность с распространения среди населения полученного от митрополита Кирилла к<онтр>р<еволюционного> воззвания, к<онтр>р<еволюционную> сущность которого сам патриарший местоблюститель митрополит Сергей вскрывает в своем письме от 2/1–31 года, ответном письме митрополиту Кириллу, так:

"Нет ничего неожиданного в том, что среди оппозиции стоят, по Вашим словам, люди, проявившие много усердия по борьбе с обновленчеством. Это говорит только о том, что многие восставали и против обновленчества не потому, что это было не церковное и бесчинное²²⁴, а больше потому, что оно "признало" Советскую власть. Недаром и теперь кое-кто спрашивает — какая же разница у нас с обновленцами, если и мы "за Советскую власть"».

---

²²⁴ В следственном деле здесь ошибка или опечатка, в тексте письма митрополита Сергея на самом деле эта фраза такова: «не потому, что это было церковное бесчиние...»

В тексте следственного дела в датировке письма митрополита Сергия — явная опечатка, речь идет о его январском письме 1930 года. Примечательно, что властям была хорошо известна переписка двух митрополитов. Выявление митрополитом Сергием антисоветской сущности своих оппонентов и причисление к ним митрополита Кирилла, как уже отмечалось, было весьма кстати и очень удачно вписывалось в материалы казанского дела:

«Так глубоко контрреволюционное, пропитанное прямым призывом к активной борьбе не только с церковным центром, но и главным образом с существующей Советской властью воззвание, полученное в гор<оде> Казани бывшим академиком, заведующим Арским кладбищем, членом данной к<онтр>р<е>волюционной> организации ГАЛАХОВЫМ Н. Я. через своего отца, бывшего профессора Томского гос<ударственного> университета, монархиста ГАЛАХОВА Якова Яковлевича, находившегося в ссылке в Туруханске вместе с митрополитом Кириллом, было широко популяризировано и среди черносотенного духовенства, и среди заведомо известных членам организации а<нти>с<оветски> настроенных церковников-мирян».

Где в письме митрополита Кирилла нашли прямые призывы к активной борьбе не только с митрополитом Сергием и его Синодом, но и с советской властью, непонятно... Однако если авторы следственного дела, мягко говоря, преувеличили антисоветскую направленность письма казанского святителя, то дух его они в какой-то мере все же уловили правильно — совершенно противоположный их революционному, а также компромиссному сергианскому. Недаром далее в тексте "Обвинительного заключения" при обосновании значения письма владыки Кирилла и «того, ка-

кой смысл вкладывали в него деятели к<онтр>р<еволюционной> организации», были приведены большие выдержки из дневника профессора Галахова:

«Христианство и социализм столь непримиримы, что о мирных отношениях Церкви Христовой и коммунистического государства нельзя даже и мечтать. Учение апостолов о подчинении властям и о том, что "не есть бо власти, аше не от Бога", совершенно неприменимо к Сов<етской> власти. Отсюда ясно, что все учение апостола Павла о власти предержащей и апостола Петра о повиновении властям никак не может быть отнесено к государству диктатуры пролетариата».

«Мрак в стране русской сменился темной ночью, беспросветная темнота воцарилась кругом. Не темнота невежества суеверий, а гораздо похуже, темнота зла, дикого насилия, называемого диктатурой, пламя классово-вражды, поминутно раздуваемое, вой гиен и шакалов, ищущих добычи для подвалов, ссылок, тюрем, лай безбожников. Это беспросветная, затяжная, перманентная, духовная пурга, бесовская свистопляска. Один еще не старый, но прозорливый и мудрый архипастырь (митр<ополит> Кирилл) готов обратиться к пастве с советом — самим отказаться от храмов, закрывать их, чтобы из-за них не подвергаться издевательствам и не быть дойной коровой для врага».

Не преминули чекисты отметить и стремление казанской паствы выступить в защиту митрополита: *«Вместе с тем как к<онтр>р<еволюционная> организация церковников широко популяризировала к<онтр>р<еволюционное> воззвание митрополита Кирилла среди заведомо известного членам организа-*

ции а<нти>с<оветски> настроенного элемента, она еще составила от себя детализирующее воззвание и имела намерение обратиться с призывом к населению в защиту черносотенного митрополита Кирилла, который к этому времени по указу патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия был отрешен от звания митрополита и запрещен в служении. По этому поводу обвиняемый ГАЛАХОВ Н. Я. показывает:

"Я узнал, что митрополит Сергий наложил на митр<ополита> Кирилла за его несогласие по церковным делам ряд репрессий, в связи с чем, считая митр<ополита> Кирилла истинно-православным пастырем, ничем не погрешившим перед Церковью, решил в этом смысле высказаться не только от себя, но и от ряда церковных приходов, для чего набросал черновик обращения"».

Поездку Николая Галахова с этим обращением к епископу Иоасафу (Удалову), который в то время вернулся из ссылки и поселился в Козьмодемьянске Марийской области, следствие рассматривало как установление связи с ним и перевод участников организации под его руководство. Несмотря на то что епископ Иоасаф категорически отказался признать себя виновным в контрреволюции и заявил, что неподчинение митрополиту Сергию и поддержка позиции митрополита Кирилла «не имеет никакого политического характера», в "Обвинительном заключении" было подчеркнuto: «Прикрываясь только церковными разногласиями (вплоть до окончания по делу следствия) и образовавшейся на этой почве борьбой, не признавая откровенно за собой руководство политической а<нти>с<оветской> деятельно-

стью церковников в Казани, епископ Иоасаф УДАЛОВ тем не менее обнаруживает себя в процессе своей практической деятельности как прямой руководитель Казанской к<онтр>р<еволюционной> организации церковников во всей последующей а<нти>с<оветской> деятельности ее».

Наконец, кульминационным моментом развития контрреволюционной деятельности церковников в Казани стал для следствия приезд епископа Нектария. Владыка был назван «одним из деятелей Всесоюзной церковно-монархической организации "Истинно-Православной Церкви"», получившим «задание на установление связи с Казанской к<онтр>р<еволюционной> организацией церковников и вовлечение ее в состав Всесоюзной церковно-монархической организации "Истинно-Православная Церковь"» и приехавшим с этим в Казань по совету «виднейшего деятеля упомянутой организации», епископа Виктора (Островова).

По версии следствия, это задание было выполнено в первые же дни по прибытии, когда епископ Нектарий встретился со священником Троицким, профессором В. И. Несмеловым и заведующим казанским Арским кладбищем Н. Я. Галаховым, «с которыми имел договоренность о совместной а<нти>с<оветской> деятельности в духе установок Всесоюзного центра к<онтр>р<еволюционной> религиозно-монархической организации "Истинно-Православная Церковь". В последующем совместно с Казанской к<онтр>р<еволюционной> организацией, преобразовавшейся в связи с его (Трезвинского) приездом в филиал Всесоюзного центра церковно-монархической организации "Истинно-Православной Церкви", ТРЕЗВИНСКИЙ повел а<нти>с<оветскую> деятельность не только среди населения гор<ода> Казани, но и среди крестьян

Тат<арской> республики, Мар<ийской> области и Вот<кинской> области».

Для чекистов не имело значения, что владыка Нектарий не нашел единомышленников среди казанского духовенства, а с епископом Иоасафом (Удаловым) даже не был знаком и не пытался связываться, когда узнал через Ангелину Алексееву, что *«епископ Иоасаф фактически не отделился от митрополита Сергия и что он против, чтобы и другие из казанцев отделялись».*

Тем не менее авторы сценария следственного дела объединили всех в одну организацию, добавили еще для полного комплекта разнообразия антисергианских настроений группу *«адм<инистративно> ссыльных приверженцев епископа Андрея, быв<шего> князя Ухтомского, в лице священника ВОЛОКИТИНА А. И. и церковниц-мирянок, тоже адм<инистративно> ссыльных за к<онтр>р<еволюционную> деятельность»*, и прибывшего в 1929 году в город Казань с *«определенной явкой к епископу Нектарию»* священника Евлампия Едемского-Своеземцева. И в итоге получили весьма впечатляющую картину:

«Таким образом Казанская к<онтр>р<еволюционная> организация религиозно-монархического толка, возглавляемая перечисленными выше авторитетами НЕСМЕЛОВЫМ В. И., Иоасафом УДАЛОВЫМ, ПЕТРОВЫМ Н. В., ТРОИЦКИМ Н. М. и другими, входит через епископа Нектария ТРЕЗВИНСКОГО вместе с группой адм<инистративно> ссыльных "Андреевцев" и другим примкнувшим к ней а<нти>-с<оветским> элементом в связь с центром к<онтр>р<еволюционной> организации "Истинно-Православной Церкви" и в дальнейшем, принимая к/р установки последней, фактически превращается в филиал Всесоюзной к<онтр>р<еволюционной> цер-

ковно-монархической организации "Истинно-Православной Церкви" в Тат<арской> республике».

4. Следственное дело "Всесоюзной организации ИПЦ"

К моменту написания "Обвинительного заключения" по «Казанской к<онтр>р<еволюционной> организации» следственное дело "Всесоюзной организации ИПЦ" в Москве уже было закончено, и 3 сентября 1931 года вынесен приговор. Хотя непосредственно по центральному делу проходило всего 33 человека, но к нему приобщили материалы многих периферийных следственных дел (как "филиалов"). «Одних обвинительных заключений в деле собрано шестнадцать. Число людей, обвиняемых в них, превышает девятьсот человек. По этому показателю дело "Всесоюзной организации ИПЦ", возможно, является самым крупным из "церковных" дел. Следствию вполне удалось придать делу "всесоюзный характер"»²²⁵.

Как было подчеркнуто в заключительной части его "Обвинительного заключения": «Контрреволюционная организация "Истинно-православная Церковь" представляла собой сильную, широко разветвленную

---

²²⁵ «Дело, согласно надписаниям на нем, имеет 11 томов, объемом от немногим менее 300 до почти 700 листов. Однако первый том отсутствует, а одиннадцатый начинается с того, с чего, как можно предположить, мог бы начинаться первый: с ордеров на аресты и обыски, протоколов обысков, первых анкет арестованных. Далее, нумерация листов во втором томе начинается не с 1-го, а с 401-го, в то время как в одиннадцатом томе она заканчивается 400-м...» (Мазырин А. В. Следственное дело «Всесоюзной организации ИПЦ» как источник по новейшей истории Русской Православной Церкви. С. 191, 190).

монархическо-повстанческую организацию, пустившую глубокие корни в антисоветских слоях населения Советского Союза и носившую поэтому сравнительно массовый характер. Начиная с 1928 г<ода> по делу организации было привлечено к ответственности и приговорено к разным мерам наказания — 3.000 чел<овек>».

Действительно, первые аресты начались еще в 1928 году: в феврале в Петроградской епархии арестовали одного из самых ярких и ревностных священников-иосифлян, настоятеля Стрельнинского храма отца Измаила Рождественского и иподиакона того же храма Сергия Аплонова; в апреле был арестован в Глазове епископ Виктор (Островидов), в мае в Никольске при аресте смертельно ранен епископ Иерофей (Афонин).

В 1929 году аресты приобретают массовый характер. В мае была репрессирована большая группа серпуховских священнослужителей, в том числе епископ "иосифлянского" поставления Максим (Жижиленко). Все они были приговорены к различным срокам концлагерей. Осенью 1929 года массовые аресты произведены на Кубани и Северном Кавказе, чекисты проникли в труднодоступные места Кавказских гор в районе Туапсе, Сочи и Сухуми, арестовали десятки монашествующих, разрушили их скиты и кельи.

В конце ноября 1929 года власти приступили к «ликвидации иосифлянского руководящего центра в Ленинграде». Был арестован архиепископ Димитрий (Любимов) и целый ряд петроградских клириков и активных мирян. В 1930 году проведены крупномасштабные операции по всей стране. Одновременно с наступлением социализма в деревне усилились гонения на Церковь, и в первую очередь безбожные власти обрушились на оппозицию митрополиту Сергию.

По обвинению в контрреволюционной и антисоветской деятельности арестовывались десятки священнослужителей и сотни мирян. Все они, по версии следствия, были объединены в единую *«контрреволюционную монархическую организацию "Истинно-Православная Церковь"»* с руководящими центрами в Москве и Ленинграде и, как и в Казани, являлись ее *"филиалами"* на местах.

Приговоры по делам *"филиалов"* были жестокими: по делу *«Северо-Кавказского филиала»* в феврале 1930 года десять иеромонахов и монахов были приговорены к расстрелу, остальные — к различным срокам заключения. В Воронеже 28 июля 1930 года к расстрелу приговорили двенадцать обвиняемых, среди них и епископа Алексия (Буя), позднее в отношении него приговор был отменен, поскольку его вывезли в Москву и привлекли к делу *"Центра ИПЦ"*. В августе по Ленинградскому делу были приговорены к расстрелу архиепископ Димитрий, протоиерей Сергей Тихомиров и иерей Николай Прозоров.

В октябре — ноябре 1930 года прошли аресты в Московской и Тверской областях, по делу организации *"Истинное Православие"* к следствию были привлечены пребывавшие в заключении в Соловецком концлагере епископ Максим (Жижиленко) и священник Александр Кремешанский, привезенные в Москву. 18 февраля 1931 года семнадцать человек было приговорено к расстрелу, среди них епископ Максим и отец Александр.

В декабре 1930 года — новая волна массовых арестов в Ленинграде. Среди арестованных — епископы Сергей (Дружинин) и Василий (Докторов), а также множество иосифлянских клириков и активных мирян. Следствием было выделено несколько групповых дел, только по делу епископа Сергея проходило

76 человек. 18 февраля 1931 года в Ленинграде было арестовано сразу пятьсот человек, среди них более двухсот семидесяти монашествующих. Обвиняемым было предъявлено обвинение в *«контрреволюционной деятельности в составе церковно-административного центра Всесоюзной организации ИПЦ»*.

В январе 1931 года начались аресты на Украине — в Киеве, Херсоне, Харькове, Днепропетровске, Одессе и других местах — в рамках группового дела *«контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. К следствию были привлечены 140 иосифлян: два епископа Бахмутский Иоасаф (Попов) и Старобельский Павел (Кратиров), пятьдесят два священника, девятнадцать монашествующих, семь дьяконов²²⁶.

По делу Самарского "филиала" в Поволжье и по делу Удмуртского "филиала" «к<онтр>р<еволюцион-ной> церковно-монархической организации ИПЦ» в Ижевске были произведены аресты в 1930–1931 годах, среди арестованных — епископ Ижевский Синезий (Зарубин), названный руководителем. В Ярославской, Костромской и Ивановской областях продолжались начатые еще в 1929 году аресты непоминающих.

В марте — апреле 1931 года прошли новые аресты в Московской области: Клину, Загорске, Сходне — по делу *«контрреволюционной церковно-монархической организации "истинных христиан"»*. В июне 1931 года девять обвиняемых были приговорены к расстрелу, девять — к 10 годам, остальные — к 5 годам концлагеря или высылки.

Согласно циркуляру из Москвы от 28 января 1931 года, "Обвинительные заключения" по местным

---

²²⁶ Руководители филиалов и ячеек были приговорены к расстрелу с заменой на 10 лет концлагеря, рядовые участники — к 3–5 годам концлагеря или ссылке.

организациям ИПЦ препровождались к начальнику Секретного отдела ОГПУ Я. Агранову. Все они, как уже указывалось, вошли составной частью в центральное дело "Всесоюзного центра ИПЦ". Это дело разрабатывалось параллельно с делами "филиалов" на местах. По версии следствия, в Москве находился «центр церковно-политический», а в Ленинграде — «церковно-административный». Идея, очевидно, была взята из дела «подпольной контрреволюционной церковно-монархической организации, именовавшей себя "буевцами"» в Центрально-Черноземной области, где воронежские чекисты еще в июле 1930 года сформулировали ее таким образом:

«В начале 1928 года после издания митрополитом Сергием Декларации и указа о признании Советской власти и отмежевания Церкви "от всего контрреволюционного" реакционные группы церковников в Ленинграде, Москве, Ярославле и др<угих> районах объявили его изменником и откололись от него. Эти группы реакционных церковников организовали новый центр во главе с митрополитом Иосифом ПЕТРОВЫХ (бывшим ленинградским митрополитом) и в дальнейшем раскололись на две категории: первая, т<ак> н<азываемая> левая, ограничившаяся в то время только объявлением митрополита Сергия изменником и созданием собственного центра во главе с митрополитом Иосифом ПЕТРОВЫХ, и вторая, т<ак> н<азываемая> правая, не только объявившая митрополита Сергия изменником, но и связавшаяся идейно с руководящим центром "имяславия" (профессор ЛОСЕВ, НОВОСЕЛОВ, священники АНДРЕЕВ, ПРОЗОРОВ и др<угие>) на основе его программы — свержения Советской власти ("власти антихриста") и восстановления монархии. Вторую группу (правую) возглавлял архиепископ ленинградский — Димитрий Гдовский».

Концепция двух групп была переработана и утвердилась в дальнейшем, повторяясь в материалах многих следственных дел. Только группы были переименованы в определенные центры: «*церковно-политический*» и «*церковно-административный*». Руководителями первого были названы М. А. Новоселов и профессор А. Ф. Лосев, архиепископа же Димитрия (Любимова) признали лишь заместителем митрополита Иосифа (Петровых), «*руководителя церковно-административного центра*». В «*церковно-политический центр*» включили еще ряд известных московских ученых, преподавателей, а также священнослужителей. Этой группе, «*осуществлявшей общеполитическое руководство*», и приписали создание второго «*церковно-административного центра*» в Ленинграде, главную роль при этом отвели М. А. Новоселову:

«В деле же организационного оформления церковно-административного центра организации "Истинно-православных" сыграл решающую роль представитель по преимуществу светской, монархической группировки Московских церковников — проф<ессор> М. А. Новоселов».

«Новоселов был человеком борьбы... Он был одним из представителей той реакционной части русской интеллигенции, которая боролась с Сов<етской> властью через Церковь».

«С момента выпуска митр<ополитом> Сергием своей Декларации, вызвавшей протест со стороны монархически настроенной части православного духовенства, представитель московской группы к<онтр>р<еволюционных> церковников М. А. Новоселов развивает лихорадочную деятельность, стремясь объединить разрозненное антисергианское духовенство и иерархов, придать их выступлениям организованный характер; побудить их увлечь за собой

массы на борьбу с Сов<етской> властью и за ее свержение путем выступлений и восстаний под религиозно-фанатическими лозунгами».

«Руководителям к<онтр>р<еволюционных> церковников в Москве удалось создать в Ленинграде достаточно влиятельный, спаянный общей ненавистью к Сов<етской> власти и готовый к борьбе за идеалы "старой Руси" — самодержавие и православие, церковно-административный центр организации "истинно-православных" вокруг храма Воскресения на крови».

Как видно, «к<онтр>р<еволюционная> организация истинно-православных» (или «Истинно-Православной Церкви»), в воображении чекистов рисовавшаяся политической организацией с конкретными контрреволюционными задачами и единым руководящим центром, являлась не чем иным, как антисергианской оппозицией в Русской Церкви. Это были самоотверженные архиереи и клирики разных епархий, выступившие вместе со своей паствой против политики митрополита Сергия. Какими-либо политическими (а тем паче повстанческими) целями они, конечно, не задавались. И единого целого не составляли, хотя большая часть из них и была связана с Петроградской епархией и в какой-то мере признавала духовное и церковно-административное руководство митрополита Иосифа (Петровых) и его заместителя архиепископа Димитрия (Любимова). Но в условиях гонений, конечно, ни о каком привычном порядке администрирования не могло быть и речи, и в основном все управлялись самостоятельно.

Как об этом и сказал митрополит Иосиф на первом допросе по данному делу еще в сентябре 1930 года, подчеркнув, что антисергианское движение не нуждалось в особом возглавлении, так как каждый антисер-

гианский архиерей имел право самостоятельно управляться со своей паствой и не нуждался в другой центральной власти (на основании постановлений Патриарха Тихона и других высших иерархов), за ее в сущности отсутствием и невозможностью функционировать правильно.

Давая объяснения о появлении антисергианской оппозиции в целом и в частности в Ленинградской епархии и о своей роли в ней, митрополит Иосиф подчеркнул: *«Никакого другого оформления политического или церковного эта оппозиция не имела и не имеет, ограничивая себя чисто церковною деятельностью, чуждою гражданской политики, и в начале только лишь в тесном кружке одной общины, к которой вскоре же, однако, примкнул целый ряд других общин как в самом Ленинграде, так и в других местностях Союза. Все эти общины объединялись одним духом протеста против антиканонических деяний митрополита Сергия и никакой документальной программы, общей и обязательной для всех, не имели. Их неписанный лозунг был — совершенное отрешение от светской политики в сторону только церковного дела. Целью было одно: религиозное утешение верующих в богослужениях по строго церковному, чуждому всяких новшеств чину, и, как содействующее этому, — устройство церковной жизни на строго церковных началах, выработанных правилами Вселенских Соборов, ближе пододвинутыми к условиям современной жизни постановлениями поместного собора 1917 года».*

Митрополит Иосиф и в дальнейшем постоянно отстаивал чисто церковный характер движения, отрицал свою роль как руководителя, да и вообще наличие какого-либо центрального руководства, и уж тем более какую-то политическую контрреволюционную окраску. Несмотря на это, 30 октября 1930 года ему было

предъявлено обвинение в том, что он, «будучи митрополитом, находясь в административной ссылке, являлся вдохновителем и руководителем контрреволюционной церковной группы. Группировал и создавал по всему СССР монархические церковные группы».

Одновременно с митрополитом привлекли в качестве руководителя Истинно-Православной Церкви и его заместителя архиепископа Димитрия (Любимова). Как глава «центра контрреволюционной монархической организации церковников, именующих себя иосифлянами», владыка Димитрий был приговорен к расстрелу еще в августе 1930 года, но «ввиду преклонного возраста» расстрел заменили 10 годами заключения в концлагерь. Его должны были отправить на Соловки, однако, по-видимому, не успели, поскольку решили привлечь к делу центра "Всесоюзной организации ИПЦ", и с сентября 1930 года он был уже в Бутырской тюрьме в Москве. На допросах он хотя и более жестко, чем митрополит, высказывался в отношении советской власти, однако также отрицал политический характер антисергианского движения и антисоветские настроения объяснял не как общую установку, а как «случайные» проявления²²⁷.

---

²²⁷ 1 октября 1930 года архиепископ Димитрий показал на допросе: «Я очень хорошо сознаю, что в ряде документов и листовок, которые выпускали мои сторонники, были места и выражения, носящие антисоветский характер. Должен заявить, что я лично не сочувствовал увлечению составителей в сторону политического момента и обычно советовал выбросить места такового рода из показываемых мне документов... Я в таких случаях, когда они показывали мне выпущенные моими сторонниками документы указанного характера, говорил им: "Оставьте эти документы: вы поняли, где истинная вера, и достаточно, молитесь и веруйте так"» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-Православная Церковь"». Т. 11. Л. 204).

В ноябре в Москву этапировали из Ленинграда митрополита Иосифа. Из Ярославского политизолятора доставили М. А. Новоселова, арестованного еще в марте 1929 года, из Воронежа — епископа Алексия (Буя), приговоренного к расстрелу по делу "буевцев". В Москве были также арестованы другие обвиняемые как предполагаемые "руководители ИПЦ". Разработка дела шла полным ходом, вероятно, как раз к осени 1930 года, в самый разгар кампании по разгрому всей антисергианской оппозиции, в лубяньских кабинетах и складывается концепция "всесоюзного" дела и вводится само понятие "организация Истинно-Православная Церковь".

До этого понятие "истинное православие" встречается в следственных материалах, однако в таком контексте, как протокол допроса архиепископа Дмитрия (Любимова) от 13 декабря 1929 года из первого следственного дела иосифлян: «Мы, иосифляне, сохраняем истинное православие и как истинно-православные выступили против декларации митрополита Сергия с требованием изменить курс церковной политики»²²⁸.

В дальнейшем, уже после привлечения архиепископа Дмитрия как обвиняемого по делу "Центра", в протоколах его допросов с конца 1930 года и в марте 1931 года появляются понятия "организация ИПЦ" и ее "филиалы". То же самое и почти в то же самое время происходит и в процессе следствия в Казани. Так, в протоколе первого допроса епископа Нектария 1 сентября 1930 года еще нет упоминания об "истинном православии" или "Истинно-Православной Церкви". Владыка только называет себя «истинным сторонником Патриарха Тихона». А понятие органи-

²²⁸ Архив УФСБ РФ СПб. и ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 85 об.

зации появляется уже спустя более полугода, в июне 1931 года, причем сначала владыка называет ее «организация, борющаяся за "Истинно-Православную Церковь"», и в своих показаниях признает, что она «возникла в 1927 году вскоре после Декларации митрополита Сергия по вопросу об учреждении Синода и об отношении Церкви к Сов<етской> власти», что ее возглавил «митрополит Петроградский Иосиф, которого в связи со ссылкой заменил архиеп<ископ> Димитрий Гдовский».

Далее в протоколах допросов постоянно повторяется название «организация Истинно-Православная Церковь», и показания заносятся в соответствующей форме. Так, о присоединении епископа Нектария к иосифлянам записано следующее: «Принятие меня в эту организацию произведено архиепископом Димитрием присылкой просфоры в 1927 году с партией ссыльных из Ленинграда <на Соловки>. Позднее, находясь в Казани, я был запрошен Гдовским письмом, вложенным в посылке, присланной его ленинградской почитательницей Матреной Кунцевич, не отошел ли он от организации. На письмо я ответил телеграммой, в которой сообщил о твердом единении с ними».

Владыка поддерживал переписку с архиепископом Димитрием: «От него я за время пребывания в Казани получил три письма, ему послал три письма и телеграмму. Получались и отправлялись с нарочными. Одним из них был иеромонах Иов из Раифской пустыни, позже расстрелян за контрреволюционную деятельность». Но он был, согласно тексту протокола, «случайным связистом», а основным была проживающая в Ленинграде за Нарвской заставой блаженная Катя, которая дважды приезжала с письмом от архиепископа Димитрия Гдовского, а также привозила ему посылки с продуктами. На вопрос о содер-

жании их переписки с архиепископом Димитрием епископ Нектарий ответил, что она касалась церковной сферы, о положении дел в Ленинграде, о репрессиях на духовенство и верующих:

«Я в свою очередь запрашивал его о том, как обстоит дело с количеством единомышленников, не пора ли поминать патриаршим местоблюстителем митрополита Кирилла вместо митр<ополита> Петра, в отношении канонического преемства которого есть сомнения, и поздравлял с праздниками. Сообщал также, что на Казань в смысле привлечения здесь сочувствующих нашей организации рассчитывать не приходится, т<ак> к<ак> здесь верны епископу Афанасию, но что со стороны чуваш есть большое тяготение в сторону от митр<ополита> Сергия, такое же движение было и в Вятке, куда им требовалось поставить епископа, в качестве которого я рекомендовать кого-либо не находил возможным, так как не имел кандидата. Архиепископ Гдовский на это мне ответил, что ставить епископа — это значит подготовить нового кандидата в тюрьму».

Никаких политических вопросов, — подчеркнул владыка Нектарий, — в том числе «о методах борьбы с Сов<етской> властью», они в переписке не затрагивали; и в целом о «политических задачах ИПЦ» ему ничего не было известно. Тем не менее владыка признал, что мог быть некий «политический эффект от существования этой организации, и конечно, не в пользу Сов<етской> власти». По вопросу связей «организации» владыка Нектарий подтвердил, что «к числу разделявших точку зрения» «организации ИПЦ», помимо петроградских, относились приходы в Вологодском районе, где деятелем был епископ Иерофей (Афонин), в Воронежской епархии — сторонники епископа Алексия (Буя); в Подмосковье, где был епис-

коп Максим (Жижиленко) из бывших тюремных врачей, находящийся в Соловецком лагере особого назначения. В Москве — приходы Никола Большой крест и храм на Воздвиженке. *«Других приходов по линии нашей организации на периферии не знаю, в единицах они по многим епархиям были».*

Непосредственно в его Яранской епархии и близлежащих к ней областях у владыки Нектария, по его словам, было до 50 приходов. С ними он поддерживал связь через благочинных²²⁹; в Казанской же епархии приходов не было. *«В пределах Там<арской> республики приходов нашей, т<о> е<сть> той организации, к которой я принадлежу, не было. Были отдельные лица, которых я привлек в состав нашей организации за время пребывания в Казани, но фамилии их я отказываюсь назвать»*, — заявил владыка на допросе. Правда, на другом допросе прозвучали имена четырех его прихожанок в Казани. Но они, вероятно, уже были арестованы, так как еще ранее их имена в числе *«завербованных в состав к<онтр>р<еволюционной> организации»* назвал в своих обширных показаниях свидетель-доносчик.

Отдельно владыка Нектарий давал показания об особо интересовавшем следствие Н. Я. Галахове: *«Галахов Николай Яковлевич, заведующий Казанским Арским кладбищем, к составу нашей организации не принадлежал... Галахову предлагал вступить в организацию "ИПЦ" и просил занять место священника в селе Падерино или Шаранге Нижегородского края, но он отказался».* Вопреки этим показаниям владыки в "Обвинительном заключении" значилось, что Галахов был *«завербован»*, и в подтверждение приводились как раз эти показания владыки, но без послед-

---

²²⁹ Об этом подробнее в следующих главах.

них слов об отказе Галахова от предложенного. Более того, далее по тексту следовали показания очередного "свидетеля": *«Церковным активом ГАЛАХОВУ Н. Я. было предложено подготовиться к принятию сана священника, на что ГАЛАХОВ изъявил согласие»*. Таким образом, Н. Я. Галахов, осуществлявший связь со ссыльным духовенством, был включен как одно из важных звеньев в состав контрреволюционной организации.

Не забыли казанские следователи и других фигурантов дела, через которых можно было бы провести связи, и для наглядности даже изобразили все графически. В материалах дела есть тщательно расчерченный и выписанный чертеж *"Казанского филиала"* под заголовком: *«Схема филиала всесоюзного политического и административного центров "Истинно-православная Церковь" в Татарской АССР — г<ород> Казань»*.

В центре в шестиугольнике — город Казань, и во главе филиала епископ Нектарий, а также епископ Иоасаф (Удалов), профессора: В. И. Несмелов, Петров, священник Николай Троицкий. От них стрелочки к двум вышестоящим центрам. К *«церковно-административному центру ИПЦ»* в Ленинграде — где обозначено в кружке имя епископа Димитрия Гдовского (на стрелочках связные: из Казани — иеромонах Иов, из Ленинграда — блаженная Катя). И к Москве — *«церковно-политическому центру ИПЦ»*, но обозначенному как *«Никола Большой крест, св<ященник> Никитин»*. На стрелочках связной Туголесов (Борис Туголесов действительно приезжал к епископу Нектариию из Москвы с письмом от священника Алексея Никитина с просьбой рукоположить Туголесова в диаконы).

И далее связи (все в кружочках с подписями): с одной стороны, через село Падерино и благочинного

5-го Яранского округа священника Иоанна Фокина с пятью районами и Марийской областью; с другой стороны, с городами Татарской АССР, где тоже были проведены аресты церковников, связанных с Казанским центром.

В отдельных восьмиугольниках выделены: *«Политический салон профессора Несмелова»*, *«Союз христианской молодежи»*, *«священник Едемский»*, *«группа ссыльных андреевцев»*. Кроме того, в различных геометрических фигурах другие связи: со ссыльными митрополитом Кириллом, Иаковом Галаховым, белоэмигрантами в Харбине — бывшим казанским купцом Унжениным через протоиерея казанского Петропавловского собора священника А. И. Боголюбова.

Всего по делу проходило 33 человека²³⁰. Основные аресты были произведены 30 и 31 августа 1930 года, еще несколько человек арестовали позднее, в июне 1931 года, среди них и священника Евлампия Едемского-Своеземцева. Примечательно, что на первом допросе он признал, что принадлежит к *«организации Истинно-Православная Церковь»*; не подчиняется митрополиту Сергию, своим единомышленником считает епископа Нектария. А на втором допросе, подтвердив, что разделяет взгляды епископа Нектария *«о том, что он не признает деятельности митрополита Сергия, т<ак> к<ак> у нас законный глава Церкви митр<ополит> Петр»*. И далее, как бы в раздумье, произнес, и следовательно, как ни странно, это запротоколировал: *«Об организации же "Церковно-монархическая организация Истинно-Православ-*

---

²³⁰ В отношении еще пяти молодых людей, членов «Хрисомола», а также девяти прихожанок епископа Нектария материалы были выделены в отдельное производство для дальнейшего следствия.

ная Церковь" ничего не знаю, и мне кажется, что ее и нет»...

Тем не менее отца Евлампия признали «членом Всесоюзной церковно-монархической организации "Истинно-Православной Церкви", активно участвовавшим в практической ее деятельности в Казани». То же самое было сделано и в отношении остальных обвиняемых, в том числе и выразивших полную лояльность советской власти, а порой и митрополиту Сергию. Так, был обвинен в руководстве «Казанской церковной монархической организации и после ее преобразования в филиал Всесоюзного центра организации ИПЦ» епископ Иоасаф (Удалов). Хотя он неоднократно подчеркивал свое «лояльное и доверчивое» отношение к советской власти, а на одном из допросов, несмотря на некоторое несогласие с митрополитом Сергием²³¹ и поддержку митрополита Кирилла, даже заявил: «Отношение митр<ополита> Сергия к Сов<етской> власти, как это мне известно из газет, ничем существенно не отличается от позиции Тихона его последних 2 лет (политическая деятельность Патриарха Тихона до июня 1923 г<ода> осуждена им же самим, что мною было совершенно приветствуемо путем напечатания в Казанской газете соответствующего воззвания)».

Но если владыка Иоасаф имел в виду лояльность как подчинение и терпение, то в протоколах допроса протоиерея Николая Троицкого прозвучало большее: «Митрополита Сергия я признаю законным главою Православной Церкви. Митрополита Кирилла со-

---

²³¹ «Я лично не могу согласиться с огульным обвинением М<итрополитом> Сергием в том, что все духовенство, несущее различные репрессии, действительно повинно в политических преступлениях».

вершено не знаю, ни в каких отношениях с ним никогда не находился. Точно так же не поддерживал никаких связей с еп<ископом> Иоасафом... Если мне будет представлена возможность, я приложу все силы к тому, чтобы доказать свое доверие и сочувствие власти».

Однако эти показания не помогли, и протоиерей Николай был обвинен в том, что *«активно участвовал в преобразовании организации в филиал Всесоюзного центра церковно-монархической организации "Истинно-Православная Церковь" и в последующей практической к<онтр>р<еволюционной> деятельности филиала».* Он был признан виновным, как и все остальные обвиняемые²³². В результативной части

---

²³² Так, наряду с противниками митрополита Сергия репрессировались и его сторонники. И это происходило повсюду. Ни декларация митрополита Сергия, ни его компромиссная политика никого не спасли. Напротив, как уже указывалось, гонения только усилились. И если не по политическим обвинениям, то по другим почти все духовенство подверглось в то время репрессиям. Как писал отец Михаил Польский в 1931 году: «Нарочно, в видах той же ликвидации религии и Церкви, власть накладывает такие налоги на духовенство, каких оно не в силах платить, и сажает его целыми партиями в тюрьмы, закрывает приходы: часть духовенства стоит с протянутой рукою около храмов (в Москве, например), прося милостыню; с других целых групп духовенства больших городов взята подписка о невыезде, чтобы таким образом сохранить готовые кадры для ссылки на принудительные работы (монашествующие обоих полов после массовых арестов уже почти поголовно отправлены в места ссылок и принудительных работ); духовных лиц лишают квартир, и в то же время их никто не хочет брать на квартиры из боязни репрессий, которые за это тотчас и следуют; им не дают хлебных карточек, их не убивают, но и жить им не позволяют. Но эти страдания, пришедшие главным образом после соглашения митрополита Сергия с властью, легли на плечи духовенства без всякого утешения, когда

"Обвинительного заключения" было заявлено следующее:

«Все тридцать три человека признали себя виновными — в образовании филиала Всесоюзного центра церковно-монархической организации "Истинно-Православная Церковь" и активной деятельности по установкам ее на территории Татарской Республики, Мар<ийской> области, Вот<кинской> области и бывшей Вятской губернии, направленной на свержение Советской власти, т<о> е<сть> в преступлении, предусмотренном ст<атьей> 58-11 УК РСФСР <...>.

Настоящее следственное дело за № 1948 направить на рассмотрение Коллегии ОГПУ <...>.

15 сентября 1931 года».

А в отношении епископа Нектария обвинение было сформулировано следующим образом:

«3. ТРЕЗВИНСКИЙ Нектарий Константинович <подлежал обвинению> в том, что: а) Осуществил связь Казанской к<онтр>р<еволюционной> организации церковников с церковно-монархическим и церковно-политическим центрами к<онтр>р<еволюционной> организации "Истинно-Православной Церкви" и фактически преобразовал организацию в филиал упомянутых центров.

б) Проводил большую вербовку в к<онтр>р<еволюционную> организацию "Истинные" по г<ороду> Казани, ее окрестностям, а также на территории Мар<ийской> области, Вот<кинской> области

смысл борьбы потерян: власти все сдано. Так, не желавшие бороться за Церковь, усиленно избегавшие тюрьмы ее не миновали. Избегавшие сидеть в ней за истину церковную сели за неуплату налогов. Враг неумолим, нашим соглашением не подкуплен и смеется над нашим практическим расчетом, не престанно готова нам уничтожение...» (Священник Михаил. Указ. соч. С. 66).

и бывшей Вятской губернии, вдохновляя повстанческое движение среди крестьянства.

в) Имел непосредственную связь с архиепископом Дмитрием ГДОВСКИМ в церковно-административном центре к<онтр>р<еволюционной> организации "Истинные" и с деятелями церковно-политического центра организации в Москве, которых осведомлял о состоянии и деятельности организации "Истинно-Православная Церковь"».

5. Епископ Нектарий в следственном деле 1930–1931 годов

Владыка Нектарий был арестован 30 августа 1930 года и первый раз допрошен 1 сентября. Протокол этого допроса совсем небольшой: «За что я арестован, не знаю, но считаю, что арестован как контрреволюционер. Моления в моей квартире-келье происходят по воскресеньям и по двенадцатым праздникам, в числе молящихся у меня бывают приезжие из Яранской епископии...

Я истинный сторонник Патриарха Тихона и готов за него умереть...

Я хорошо понимаю, что тайное богослужение от властей и устраивание совещаний и бесед — это есть с моей стороны преступление, и за это я должен быть судим государственной властью. Что-либо сказать и говорить о моей деятельности и вообще об общении моем категорически властям, особенно ГПУ, отказываюсь».

Следующий протокол датирован 5 июня 1931 года (по-видимому, более полугода владыку на допросы не вызывали). Как и на первом допросе, владыка четко заявил: «Я принадлежу к числу духовенства Тихо-

новской ориентации, т<ак> к<ак> только Патриарха Тихона считаю каноническим главой Православной Церкви». И далее, как уже упоминалось выше, сказал, что теперь временно подчиняется митрополиту Петру, хотя законным преемником Патриаршего престола считает митрополита Казанского Кирилла, а митрополита Сергия считает «отступником, узурпатором, виновником церковной катастрофы».

Потом владыка Нектарий заявил: «Отделение Церкви от государства я приветствовал, так как считал и считаю вмешательство гражданских властей в дела церковные вредным и не входящим в компетенцию гражданской власти, — тем более Советской». И далее также со свойственной ему прямо-той продолжил: «Положение Церкви при существующей власти я считаю чрезвычайно тяжелым, по моему глубокому убеждению, Церковь подвергается со стороны властей преследованию, и я вполне согласен с выступлением в этой части папы Пия Римского. Делился ли я своим сочувствием с кем-либо, не помню, т<о> е<сть> не помню фамилий лиц, вообще же приходилось вести разговоры в духе, сочувственном выступлению, в том числе с верующими из Яранской епископии, приезжавшими в г<ород> Казань в 1930 году в период массового закрытия церквей. В то время я проживал в Козьей слободе по Октябрьской ул<ице>, д<ом> 22, у Сомова Ивана Васильевича» (до этого владыка прожил 1 год и 2 месяца также в Козьей слободе в доме Панфилова Сергея Терентьевича, по его словам, «вплоть до раскулачивания»).

По поводу приезжавших к нему он признал, что из Яранской епископии только в 1930 году у него перебывало несколько десятков человек. «Приезжали за советами по церковным делам, говорили и о том, не является ли настоящий период времени антихри-

стовым... Я же на это отвечал, что такой вывод из событий может быть ошибочным, — "ничто не долговечно", т<о> е<сть> можно понимать, что и Сов<етская> власть недолговечна, неизвестно, как долго она просуществует».

Владыка Нектарий не скрывал своего отрицательного отношения к советской власти и к ее мероприятиям. Так и в отношении самого злободневного тогда для его паствы вопроса сказал: «В частности, на мероприятия по коллективизации и раскулачиванию мой взгляд несомненно отрицательный, т<о> е<сть> коллективизацию я расцениваю как мероприятие по ликвидации Церкви, а раскулачивание как меру, которая отнимает у Церкви основную материальную базу». В целом владыка с присущей ему прямоотой подтвердил показания "свидетеля", на основании которых, вероятно, и было возбуждено уголовное дело, недаром эти показания приведены в "Обвинительном заключении":

«Поселившись в Козьей слободе гор<ода> Казани, епископ Нектарий ТРЕЗВИНСКИЙ принимается за организацию к<онтр>р<еволюционной> церковной общины антисергиевского духа. Вербует верующих из среды монашек и мирян...²³³ Эту свою к<онтр>р<еволюционную> церковную организацию

---

²³³ «Из числа его последователей могу указать на монашек — ПРЕОБРАЖЕНСКУЮ Марию Николаевну, бывшую регентшу левого хора Казанского монастыря, и МАКАРОВУ Степаниду Васильевну, живших вместе с ним, БУЛАТОВУ Анну Федоровну, БАРАНОВУ Анну Степановну, ЛИПИНУ Агафью Даниловну, ВИКУРОВУ Ефросинию Константиновну, СЕРГИНУ Евдокию Исидоровну, ВЕРЯСОВУ Марию Тимофеевну, СТЕПАНОВУ Прасковью Николаевну, ЕГОРОВУ Марию Степановну, ЛАГУТИНУ Е. В., РОМАНОВУ Феодосию, ЕГОРОВУ Анну, ОСИПОВУ и ЛЫКОВУ Зинаиду Николаевну».

он перевоспитывает в антисоветском духе и антисергианском духе. Устраивает с ней регулярные богослужебные собрания у себя на дому, для чего его квартира вся обставлена была иконами, перед которыми был устроен столик (наподобие престола), обставленный богослужебными предметами и атрибутами архиерейского сана. На этих богослужебных собраниях он даже рукополагает священников и диаконов, которых рассылает по Яранской и Чувашинской республиканской епархиям как своих агентов. Через членов своей общины, главным образом через монашек, епископ Нектарий знакомится с представителями Андреевской церкви (т<о> е<сть> последователями епископа Андрея) в г<ороде> Казани ссыльными — священником ВОЛОКИТИНЫМ²³⁴, АНТИПИНЫМИ Ольгой и Евгенией, СОЛОВЬЕВОЙ²³⁵ и др<угими>. Между прочим, священник ВОЛОКИТИН также совершал у себя на дому богослужения, свидетелем которых так же, как и богослужений епископа Нектария, был и я. У него также комната была обставлена иконами, перед которыми стоял столик с богослужебными принадлежностями.

Проверив религиозные взгляды и отношение к митрополиту Сергию, епископ Нектарий принял андреевцев в общение с собой, и образовался, таким образом, единый антисоветский и антисергианский блок.

---

²³⁴ Иерей Аркадий Иванович Волокитин, священник Уфимской епархии, был арестован в Бирске весной 1928 года и приговорен к 3 годам ссылки.

²³⁵ Евгения Антипина, ее дочь Ольга Антипина и Ангелина Соловьева — арестованы в Уфе за распространение посланий епископа Андрея и помощь арестованному духовенству продуктами и вещами; приговорены к 3 годам ссылки.

Эта к<онтр>р<еволюционная> церковная организация собирается на молитвенные собрания, на которых обсуждается вопрос о дальнейшем существовании группы, о вербовке новых членов, о связи со ссылкой, с городами и деревнями. На одном из таких собраний было решено переехать в слободу. Обсуждались на таких собраниях и такие серьезные вопросы, как о методах борьбы с мероприятиями правительства и партии, с одной стороны, и с Сергиевской церковью, с другой.

Епископ Нектарий и ВОЛОКИТИН, образовав большую к<онтр>р<еволюционную> церковную группу, не довольствовались этим. Они дальше пускают свои щупальцы. С одной стороны, они устанавливают связь со ссыльными лицами в Нарымском крае, Казахстане, Туруханском крае и т<ак> д<алее> через бродячих монашек и приезжих оттуда лиц, с другой стороны, с Вятской, Уфимской губерниями и соседними культурно отсталыми нацменскими республиками.

От разных ссыльных лиц эта к<онтр>р<еволюционная> церковная организация получает письма и воззвания, направленные против Советской власти и Сергиевской церкви, которые копируются, затем составляются свои воззвания такого же характера, и весь этот материал через бродячих монашек и приезжих лиц рассылается в Вятскую и Уфимскую епархии, Чув<ашскую> республику и Мар<ийскую> область».

Показания "свидетеля"-доносчика, несмотря на их гнусный тон, весьма информативны и действительно являются ярким свидетельством церковной деятельности владыки Нектария в Казани. Как и прежде, усердный молитвенник, ревностный архипастырь, лишенный возможности вернуться в свою епархию,

владыка не оставляет своей паствы. Будучи поднадзорным и не имея разрешения на какую-либо церковно-административную деятельность, он, тем не менее, осуществляет ее в нелегальных условиях, да так, что под его духовным руководством оказывается значительная часть всего юга бывшей Вятской губернии. Влияние епископа Нектария было настолько значительным, что и после его ареста и заключения его паства оставалась послушна наставлениям своего архипастыря и по мере сил старалась не отступать от того исповеднического пути, по которому он следовал. Многочисленные катакомбные общины "нектарьевцев" (как их стали именовать) сохранялись в тех районах, где ранее были приходы, в которые владыка Нектарий рукоположил или направил на служение священников. Многие из них и после закрытия храмов продолжали служение в домовых церквях и молельнях, устроенных в избах, сараях, подпольях или землянках, и так на протяжении десятилетий духовно окормляли православных христиан.

О "нектарьевцах" речь пойдет в следующих главах, что же касается "андреевцев", о которых так подробно доносил "свидетель", то сам епископ Нектарий признал, что действительно познакомился с ними, поселившись в Козьей слободе Казани: *«Здесь же у меня началось общение со ссыльными священником ВОЛОКИТИНЫМ А. И., гр<аждан>кой АНТИПИНОЙ Е. А., ее дочерью Ольгой и СОЛОВЬЕВОЙ Анжелиной, хотя они и приверженцы епископа Андрея, быв<шего> князя Ухтомского, но нас объединяло то, что мы все не признавали митрополита Сергия, и то, что мы ссыльные».*

Однако владыка Нектарий подчеркнул, что, несмотря на общение, *«единого целого они не составляли».* *«Вокруг Волокитина группировались "андреев-*

цы", а возле меня не признающие митрополита Сергия и болеющие душою за митрополита Казанского и Свияжского Кирилла». На другом допросе в ответ на вопрос о совместной деятельности с "андреевцами" «по линии организации Истинно-Православной Церкви» сказал, что они «представляли собою совершенно отдельную группу, приверженцев епископа Андрея, бывшего князя Ухтомского, с которым я не имел и не могу иметь ничего общего, хотя он так же не допускает вмешательства власти в дела Церкви, как и я, но он все же хочет какой-то точки соприкосновения с властью, мечтает о каком-то христианском социализме и способен сказать, что у него отношение к Сов<етской> власти "доброжелательное" или "лояльное". Я же ни в коем случае смиряться с этим и вообще с существованием Сов<етской> власти не могу».

И далее владыка Нектарий добавил: «Кроме того, еп<ископ> Андрей не признает церковного центра, в том числе митрополита Кирилла и митр<ополита> Петра. Волокитин считает, что митрополит Петр был ставленником ОГПУ через начальника 6-го отделения Е. А. Тучкова. В этой части и сам еп<ископ> Андрей, как говорит Волокитин, подвергался обработке со стороны ОГПУ еще до смерти Патриарха Тихона. Е. А. Тучков как-то вызвал из ссылки в Москву еп<ископа> Андрея и предложил ему видное место в управлении Русской Церковью, но он отказался и вскоре после этого говорил, что митрополит Петр будет править Церковью, так оно и случилось. Поэтому епископ Андрей и считает митр<ополита> Петра ставленником ОГПУ. Выразить полное и окончательное согласие с доводами еп<ископа> Андрея относительно митр<ополита> Петра не могу, т<ак> к<ак> не убежден в этом».

«Вербовать Волокитина и других ссыльных с ним уфимовцев в организацию ИПЦ я не пытался по той же причине, которая разъединяет нас в церковной ориентации...»

Волокитин со своей группой вел замкнутый образ жизни, и, видимо, он сильно нуждался, т<ак> к<ак> даже в облачении священника ходил по базарам и продавал молоко от коровы, которую имел».

Несмотря на такое "отмежевание" от ссыльных уфимовцев (вполне объяснимое в следственных показаниях), епископ Нектарий имел с ними общение, и во многом они были близки по духу. В своих воспоминаниях чувашский исповедник иеромонах Гурий (Павлов) упоминал о своем знакомстве с владыкой. Будучи рукоположен в Уфе по благословению епископа Андрея (Ухтомского), отец Гурий в начале 1929 года был направлен к чувашам в бывшую Казанскую губернию. Приведем выдержку из его жизнеописания, составленного в 1990 году по его рассказам:

«Отец Гурий часто бывал на тайных богослужениях у иерея Аркадия Волокитина и епископа Нектария (Трезвинского). Несколько раз он исповедовался у владыки Нектария. Однажды после исповеди епископ Нектарий положил земной поклон отцу Гурию, на что тот возразил, что это ему надлежит сделать поклон епископу. Но владыка ответил: "Так должно быть". В эту ночь епископ Нектарий отправил отца Гурия ночевать к отцу Аркадию, и об этом случае отец Гурий позднее вспоминал так:

"Была полночь. В спальном комнате, где я спал, я услышал стук. Говорю: "Отец Аркадий, вставай-ка, там стучат". Он отвечает: "Отец Гурий, будь недвижим и не тревожься". Он встал, спрятал письма, потом открыл дверь чекистам. Зашли пять-шесть человек и начали обыскивать... Я лежу на лежанке за печкой и постоянно читаю: "Живой в помощи Вышнего..." От страха, испуга забываю, начинаю

опять. Они все обыскивают. Я лежал, так и оставался лежать... Перед их приходом я читал вечернее правило, и у меня на столике остался каноник, а в канонике были архиерейские документы (о рукоположении). И они не увидели каноника. Если бы увидели... Но ни каноника не видели, ни меня. Я остался невидимкой. Вот это чудо. Отец Аркадий писал об этом владыке Андрею"»²³⁶.

Этот рассказ противоречит показаниям отца Гурия во время следствия в 1952 году, где он отрицал свое знакомство с епископом Нектарием, а о священнике Аркадии Волокитине упомянул вскользь, что, дескать, был у него один раз проездом, переночевал и с тех пор не видел. Однако о том, что иеромонах Гурий часто бывал у отца Аркадия, свидетельствовала и старшая дочь отца Аркадия, Мария. В 1928 году она поехала с отцом в Казань, когда его осудили на три года высылки из Бирска. В 1929–1930 годах ей было 14–15 лет, и она принимала участие в тайных богослужениях. Спустя без малого 70 лет, сохранив великодушную память и ясный ум, она рассказывала:

«Я хорошо помню тот домик с пристроем с задней стороны, где мы и жили с папой вдвоем. Отец Гурий приезжал на молитву, которую мы начинали в десять или одиннадцать часов ночи, когда люди уже легли спать. Жили мы в Козьей слободе на улице Гривка. Домик был частный. В данное время давно он снесен, и нет уже этой слободы. Все изменилось, и стоят там многоэтажные дома...

Мария Аркадьевна вспоминала, как отец Гурий приходил к ним: "Совсем еще молоденький иеромонах, молитвенник смолоду". Она была свидетельницей того чудесного случая, о котором он рассказывал: "Приходили с обыском

---

²³⁶ Тайной Церкви ревнитель. Епископ Гурий Казанский и его сомолитвенники. М.: Братонез, 2008. С. 47.

ночью, а отца Гурия-то не заметили. А как? Все перевернули. Он лежал за печкой на лежанке, даже ноги-то было видно, но его не увидели"»²³⁷.

Воспоминания Марии Аркадьевны подтверждают рассказ самого отца Гурия, с которым они, кстати, встретились только спустя более 60 лет. После ареста отца Аркадия в 1930 году Мария вернулась в Бирск к маме и потом об отце Гурии ничего не знала. Долгое время она его искала, но безуспешно и даже стала молиться как за усопшего. Лишь через несколько десятилетий узнала, что он жив и бывает у верующих в Казани. Встреча была очень теплая, по словам Марии Аркадьевны, они долго беседовали. Всех он помнил и обо всех молился.

Почему отец Гурий в своих показаниях на следствии в 1952 году отрицал свое знакомство с епископом Нектарием и почти ничего не показал об отце Аркадии, вполне объяснимо. Будучи обвиняем как один из руководителей «*церковно-монархического подполья "ИПЦ"*»²³⁸ и пристрастно допытываем на многочасовых допросах обо всех его связях, он старался никого не назвать и упрямо ссылаясь на свою "забывчивость"²³⁹. Поэтому, когда речь зашла о епископе Некта-

---

²³⁷ Там же. С. 206.

²³⁸ В материалах следственного дела в Чебоксарах 1952 года наряду с этим общим наименованием употребляется — «*церковно-монархическая организация истинно-православных христиан единой святой апостольской церкви*».

²³⁹ Протоколы его допросов удивительны — следователь старается выявить все связи «*организации*», настойчиво добивается от подследственного имен, адресов, а отец Гурий с такой же настойчивостью твердит, что никого не знает и не помнит. С 1933 года — с момента побега из лагеря — странствовал по Чувашии, Татарии, Башкирии, Нижегородской области; заходил и ночевал в домах, где принимали, служил, где просили, но не помнит и не знает ни людей, которые его принимали, ни даже названий деревень и сел, где останавливался.

рии и священнике Аркадии Волокитине, отец Гурий, вероятно, на всякий случай решил умолчать и скрыть свои связи в Казани, хотя и двадцатилетней давности. Тем более что следователь спрашивал, *«являлся ли Аркадий участником антисоветской организации, возглавляемой в то время Нектарием Трезвинским»*. Лишние связи с дополнительной *«антисоветской организацией»*, отягчающие его и без того «тяжкую вину» перед советской властью, едва ли нужны были отцу Гурию. Поэтому он постарался отстраниться от *«нектарьевской организации»* в Казани и ответил, что не знает, являлся ли Волокитин членом этой организации.

А вот то, что было какое-то разногласие у священника Волокитина с епископом Нектарием, подтвердил. По его словам, отец Аркадий жаловался, что епископ Нектарий перестал его принимать: *«До этого Аркадий, видимо, был связан с Нектарием. Причину отказа Нектария принимать Аркадия он, Аркадий, объяснил так: "Нектарий следовал за Патриархом Тихоном, а Вениамин со своими единомышленниками постепенно стал отходить на сторону Сергия. Аркадий был в близких отношениях с Вениамином, и поэтому Нектарий перестал принимать Аркадия"»*²⁴⁰.

Это интересное свидетельство. Кроме него отец Гурий в своих показаниях также упоминал, что последователи епископа Нектария, или, как они часто именуются в следственном деле, сторонники *"кирилловско-нектарьевского"* течения истинно-православных христиан, и позднее к *"андреевцам"* относились с подозрением. Так, монахиня Анастасия Федотова, бывшая насельница Цивильского монастыря, у которой в до-

---

²⁴⁰ Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. Л. 42 об.

мике собирались истинно-православные христиане, по словам отца Гурия, также приходившего к ней, не особо приветливо его встречала и не просила благословения. И далее пояснил: *«Дело в том, что монахиня Анастасия — большая сторонница Нектария Трезвинского, который подозревал епископа Вениамина в том, что он держался Москвы, т<о> е<сть> колебался. Я же как иеромонах был рукоположен Вениамином»*²⁴¹.

Епископ Вениамин (Троицкий), один из уфимских викариев, управлявший Уфимской епархией с 1928 года и рукоположивший отца Гурия, был замечательным архипастырем. Он управлял Уфимской епархией более двух лет с весны 1928 года после ареста епископа Аввакума (Боровкова). Какие-то нестроения в Уфе были: об этом свидетельствует письмо епископа Андрея из Кзыл-Орды, где он умоляет свою уфимскую паству «не делать никакого разделения между святителями Аввакумом и Вениамином». Но что происходило конкретно и из-за чего были разногласия — не ясно.

Насколько известно по существующим источникам, вплоть до своего ареста епископ Вениамин сохранял связь с епископом Андреем и оставался непреклонно строгим в отношении обновленцев и сергиан. О каких его колебаниях могла идти речь, непонятно. Единственное предположение — какие-то контакты с григорианским церковным управлением²⁴², поскольку в "Обвинительном заключении" по Казанскому филиалу ИПЦ в отношении священника

---

²⁴¹ Там же. Л. 70 об.

²⁴² Группа архиереев во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским), заявившая в декабре 1925 года после ареста митрополита Петра о создании Временного Высшего Церковного Совета как высшего органа церковной власти в Русской Церкви.

Аркадия Волокитина и других ссыльных уфимцев наряду с термином "*андреевцы*" употребляется и "*григорьевцы*". Но опять-таки из материалов дела совершенно не ясно, на чем это основано. И поскольку других фактов нет, то на сегодняшний день сказать на эту тему что-либо определенное не представляется возможным.

Точно же известно, что в дальнейшем было тесное духовное общение "*нектарьевцев*" и "*андреевцев*". Во время своих странствований иеромонах Гурий, по его словам, встречал много истинно-православных христиан различных направлений. *«Различие направлений не мешало вам вести общую антисоветскую деятельность»*, — вездливо спросил или скорее констатировал следователь. На это точное замечание отец Гурий не стал возражать. Он воспитывал свою паству в христианском духе, то есть прямо противоположном советскому безбожному, а значит, по терминологии властей, *«вел антисоветскую деятельность»*. То же самое делали священники и монашествующие других направлений, в том числе и "*кирилло-нектарьевского*". С кем-то из них отец Гурий встречался, о ком-то слышал. Некоторые из их паствы обращались к нему за духовным окормлением. Так, например, монахиня Ефросиния Батеева, упоминаемая в материалах следственного дела отца Гурия, лично знала епископа Нектария (в 1930 году она ездила к нему в Казань). Но с 1940 года она исповедовалась и причащалась у отца Гурия. Ее арестовали в 1947 году, и о ней известно только потому, что ее показания приобщили к материалам дела отца Гурия 1952 года.

Сколько еще было у отца Гурия таких духовных чад и как на самом деле он мог быть связан с "*кирилло-нектарьевскими*" общинами, теперь точно установить едва ли возможно. Одно можно сказать опреде-

ленно: они были непоколебимы в своем исповедании православной веры и неприятии безбожной власти, эту веру уничтожавшей. Иеромонах Гурий и его духовные чада, проходившие с ним по делу 1952 года, не скрывали этого во время следствия и постоянно говорили на допросах. И на суде в апреле 1952 года отец Гурий повторил: *«Я не признаю Советской власти и всех ее безбожных организаций, в том числе и колхозов, где заставляют крестьян работать в религиозные праздники и тем самым заставляют отказываться от Бога. Я не признаю легально действующее церквы, где славят безбожную власть»*²⁴³.

Епископ Нектарий почти за два десятилетия до этого также прямо заявлял на допросе: *«Отношение Церкви, т<о> е<сть> духовенства и верующих, в свете моих взглядов к Сов<етской> власти должно быть таким, каким оно может быть к царству "сатаны", т<о> е<сть> неприязненное, враждебное. Обязанность духовенства и верующих молиться об изменении отношений власти к Церкви или же об избавлении от нее. Вернее всего последнее, т<ак> к<ак> измениться отношения к Церкви со стороны власти в лучшую сторону не могут. Поэтому в беседах с верующими, когда приходилось касаться этих вопросов, я высказывался за вторую часть, т<о> е<сть> необходимость избавления от Сов<етской> власти. Отсюда понятно то, какое отношение могло быть и есть по отношению к Сов<етской> власти и к отдельным ее мероприятиям лично мое и части других верующих и служителей религиозного культа».*

Правда, эти же показания владыка закончил так: *«Не отрицаю того, что со стороны лиц, побывавших у меня после того, как они заразились известным на-*

---

²⁴³ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. Л. 249 об.

строением, могли иметь место практически активные действия против Советской власти, т<ак> к<ак> я уже говорил, что не одобряю и коллективизации, и раскулачивания, и вообще существования Советской власти. Но практических предложений, предполагающих действовать против Сов<етской> власти террором, агитацией и т<ак> д<алее>, я не делал. Отношиться к власти я рекомендовал христиански терпеливо. Над нами есть Бог, который сильнее всего».

Но это уже не имело существенного значения. Епископ Нектарий был признан опаснейшим врагом советской власти, и 26 января 1932 года его приговорили к 10 годам концлагеря (добавим, что и в дальнейшем приговоры для истинно-православных христиан были всегда суровы. Так, и отец Гурий в 1952 году был приговорен к 25 годам концлагеря особо строго режима, а его прихожанки к 10 годам).

Приговор не был для владыки Нектария неожиданностью. Из тюрьмы он писал своей пастве: *«Меня обвиняют за организацию Истинная Православная Церковь, за богослужения на дому, за посещения меня народом и за мои послания против Сергия. Ожидаю 10 лет лагеря...»*²⁴⁴ Эта записка на клочке газеты (на свободных полях), каким-то образом переданная из тюрьмы и бережно хранимая вместе с другими письмами епископа Нектария, была изъята при аресте одного из его духовных чад спустя более пятнадцати лет и приобщена к материалам следственного дела "нектарьевцев" 1947 года в Чебоксарах. Благодаря остальным письмам из этого же дела известны некоторые подробности первых двух лет лагерной жизни владыки.

---

²⁴⁴ Дело Корнилова 1947 года // ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д-4122. Л. 187 (конверт).

Последние годы жизни

Последние годы жизни епископа Нектария — это пять с половиной лет каторжных работ. О них сведений сохранилось немного. Известно, что владыка пребывал в Прорвинском концлагере у Каспийского моря. Этот лагерь был организован согласно приказу ОГПУ СССР № 858 от 5 сентября 1932 года и первоначально состоял из трех отдельных лагерных пунктов — Гурьевского, Астраханского и Мумринского. Управление лагеря находилось в городе Гурьеве — в дельте реки Урал на территории Казахстана, а лагерные подразделения в разных местах (так, в середине 1930-х одно было даже на Аральском море почти за тысячу километров от управления).

Первое лаготделение, давшее название самому лагерю, располагалось к югу от Гурьева на острове Прорва⁷¹. Но сюда епископ Нектарий попал не сразу. Как

---

⁷¹ В настоящее время это полуостров, так как из-за понижения уровня воды море с 1940-х годов отступило от поселка Прорва почти на 40–50 км.

свидетельствуют его письма, до июля 1933 года он находился в районе Астрахани. В первом письме⁷², датированном 17/30 ноября 1932 года, владыка сообщал, что с середины октября работал там на рыбных промыслах. В этом же письме он благодарил за посылку и письма, отправленные его чувашской паствой перед праздником Воздвижения Креста, то есть до 14/27 сентября 1932 года. Поскольку как минимум за месяц до этого владыка уведомил свою паству о месте своего пребывания, значит, в конце августа он уже находился в Астрахани.

По-видимому, планируя открывать новый концлагерь, как раз в это время сюда и свозили осужденных. Но где находился владыка Нектарий до этого времени после вынесения приговора, то есть с января 1932 года, — не известно. Вполне возможно, что сначала владыку действительно отправили на Беломорканал, так, согласно показаниям священника Лукиана Васенева во время следствия 1946 года: *«епископ Нектарий, арестованный в 1930 году, был отправлен на Беломорканал»*.

Первое письмо владыки в ноябре 1932 года, адресованное «брату Авраамии»⁷³, простому чувашскому крестьянину, было отправлено из Махачкалы. Епископ Нектарий писал:

---

⁷² Первое из писем в материалах следственного дела 1947 года. Эти письма, бережно хранимые паствой епископа Нектария, были изъяты при арестах и приобщены к материалам следственных дел.

⁷³ Марков Авраамий Маркович, родился в 1894 в дер. Сятра-Марга Ишейского уезда Чувашии. В 1947 — арестован по групповому делу истинно-православных христиан (священника Алексея Корнилова и других); приговорен к 10 годам заключения.

«Сюда я попал случайно и неожиданно. С Покрова и по Златоустов день⁷⁴ я трудился рыбаком на Каспийском море и был отрезан от всего мира. С 8-го ноября и по Заговины⁷⁵ был на море сильный шторм — буря. Нашу лодку унесло в льдины и разбило, а нас, рыбаков, подобрал пароход. Натерпелся я горя и страху. На волосок был от смерти в волнах. Спасен чудом Божиим...

Теперь нас поездом снова везут в Астрахань, где будем зимовать.

Жизнь моя очень прискорбная и тяжелая. Спаси Вас Господи, что не забываете меня и помогаете мне»⁷⁶.

Обратный адрес в конце письма указан: «г<ород> Астрахань, Пароходная ул<ица>, 32 У<правление> ЛАГ<ерей> ОГПУ».

Второе письмо от 26 декабря 1932 года по старому стилю написано в Астрахани. Обратный адрес в нем: «Астрахань, УЛАГ ОГПУ. Промысел Войкова, Копчик». В это время епископ Нектарий находился не в самом лагпункте, куда доставлялась почта, в том числе и посылки.

«Посылки Ваши мне находятся в Астрахани, в лагерном пункте, и неизвестно, когда мне привезут, ибо я нахожусь в 50 верстах от города, — писал он. — Нахожусь по "реке Балде"⁷⁷ на промысле "Копчик". Ходим ежедневно

---

⁷⁴ С праздника Покрова Пресвятой Богородицы 1/14 октября до праздника Святителя Иоанна Златоуста 13/26 ноября.

⁷⁵ С 8 ноября по старому стилю, то есть с 8/21 ноября по 13/27 ноября (день заговенья перед Рождественским постом).

⁷⁶ Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2669. Оп. 2. Д-4122. Т. 3. Л. 287 (конверт). Далее до конца главы цитаты писем епископа Нектария из данного дела.

⁷⁷ Болда — рукав дельты реки Волги. Начинается он вблизи Астрахани двумя соединяющимися протоками (Кривая Болда и Прямая Болда) и далее разбивается на несколько протоков; некоторые из них доходят до Каспийского моря.

тянуть невод. Работа мокрая, нелегкая. Пища сравнительно не плохая, но малопитательная. Вокруг в селах есть храмы и богослужение, только попы почти всюду обновленцы. Так, сегодня я украдкой от надзора сходил в село Разино⁷⁸ к литургии, но там оказался поп-обновленец, и я не знал, как бежать оттуда, всю дорогу отплевывался. На 1-й день Рождества я ходил в ближайшую деревню славить Рождшагося Христа. Почти во всех домах приняли меня, несмотря на то что я одет не по-духовному, в услонском⁷⁹ одеянии».

В этот день, по словам владыки Нектария, невод не тянули, так как его едва не утопили, поскольку проломился тонкий лед. Невод с большим трудом извлекли из воды, а потом уложили на сани. Промокли и устали, но вернулись в 2 часа дня, и, вероятно, после этого владыка и отправился славить Христа. За это, как он пишет, надзор угрожал ему рапортом начальству с последующей отправкой в карцер.

Однако если и на следующий день владыке удалось все же сходить "украдкой" в церковь, то можно заключить, что режим был относительно нестрогий. Конечно, обстановка была лагерная: тяжелая работа и содержание в бараках с их типичным бытом — как об этом свидетельствует и письмо владыки: «Пишу вам на 2-й день Рождества Христова вечером, а вокруг меня в бараке бесовская пляска, ругань людская отвратительная и прочее безобразие». Но в целом по сравнению с другими лагерями и с тем, что предстояло вскоре пройти самому владыке, это было еще сносно.

---

⁷⁸ Село Разино Володарского района в 77 км на юго-восток от Астрахани.

⁷⁹ "Услонском" — по-видимому, владыка использует слово еще по первому своему заключению на Соловках: УСЛОН — Управление Соловецких лагерей особого назначения.

«В общем, живу я, слава Богу, не плохо», — даже написал он в конце письма.

В следующих двух письмах от 22 и 25 января по старому стилю 1933 года он благодарил свою чувашскую паству за посылки и за память:

«Усердно молю Подателя всяких благ Господа Бога: да воздаст Он Вам вместо земных небесная, вместо телесных нетленная, вместо временных вечная. Очень тронут заботливостью обо мне чувашской православной о Христе братии. Вы подымаете мой по временам слабеющий дух и заставляете воодушевляться на подвиг страдания за Церковь Православную, преданную м*<итрополитом>* Сергием безбожным на разорение».

Владыка Нектарий по-прежнему «трудился рыбаком на Каспийском море», работал на неводе:

«Моя жизнь, как жизнь рыбака-волгаря, скучная и однообразная, тем более что я заключенный, т*<о>* е*<сть>* нахожусь под надзором стрелков и никуда не могу отлучаться. Хорошо хоть то, что живу не за проволокой и не за стенами. Без службы церковной немного дичаю духом».

«Лишен всякого молитвенного утешения духовного, какое получает православная душа христианская во храмах Божиих», — сетовал он в письме Авраамии. Но не роптал и принимал все с терпением: «Ничего не поделаешь. Церковь Христова истинная Православная временно ушла в пустыню, как об этом говорится в 12-й главе Апокалипсиса».

Этот образ Жены, убегающей в пустыню от змия, в отношении Церкви в богоборческом государстве, — то есть находящейся на нелегальном положении, спасающейся в катакомбах и пустынях от преследования власти, — использовался многими архипастырями

Российской Церкви, осознавшими апокалиптический характер происходящих событий в России: «А Жена убежала в пустыню, где приготовлено от Бога было для нее место... И даны были Жене два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия...» (Апок. 12, 6, 14).

Очевидно, об этом же писал епископ Нектарий и своему ставленнику, священнику Никифору Редькину, перешедшему к тайному служению в 1932 году⁸⁰. Также и в декабрьском письме чувашам:

«Я все скорблю о Святой Церкви Христовой, что ушла ныне, по словам святого Апокалипсиса, в пустыню, т<о> е<сть> в подполье, когда верующие вынуждены тайно, сокровенно собираться на церковную молитву. Так было во времена мученичества и во времена ересей в Греции и на Востоке, когда власть оказывала покровительство ересям, т<о> е<сть> неправильному, искаженному пониманию Божественной истины.

У нас же теперь внешность, т<о> е<сть> видимые церковные обряды остались ненарушенными, как у обновленцев, так и сергиевцев, зато нарушены святыя каноны церковные.

Кому дорога чистота и верность Св. Православия, тот должен зорко стоять на страже святых церковных канонів. Подробно разъяснять вам воздерживаюсь, сами знаете почему...»

Удивительно, что письма даже с такими "неподробными", но вполне определенными и ясными разъяснениями все-таки пропускались лагерной цензурой и доходили до адресата. Причем, очевидно, этим от-

---

⁸⁰ О чем на допросе в 1936 году показал бывший диакон Вещев. См. об этом в главе «Тайные богослужения в нектарьевских общинах. По материалам следственного дела 1936–1937 годов».

личались все письма епископа Нектария. Так, в тех письмах, которыми мы располагаем, он постоянно увещевает свою чувашскую паству твердо держаться истинного православного исповедания. Например, в письме матери Фекле владыка писал:

«Сергианство — это преступная приспособляемость самого м<итрополита> Сергия и вообще церковной иерархии к сов<етской> власти, являющейся олицетворением безбожия и всякого нечестия. Вот почему я не имею с ним церковного общения. Кто сознал заблуждение м<итрополита> Сергия, тот не должен иметь с ним и с его духовенством ничего общего».

И даже в пасхальном письме в апреле 1933 года наряду с поздравлением⁸¹ он призывал:

«Да укрепит Господь Вашу ревность о Православии. В обновленчестве и сергианстве сделана духовенством попытка подчинить Церковь интересам революции, а интересы революции относительно Церкви — Ея скорейшая ликвидация, т. е. уничтожение Церкви. Сергиевцы тем и погрешают, что волей или неволей содействуют ликвидации Церкви. Да избавит нас Господь от этого иудина окаянства».

Его письма помимо всего свидетельствуют еще и о том, что епископ Нектарий был в курсе церковных дел. Так, он упоминал, что в городе Серпухове Московской губернии есть православные храмы, — безусловно, речь шла о несергианских, — и в Серпухове действительно еще до начала 1933 года оставались открытыми иосифлянские церкви: Покровская, Сретенская, Никольская (Николы Будки) и Покровская

---

⁸¹ Владыка попытался сделать это на чувашском языке, еще ранее он просил прислать ему учебник чувашского языка.

Высоцкого монастыря. Вероятно, с кем-то из серпуховской или московской паствы непоминающих епископ Нектарий мог поддерживать переписку.

Знал владыка и об архиепископе Серафиме (Самойловиче), одном из самых ярких деятелей антисергианской оппозиции того времени, и сообщил о нем своей чувашской пастве в письме Авраамию: «В Козьмодемьянске живет православный архиепископ Угличский Серафим. К нему можно обращаться». А в письме Фекле добавил: «Его тоже преследует м*<итрополит>* Сергей через три буквы»⁸².

Весной и в начале лета 1933 года владыка Нектарий продолжал работать на рыбных промыслах в Астрахани в районе села Тумак⁸³. Здесь с ним смогли повидаться его духовные чада. Матушка Фекла в своих показаниях во время следствия 1947 года вспоминала о том, что из Яранска поехали к епископу Нектарию священник Авраамий, Нестор Яковлевич и еще один человек, которого она не знала. Она попросилась с ними, и ее взяли с собой. По ее словам, владыка находился в местечке Тумак недалеко от Астрахани, и виделась она с ним в течение 15 минут в присутствии надзирателя.

В материалах следственного дела 1936–1937 годов также есть упоминания о том, что летом 1933 года к епископу Нектарию в лагерь ездили бывший староста Падеринского храма Нестор Яковлевич Мосунов и житель села Вотчино Елисей Ильич Полушин (вероятно, как раз тот, кто был незнаком Фекле Яковлевой). Нестор Яковлевич проходил в качестве одного из

---

⁸² «Через три буквы» — имелось в виду ГПУ.

⁸³ Село Тумак расположено в Володарском районе Астраханской области на одном из островков, которые образованы протоками дельты Волги.

главных обвиняемых по делу 1936–1937 годов, о котором будет подробно рассказано в следующих главах, а Елисей Яковлевич, вероятно, арестован не был, хотя и находился в розыске и упоминался в других следственных делах как странствующий. Интересный рассказ о нем в воспоминаниях катакомбной монахини Серафимы, опубликованных в 1998 году. Матушка Серафима родилась в благочестивой семье вятских крестьян. Ее отец Яков Степанович Ошаев был глубоко верующим человеком, попечителем Кикнурского храма, после закрытия которого участвовал в богослужениях в других селах только у священников, поминавших епископа Нектария. В дальнейшем вместе со своей семьей посещал тайные богослужения, принимал у себя тайных священников, хранил воззвания епископа Нектария против декларации и другие документы. Матушка Серафима вспоминала:

«Владыка Нектарий из ссылки в Казани уже попал в лагерь, и вдруг произошло дивное событие, тоже навсегда врезавшееся в память маленькой девочки, от Владыки Нектария пришло письмо! Уж кто что запоминает в своей жизни, а по воспоминаниям этой бывшей тогда девочки можно судить, какой дух царил у нее в семье и какие события почитались в ней главными. Письмо было небольшое, написанное с одной стороны листа, девочка запомнила его почти слово в слово и бережно хранила его в своей памяти много трудных долгих десятилетий.

"Пишет Владыка Нектарий. Шлю Божие благословение и молюсь за вас, каждое утро и вечер благословляю свою епархию. Посетил меня редкий гость Елисей Ильич из села Вотчина, узнал я о всем, что в моей епархии, кто уклонился к сергианам, кто остался в православии. Отец Александр остался в православии, да поможет ему Господь до конца стоять столпом Православия. Я вас прошу не ходить в церковь сергианскую. Молитесь дома пред иконами.

Приобщайтесь хотя в 2 года раз только у истинного пастыря..."

Много-много лет спустя этот случай с получением письма от Владыки Нектария имел неожиданное продолжение.

Пришли верующие и среди них матушка С<ерафима> на могилку Блаженного Прокопия в село Галицкое: это было уже перед 70-м годом в летнюю Казанскую. В глуши на кладбище собралось много верующих мужчин, обсуждали перепись — можно ли в ней участвовать. Когда беседа стала клониться к концу, один человек встал и начал прощаться, и кто-то назвал его при этом: "Елисей Ильич".

И мигом вспомнилось матушке С<ерафиме> заветное имя из письма Владыки Нектария: "Посетил меня редкий гость Елисей Ильич..." У редкого гостя и имя было редкое! Они его называют Елисей Ильич! Так это значит Елисей Ильич, который был у Владыки Нектария!

Человек пошел между могил, а матушка, устремилась за ним и окликнула его: "Елисей Ильич!" Он оглянулся. "Вы из села Вотчина?" — "Да". — "Вы у Владыки Нектария были?" — "Да!" — и так поразил его звук дорогого имени, что человек опустился на могилу, возле которой застигла его неожиданная встреча, и заплакал: "Вы что, его знаете?" Матушка С<ерафима> объяснила, что была еще малолетней, но знать знала по письмам. Расскажите о нем, попросила она.

И Елисей Ильич стал рассказывать о свидании, бывшем сорок лет назад: как просил он этого свидания, как милиционер ответил, что сегодня — нет, а только завтра сможете свидеться. И спросил:

- А кто он вам?
- Да дальний родственник.
- А что он за человек?
- Как все — обыкновенный человек.
- Нет, он не таков, как все.
- Ну, а чем он может быть не таков?

— А вот, когда Трезвинский едет на рыбную ловлю — груду везут рыбы. А когда Трезвинский не едет — едут назад с пустыми лодками.

На второй день удалось встретиться. Владыка расспрашивал обо всех священниках: кто ушли в сергианство, кто нет, кто утвердился в православии, дал Елисею Ильичу много крестов, чтобы он раздавал всем, как будто в напоминание своим чадам о назначении христианской жизни...

...Рассказал еще Елисей Ильич, что, когда Владыку Нектария посадили, стали принуждать к Сергиевой Декларации, и он отказался, ему сказали: "Вот тебе за отказ 10 лет тюремного заключения". — "Пусть я там умру, но к Сергию не пойду", — отвечал святитель. "А мы тебя и не выпустим, пока не сгноим в тюрьме"»⁸⁴.

Побывал ли Елисей Ильич отдельно у владыки или речь идет об их приезде с Нестором Яковлевичем Мосуновым и матушкой Феклой, не известно. Если и побывал, то до того. Так как вскоре же после их отъезда заключенных рыбаков угнали в Астрахань и перевезли на Прорву. Диакон Вещев, поехавший к владыке осенью 1933 года, свидеться с ним уже не мог. По его словам, в Прорвлаг не допускали. Изменения своей лагерной жизни епископ Нектарий описал в октябре 1933 года:

«Здесь в Астрахани, в лагере Войкова меня постигла неприятность. По какому-то доносу у меня неожиданно сделали обыск, отобрали все деньги казенные и мои собственные, некоторые вещи и посадили под арест за проволоку в изолятор. Здесь давали обед и ужин мясное, а был Петров пост, и я не ел варенного на мясе и питался только кипятком, да 300 грамм хлеба. Через это за 3 недели я очень истощил себя.

---

⁸⁴ Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 3. С. 29, 25–26.

В начале июля меня с партией заключенных направили в Прорву — в лагерь на среднеазиатском берегу Каспийского моря. Вез нас туда пароход 8 суток. От испорченной сырой воды я заболел в дороге лихорадкой — малярией и сильным поносом.

На Прорве нет пресной воды — таяли летом из льда воду. Выдают воду по норме. Кроме того, летом здесь были буквально тучи комаров, без полога нельзя было ни спать, ни отдыхать. Меня, несмотря на болезнь-малярию, сразу послали в грузчики, и я начал томиться на непосильной работе. От жажды и отсутствия пресной воды я почти издыхал. А тут еще припадки малярии. Вдруг неожиданно меня с партией заключенных отправляют на пустынную командировку "Бурунчук" — 300–400 верст от Прорвы. Здесь в Бурунчуке хотя пресной воды сколько угодно, но стали посылать на очень тяжелую работу по выделке киргизских кирпичей. Мне лично пришлось работать на замеске глины — носить из колодцев воду и, вскопавши глину, месить ее голыми руками. Работали с 6 часов утра до 6 часов вечера с перерывом на обед. От соленой воды и постоянной мески глины у меня опухли ноги, возобновились припадки малярии и опять появился ужасный небывалый у меня понос. Я ужасно исхудал, осунулся, стал неузнаваем.

Единственное утешение я находил для себя там — на Бурунчуке, как и теперь здесь, на Прорве, нахожу для себя в ночной молитве. Кстати, тьма блох не дают заключенным спать.

Вдруг неожиданно перед Покровом Божией Матери меня почему-то увезли обратно в Прорву, и я теперь в 1-м отделении. Жилось бы ничего, если бы здоровье мне не изменило, а то и теперь еще малярия не бросает меня, понос тоже. А работа очень тяжелая».

Владыка просил прислать ему в посылке продукты (побольше жиров — коровьего масла, — икры, сахару и пшеничных сухарей, 5 коробочек овощных консер-

вов и денег, которые объяснял, как заделать в дно или стенку ящика). Он очень сильно недуговал и был истощен, почему не стеснялся просить паству о помощи: «Пусть православные чуваша, ради Христа, пожертвуют на заключенного противосергиянского епископа Нектария. Их Бог не оставит Своей милостью».

Страдания усугублялись и тяжелыми климатическими условиями. Еще в Астрахани владыка испытал прелести резко континентального климата — невыносимую жару летом и лютые морозы зимой. Так, еще в февральском письме 1933 года он упоминал: «Работать приходится тяжело — все время стоят свирепые морозы, не хуже, чем на Севере».

В Прорве, которая располагалась гораздо южнее, также была невыносимая жара летом (и это при отсутствии пресной воды) и холодные зимы без снега с сильнейшими ветрами.

О дальнейшем пребывании владыки в лагере сведений мало. Сохранились два небольших его письма, скорее даже письмеца из другого следственного дела, но уже не его рукой, а переписанные кем-то из его яранской паствы. Одно, совсем коротенькое без даты, начиналось приветствием и поздравлением с Рождеством Христовым, Крещением и Новым годом. Владыка передавал привет разным людям и благодарил за посылочки. В другом письме, от 12/25 мая 1934 года, он указывал, что это день его архиерейской хиротонии. Обратный адрес на этом письме: «Казакстан, Жилокосинский район, почтовое отделение Куротон, Прорва лагерь».

Владыка благодарил за посылки (причем именно из Яранска) и память и передавал поклон, привет и благословение целому ряду людей, среди них «бл. Марии и Евдокии Хорик.». Вероятно, речь шла о мо-

нахинях Марии Березиной и Евдокии Хориковой (уроженках деревни Катанур, пригорода Яранска). В 1945 году они были арестованы и проходили в качестве обвиняемых по групповому делу Е. И. Головановой и игумена Сергия Мытикова (об этом деле см. ниже). В "Обвинительном заключении" по этому делу в отношении монахинь Евдокии и Марии специально отмечалось, что они были *«связаны с епископом Нектарием, ездили к нему в ссылку...»* (скорее всего в Казань в 1929–1930 годах). Возможно, и письма владыки были переписаны для них или даже ими самими и именно у них изъяты при аресте в 1945 году и приобщены к материалам дела. В деле есть и кратенькая записка рукою самого епископа Нектария: «Сестры во Христе Евдокия и Мария, посылаю Вам привет и Божие благословение. Спаси Вас Господь за часы. + Епископ Нектарий».

В последнем письме после благодарности за посылки владыка Нектарий еще написал: «Только больше не посылайте мне посылок. От получения их мне бывает скорбь от окружающих меня людей». И в другом письме: «Я так привык ко всяким скорбям, что мне бывает как-то не по себе, если меня никто не обижает, не ругает и не делает мне зла». Что приходилось переносить епископу Нектарию? Очевидно, издевательства не только от конвоя, но и со стороны заключенных. Окружение в лагерях всегда было большим испытанием. А Прорвинский лагерь отличался еще и тем, что в нем заключенных по политическим статьям было немного — согласно статистическим сведениям, около 10% от общего числа. Поэтому владыка Нектарий мог пребывать вместе с самыми отвратительными уголовниками.

Но даже в этих ужасных условиях, истощенный и изнуренный болезнями и тяжелыми каторжными ра-

ботами, он не оставлял своей паствы без духовной опеки и находил силы и время для написания архипастырских посланий. Первое из таких писем-посланий, уже неоднократно публиковавшееся в различных редакциях, очевидно, было написано в 1933 году и адресовалось яранцам: «Возлюбленные мои! Хочется написать вам несколько строк для нашего общего назидания и утверждения в Православии», — начал владыка Нектарий и далее писал о том, что прошло уже пять лет, как несколько православных общин в Яранском крае отошли от митрополита Сергия (отсюда и предполагаемая датировка письма), и что с тех пор многие пастыри и миряне, не видя внешнего успеха в своей духовной борьбе, начали сомневаться в спасительности и истинности своего отхождения.

«Да не смущается сердце ваше!» — утешал свою паству владыка Нектарий и с прежней твердостью повторял свое точное и ясное изложение причин отделения от митрополита Сергия и подчеркивал: «Наша борьба с митрополитом Сергием, этим приверженцем большевицкого цезаро-папизма, — борьба очень почетная, борьба за правду Божию и Христову и за святую Церковь Православную, проданную за тридцать серебрянников безбожникам на поругание и разрушение (ликвидацию)».

Владыка не скрывал от паствы трудностей этой борьбы и внешней ее безуспешности и напоминал, что в истории Церкви почти всегда так случалось, что борцы за правду погибали и что только после их смерти торжествовало то дело Божие, за которое они боролись. Так, предполагал он, будет и с их борьбой с сергианством. Все епископы, выступившие против митрополита Сергия, уже репрессированы: пребывают в тюрьмах, лагерях и ссылках, а некоторые расстре-

ляны⁸⁵, такая же участь постигла и многих из духовенства и мирян.

Сам владыка Нектарий, осужденный на десять лет, не надеялся на освобождение. «Я скорее всего погибну и сгнию в лагерях, утешаясь обетованием Христовым: "Блаженны изгнанные правды ради, яко тех Царство Небесное"», — писал он. По его словам, «приходится переносить страдания, так как другого исхода нет, другого решения быть не может». И потому он еще раз призывал свою паству: «Пребывайте же непоколебимыми, возлюбленные! Для нас жизнь — Христос, а смерть — приобретение (Филип. 1, 22)». А на скорбные вопросы своих пасомых: что делать и как быть без пастырей, отвечал:

«Вполне понятны страдания их душ. Тяжело жить без церковной молитвы. Это — великое лишение для верующих. А ведь теперь много городов и сел, где нет храмов, а если и есть, то или обновленческие, или сергианские. Соединяйтесь в малые группы и молитесь по домам. Пойте церковные священные песнопения. Читайте Слово Божие. Творите посылно милостыню. Погребайте умерших без сергианских попов. Святые Тайны принимайте лишь от истинных пастырей. А таковых вы всегда с Божией помощью при желании найдете».

И в заключении послания, обращаясь к апокалиптическим пророчествам о бегстве Церкви в пустыню, владыка напомнил, что переживаемое время является

---

⁸⁵ Среди расстрелянных владыка называл епископов Иерофея, Алексея и Максима. Очевидно, речь шла о епископах Иерофее (Афонине), смертельно раненном при аресте в 1928 году, Максиме (Жижиленко), расстрелянном в 1931-м, и Алексее (Буде), приговоренном к расстрелу в 1930-м. Правда, епископу Алексею расстрел заменили на 10 лет концлагеря и расстреляли позднее — в 1937 году.

временем подготовки антихристового царства, и призывал свою паству усердно молиться, дабы не оскудела их вера и не погасло то религиозное воодушевление, которым многие из них горели.

Апокалиптические образы владыка Нектарий постоянно использовал в своих письмах, о чем свидетельствовали и его пасомые на допросах⁸⁶. Так и еще в одном письме православным яранцам владыка писал: «Святая истинная Православная Церковь в нашем отечестве ныне ушла в пустыню, как говорится в 12-й главе Откровения. Так было во времена мученичества и ересей. Ныне новый враг ОГПУ ищет убить Христа и Церковь. Приходится ей скрываться в подполье. Если и существуют еще где-то православные общины, то не иначе как Духом Божиим. Поддерживайте, православные, эти приходские общины с геройским духовенством»⁸⁷.

Со скорбью откликнулся владыка на те нестроения, которые возникали среди его паствы. Особенно обеспокоили его сообщения о том, что кто-то старался прервать или как-то нарушить духовное общение его паствы с ним, законным епископом. Об этом он подробно писал в письме от 4/17 января 1934 года, подчеркивая, что никто не может лишить православного епископа его апостольского достоинства, разве по суду. А за что судить его и других томящихся в заключении епископов, удаленных от своих епархий?

«Ведь ваши епископы как были православными, такими и остались и ничем не изменились, разве только приобщились чаще страданий Христовых», —

---

⁸⁶ См. ниже в следующих главах.

⁸⁷ Три письма из лагеря священномученика Нектария, епископа Яранского / Публ. В. Антонова // Русский пастырь. Сан-Франциско, 1998. № 1 (30). С. 99.

подчеркивал владыка Нектарий и предостерегал паству:

«А кто хочет лишить вас молитвы о ваших епископах, хочет этим унижить ваше христианское достоинство, посмеяться над тайной Христовой, над вашей верой и лишить вас исповедничества. А к исповедничеству всегда зовет нас Христос. И верно, последователи Христа не могут избежать этого исповедничества. И вас зовут к исповедничеству ваши епископы своим примером. Кто последует сему зову, тот и будет Христов, а кто отстанет от исповедничества, тот станет на путь уступок безразличия в делах веры и скатится в пропасть безбожия»⁸⁸.

Эта скорбь о пастве, которой он не в силах помочь, еще в большей мере отразилась в последнем из известных на сегодняшний день писем епископа Нектария. Оно датировано 8/21 июля 1936 года, то есть уже после вынесения нового приговора, о чем владыка упоминал в письме: «Мне, отбывшему в лагерях и домзаках 6 лет второго срока, дали на суде 10 лет лагерного заключения, считая срок с 10 июня 1936 года».

Согласно "Книге памяти" Астраханской области, епископ Нектарий (Трезвинский Нестор Константинович) 11 июня 1936 года был приговорен Сталинградским краевым судом к 10 годам заключения по обвинению в «контрреволюционной агитации среди заключенных»⁸⁹. Эта же дата указана и в ответе из архива Управления ФСБ РФ по Астраханской области от 14 августа 2015 года № 8106-с. Приложенные к этому ответу копии нескольких страниц из следствен-

---

⁸⁸ Православная жизнь. 1997. № 2 (566). С. 21–22.

⁸⁹ Из тьмы забвения: Книга памяти жертв политических репрессий. 1918–1986. Т. 4: РФ, Астраханская обл. Астрахань, 2008. С. 320.

ного дела (протоколы двух допросов заключенного Трезвинского и "Постановление о предъявлении обвинения") дают хотя и краткую, но весьма важную информацию о жизни епископа Нектария в концлагере в 1935–1936 годах.

Владыка содержался в 1-м отделении Прорвлага и работал в бондарной мастерской. 1 апреля 1936 года он был арестован по обвинению *«в антисоветской агитации, направленной против советской власти, подрыву производственной деятельности лагеря и разложению лагерников»*. В "Постановлении о предъявлении обвинения" указывалось: *«з/к Трезвинский... не оставил своей буржуазной идеологии и с еще большей ненавистью повел антисоветскую агитацию, пользуясь религиозностью пожилых лагерников, группировал их около себя. Сам Трезвинский вошел в контрреволюционную группу, организованную з-м Синяковым В. В., и совместно с ним вел не только агитацию против сов<етской> власти, но и против выполнения производственных норм, преследуя ударников-стахановцев, занимаясь индивидуальной обработкой молодежи-лагерников. З/к Трезвинский Н. К., работая на бондарке, среди молодых рабочих вел агитацию: "...вот вы тратите силы на перевыполнение производственных норм, зарабатываете по 50 р<ублей> в декаду, все равно вам их не отдадут. Вас обманывают, работайте на 100% и берегите свое здоровье". По вопросу стахановского движения Трезвинский говорил: "...Что это придумано для эксплуатации человека"»*.

Кроме того, епископа Нектария обвинили в подготовке побега из лагеря и организации избиения заключенного, "ударника" Петухова.

На допросе 1 апреля владыка не признал себя виновным в предъявленном обвинении. *«В группу Си-*

някова не входил и имел с ним только шапочное знакомство». Когда Синяков прибыл в лагерь в 1934 году, он был помещен в одну роту с владыкой, но после первой же беседы, во время которой заявил, что атеист, и зарождение человека объяснял в духе диалектического материализма, владыка Нектарий сразу убедился, что у них *«разные взгляды на вещи, и больше разговоров с ним не вел»*.

Свое влияние на заключенных епископ Нектарий отрицал: *«В бондарке я был маленьким незаметным рабочим, так как состоял на подсобных работах. Авторитетом не пользовался среди рабочих, а наоборот, презирали и дали кличку поп, говоря "не только на воле, а сидя в лагере, выманивает посылки". На собраниях не выступал. Единственную заметку "Побольше бы таких" отказались поместить. Это подчеркивает мою неавторитетность»*.

Также и в отношении подрыва производства владыка заявил, что агитации не вел, а только подшучивал над Петуховым, говоря ему, что *«сколько ни зарабатывай, больше 15 рублей не дадут»*. Петухов действительно получил только 15 рублей, несмотря на то что перевыполнил план и ожидал 50. На шутки владыки Петухов заявил ему, что будет жаловаться в 3-е отделение (непонятно на кого). А когда в ноябре 1935 года его поколотили в бараке заключенные по подозрению в краже, он, очевидно, действительно пожаловался. Владыка сожалел, что в какой-то мере спровоцировал этот инцидент. Придя в барак на обед и обнаружив, что из его сундука пропали деньги и вещи, он стал спрашивать, кто это сделал. Оставшийся в бараке в тот день заключенный указал на Петухова. Рабочие судоверфи, недолго думая, набросились на того, так как до этого уже было совершено несколько подобных краж в их бараке. *«Себя я виню*

в том, что только поднял шум, — сказал владыка, — но я личности не упоминал».

19 апреля 1936 года следствие было окончено и все обвинения оставлены в силе. Протокол допроса занимал чуть больше рукописной страницы: «*При предъявлении об окончании следствия обвиняемый Трезвинский*» отрицал все обвинения — связь с группой привлеченных с ним лиц, избиение Петухова, подготовку к побегу, срыв производственных заданий на бондарке. Однако владыка не побоялся заявить следующее: «*О войне⁹⁰ и ее отрыжке, на нас лагерников в особенности, я, как осужденный по 58–1 ст<атье>, обиженный Советской властью, мог высказываться по-разному. <...> Разбор состава моего преступления, если таковое налицо, представляю командованию лагеря и советскому суду.*

Для меня лестно и горжусь тем, что меня командование лагеря не считает расположенным к Советской власти, ибо для меня было бы хуже смерти, если бы представители НКВД считали: Епископ Нектарий Трезвинский теперь уже наш человек».

Последняя фраза была подчеркнута в протоколе допроса, и понятно почему. Очевидно, и на суде епископ Нектарий не побоялся так же прямо высказаться. Протоколами судебного заседания мы не располагаем, но нетрудно предположить, как вел себя там владыка. В своем последнем письме пастве он писал: «На суде я открыто заявил, что, <как> противосергианский епископ-тихоновец, я ничего общего не имею с теми сергианскими епископами, <которые> сумели

---

⁹⁰ На допросах владыке задавались вопросы о том, что он говорил о войне в целом, а также, в частности, о войне Абиссинии с Италией и ее влиянии на СССР.

поладить с (ОГПУ и НКВД), теперь спокойно сидят на своих кафедрах».

Не питая никаких иллюзий по поводу своей судьбы, далее владыка написал: «Пока будет существовать советская власть, я обречен на лишение свободы; а потому приготовился умереть в месте заключения за свои церковные убеждения. Быть может, впоследствии в истории Русской Церкви будет упомянуто, что не все епископы оказались в дни революции в гепеушницком церковном управлении, но нашлись такие, что предпочли сгнить в лагерях и ссылках, отстаивая каноническую свободу Святой Православной Христовой Церкви».

В этом своем последнем письме епископ Нектарий как бы подводил итог своей епископской деятельности: «Вот уже 11 лет как меня не допускают к моей яранской пастве, на которую благословил меня в 1924 году покойный Святейший Патриарх Тихон и где пришлось мне пробыть всего 3 месяца и 20 дней: с 5 января до 20 апреля по ст<арому> стилю 1925 года. Потом пошли для меня аресты, домзаки, этапы, лагеря, ссылки и другие испытания преследуемого человека».

Мало того что владыку оторвали и насильно удалили от паствы, его всячески порочили и дискредитировали. Но яранская паства, несмотря на все эти козни, не оставляла своего канонического епископа, постоянно пребывая в молитвах о нем, поддерживая письмами и посылками, испрашивая у него архиерейских советов и духовных наставлений.

Владыка Нектарий с благодарностью упоминал о такой преданности и отмечал, что это побуждает его написать несколько слов для общего назидания. Очень кратко, но ярко и объективно он описывал церковную ситуацию, напоминал о начале антисер-

гианской оппозиции в вятских пределах благодаря покойному святителю Виктору (Островидову), а непосредственно в яранских — тоже покойному к тому времени протоиерею Иоанну Фокину и падеринскому ктитору Нестору Яковлевичу Мосунову. Владыка скорбел о дальнейшем затухании движения, охлаждении ревности у верующих и особенно о тех нестроениях и раздорах, которые, по его словам, «терзают верующих людей нашей противосергианской ориентации» и больше всего убивают его духовно.

Далее с характерной для него прямоотой и резкостью владыка перечислял различные толки среди его паствы. «Так что и не узнать, кто из моей паствы, стада», — писал он. Жестко, почти грубо обличал владыка нескольких священников и мирян, неразумно проповедовавших об антихристе и, вероятно, из-за этого даже подвергавших критике и его самого и тем смущавших паству. сетовал о том, что простодушные малограмотные верующие доверялись всякого рода пустосвятам, проходимцам, жуликам, тайным агентам НКВД, «умевшим подделаться к крестьянам, изображая из себя советников и ревнителей».

«О пастве своей я бесконечно скорблю: по поводу ее церковного невежества и пустосвятства, но помочь, к сожалению, ничем не могу кроме своих воздыханий и слез к Богу», — сетовал владыка. Но все же он просил переписать это его письмо и распространять среди верующих, надеясь таким образом хоть как-то им помочь: «Сделайте это, Христа ради, за святое послушание. Больше я ни в чем не могу проявить моей любви к своей пастве».

Несмотря на общий скорбный тон письма, епископ Нектарий нисколько не впадал в уныние или ропот. Он оставался по-христиански преданным воле Божией. В письме он упоминал о жизни св. Иоанна Златоуста:

«Горемычный, направленный в отдаленную ссылку, разлученный от своей любимой константинопольской паствы, физически измученный иерарх... остановился на привал для отдыха в селении Команах при храме в честь св. мученика Василиска. Ночью явился ему этот св. страстотерпец во сне и сказал: "Мужайся, брат Иоанн, завтра будем вместе". И на другой день, 14 сентября, в праздник Воздвижения св. Иоанн Златоуст скончался, произнеши слова: "Слава Богу за все"».

Дата под этим последним письмом — «1936 год 8 июля, день Казанской Б. М.». Спустя чуть больше года, также в сентябре (!), окончился и земной путь святителя Нектария. О последнем годе его жизни нам ничего не известно. Кроме краткой информации в "Ленинградском мартирологе" о том, что заключенный епископ Нектарий (Нестор Константинович Трезвинский) по приговору Особой тройки при У<п>равлении НКВД по Западно-Казахстанской области 8 сентября 1937 года был расстрелян, нет никаких данных о последних днях и обстоятельствах мученической кончины владыки⁹¹.

---

⁹¹ На наши многочисленные запросы в ведомства Казахстана вразумительных ответов получить не удалось. Из Комитета национальной безопасности города Атырау (бывший Гурьев) и Уральска получены сообщения о том, что материалы переданы в департаменты внутренних дел по Атырауской и Западно-Казахстанской областям; из этих департаментов ответили, что сведениями в отношении епископа Нектария (Трезвинского Нестора Константиновича) не располагают. То же самое ответили и из управлений Комитетов по правовой статистике и специальным учетам названных областей, правда при этом в письме из Уральска все же указали, что дело Трезвинского 1937 года передано в Национальный архив Республики Казахстан в г. Астану. Из этого архива ответа не получено. Но, когда

Однако не приходится сомневаться, как встретил ее мужественный святитель, еще до ареста приготовившийся умереть за свои церковные убеждения и на протяжении более десяти лет претерпевавший в тюрьмах и лагерях непрерывную череду страданий, поистине ежедневно умиравший за Христа, подобно святому Апостолу Павлу⁹², и вдохновлявший своих духовных чад на исповеднический подвиг твердого стояния в вере. Некоторые из его пасомых вскоре, как и их архипастырь, увенчались мученическими венцами. Многие претерпели долголетние страдания в тюрьмах и концлагерях. И остававшиеся на свободе были гонимы и вели жизнь самую суровую, полную лишений и скорбей. Они, конечно, не знали о мученической кончине епископа Нектария. И только могли догадываться, когда перестали приходиться его письма.

«Не слышно голоса нашего канонического владыки Нектария, который утешал нас, находясь на острове Гурьев в Казахстане»⁹³, — писали в 1955 году Иван и Евлампия Дремины. И если они все-таки

заканчивалась верстка книги, пришло письмо из Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Казахстана, в котором на наш запрос, как указывалось, *"поступивший из РГУ Национальный архив Республики Казахстан"*, была дана самая краткая биографическая справка, подтверждавшая, что епископ Нектарий был приговорен к расстрелу 08.09.1937 года, и: *"11.09.1937 года приговор приведен в исполнение (так в документе). Других данных нет"*. *Письмо начальника 1-го Управления Комитета А. Ташмаганбетова от 11.12.2015 № 2-20012-15-09576.*

⁹² Из послания апостола Павла Коринфянам: «...Мы беды приемлем на всякий час; по вся дни умираю...» (1 Кор. 15, 31).

⁹³ Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Кн. 1. М.: Издательство ПСТГУ, 2013. С. 308.

предполагали, что епископа Нектария, как и других исповедников, уже нет в живых⁹⁴, то многие еще продолжали ждать. Так, вятские исповедницы Ксения Николаевна Жукова и вместе с ней остававшиеся после ссылки в Сибири Анна и Валентина надеялись увидеть владыку и даже не решались исповедоваться у малоизвестного священника, хотя и тайного, катакомбного: «Может, к нам владыка Нектарий скоро придет. Мы по его благословию живем, спаси его Господь, такой был ревнитель за Православие»⁹⁵.

И сколько было таких, живших по благословию владыки христиан!.. Не год, и не два, и даже не одно десятилетие они в послушании наставлениям своего архипастыря оставались верными хранителями чистоты Православия и следовали исповедническим путем, скорбным и по-евангельски тесным, но единственно возможным в богоборческом государстве. Вплоть до конца XX столетия по всему Вятскому краю и соседним областям сохранялись истинно-православные христиане — "нектарьевцы", чтившие память святителя. О некоторых из них подробно повествуется во второй части нашей книги по материалам следственных дел 1930–1940-х годов.

---

⁹⁴ Ведь прошло уже почти 20 лет после последнего письма владыки!

⁹⁵ Там же. С. 351.

ЧАСТЬ II

Приходы и паства епископа Нектария

В вятских архивах хранится огромное количество следственных дел, по которым осуждены за «*анти-советскую деятельность*» десятки и сотни церковников-"нектарьевцев". Только часть из этих дел 1930-х годов изучена; архивные изыскания и исследовательская работа продолжаются. И если еще далеко не исчерпан материал по 1930-м годам, то что говорить о 1940-х и 1950-х?! Да и в последующие годы, хотя и с меньшей интенсивностью, производились репрессии в отношении тайных церковников, и наверняка найдутся следственные дела и за эти годы. Кроме того, не только в вятских (кировских), но и в архивах соседних областей — Марий Эл и Нижегородской — также наличествуют следственные дела вятских исповедников. Надеемся, что с Божьей помощью этот материал еще будет изучен и опубликован в отдельных книгах. Здесь же пока представим те факты, которыми располагаем на сегодняшний день.

1. Благочинные 5-го Яранского округа

На допросе в 1931 году епископ Нектарий показал о своей епархии: *«Приверженных мне было до 50 приходов, в том числе в Яранском, Санчурском, Кикнурском, Шарангском, Советском районах и в Марийской обл<асти>. С каждым из этих районов я связался по приезду в Козью Слободу через благочинного 5-го Яранского округа Фокина Иоанна, проживавшего в то время в с<еле> Падерино Кикнурского района Нижегородского края, находящегося теперь в ссылке»⁹⁶.*

Несомненно, об отце Иоанне владыка узнал еще до приезда в Казань от епископа Виктора (Островидова). Будучи благочинным пятого округа, протоиерей Иоанн в начале 1928 года перевел свое благочиние к епископу Виктору. На собрании в селе Падерино, в котором принимало участие около сорока человек, как показывал на допросе священник села Корляки Санчурского района Михаил Галицкий: *«Обсуждался вопрос, где найти истину; решали, куда идти — к митрополиту Сергию или к епископу Виктору»⁹⁷.* В результате направили к епископу Виктору в Глазов делегацию в составе благочинного отца Иоанна Фокина и двух представителей от приходов. После возвращения из Глазова отец Иоанн разослал по приходам письменное сообщение о присоединении к епископу Виктору.

Протоиерей Иоанн Фокин прослужил сорок лет священником, из них тридцать два — в Падеринском храме, и был одним из авторитетнейших иереев Вятской епархии. По прибытии в Казань епископ Некта-

⁹⁶ Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-18199. Т. 3. Л. 569.

⁹⁷ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-101466. Т. 1. Л. 2.

рий послал ему по почте письмо. Отец Иоанн побывал у владыки в Казани в декабре 1928 года, а в дальнейшем они поддерживали связь через нарочных. В октябре 1929 года отец Иоанн был арестован. На двух допросах, которыми ограничилось следствие, он не скрывал своего отношения к безбожию, но отрицал политическую подоплеку:

«Ни в проповедях, ни в частных разговорах я никогда не касался политических вопросов, даже, наоборот, старался остановить высказывающих анти-советские мысли. В проповедях, произносимых мною, я касался тем по борьбе с безбожием. Среди верующих я пользуюсь авторитетом, и я был всегда защитником бедноты. Бедноту я разделяю на тружеников и лодырей. По моему глубокому убеждению, беднота сама по себе органически различна, в чем ошибается Советская власть, ставя бедноту в один разряд. Культурные мероприятия Сов<етской> власти, конечно, приветствую, но с антирелигиозной деятельностью ее мириться не могу⁹⁸. Из посланий Епископа Нектария мною было распространено среди духовенства только одно. Больше нектариевских листовок я не распространял. У Нектария я был в Казани только один раз в декабре 1928 <года>. Переписку с еп<ископом> Нектарием я иногда веду через попутчиков с той лишь целью, чтобы мои письма быстрее получались. В истинах веры я человек глубоко убежденный».

Тем не менее Котельнический окружной отдел ОГПУ утвердил "Обвинительное заключение": «Священнослужитель села Падерино ФОКИН, будучи благочинным 5-го округа "староцерковного" и враждебно настроенным к Сов<етской> власти, пользуясь своим

---

⁹⁸ Подчеркнуто в тексте следственного дела.

авторитетом среди верующего населения, вел антисоветскую деятельность и как староцерковный благочинный имел связь с местным кулачеством, являясь центральной фигурой в кулацко-зажиточной и антисоветски настроенной прослойке. Являясь представителем епископа Нектария, в свое время за *анти* советскую деятельность высланного в СЛОН, Фокин в условиях села Падерино и всех селений, входящих в состав 5-го благочинного округа, на протяжении ряда лет держался консервативной косности и, используя свое влияние на верующее население, тормозил ряд не только чисто политических, но и культурных начинаний»⁹⁹.

Отец Иоанн был приговорен к ссылке в Северный край. О его дальнейшей судьбе точно не известно¹⁰⁰, кроме того что в 1931 году он пребывал в Усть-Цильме и встретил там привезенного в ссылку из Соловецкого лагеря епископа Виктора.

После ареста отца Иоанна епископ Нектарий назначил благочинным священника Василия Попцова из села Люмпанур Санчурского района. В июне 1931 года он тоже был арестован, привлечен к следствию по другому делу, но протокол его допроса приобщен к материалам дела «Казанского филиала ИПЦ»:

«Я принадлежу к числу сторонников ИПЦ и вхожу в организацию епископов Виктора и Некта-

---

⁹⁹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-4947. Л. 19, 21. Очевидно, все советские мероприятия встречали дружное противодействие населения, так что местные советские работники боялись священника Фокина, «так как, по их словам, в прошлом бывали случаи, что служащие села, не дружившие с Фокиным, всячески подсиживались кулацкой частью населения и вынуждаемы были выезжать из села, бросая службу».

¹⁰⁰ Есть сведения о том, что в феврале 1934 года он скончался под Архангельском.

рия. Викторовско-Нектариевская организация церковников создавалась в 1928 г<оду> после известной декларации митрополита Сергия... Епископы Виктор и Нектарий, также ряд других видных епископов, как, например, Дмитрий Гдовский, Иосиф Ленинградский, Сергей Нарвский, Василий Каргопольский, а также и др<угие>, не помню теперь их имена, после декларации митр<ополита> Сергия откололись от него и создали организацию "Истинно-Православная Церковь" (ИПЦ). Здесь в пределах бывшего Яранского уезда и на территории Мар<ийской> области организовались приходы, примыкающие к этой организации. Непосредственно ими руководили епископы Виктор и Нектарий, как обслуживающие эту территорию. С конца 1929 г<ода> я являюсь благочинным, обслуживаю около 40 викторовских приходов, в том числе приходы в Мар<ийской> области: с<ела> Елембаево, Старое село, Шапер, Неделька, Макманур и Табашино. Я являюсь здесь представителем еп<ископа> Нектария и как бы его помощником в пределах священнических обязанностей.

...я в конце 1929 был вызван в Казань еп<ископом> Нектарием, и последний назначил меня благочинным по той местности, где я служил священником. В мое благочиние входили викторовские приходы, существовавшие в Мар<ийской> области и принадлежавшие к нашей организации. Большинство священников в эти приходы назначал я, как, например, Тумбасова в Табашино, Теплякова в Елембаево, Куледина в Козьмодемьянск. Винокуров и Морозов назначались на свои места непосредственно Нектарием. Все указанные священники бывали у меня в Люмпануре по различным церковным делам, но я у них в селах не был ни разу, т<ак> к<ак> села эти были от меня расположены далеко, до 100 верст.

Я лично у еп<ископа> Нектария в Казани был только раз — в декабре 1929 г<ода>. Был я у него по вопросам благочиния. В это мое посещение последний мне говорил, что он окончательно отошел от митр<ополита> Сергия, т<ак> к<ак> он, Сергей, богоотступник и продался Советской власти.

Нектарий мне сказал, что он именно и относится к Сергию как к богоотступнику и что такова вся его политика. Я на это сказал Нектарию, что я многого не понимаю, но соглашаюсь с ним и что если путь, по которому пошел Нектарий, а с ним и я, неверен, то за это перед Богом будет отвечать он, Нектарий, на что последний мне сказал, что "ладно": что в дальнейшем во всем я сам могу убедиться. После этого я у Нектария уже не был ни разу и с тех пор его не видал. Письма посылал с оказией. Так, например, в марте месяце 1930 г<ода> посылал письмо Нектарию с гражданином д<еревни> Русская Лиса — Разгулиным Иваном Васильевичем. В письме этом я писал, что приехал домой из леса с работ и принимаюсь за выполнение своих обязанностей благочинного. Ответа на это письмо я от Нектария не получил, хотя ответ и был. Но Разгулин мне сказал, что это письмо у него отобрали где-то в пути.

Летом 1930 г<ода> я также посылал Нектарию письмо с гражданкой дер<евни> Успенское Санчурского района Малковой Евдокией Ивановной. Малкова по своему личному деланию ездила навестить Нектария, и я, воспользовавшись этим, послал ему с Малковой письмо.

Писал я ему исключительно о церковных делах, не ставя никаких политических вопросов. Ответ на это письмо от Нектария получил с этой же Малковой. Нектарий писал мне также исключительно

о церковных делах и также никаких политических установок не делал»¹⁰¹.

Политический характер переписки с благочинными на допросах отрицал и владыка Нектарий: *«Переписка заключала в себе обмен сведениями о положении приходов нашей ориентации и вопросы административного порядка. Установок по действию политического направления я не давал».* Однако, как уже говорилось, для безбожных властей любая религиозная деятельность, в том числе и молитвенная, к тому же нелегальная, несанкционированная, представлялась контрреволюционной и являлась политическим преступлением. И тем паче какая-либо архиерейская, а ее епископ Нектарий как раз и осуществлял. Так, владыка, помимо всего, признал, что, кроме писем благочинным, направлял своей пастве послания общего характера:

«За время пребывания в Казани мною было послано четыре обращения: одно к духовенству, остальные к верующим. Касались они вопросов: 1) мои отношения к митрополиту Сергию, 2) по поводу репрессий, наложенных на меня митрополитом Сергием, 3) дисциплинарного свойства среди духовенства и 4) по поводу волнений верующих в связи с перерегистрацией гражданской властью общин и патентов на торговлю свечами. Последнее обращение было вызвано тем, что многие приходы через своих делегатов передавали, что они расценивают выборку патента и перерегистрацию как антихристово дело, т<ак> к<ак> знак серпа и молота в Церкви есть уже знак антихриста. Я им не советовал выбирать патенты, а также перерегистрироваться, т<ак> к<ак> и я

---

¹⁰¹ Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-18199. Т. 6. Л. 104-105.

лично считаю, что знак Советской власти в Церкви — это знак сатаны».

Из упомянутых посланий епископа Нектария сохранилось одно, обращенное к пастве. Оно датировано 8 января старого стиля 1929 года и написано в связи с указом митрополита Сергия об отрешении епископа Нектария от Яранской кафедры и запрете в священнослужении. Конечно, это распоряжение со стороны митрополита Сергия, который, по словам владыки Нектария, «сам, как отступник отпавший, как гнилой член от Церкви Христовой, он не может лишать кафедры православных епископов», владыка не мог признать законным, о чем и написал своей пастве:

«Посему я как был, так и останусь, несмотря ни на какие Сергиевские прещения, Епископом Яранским. Причем не буду вмешиваться в церковную жизнь сергиевских новообновленческих приходов. Я назван в Сергиевском распоряжении уклонившимся в Викторианском расколе. Это пустое неуместное выражение. Не один епископ Виктор отошел от м<итрополита> Сергия, отошли и другие почтенные православные Епископы.

Епископ Виктор здесь ни при чем. Истина православия дорога не одному епископу Виктору, дорога она митр<ополиту> Иосифу, епископу Гдовскому Димитрию, архиепископу Углицкому Серафиму и другим. Неужели они Викторовцы?

Неумное выражение нижегородского отступника. Епископ Виктор только мой единомышленник по распознаванию и осуждению Сергиевского отступничества по благодати Божией, просветившей наши мысленные очи. Здесь повторю: выражение "Викторовщина" и "Викторовцы" ни при чем.

Вам же, моя православная паства Яранская, всем утвердительно вещаю: Митрополит Сергей есть действительно отступник от православия, изменник Христу, ликвидатор или разоритель Церкви Православной у нас на Руси, ибо

он заедино с врагами Господа нашего Иисуса Христа. Не имейте с ним никакого церковного общения. Распространяться по этому поводу не для чего. Факты слишком ярко говорят сами за себя, где Саров, Дивеево, где мощи преподобного Серафима и пр<очее>?»¹⁰²

В начале послания епископ Нектарий упоминает, что прещение со стороны Синода митрополита Сергия наложено на него «по доносу пребывающего ныне в пределах Яранской епископии — сергиевца, отступнического епископа Серафима». Речь идет о епископе Серафиме (Трофимове)¹⁰³, назначенном в Яранск митрополитом Сергием в середине ноября 1928 года. На допросе 1932 года епископ Серафим показал, что к моменту приезда уже застал «*церковный раскол, возглавляемый епископом Виктором*», причем в самом Яранске, по его словам, церквей, ориентирующихся на епископа Виктора, не было, а «*к Викторовской ориентации*» принадлежали главным образом села, расположенные в сторону Санчурска, Кикнура и Шаранги, то есть все церкви 5-го благочиннического округа.

«С приездом епископа Нектария из ссылки в г<ород> Казань активность деятельности приверженцев Виктора сразу же повысилась, — подчеркнул епископ Серафим. — Лично я Нектария никогда не видел и переписки не имел. По слухам мне известно, что Нектарий, находясь на жительстве в г<ороде> Казани, практически продолжал руководить своими приходами, рассылая послания, призывая в них не

¹⁰² Православная жизнь. 1997. № 2. С. 19.

¹⁰³ Серафим (Трофимов Сергей Афанасьевич), родился в 1883 в Новгородской губ. в крестьянской семье. С 1923 — епископ Бирский, с октября 1928 по февраль 1932 — на Яранской кафедре.

признавать Сергия и меня как сторонника последнего»¹⁰⁴.

Переписки они, может быть, и не вели, но по крайней мере одно письмо епископу Нектарию сам епископ Серафим все-таки написал. Так, владыка Нектарий в своем обращении упоминал: «Отступнический епископ Серафим из Яранска написал мне обширное, запугивающее меня письмо, гнусное и наглое, в коем упрекает меня в бессодержательности моих посланий, что я не ссылаюсь на каноны».

Далее владыка Нектарий со свойственной ему прямоотой и резкостью пояснил: «Но в том-то и вся беда, что творцы канонов едва ли допускали, что среди епископов появятся такие лжецы и наглецы, как митрополит Сергей и его челядь вроде епископа Серафима. Богомерзкая Богопротивная разрушительная церковная работа называющего себя заместителем патриаршего местоблюстителя яснее ясного видна для верующей души, болеющей за Святую Православную Церковь».

---

¹⁰⁴ Дело по обвинению Коновалова А. В. и др. 1931–1932 // ГАС-ПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ–10210. Т. 1. Л. 465.

2. «Дело Виноградова»

В своих показаниях епископ Серафим отметил, что помимо посланий епископ Нектарий посылал проповедника Александра Федотовича Виноградова, и тот *«в деле укрепления Викторовской ориентации в пределах Яранской епископии сыграл решающую роль. Выступая с проповедями, Виноградов убеждал верующих придерживаться только епископа Нектария и не ходить в церкви Сергиевской ориентации как не благодатные»*.

Виноградов, по-видимому, был действительно талантливым проповедником, и это особо отмечено следствием: *«"Всемирный адвокат", — как звали его женщины викторовского толка»*. Малограмотный, но умевший хорошо говорить, он во многих селах выступал перед верующими и с церковных амвонов, и в частных домах. К большому неудовольствию местных властей (председателей сельсоветов), ему как-то удавалось собирать народ и выступать так, что слушали его на протяжении долгого времени по несколько десятков человек. В материалах следственного дела приведены многочисленные свидетельства об успехе проповедей Виноградова против безбожия. И у него действительно был документ от епископа Нектария,

машинописная копия которого приведена в одном из следственных дел 1931–1932 годов:

«Для обличения Сергиевского отступничества мною благословляется на послушание церковного благовестничества проповеди слова Божия в храмах за богослужениями и внебогослужебных беседах известный борец за православие — ВИНОГРАДОВ Александр Федотович, как зарекомендовавший себя в пределах Яранской епископии самоотверженным стоянием за православную Церковь Христову против Сергиевского синодального новообновленческого раскола. Прошу приходские советы и причт оказывать рабу божию А. Ф. Виноградову всякое содействие и, если потребуется, материальную поддержку.

Нектарий — Епископ Яранский, гор<од> Казань, 2/VI-1929»¹⁰⁵.

Сам А. Ф. Виноградов, арестованный в конце 1929 года, подтвердил получение такой бумаги. С епископом Нектарием он познакомился через монаха — сторожа Успенского собора в Яранске — и двух монахинь Евдокию Хорикову и Марию Березину, которые бывали у владыки и написали ему о Виноградове. После чего тот поехал в Казань, где и встретился с владыкой 21 июня 1929 года. О чем показал позднее на допросе: *«Он <епископ Нектарий> принял меня весьма гостеприимно и дал в знак дружбы одну 10-руб<левую> золотую монету старой чеканки, а эту монету ему подарила иг<уменья> Феофания (?) Знаменского монастыря, а также он мне дал рекомендацию, или, вернее, напутственную бумажку, писанную от руки, о том, что я могу проводить — проповедовать среди населения верующего и стоящ<его> на его стороне. Причем проповедовать я имел*

¹⁰⁵ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10210. Т. 2. Л. 121.

право в яранских церквях во время богослужения и вне богослужебных бесед».

Однако миссионерская деятельность А. Ф. Виноградова в Яранской епархии продолжалась совсем недолго. Вскоре владыка запретил ему проповедовать. По версии самого Виноградова, его по зависти «монашки стали чернить в глазах епископа Нектария, даже сообщили ему, как я узнал из его письма ко мне, что я нахожусь якобы на службе в органах ОГПУ и что я — опасный человек для общества викторианского. После всего этого мне Нектарий не стал доверять и просил меня оставить в покое его приходы. С этого времени я прекратил с ним всякое общение и всякую связь»¹⁰⁶.

Очевидно, проявился совершенно авантюрный характер Виноградова, и его проповеди действительно вредили церковным людям. На допросах в начале 1930 года, рассказав свою биографию¹⁰⁷, он упомянул, что уже рекомендовался каким-то монахиням «как великий князь Алексей, наследник царя». Позднее, во время следствия в 1934 году, он подробно рассказал, как возникла эта идея. Летом 1929 года, когда он ходил с проповедями по Яранскому району, в селе Лум познакомился с приехавшей из Котельнича монахиней Пелагеей Чермных, которая потом направила его в село Литягино Советского района:

¹⁰⁶ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ-3925. Л. 21 об. — 22.

¹⁰⁷ Виноградов Александр Федотович, родился в 1902. Сирота, воспитывался в приюте в Петербурге. В 1918 — сбежал и путешествовал по Украине и Крыму, зарабатывал сапожным ремеслом. С 1921 — вошел в общину евангельских христиан-баптистов; в 1923 — исключен за сожительство с женщиной. В 1925 — выехал в Гатчину, женился, в 1926 — развелся со второй женой; путешествовал. С 1928 — жил в Яранском уезде, работал сторожем церкви, зарабатывал сапожным ремеслом.

«В Литягино я застал двух монашек Шуру и Наташу (за имена точно не ручаюсь), которыми первоначально был принят как проповедник, а впоследствии Шура и Наташа опознали во мне наследника Алексея и внушили во мне мысль, что я не простой человек, а очень похож на быв<шего> наследника Алексея и что я являюсь наследником царского престола. С того времени я среди окружающих меня церковников слыл за царевича Алексея и был принимаем ими с подобающими для царского наследника почестями»¹⁰⁸.

В Котельниче монахини, в том числе и игуменья бывшего Сумароковского монастыря Вера (Меркулова), имевшая большой авторитет у верующих, также якобы стали признавать, по словам Виноградова, его за "цесаревича". Сбежав в конце 1930 года из Мурманска, куда он был отправлен на три года в концлагерь, А. Ф. Виноградов до лета 1931 года скрывался на Кавказе, а потом опять приехал в Котельнич, где вновь представлялся верующим как избежавший гибели "наследник" и продолжал постоянно разъезжать.

В конце 1931 года Котельнический оперативный сектор ОГПУ начал следствие по делу *«контрреволюционной повстанческой организации "Церковно-монархическая крестьянская партия", возглавляемой неким Виноградовым Александром Федотовичем»*. Сам Виноградов по делу не проходил, — очевидно, его не могли найти. Зато арестовали священника Алексея Коновалова и еще несколько монахинь и верующих. Отец Алексей был настоятелем церкви в селе Черноземные Ключи Шабалинского района, куда Виноградов приезжал летом 1931 года, когда ему посоветовали скрываться в глухом месте. Однако пробыл он

¹⁰⁸ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. СУ-8771. Т. 1. Л. 50.

здесь недолго, около недели, и уехал. В сентябре опять вернулся и через неделю уехал. Больше о нем отец Алексей ничего не слышал и никаких дел с ним не имел. Тем не менее отца Алексея арестовали и обвинили как соучастника в создании повстанческой организации¹⁰⁹, приговорив в июле 1932 года к трем годам концлагеря (еще 9 человек отправили на три года в ссылку в Северный край).

Виноградов же оставался на свободе и, судя по материалам двух следственных дел, продолжал свою деятельность. Он был арестован лишь в 1934 году, привлечен к следствию по делу духовенства и мирян Московской области и в 1935 году приговорен к 5 годам лагерей. Это дело хотя и носило название «"к<онтр>р<еволюционной> церковно-монархической организации", имевшей ячейки в Кунцевском, Ленинском районах Московской области, в гор<одах> Буе, Котельничи И<вановской> П<ромышленной> О<бласти>, Яранском и Советском районах Горьковского края»¹¹⁰, но ничего церковного в себе не имело, по крайней мере, это никак не проявилось в показаниях обвиняемых, в том числе и самого Виноградова. На допросах Виноградов подробно рассказывал о том, как вербовал сторонников, собирал оружие, как они готовились к свержению советской власти, установлению монархии и т. п.

А вот связанное с этим следственное дело М. В. Глушкова и других 1935 года по Кировскому

¹⁰⁹ «Остановившись на жительство у попа Коновалова, Виноградов совместно с Коноваловым приступили к оформлению организации, созывая ряд собраний и вовлекая в нее кулацко-бандитские элементы» (ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10210. Т. 2. Л. 126).

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52234. Дело по обвинению Виноградова А. Ф., Ремизова С. М. и др. Всего 19 человек.

краю носило совсем иной характер. Обвиняемые названы в нем *«церковно-монархической группой из 13 человек», «стоящей на платформе "Истинно-Православная Церковь", возглавляемой на территории Кировского края до мая месяца 1934 г<ода> бывш<им> епископом Виктором, после его смерти находящимся в ссылке епископом Серафимом Углицким»*¹¹¹. Эту группу следствие искусственно связало с партией Виноградова, поскольку большинство осужденных (среди них 3 священника и 5 монахинь), по-видимому, не имели прямого отношения к Виноградову, а некоторые даже не были с ним знакомы. Но для властей важны были их антисергианская направленность и антисоветские настроения. Поэтому достаточно было хоть какой-то косвенной связи с Виноградовым или случайной встречи, как у священника Коновалова в 1932 году¹¹².

Мы не будем останавливаться на данном деле, как и на деле священника Коновалова, поскольку непосредственно к епископу Нектарию обвиняемые отношения не имели¹¹³. Так и отец Алексей Коновалов на одном допросе заявил: *«Я принадлежу к ориентации патриаршей Церкви, возглавляемой митрополитом*

---

¹¹¹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. СУ-8771. Т. 1. Л. 202-203.

¹¹² Священник Коновалов, кстати, не скрывал своих антисоветских настроений: *«Существующую Сов<етскую> власть я не признаю и считаю ее властью сатаны, а потому я и проводил борьбу с проводимыми мероприятиями Советской власти; в частности, колхозы и др<угие> организации, возглавляемые Сов<етской> властью, идеи которых направлены против Истинно-православной Церкви, я считаю сатанинскими организациями»* (ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10210. Т. 1. Л. 107).

¹¹³ Надеемся, что о них будет подробно написано в будущих книгах о вятских исповедниках.

Петром Крутицким и его последователями архиепископом Дмитрием Гдовским и Сергием Нарвским и др<угими>»¹¹⁴. И на следующем допросе сказал, что принадлежит к "викторовцам" и что поскольку епископ Виктор в ссылке, то теперь он пребывает вне благочиннического округа, и живет автономно, и, «кто осуществляет руководство над ориентацией ВИКТОРОВЦЕВ в данное время», не знает.

Приведем лишь один примечательный документ из дела Коновалова. Это машинописная копия письма отца Алексея епископу Нектарию и его ответ.

«Ваше Преосвященство! Простите за дерзость. Я священник, не имеющий молитвенного и вообще никакого общения с отступником М<итрополитом> С<ергием>. Сообщаю Вам о следующем: здесь шляется одна полумонашка из монастыря бывш<ей> игуменьи Февронии по имени Анна Рыжкова, каковая личность находится в прелести и распускает различную нелепость в виде того, что теперь православных церквей уже нет, так же как и архиереев православных тоже нет, и только себя одну считает православной и не велит ходить в церковь, даже и в те, которые не имеют никакого общения молитвенного ни с обновлением, ни с синодалами, и говорит, что может добыть и запасных св<ятых> Даров для приобщения св. Таин, а также и крестить детей. По некоторым своим еретическим вопросам она ссылается на игум<енью> Февронию. Но я лично сам был недавно у мат<ушки> Февронии, она сказала, что Анну Рыжкову я давно к себе не принимаю, а по некоторым делам ссылается на Вас, поэтому, Ваше Преосвященство, если она, т<о> е<сть> Анна Рыжкова, у Вас была (а это было не очень давно) и если Вы, епископ православный, не имеющий

¹¹⁴ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10210. Т. 1. Л. 108.

молитвенного общения ни с синодалами, ни с обновлением, ни с другими еретическими корпорациями, — то для сохранения от растления православного Христова стада на настоящее (число) письмо дайте ответ: для отражения наступления этой особы, т<ак> к<ак> некоторые нетвердые умы подчиняются ее брехне. В моем приходе есть две особы, которые ей подчинены, и если от Вас будет ответ не в ее пользу (т<о> е<сть> Анны Рыжковой), то мрак ее брехни рассеется, как дым на ветру.

Священник А. Коновалов.

3 августа 1930 года.

Адрес:

О<бласть?> Жирново Нижегородского края, Марьинского округа, Шабалинского района, село Черноземные Ключи.

Село мое находится на границе Вятской епархии и бывшей Костромской близь ст<анций> Шабалино и Гостовская Сев<ерной> ж<елезной> д<ороги>».

* * *

Ответ епископа Нектария:

«Упомянутая Вами Анна Рыжкова была у меня в Казани и говела.

Поручений агитационного свойства, а тем более иерейских напр...¹¹⁵ я ей никаких не давал, считаю ее находящейся в духовной прелести, из-за чего она может худо закончить.

---

¹¹⁵ Отточие в документе.

Приходы, принимающие регистрацию и патенты, я не охуюлю не православными, чуждыми благодати Св<ятого> Духа. Патенты, регистрации — мелочи, не касающиеся существа нашей Православной веры.

Епископ Нектарий.

Больше мне о дурах не пишите»¹¹⁶.

Думается, что в особых комментариях этот документ не нуждается. Это лишь одно свидетельство о том, насколько нелегко было бремя архиерейского управления в условиях полнейшей церковной разрухи, когда, кроме открытых гонений со стороны безбожных властей и отступнического епископата, приходилось иметь дело и со всякого рода духовными явлениями болезненного характера или самой банальной глупостью и невежеством. И это при том, что у владыки не было никакой возможности общаться со своей паствой, да и со священниками. Многих из поминающих его он даже не видел лично, а тех, кого рукополагал, также почти не знал и порой только за время первой встречи должен был решить, достоин ли этот человек священного сана, полагаясь на рекомендацию пославших или доверяя на слово просителю. Безусловно, в таких условиях ошибки были неизбежны, и наряду с настоящими ревнителями истинного православия в среде нектарьевцев могли попадать и случайные люди.

---

¹¹⁶ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10210. Т. 2. Л. 3.

3. Нектарьевцы села Люмпанур

Вернемся к настоящим исповедникам из паствы и пастырей владыки Нектария. Благодичный Василий Попцов в своих показаниях назвал еще двух посланников, которые по его просьбе бывали у владыки Нектария в Казани: это Федор Михайлович Мотовилов, крестьянин-середняк из деревни Кондратьевское Санчурского района, — *«человек верующий, по его инициативе, между прочим, наш приход (села Люмпанур) перешел в викторовщину»*, — сказал отец Василий, — и Василий Евлампиевич Кислицын из деревни Галкино Санчурского района, которого отец Василий посылал за миром для церкви к епископу Димитрию Гдовскому (очевидно, в 1929 году): *«По пути Кислицын заезжал к Нектарию, но письма от него не привозил. Василий Евлампиевич в эту поездку, будучи у Нектария, получил от него подарок. Подарок этот заключался в куске полотна с изображением или Ивана Кронштадтского, или плащаницы»*¹¹⁷.

---

¹¹⁷ Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2–18199. Т. 6. Л. 105.

Эти простые, но крепко верующие крестьяне оставались непоколебимы в своем вероисповедании и после ареста епископа Нектария и единомысленных ему священников. Они были привлечены как обвиняемые по делу о беспорядках в Люмпанурской церкви 30 июня 1935 года и арестованы вместе с еще пятью крестьянами¹¹⁸. В вину им вменялось *«ведение систематической антисоветской агитации среди населения; организация и активное участие в массовом волнении в с<еле> Люмпанур Санчурского района»*. И подчеркивалось, что *«при совершении этих преступлений обвиняемыми руководила враждебность к Советской власти, вытекающая из принадлежности их к контрреволюционному церковному течению, возглавляемому Епископом Нектарием»*¹¹⁹.

Обвиняемые на допросах категорически отказывались признавать обвинения. Никакой агитацией не занимались и никаких беспорядков не устраивали — это они дружно твердили на допросах, отрицая всякие политические разговоры и тем более антисоветскую агитацию. Последователями епископа Нектария они себя признавали и не отрицали связи с ним, но подчеркивали ее чисто практический характер.

Так, Федор Михайлович Мотовилов в своих показаниях признал, что посылал посылки владыке Нектарию, но, по его словам, от владыки получали только уведомительные письма о получении этих посылок, *«других не получал и никому их не читал»*.

---

¹¹⁸ Ганичев Игнатий Николаевич, родился в 1880. Кузнецов Алексей Абрамович, родился в 1885. Журавлева Мария Ивановна, родилась в 1886. Кислицына Анна Алексеевна, родилась в 1875.

¹¹⁹ Дело по обвинению Кислицына В. Е., Мотовилова Ф. М. и др. // ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 1. Д. СУ-125. Л. 148.

Также, признавая, что почти три года не ходили в церковь из-за того, что там не поминался епископ Нектарий, обвиняемые просто ссылались на канонический порядок такого поминовения, а Василий Евлампиевич Кислицын даже заявил, что стал молиться дома и перестал ходить на молитву в церковь, *«так как вижу там среди священников смуту и беспорядки»*.

Все обвиняемые также признали, что просили, а не требовали от священника Серафима Пекло, который с 1931 года стал служить в их церкви (очевидно, после ареста отца Василия Попцова), помянуть епископа Нектария. Никаких угроз, ультиматумов никто ему не предъявлял, что единодушно заявили все обвиняемые.

Между тем в своих показаниях священник Серафим утверждал, что *«религиозные фанатики — ярые последователи епископа Нектария»*, как он их называл, неоднократно приходили к нему и *«требовали быть последователем Нектария, в противном случае оставить службу в Люмпануре»*. Поскольку он их требование не выполнял, *«то на этой почве был устроен массовый скандал»*. (Кроме того, он заявил, что *«эта группа фанатиков ведет среди населения антисоветскую агитацию, распространяет слухи о войне и скором падении Советской власти»*.)

Из материалов дела не совсем ясно, что же на самом деле произошло в Люмпанурской церкви 30 июня. Священник Серафим утверждал, что к нему накануне приходили Игнатий Николаевич Ганичев, Василий Евлампиевич Кислицын и Александр Федотович Мотовилов, потребовавшие от него не служить либо публично с амвона объявить себя последователем Нектария, в дальнейшем выступать против колхозов и т. д. По словам Серафима, он на это предложение ответил,

что готов уйти, только этот вопрос должен решить приход, и что, если есть священник, пусть приходит и служит. Так, в воскресенье 30 июня пришел священник Николай Ожиганов, с которым они провели службу совместно. А уже после службы "*фанатики*" устроили какой-то шум в церкви, а когда их из церкви удалили, то они собрались на паперти и площади, но, что они кричали, он не слышал.

Священник Николай Дмитриевич Ожиганов¹²⁰ показал на допросе, что священник Серафим еще 16–17 июня объявил о своем намерении оставить служение и просил искать себе священника, 18 июня он сдал церковное имущество церковному совету, а 19 июня к нему (Ожиганову) пришел Мотовилов и пригласил служить. 29 июня, придя в Люмпанур, священник Николай Ожиганов просил Серафима *«не покидать своего поста»*, но тот стоял на своем, сказав, что лично против Ожиганова ничего не имеет, и просил его служить.

Отец Николай Ожиганов отрицал какие-либо контрреволюционные разговоры и защиту со своей стороны епископа Нектария как *«не признающего безбожной Советской власти»* и утверждал, что поминает Нектария только из-за любви к народу. А на вопрос, почему совершил освящение церкви, где производили моление колхозники, ответил, что не хотел никого оскорбить и делал это по просьбе А. Ф. Мотовилова и А. В. Кислицына. В протоколах допроса обвиняемых ничего об этом освящении нет. И только позднее, 4 февраля, когда был допрошен свидетель, псаломщик Люмпанурской церкви, указано, что освя-

---

¹²⁰ Ожиганов Николай Дмитриевич, родился в 1871 в дер. Ожиганово Санчурского района в крестьянской семье. Священник, в начале 1930-х был за штатом.

щение было произведено 23 или 25 июня «*бродячим попом Ожигановым*» и что его привел Александр Федорович Мотовилов.

28–29 ноября 1935 года выездная сессия специальной коллегии Кировского краевого суда в Яранске пришла к выводу о невозможности вынесения обвинительного или оправдательного приговора из-за недостаточности материала и определила произвести «*доследование*». Виновные были освобождены из-под стражи с подпиской о невыезде. К тому времени скончался Василий Евлампиевич Кислицын; согласно сообщению начальника Яранской тюрьмы, он умер «*в Яранской нар<одной> больнице от сердечной слабости и истощения 6 сентября*».

Как ни странно, но «*доследование*» привело к закрытию дела. Постановление оперуполномоченного 3-го отделения социально-политического отдела УНКВД по Кировскому краю от 26 февраля 1936 года сообщало о «*прекращении уголовного преследования в отношении остальных четырех обвиняемых: Мотовилова, Ганичева, Журавлевой и Кислицыной*», поскольку «*следствием не добыто достаточного количества конкретных фактов антисоветской деятельности для привлечения указанных лиц к ответственности*»¹²¹.

Как ни странно, следствие не доказало вину убежденных антисергиан-нектарьевцев! Конечно, сыграло роль их осторожное и разумное поведение на допросах — дружное отрицание всех обвинений... Однако сколько известно подобных дел, когда любые показания и заверения в лояльности были бесполезны и обвиняемые подвергались жестоким наказаниям и при менее очевидных антисоветских настроениях. А здесь

¹²¹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 1. Д. СУ–125. Л. 165.

убежденные "*религиозные фанатики*", "*нектарьевцы*", известные своим отрицательным отношением к колхозам, устроившие обструкцию сергиевскому священнику, получили оправдательный приговор! Поражительно! Но это редкий случай. И это ведь еще только начало 1936 года, впереди — 1937–1938 годы и 1940-е, когда пощады им уже не будет...

4. Священники Диомид Андриевский и Лукиан Васенев

Суровые приговоры выносились и ранее. Так, арестованный в октябре 1929 года священник села Елембаево Марийской области Диомид Андриевский был приговорен 19 февраля 1930 года к расстрелу. Правда, расстрел все же был отменен при пересмотре дела, и отца Диомида приговорили к пяти годам концлагеря с заменой на высылку на тот же срок. Его обвинили в антисоветской деятельности, срыве всех советских мероприятий в селе и непризнании в целом советской власти. Причем в "Обвинительном заключении" подчеркивалось, что эта деятельность осуществлялась им, как и другими священниками, принадлежащими к *«викторовскому церковному течению»*, на основании их непримиримого отношения к советской власти.

Священник Диомид, отказавшись признать обвинения политического характера, не отрицал своей принадлежности к *«викторовскому течению»* и на допросе подтвердил, что перешел *«на путь истинного*

православия, т<о> е<сть> в каноническое общение с епископами Виктором Глазовским, Димитрием Гдовским и митрополитом Петром Крутицким под влиянием священника с<ела> Макманур Оршанского к<анто>на Васенева Лукиана». И далее показал следующее:

«В свою очередь Васенев имел связь со ссыльным епископом Нектарием, проживающим в Казани, бывая у него лично. В зиму 1928 года я тоже ездил к епископу Нектарию. Поездка мною была сделана по совету Лукиана для получения разъяснений по поводу разногласий с митрополитом Сергием. От Нектария мною были получены некоторые указания».

Как ни странно, но в своем послании к священнику Александру Ельчугину отец Диомид писал, что *«принимал Лукиана от сергианства третьим чином по получении от вл<адыки> Виктора воззвания».* В этом же письме он сообщал, что *«21 декабря и 22 был в городе Казани у епископа Нектария Яранского, каковой сослан гражданской властью на три года, и живет он тоже в крайней нужде материально, но твердый духом, и к нему многие истинные православные христиане, по прибытии его в Казань, начали обращаться за советом и указанием, как действовать против лжепастырей и стоять за Истинную Православную Христову Церковь».*

Священник Лукиан Васенев в своих показаниях на допросах не выделял ничью руководящую роль, а сказал лишь, что в "викторианство" они перешли одновременно с Диомидом Андриевским в августе 1928 года. В своих показаниях 1 января 1930 года он сказал: *«Епископа Нектария, проживающего в г<ороде> Казани, я посещал, был у него 26 декабря*

1928 года и 28 мая 1929 года. Ездил я с целью подтверждения своих убеждений в религии и вступить с ним в молитвенное общение».

В материалах дела сохранились письма епископа Нектария к отцу Лукиану Васеневу:

«Дорогой отче! Ты как агнец среди волков. Скорблю и вместе радуюсь твоей стойкости за веру Православия. Мужайся, брате. Нам с тобою терять нечего из земных благ. Будем вместе надеяться на загробное воздаяние от начальника веры и Совершителя нашего спасения Господа Иисуса Христа. Еп<ископ> Нектарий. 24/1—1929 г<ода>».

«Любезный во Христе иерей о<тец> Лукиан!

Почти с самого моего появления в Казани я вступил в церковное общение с моей Яранской паствой, оставшейся верной Православию без уклонения в новообновленческий сергиевский раскол. Вы — первый из всего духовенства Яранской епископии явились за благословением ко мне и просили духовно окормлять Вашу общину, поэтому Вы — не самочинник, а пастырь, находящийся совместно со всем приходом в каноническом и молитвенном общении с епископом.

Прошу ваших св<ятых> молитв.

Недост<ойный> Нектарий, еп<ископ> Яранский.

10/V—1929 г<ода>»¹²².

Священник Лукиан был арестован 22 сентября 1929 года. Через день после ареста и допроса он написал своим прихожанам письмо. До них оно не дошло, поскольку было изъято и приобщено к материалам

---

¹²² Дело священника Андриевского Д. А. и др. 1929–1930 // Архив Комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской и Марийской епархии РПЦ.

дела (написано карандашом на оборотной стороне какого-то старого бланка):

«Мир вам! Дорогие мои прихожане и все преданные мне духовные чада!

Господь посетил вас скорбью. Но не падайте духом, все это полезно для нас. Я говорил вам в храме часто о необходимости любить Бога всем сердцем и всею душою. Пришло время, чадолюбивый Отец небесный позвал меня доказать на деле любовь к Нему и предаться воле Божией, за все слава Богу!

Не плачьте, а молитесь, Господь милосерд. Я оторван от вас, но духом все время с вами. Я чувствую себя радостно, также и все заключенные со мною. Все счастье человека — это ничем не загрязненная совесть. Что значат решетки, когда на сердце легко, как на Светлую Пасху. Молитесь, и, если Господу угодно, он услышит вашу горячую молитву, и мы вознесем в нашем дорогом храме снова нашу благодарственную молитву Сладчайшему Спасителю.

Буди во всем воля Божия!

Шлю на всех свое недостойное благословение.

Грешный ваш иерей Лукиан»¹²³.

После отбытия трехлетнего заключения в концлагере отец Лукиан вернулся в Казань и продолжал духовно окормлять свою паству. В 1946 году он вновь был арестован и на одном из допросов о событиях прошлых лет показал: *«В 1929 году я, приехав в г<ород> Казань за покупкой церковных вещей, посетил квартиру, где он <епископ Нектарий> жил. В это время у него были монашки Верхорубова Александра Яковлевна и Чернова Апполинария Семеновна, которые приехали к нему из г<орода> Яранска*

---

¹²³ На обороте письма красным карандашом написано: *«Отобрано во время передачи из арестантского помещения».*

и привезли митру. А я приходил к нему повидаться и получить благословение. После этого посещения мы все трое выехали сразу домой. <...> Здесь нам епископ Нектарий дал указание быть так же преданными и стойкими и не бояться ничего: ни тюрьмы, ни ссылки. Это распоряжение гласило, что не нужно сходить со своих постов, не бросать саны во избежание тюрьмы и арестов и чтоб не выдавать своих участников»¹²⁴.

---

¹²⁴ Дело Васенева Л. Г. 1946–1947 // Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Ф. 1086. Оп. 11. Д. 78. Л. 107.

5. Дело «ИПЦ Марийской автономной области» — Дело Тумбасова, Винокурова и других. 1931 год

На место служения отца Лукиана в село Макманур епископ Нектарий направил священника Иоанна Безденежных, его он рукоположил 2 февраля 1930 года в Казани. А в село Елембаево — священника Николая Винокурова. На допросе 1 марта 1931 года отец Николай показал:

«Приблизительно в 1929 году я пришел к убеждению, что единственно Православной Церковью, не нарушающей канонических правил и не отходящей от прежних установок Православной Церкви, является викторовская Церковь, и при таком своем убеждении я, в том же 1929 году, у еп<ископа> Нектария в Казани принял священство. После посвящения я приехал в Яранский район и служил 1 месяц в с<еле> Березники, а затем меня пригласили служить в с<ело> Елембаево, куда я и поступил, с последующим меня утверждением в этой должности благочинным, находящимся в с<еле> Люмпанур, Санчурского района.

Благочинный наш, проживающий в с<еле> Люмпанур Василий Попцов, объединяет в своем благочинии села: Кугушерга, Кикнур, Кокшага, Корляки, Городище, <Русские> Краи <и Елембаево>. Все эти села, или, вернее сказать, церковные приходы этих сел, — викторовские. Из священников указанных сел я знаю только 2 священников с<ела> Кугушерги: Алексея Люблина и Алексея Степанова. Священников остальных приходов не знаю»¹²⁵.

О том, что священник Винокуров поддерживал постоянную связь с епископом Нектарием, показал на допросе в тот же день иеромонах Трифиллий Морозов: *«Я знаю, что летом 1930 года Винокуров неоднократно ездил в Казань к епископу Нектарию, но цель этих его поездок туда я не знаю... В Яранском районе почти все приходы викторовские». И на другом допросе 29 марта 1931 года заявил: «Точно так же мне известно, что священник Винокуров Николай несколько раз посылал от себя в Казань к Нектарию посланца, какого-то гражданина из с<ела> Елембаево. <...> По каким делам посылал его Винокуров к Нектарию, мне не известно, об этом Винокуров мне никогда ничего не говорил».*

В феврале 1931 года священник Винокуров был арестован вместе с другими священнослужителями как один из руководителей контрреволюционной организации церковников. Всего по делу проходило 35 человек, из них 8 священников. Всем были предъявлены обвинения в ведении контрреволюционной деятельности, которая заключалась в укреплении идей истинного Православия в народе, религиозной пропаганде и активной борьбе с коллективизацией сельского хозяйства. Из-за их активной антиколхозной агитации во многих

¹²⁵ Архив УФСБ РФ по РТ. Ф. 1086. Оп. 2. Д. 4307. Л. 326.

местах колхозы либо были ослаблены, либо вообще не образованы. В материалах дела перечисляются несколько сел, в которых благодаря священникам, монашествующим и верующим была сорвана организация колхозов; то же самое происходило и с хлебозаготовками и другими мероприятиями. Воспринимая советскую власть как антихристову, священники и монашествующие говорили об этом народу и призывали не участвовать в ее делах.

"Обвинительное заключение" данного дела весьма примечательно по формулировкам и упоминанию епископа Нектария:

«В течение 1931 года на территории Нижегородского края П<олномочным> П<редставительством> ОГПУ был вскрыт и ликвидирован ряд филиалов Все-союзной к<онтр>р<еволюционной> организации "Истинно-Православной Церкви", руководимых епископом Глазовским Виктором, б<ывшим> Яранским епископом Нектарием, а также Ленинградским епископом Димитрием Гдовским.

В феврале 1931 года на территории Марийской автономной области была ликвидирована контрреволюционная организация церковников, являвшаяся также филиалом "Истинно-Православной Церкви".

Организация распространяла свою контрреволюционную деятельность на Оршанский, Ново-Торъяльский, Сernурский, Мари-Туренский кантоны и гор<од> Козьмодемьянск Марийской автономной области.

Возникновению к<онтр>р<еволюционной> организации и ее фактическому оформлению предшествовала Декларация М<итрополита> Сергия, опубликованная в печати в конце 1927 года, призывающая церковников к лояльному отношению к Советской власти. Эта Декларация вызвала резкий протест со

стороны наиболее реакционной части церковников во главе с епископом Нектарием, который крайне отрицательно отнесся к приказу М<итрополита> Сергия, порвал с последним общение и объединил вокруг себя церковный антисоветский актив, под флагом борьбы за "Истинное православие" повел активную контрреволюционную деятельность.

Заслуживает большого внимания особая настойчивость, проявляемая со стороны епископа Нектария и актива церковников Марийской области по линии развертывания организованной деятельности, несмотря на неоднократные провалы создаваемых ими к<онтр>р<еволюционных> групп.

Осенью 1929 года на территории Марийской области была ликвидирована первая такая к<онтр>р<еволюционная> группа, состоявшая из попов, кулаков и монашек и проводившая контрреволюционную работу на территории Оршанского, Новоторьяльского и Санчурского кантонов (см<отри> приложение, стр<аницы> 1–5). После чего благочинный ПОПЦОВ и епископ Нектарий вновь создали вторую такую же группу в тех же местах, где была ликвидирована первая.

В декабре месяце 1929 года была ликвидирована и эта, вторая к<онтр>р<еволюционная> группа (см<отри> приложение, стр<аницы> 1–6).

После ликвидации второй группы в селе Елембаеве (центр ячейки) был арестован поп АНДРИЕВСКИЙ.

Епископ Нектарий в целях замены АНДРИЕВСКОГО другим лицом для продолжения к<онтр>р<еволюционной> работы назначил в село Елембаево попа ВИНОКУРОВА Николая Ивановича.

Указанный ВИНОКУРОВ лично был знаком с Нектарием, и последний в 1929 году посвятил ВИНОКУРОВА в попы (л<ист> д<ела> 326).

Поп ВИНОКУРОВ по приезде своем в с<ело> Елембаево собрал и организовал вокруг себя осколки ликвидированной до него группы, привлек на свою сторону новых людей, объединив их, и повел, как его предшественники, систематическую к<онтр>р<еволюционную> работу против Сов<етской> власти, втягивая в эту работу постепенно новых сторонников и расширяя сферу своего влияния».

Далее в "Обвинительном заключении" приводились подробные выдержки из показаний епископа Нектария и других обвиняемых об отношении к безбожной власти. В отдельной главе излагалась «структура организации»: в ее руководящую группу были поставлены священники ВИНОКУРОВ, ПОПЦОВ, ТУМБАСОВ и МОРОЗОВ. Приходы, в которых они служили, а также связанные с ними являлись, по версии следствия, «ячейками организации». Таких ячеек насчитали 5:

- «1) В селе Табашино Оршанского кантона. Руководитель поп ТУМБАСОВ Александр Иванович. В ячейку входили: монашка ВЕРШИНИНА и кулак ПОЛУШИН.*
- 2) В селе Недельке Ново-Торьяльского кантона. Руководитель поп МОРОЗОВ Трефилий Григорьевич. В ячейку входили: попадья ПОПОВА (муж в ссылке), кулак ПОЛУШИН Яков, монашки ЖЕЛОНКИНА и ПУРТОВА.*
- 3) В селе Хлебникове Мари-Турекского кантона. Руководитель поп ФЕДОРОВ Валентин Владимирович. К нему примыкали монашки ЛОПАТИНА, КОСТИНА, ШВЕЦОВА и ПЕРМИНОВА.*
- 4) В селе Елембаево Ново-Торьяльского кантона членами группы руководил непосредственно*

ВИНОКУРОВ, и данная группа была самая большая, в нее входили монашки, окрестные кулаки и жена сосланного за а/с деятельность попа АНДРИЕВСКОГО.

- 5) *В гор<оде> Козьмодемьянске Горно-Марийского кантона Мар<ийской> области. Руководил поп КУЛЕДИН Иннокентий, членами являлись монашки: ФЕДОРОВА, СЕМЕНОВА, СМИРНОВА, АНОХИНА, КУЗЬМИНА, КОЧКИНА, ЕРОФЕЕВА.*

В вопросах расширения сферы к<онтр>р<еволюционной> деятельности ВИНОКУРОВУ активно содействовал благочинный ПОПЦОВ, путем посылки своих людей в те приходы, которые впоследствии были составными элементами к<онтр>р<еволюционной> организации. Так, по показанию ПОПЦОВА, он назначил попов в село Табашино ТУМБАСОВА и ТЕПЛЯКОВА в Елембаево (л<ист> д<ела> 362).

В село Недельку попом был назначен МОРОЗОВ Трефилий. Назначение это делал сам епископ Нектарий (л<ист> д<ела> 362)».

Все проходившие по делу священники были приговорены к трем годам концлагеря. Кроме перечисленных был также осужден священник села Большой Шокшем Анатолий Нагорин. Все эти священники признавали духовное руководство епископа Нектария, а трое из них (по крайней мере, так как о них точно известно) были ставленниками епископа Нектария. Кроме упомянутого уже священника Николая Винокурова, это иеромонах Феодор Тепляков и священник Александр Тумбасов.

Священник Александр Тумбасов был рукоположен владыкой Нектарием в 1929 году. До этого он с

1921 года был псаломщиком в Троицкой церкви села Салобеляк, с 1 ноября 1922 года — в храме села Энгенер, а с марта 1927 года — в Предтеченском храме села Лум Яранского района. Во время следствия в 1945 году он показал:

«Я лично принадлежу к ориентации епископа Нектария — "Истинно-Православная Церковь".

Вопрос: Как вам известен епископ Нектарий?

Ответ: Епископа Нектария я знаю с момента приезда его в гор<од> Яранск, в каком году это было, я не помню.

В 1929 году епископ Нектарий произвел меня в сан священника, после чего с 1929 по 1931 год я служил священником в селе Кресты и в селе Табашино Оршанского района Мар<ийской> АССР.

Встречи с епископом Нектарием были редкими. Последний раз я с ним встречался в 1930 году в гор<оде> Казани в его квартире.

Вопрос: Расскажите о характере вашей встречи с епископом Нектарием в 1930 году?

Ответ: Встреча моя с Нектарием была исключительно на личной почве, мне нужно было с ним поговорить как со своим непосредственным епископом»¹²⁶.

В собственноручных показаниях 4 декабря 1945 года отец Александр написал, что служил в селе Кресты с августа 1929 года. По домашним обстоятельствам решил переехать поближе к родным. Заместитель благочинного Василий Попцов (служил в селе Люмпанур Санчурского района) дал согласие, и отец Александр переехал с семьей в село Табашино 26 сентября 1930 года. Здесь он встретился со священником Ни-

¹²⁶ Дело А. И. Тумбасова и др. 1945. Д. 4295. Т. 1. Л. 28–29.

китой Игнатьевым и вместе с ним он провел 27 сентября богослужение (праздник Воздвижения Честного Креста). По свидетельству Александра Тумбасова, Игнатьев уехал в тот же день в село Городище¹²⁷. Иеромонах Феодор Тепляков не был непосредственно рукоположен владыкой Нектарием, но направлялся им и для монашеского пострига, и для хиротоний. Так, на первом допросе он показал: *«Летом 1930 года я был в Казани у епископа Нектария, который мне предложил принять монашество и затем служить в церкви. Никаких поручений мне Нектарий не давал».*

Позднее на другом допросе рассказал подробнее: *«Летом 1930 года, странствуя по различным местам, я добрался до села Астанчурга Яранского района¹²⁸ и в этом селе остановился и прожил в нем около месяца. Остановился я там потому, что в указанном селе церковь была православная, т<о> е<сть> виковская. И мне захотелось в ней помолиться. Священником в этой церкви служил о<тец> Авраамий (фамилии его не знаю). Он в 1930 году арестовывался и сидел в Шаранге. За что он арестовывался, я не знаю, но думаю, что сидел за то, что распространял слово Божие, против которого борется существующая власть. Дьяконом в этом селе служил о<тец> Александр¹²⁹. Он также сторонник православия, т<о> е<сть> виковства. Означенный о<тец> Александр раньше был странник и так же, как и я, ходил по различным местам. Вот этот о<тец> Александр мне сказал, что его епископ*

---

¹²⁷ О священнике Никите Игнатеве и о других тайных священниках — в отдельной главе.

¹²⁸ Ныне деревня Астанчурга Шарангского района Нижегородской области.

¹²⁹ Иеромонах Авраамий (Кочев).

Нектарий, проживающий в Казани и являющийся заместителем еп<ископа> Виктора, рукоположил в дьяконы, и рекомендовал мне идти в Казань к Нектарию и просить у него священства. Я так и сделал. Отправился в Казань к Нектарию и попросил его, чтобы он меня рукоположил в дьяконы, и на это Нектарий мне сказал, что мне лучше стать прямо иеромонахом, но прежде следует принять монашество. Для этого я отправился в с<ело> Табашино Ново-Торъяльского кантона Мар<ийской> области, и там архимандрит Варсонофий постриг меня в монахи. Где сейчас находится этот Варсонофий — я не знаю. После пострижения я вновь отправился в Казань к Нектарию, чтобы получить от него священство, но Нектарий в это время уже не служил, и он направил меня в Ленинград к епископу Василию¹³⁰, который и рукоположил меня в священники. Из Ленинграда, после посвящения, я опять вернулся в Казань к Нектарию, но пробыл у него недолго. Нектарий мне сказал, что теперь для меня все сделано и что мне можно служить. После этого я от него уехал и больше уже его не видел. Вскоре я услышал, что слуги дьявола Нектария арестовали. За что именно его арестовали — я не знаю, но надо полагать, что за слово Божие»¹³¹.

Упомянутый в показаниях архимандрит Варсонофий (Никитин), постригавший Теплякова в монахи, также был связан с епископом Нектарием и разделял его взгляды. Как бывший настоятель Мироносицкой пустыни отец Варсонофий пользовался большим ува-

---

¹³⁰ Епископ Василий (Докторов).

¹³¹ Цитируется по тексту обзорной справки (Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2-18199. Т. 6. Л. 101).

жением среди верующих и духовенства, и его пример был важен для многих. Более подробно о нем — далее, а прежде кратко остановимся на одном из крупнейших дел «Истинно-Православной Церкви» Вятской епархии 1932 года, по которому отец Варсонофий проходил как обвиняемый в числе "викторовско-нектарьевского" духовенства.

6. Следственное дело «церковно-монархической контрреволюционной организации ИПЦ» в Нижегородском крае 1932 года

Это дело разрабатывалось Котельническим оперативным сектором ОГПУ Нижегородского края по стандартной схеме — в десяти районах Нижегородского края ¹³² была *«вскрыта и ликвидирована церковно-монархическая контрреволюционная организация "Истинно-Православная Церковь", являющаяся филиалом "Всесоюзной контрреволюционной организации ИПЦ"»*. Непосредственными ее руководителями были названы *«реакционные епископы Виктор Глазовский и Нектарий Яранский, которые осуществляли руководство через институт благочинных»* ¹³³.

---

¹³² Котельнический, Кикнурский, Яранский, Санчурский, Шарангский, Советский, Шабалинский, Черновский, Пижанский, Арбанский и Даровский.

¹³³ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10267. Т. 8. Л. 1. Далее до конца главы все цитаты, кроме оговоренных особо, из данного дела.

Начало возникновения организации, как обычно, отнесли ко времени издания декларации митрополита Сергия 1927 года, когда не признавший ее епископ Виктор выпустил в ответ свое воззвание, которым *«объединил вокруг себя все реакционно-монархические церковные элементы и под флагом борьбы за истинное православие повел широкую к<онтр>р<еволюционную> деятельность»*. После ареста епископа Виктора и его сторонников — в тексте следственного дела: *«ликвидации первой к<онтр>р<еволюционной> группы»*, — члены организации установили связь с *«церковно-административным центром в лице ленинградских епископов Димитрия Гдовского и Сергия Нарвского»*. *«После 1929 года руководство филиалами к<онтр>р<еволюционной> организации перешло к епископу Нектарию (Трезвинскому), возвратившемуся из ссылки, в которой Нектарий встретился с епископом Виктором и от него получил указания. После изоляции Нектария руководство филиалами к<онтр>р<еволюционной> организации сосредоточилось в руках отдельных благочинных»*.

В материалах дела представлена нагляднейшая схема организации, подобная схеме "Казанского филиала ИПЦ", по которому был осужден епископ Нектарий, но гораздо более подробная. Уполномоченный Котельнического оперативного сектора оказался еще более искусным чертежником, чем его казанские коллеги. У него также тщательно вычерченные различные геометрические фигуры для обозначения членов организации и стрелочки от них со всеми их связями, только их гораздо больше (ведь и фигурантов дела было в три раза больше, чем в Казани). Рядовые на местах (мелкие кружочки с подписями), далее руководители благочинные (в более крупных кружках), от них восходят стрелки уже к архиереям в шести квад-

ратах: епископы «Ленинградский Димитрий», «Ленинградский Сергей», «Глазовский Виктор», «Яранский Нектарий», «Ижевский Синезий», «Бахчисарайский Иосаф»¹³⁴; и от них стрелки к верхушке всей пирамиды — большому квадрату «Всесоюзный центр ИПЦ».

По благочиниям на схеме обозначены отдельные филиалы, соответствующие районам: Советский, Котельнический, Шабалинский, Яранский, — и в тексте "Обвинительного заключения" о них сказано следующее:

«В гор<оде> Котельниче филиал возглавляли опытно-благочинные НЕСМЕЛОВ и ПОПОВ. Филиал состоял из 2 отдельных ячеек — одна в гор<оде> Котельниче, руководимая НЕСМЕЛОВЫМ, и вторая в с<еле> Ильинском Котельнического р<айо>на, руководимая ПОПОВЫМ.

- 1. В Яранском р<айо>не филиал возглавлял благочинный — поп НИКОНОВ, под руководством которого находилось свыше 30 приходов на территории Яранского, Кикнурского, Шарангского и Санчурского районов.*
- 2. В Советском районе филиал возглавлял благочинный из Советска — МЫШКИН, под руководством которого находились церковные приходы Советского, Пижанского и части Арбажского р<айо>на.*
- 3. Шабалинский филиал возглавлял ГАЛИЦКИЙ П. С.».*

Кроме перечисленных к «Советскому филиалу» на схеме отнесен и благочинный М. П. Стрельников.

---

¹³⁴ В тексте "Обвинительного заключения" значитсся "Бахчисарайский Иосиф", а не Иосаф.

Благочинным отводилась важная роль в создании и укреплении организации — в "Обвинительном заключении" приводятся показания, свидетельствующие об их активной деятельности по распространению посланий епископов Виктора и Нектария и переводу приходов под их духовное руководство: *«Укрепив платформу епископа Виктора, благочинные, помимо личного объезда своих благочиннических округов, мобилизовали для распространения идей епископа религиозно-фанатичную публику, монашество и др<угой> к<онтр>р<еволюционный> элемент. Посылали их по деревням с агитацией за присоединение к "истинному православию"»*.

Все они, а также священник И. С. Стародубцев обвинялись в том, что *«руководили контрреволюционной организацией "Истинно-Православная Церковь"», «объединяли вокруг себя кулачество и монашек, вели активную к<онтр>р<еволюционную> работу, преследуя конечной целью подготовку условий для свержения Советской власти»*.

Остальным обвиняемым предъявлялись обвинения в участии в контрреволюционной организации "Истинно-Православная Церковь" и ведении *«активной контрреволюционной работы среди населения, то есть в преступлении, предусмотренном ст<атьями> 58–10 ч<астью> 2 и 58–11 УК»*. Эта *«к<онтр>р<еволюционная> деятельность»* подробно излагалась по стандартным пунктам, кои почти дословно повторяются во всех следственных делах того времени: *«объединение вокруг контрреволюционных идей защиты "ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ" широких масс крестьянского населения; активная борьба против коллективизации сельского хозяйства; распространение контрреволюционной*

литературы¹³⁵; провокация чудес и использование их в целях расширения к<онтр>р<еволюционного> влияния на население¹³⁶; провокация массовых выступлений¹³⁷.

¹³⁵ Названы прежде всего воззвания архиереев, различные письма и листовки религиозного характера. В "Обвинительном заключении" им посвящен целый раздел с подробнейшими выдержками. Вот только его начало: «По поводу распространения к<онтр>р<еволюционной> литературы обвиняемые ПОКАЗАЛИ: Обвиняемый ЕМЕЛЬЯНОВ показал: "НЕКТАРИЙ, вернувшись из лагеря в Казань, послал свое воззвание, в котором призывал следовать за ВИКТОРОМ. Получив воззвание, я снял с него копию, оставил у себя, а подлинное пустил по всему благочинническому округу" (л<ист> д<ела> 524). <...>

Обвиняемый РАЗГУЛИН Иван распространял среди населения стихотворение под названием "ИЖЕВСКИЙ ПАТЕРИК". Приводим выдержки из него:

*Ах Вы пастыри, Вы пастыри,
Богом данные отцы,
Вы куда святое стадо
На погибель повели.
Вы свое святое стадо
Разогнали по горам
И безжалостно отдали
На съедение волкам.
Батьки с нежностью припали
Под Советскую звезду,
Но их власти осмеяли,
Не приняли в ГПУ.
Где Вы совесть потеряли
Разум продали кому (л<ист> д<ела> 1594)».*

¹³⁶ Имелись в виду случаи исцелений на святом ключе близ села Останчурга, а также различные знамения на небе, о которых быстро распространялись слухи в народе.

¹³⁷ Таких случаев приведено немало, особенно подробно отмечены изгнания сергиан: «Под руководством Питиримова толпа ве-

Однако в материалах этого дела появилось и новое обвинение: «Организация к<онтр>р<еволюционного> подполья и института негласных попов»: «После разгрома Всесоюзного центра "ИПЦ" организация, потеряв руководителей, перешла отдельными звеньями на нелегальное положение и, уйдя в подполье, старалась в лесах организовать нелегальные, тщательно замаскированные группы своих сторонников, а в отдельных случаях перешла к новым формам работы — организации походных церквей и нелегальных молитвенных домов, создавая специальные кадры негласных попов, предоставив им большую деятельность — для работы в подполье».

Всего по делу проходило 95 человек, из них большая часть была из духовенства и монашествующих — 35 священников, 6 диаконов, 27 монахов и монахинь; также еще 4 псаломщика, две церковницы (то есть прислуживавшие в храмах женщины), 3 странника (также весьма религиозные). И остальные арестованные, обозначенные как кулаки (13) и середняки (5), — тоже глубоко верующие люди: либо старосты, либо активные члены приходских советов.

рующих устроила в церкви настоящий бой, Шерстенникова из церкви вытащили за волосы, а Питиримова ввели в церковь, где он с амвона в проповеди сказал: "Сергиевцы еретики, предались антихристу и Сов<етской> власти, нужно гнать таких из церкви"».

«Священник Тепляшин в 1929 г<оду> захватил приход в свои руки, демонстративно выгнал из церкви сергиевского попа Флорова... После чего в церкви было устроено собрание, на котором Тепляшин, выступив, сказал, "что Флоров хочет посадить в церкви дьявола — он изменник, предался антихристу, надо гнать таких из церкви". Подстрекательницы напали на Флорова, стащили с него ризу и выгнали из церкви» (ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10267. Т. 8. Л. 5-6).

С епископом Нектарием были связаны далеко не все. Под постоянным его руководством оставался Яранский округ, возглавляемый после ареста Василия Попцова священником церкви села Шапта Кикнурского района Иоанном Никоновым, и благочиннический округ Советского района, где сначала был благочинным священник Иоанн Стародубцев из села Иж, потом назначенный владыкой Нектарием священник Покровской церкви Николай Мышкин из села Советск. Правда, в своих показаниях на допросе отец Николай утверждал, что *«благочиния не принял и ушел за штат, написав об этом Нектарию, но письмо ему не вручили, так как он уже был арестован»*; после этого все считали Николая Мышкина благочинным. И он, как ни старался приуменьшить свою деятельность, все-таки вынужден был признать, что должен был кое-что сделать как благочинный¹³⁸. Кроме того, ему не удалось скрыть и постоянную связь с епископом Нектарием, о чем подробно было рассказано в показаниях свидетелей:

«В бытность у благочинного МЫШКИНА спросил его, каким образом он держит связь с епископом НЕКТАРИЕМ, он мне сказал, что "оказией". На самом же деле он держал постоянных лиц из женщин, которые у него жили в качестве прислуг, которые под видом получения благословения ездили к НЕКТАРИЮ, возили к нему и от него переписку.

К нему же зимой 1930–31 г<ода> в гор<од> Казань ездил религиозный фанатик БЕРЕЗИН В. И.,

---

¹³⁸ По его словам, он как благочинный: *«1) объявил резолюцию еп<ископа> Нектария протодиакону Знаменскому о запрещении за нехорошее поведение; 2) послал на службу в с<ело> З...<нрзб.>; 3) в октябре 1930 года предложил архимандриту Варсонофию занять место священника в с<еле> Суводи».*

который привез от него благословение в виде иконки»¹³⁹.

К владыке ездили многие из окрестных сел и деревень Советского района. Примечательны в этом плане показания жительницы деревни Мироново Клавдии Ивановны Кузьминых (или Козьминых). Она подтвердила на допросе, что ездила к Нектарию в Казань без каких-либо поручений, по ее словам, «по своим личным делам», и в разговоре с ней Нектарий рассказывал о житии в лагере на Соловках, затем твердо заявил, «что правильная Церковь, ведущая народ к спасению души, это старая Церковь, т<о> е<сть> тихоновская. Новая, т<о> е<сть> обновленческая, ведет к гибели населения, и более надо придерживаться к тихоновской Церкви, нежели к обновленческой, и молиться надо за митрополита Петра, вл<адыку> Нектария, т<о> е<сть> за правильных пастырей, ведущих народ по правильному христианскому пути. Эти слова Нектарий просил передать всем верующим. По приезде в Советск я эти слова передала церковному совету Спасской церкви, священнику Николаю Лопатину, диакону Малинину, священнику Покровской церкви Мышкину Николаю и всем монашкам, которые находились в с<еле> Советск».

После ареста владыки Нектария отец Иоанн Никонов как благочинный посылал диакона Афанасия Касьянова на поиски епископов, о чем показал на допросе:

«Состоя благочинным и не имея руководства после ареста епископов ВИКТОРА и НЕКТАРИЯ, командированному мною в Ленинград дьякону КАСЬЯНОВУ я поручал подыскать епископа. КАСЬЯНОВ

¹³⁹ Показания КАТАЕВА — листы дела 1926, 1927.

сумел заручиться лишь сведениями о том, что из сторонников епископа ВИКТОРА имеется епископ Бахчисарайский ИОСИФ, живет в Крыму, и Донской епископ КИРИЛЛ, но ввиду того, что они оба находятся на покое, попыток с ними связаться не имел».

Диакон Афанасий Касьянов в свою очередь показал: «В 1929 г<оду> я по рекомендательному удостоверению НЕКТАРИЯ ездил в Ленинград к епископу Димитрию Гдовскому, который меня посвятил в сан дьякона. Во вторую поездку в Ленинград мне рекомендовали для восстановления связей ехать в Бахчисарай, где жил епископ "Викторовской" же ориентации, но я туда не поехал».

Котельнические благочинные Иоанн Попов и Леонид Несмелов, а также Михаил Стрельников из села Ефименки Арбажского района с владыкой Нектарием, судя по материалам дела, непосредственно связаны не были. Не приняв декларации митрополита Сергия, они перешли к епископу Виктору («в викторовскую ориентацию») в 1928 году, после ареста епископа Виктора обращались к петроградским архиереям Димитрию и Сергию. Священник Михаил Стрельников на допросе упомянул еще епископа Ижевского Синезия. Хотя фактически с ним общения не было, за исключением рукоположения одного священника, который, судя по показаниям отца Михаила, сначала был направлен для рукоположения в Ленинград, но, очевидно, не застав там уже архиереев, поехал к епископу Синезию в Ижевск.

К епископу Синезию обращался также благочинный 3-го округа Шабалинского района Петр Галицкий. Вероятно, не все с этим были согласны, так, например, священник села Прокопьевского Александр Соколов в своих показаниях утверждал, что до 1931 года они были в 3-м округе у Петра Галицкого.

«Но он без ведома священников написал рапорт епископу Синезию в Ижевск и просил его руководства над округом. Я, как и другие священники, от Галицкого отказался. Из епископов никого не знаю. Наш епископ Виктор находится в ссылке, но где не знаю».

Не совсем ясно, что произошло со священником Петром Галицким. В своих показаниях он об этом ничего не говорил, а священник Николай Прахов, признававший Галицкого благочинным, на допросе показал, что летом 1930 года был у епископа Нектария и тот *«посоветовал отойти от Галицкого благочинного, т^{ак} к^{ак} он без разрешения епископа освятил церковь и служил лицом на запад».*

Об освящении церкви упоминал в своих показаниях и иеромонах Платон Щербинин. Он ездил к епископу Нектария в Казань, по его словам, *«на покаяние, т^{ак} к^{ак} свящ^{енник} Галицкий Воскресенской церкви начал службу в открытой Сов^{етской} власти церкви. Служил с ним и я без благословения. Еп^{ископ} Нектарий простил и наградил крестом. Был у него всего минут 30».*

По поводу освящения церкви отец Петр Галицкий в свою очередь показал, что поскольку он обращался к петроградским архиереям за руководством и помощью, то и в 1930 году, вскоре после ареста архиепископа Димитрия, ездил к епископу Сергию Нарвскому *«за получением благословения на освящение Воскресенской церкви, ранее занимаемой под общественные нужды, а потом освобожденной, и для разрешения вопроса об отошедших от благочиния церковных приходов, не согласившихся со мной в вопросе выправления патента на торговлю в церкви свечами».*

Так что, вероятно, разрешение епископа на освящение церкви все же у отца Петра было, и владыку Нектария могли не совсем правильно информировать.

Подобного рода недоразумения вполне объяснимы: при отсутствии нормальной связи между архиереями, а также между архиереями, духовенством и их пастырью могло происходить все что угодно. В тех условиях полного развала всей церковной структуры, когда архиереи и клирики были лишены всякой возможности не то что администрирования и общественного служения, но порой даже келейной молитвы, можно только удивляться, как еще на протяжении немалого времени удавалось сохранять прежний порядок — избирать благочинных, обращаться к архиереям со всякого рода прошениями, даже в письменном виде, с соблюдением всех строгих формальностей и получая соответствующие резолюции или письменные ответы.

В этом плане весьма примечательны некоторые документы, изъятые при арестах и приобщенные к следственным материалам. В рассматриваемом деле это целый ряд рапортов, прошений от клириков и причта на имя архиереев и благочинных. Что касается епископа Нектария, это три документа: прошение заштатного псаломщика Ивана Денисовича Малых на имя владыки с просьбой о рукоположении во священника с прикомандированием к церкви Флора и Лавра села Шешурги Кикнурского района, удостоверение от причта села Шешурги и выписка из клировых ведомостей Николаевской церкви села Верхопижемского (Караванного) Котельнического уезда.

В прошении от 26 сентября 1929 года псаломщик И. Д. Малых, оставивший ранее свое служение, пишет, что он задумался, *«а верно ли на самом деле Сергиевское течение»*, и *«по долгом раздумье, при всестороннем обсуждении данного вопроса и руководствуясь советами глубоко верующих и преданных Церкви Божией людей»* и *«видя в действиях администрации Сергиевского течения в лице епископа Ни-*

кифора и благочинного Макарова вопиющую несправедливость», «решил исправить свое религиозное состояние и оставить их навсегда».

Далее он писал, что обратился к благочинному 2-го округа Иоанну Мамаеву и был принят им в каноническое молитвенное общение. И теперь готов, если Господу будет угодно, послужить на ниве духовной в сане священника, дабы, если возможно, быть полезным церкви Божией. И закончил так:

«А посему покорнейше осмеливаюсь просить Вас, Ваше Преосвященство, не найдете ли возможным рукоположить меня в сан священства с прикомандированием в служении к Флоро-Лаврской церкви села Шешурги Яранской епископии.

К сему прилагаю документы: 1) выписку из клировых ведомостей по Никольской церкви села Верхонижемского; 2) удостоверение от причта церкви; 3) удостоверение от причта Флоро-Лаврской церкви».

На этом прошении рукою владыки Нектария — резолюция: *«Бог благословит послужить Св. Православной Церкви пресвитером».*

В удостоверении от причта Флоро-Лаврской церкви указано, что Иоанн Малых *«является человеком глубоко верующим и принес полное (раскаяние) покаяние от сергиевской ереси. Притом является хорошим знатоком пения, чтения и церковного устава и за свою стойкость <...> гоним от Сергиевского духовенства. Исправляя обязанности псаломщика при нашей церкви села Шешурги в течение около двух месяцев, показал себя человеком вполне достойным для принятия священного сана. Остальную его жизнь, проведенную с юных лет в Святой Церкви, удостоверит о<тец> благочинный 2-го округа с<ела> Душкина священник Иоанн Мамаев».* Далее следует прошение о рукоположении и подписи, из них первая

не прочитывается из-за ветхости документа, а вторая — священника Петра Кириллова. И под ними приписка от отца Иоанна Мамаева: «С мнением причта с^{ела} Шешурги я согласен. Все доброе приветствую, Вашего Преосвященства нижайший послушник, благочинный 2-го округа Котельнического уезда священник Иоанн Мамаев. 17–30 сентября 1929 года».

На этом документе также рукой владыки Нектария: «Согласен в виде исключения рукоположить во пресвитера. 1 октября. Епископ Нектарий».

И третий документ: подробнейшая выписка, вернее, это прямо часть самих клировых ведомостей со всем послужным списком Ивана Малых начиная с 1901 года, когда он был определен временным исполняющим должность псаломщика в Верхопижемской церкви, затем еще целый ряд других мест его служения, вплоть до 1923 года на постоянной должности псаломщика села Верхопижемского, и подписи двух священников Никольской церкви этого села. И затем по левому свободному краю опять-таки рукою владыки Нектария (и надо отметить, в старой орфографии, как и резолюции):

«+»

1929 года, 1 октября ст^{арого}/ст^{иля}.

По ходатайству благочинного священника И. Мамаева в виде исключения рукоположен мною за келейными литургиями 30 сент^{ября} во диакона и 1-го октября во священника к св. Флоро-Лаврскому храму прихода с^{ела} Шешурги Яранской епархии.

Смиренный Нектарий, Епископ Яранский».

Чтобы оценить эти сухие документы, нужно только представить время, когда они были составлены, и вспомнить положение ссыльного владыки. Кстати, он написал, что рукополагает Ивана Малых в виде исключения. Относилось ли это к тому, что хиротонии совершаются не в храме, или к личности самого Ивана, не известно¹⁴⁰.

Упомянутого диакона Афанасия Касьянова владыка направлял для рукоположения к архиепископу Димитрию Гдовскому. Об этом диакон Касьянов, служивший в церкви села Шапта и также арестованный по данному делу, давал показания в марте 1932 года: *«У епископа Нектария я был 3 раза, из них: первый раз был у него в Казани в 1929 <оду> для обмена мнениями о том, что можно ли мне поступить в псаломщики, т<ак> к<ак> я, не получивши никакого образования, служил в рядах Красной Армии, где я тогда от него получил благословение на должность псаломщика, второй раз в этом же году ездил к нему тоже в Казань для посвящения в дьяконы, но почему-то он тогда меня не посвятил, видимо, потому, что находился в ссылке, то служить <нрзб.>, а дал мне удостоверение с характеристикой и направил меня в Ленинград к Димитрию Гдовскому, где я и получил сан дьякона. Третий раз я к Нектарию ездил в конце декабря 1930 <года>, куда заехал из Ленинграда, для получения епископского благословения, надеясь его увидеть, т<ак> к<ак> ходили слухи, что он уже на свободе, но увидеть мне его не пришлось».*

---

¹⁴⁰ В 1932 году священник Иоанн Малых служил в селе Ильинское и был арестован по рассматриваемому нами делу. На допросах он отмежевывался от викторовского течения, говорил, что *«он не сторонник, а служит где придется»*. И даже озвучил клеветнические слухи в отношении епископа Виктора личного характера.

Также в 1930 году владыка Нектарий направлял к епископу Василию (Докторову) монаха Феодора Теплякова. Правда, Иоанна Безденежных и Николая Виноградова, согласно их показаниям, владыка сам рукополагал в Казани. Но все-таки, пока были действующие храмы, в которых еще открыто служили единомысленные архиереи, владыка старался, чтобы хиротонии совершались там с соблюдением всего чинопоследования и торжественности службы. Особенно если кандидаты в диаконы или священники намеревались служить в еще не закрытых храмах.

Келейные же тайные хиротонии владыка Нектарий совершал главным образом над теми, кто еще должен был учиться служению и не имел определенного назначения или изначально предназначался для тайного служения. Сколько всего было таких хиротоний, теперь точно узнать невозможно. По материалам следственных дел известны имена лишь некоторых ставленников. Так, по данному делу 1932 года проходило несколько клириков — диаконов и священников, рукоположенных епископом Нектарием. Вот, к примеру, показания священников Михаила Огородова и Иоанна Разгулина, приведенные в "Обвинительном заключении":

Обвиняемый ОГОРОДОВ М. А.:

«До 1930 года я был простым мирянином, а в 1930 году епископом НЕКТАРИЕМ был посвящен в тайные попы, при этом он мне сказал: "Посвящаю тебя тайным священником — в запас, сейчас иди домой, живи мужиком, а когда нужно будет — призову"».

Обвиняемый РАЗГУЛИН И. В.:

«Во вторую поездку к НЕКТАРИЮ в г<ород> Казань с письмом благочинного ПОПЦОВА в 1930 году

епископ НЕКТАРИЙ посвятил меня в сан священника во время вечерней службы с монашками в своей келии. Я, боясь этого назначения, тогда же сказал НЕКТАРИЮ, что с должностью священника я не справлюсь, на что он мне ответил: "Ладно, живи в своей келье, как жил за мужика", — и подарил мне подрясник... Возвратившись от НЕКТАРИЯ, я стал жить в своей келье и молиться. Посещал церкви сел: Улеш, Городищи, Корляки и др<угих> — "викторовской" ориентации. Постоянно священнические обязанности не исполнял, а служил периодами в селах Останчурга и Лежнино».

Симеон Ямдулецкий, рукоположенный владыкой Нектарием в декабре 1929 года, тоже первое время оставался "в запасе". На допросе 2 марта 1932 года он показал: «5 декабря 1929 года я пришел в Казань к ссыльному епископу Нектарию с просьбой посвятить меня в священники, заявив: "Преосвященнейший Владыка, я хочу быть ревнителем Православной Церкви, желаю служить ей". Когда же епископ Нектарий посвятил меня в тайные священники, в запас, он мне сказал: "Посвящаю тебя тайным священником, в запас, сейчас иди домой, живи мужиком, когда нужен будешь — призову". Об этом посвящении никому никогда я не говорил — держал в секрете. В июне 1930 года я вторично пошел к Нектарию напомнить о службе, последний раз мне предложили занять вакантное место в селе Лежнино Шарангского района, где я и служил без перерыва по день ареста».

Это были далеко не все ставленники владыки даже в его епархии; кроме того, он рукополагал и для других епархий. Так, например, известно, что им был рукоположен бывший келейник Серпуховского епископа Максима (Жижиленко) Василий Трусов (в даль-

нейшем иеромонах Козьма) по рекомендации священника Никиты Игнатьева¹⁴¹, который в свою очередь имел благословение от владыки на служение в его епархии с 1929 года¹⁴². Конечно, подобные хиротонии, да еще и для других епархий, не укладывались в привычные рамки и не соответствовали строгой букве канонов. Недаром они подвергались критике даже со стороны некоторых клириков владыки. Об этом свидетельствует его письмо-распоряжение диакону Падеринского храма Леониду Медведеву, издевавшемуся над этими хиротониями: «Что это за посвящения, ведь все равно что вокруг столба — чердачные попы...»¹⁴³

Владыка охарактеризовал этот отзыв как «насмешливый и кощунственный, граничащий с неверием» и дал достойную отповедь кощуннику, но, вероятно, именно из-за подобного отношения все же старался не подавать повода к соблазну и отправлял ставленников к петроградским архиереям. Но не всегда это было возможно, и «нужды ради келейно» он все равно должен был совершать хиротонии. Ведь в любой момент служащие в храмах священники могли подвергаться аресту, и паства оставалась бы

---

¹⁴¹ В показаниях серпуховского священника Николая Ищенко упоминалось, что Козьма (Трусов) отсутствовал в Серпухове в декабре 1929 — январе 1930 года: *«Говорил, что едет к священнику Никите. Уезжал монахом, вернулся уже иеромонахом. Посвятить его мог только епископ»* (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 220).

¹⁴² Об этом подробно в книге нашей серии о священномученике Максиме «Тайный» епископ Серпуховской Максим (Жижиленко). Сподвижники его и сострадальцы. Жизнеописание и документы» (М.: Братонезж, 2014). Священнику Никите там посвящена отдельная глава, основанная на архивных материалах и воспоминаниях его духовной дочери.

¹⁴³ См.: в разделе «Письма епископа Нектария».

без духовного окормления. Поэтому необходимо было заранее готовить пастырей. Кроме того, при том ожесточении, с которым богоборная власть вела наступление на Церковь, становилось очевидным, что близится время, когда все храмы будут закрыты и богослужения можно будет совершать только тайно.

Некоторые священники, даже служившие в открытых храмах, и сами уже начинали переходить к тайному служению. Как, например, это сделал проходивший по данному делу священник Сергей Сухоруков. В середине 1928 года, будучи клириком Казанской епархии, он, прервав общение с епископом Афанасием (Малининым) и митрополитом Сергием, перешел на служение в церкви Яранского района. У владыки Нектария в Казани он бывал несколько раз. А на нелегальное положение потом перешел, отказавшись от регистрации. Вот что он показал об этом на допросе:

«С января месяца 1930 по март 1931 года я состоял настоятелем церкви села Лом. С целью избежать регистрации в административных органах Сов<етской> власти, что означает подписаться сатане, так как в анкете указывалось, что такой-то служителю культа, тогда как слово "культ" не церковное, а сатанинское, я ушел в приход села Кумья Марийской области и в 6 верстах от этого села в лесу около озера в земле вырыл пещеру, в которой организовал нелегальную церковь. Сосуды и др<угую> утварь я принес из церкви села Лом. В пещере ежедневно совершал богослужения. О существовании пещеры был посвящен ограниченный круг лиц, которым я говорил, чтобы они о моем местопребывании и нахождении самой пещеры никому не говорили».

«Весной 1932 года на пещеру наткнулись проходившие мимо ее охотники... Я, боясь того, что в пещеру могут прийти представители власти, забрал с собой церковные сосуды, одежды и ушел в приход села Лома, где ходил по деревням и совершал богослужения в лесах. В ночь на Пасху в лесу около Лома я совершил богослужение, на котором присутствовало больше 100 человек, преимущественно женщин, о чем я их известил раньше».

За организацию «*церковного контрреволюционного подполья*» отец Сергей был наряду с руководителями Истинно-Православной Церкви приговорен к 3 годам концлагеря. Следует отметить, что возникновение таких тайных церквей не было единичным случаем, церковное подполье в то время стало повсеместным явлением. Еще ранее, в 1931 году, в Воскресенском районе Нижегородского края также в лесной глуши был обнаружен «*нелегальный монастырь "Викторовской ориентации", именующийся "Истинно-Православной Церковью"*», причем устроен он был по благословению епископа Нектария священником села Копанки Николаем Федоровским.

Отец Николай еще с 1927 года служил в нелегальной церкви, которую выстроил при своем доме. Она не была тайной; просто, прервав общение с митрополитом Сергием, он стал служить в этой, по его словам, «*крохотной церкви*». Таким образом создавалась община из 43 семейств. В феврале 1930 года отец Николай был обложен непомерным налогом, и ему грозила опись всего имущества. По этой причине церковь пришлось разобрать и спрятать в надежном месте, о чем известили и епископа Нектария. Поскольку о существовании этой церкви было известно всей окрестности и потому было не избежать допроса о том, куда

она делась, отец Николай решился скрыться. Об этом он написал владыке:

«Одновременно с этим разошелся слух, что я агитирую против колхозов, что, конечно, заставило обратить на меня внимание местных властей и совершенно лишило меня возможности вернуться домой. Я не оставил все-таки маленькую общину без пастыря и успел вовремя соединиться с Воздвиженским приходом, на что я получил Ваше благословение еще в прошлом году. Впрочем, некоторые из моих духовных детей не пожелали войти в число прихожан села Воздвиженского, т<ак> к<ак> для этого надо было регистрироваться, против чего восставала их совесть, а потому мы решили устроить маленькую тайную общину и поставить для нее нашу Благовещенскую церковь в тайном, почти недоступном месте. На что покорнейше просим Вашего благословения. Податель сего письма известный Вам И. М. Ручин может дать об этом более подробные и точные сведения. Св<ященник> ФЕДОРОВСКИЙ».

Владыка Нектарий ответил священнику Николаю Федоровскому и его прихожанам так:

«С любовью во Христе принимаю в церковно-каноническое и молитвенное общение православную общину (св. Благовещенского храма, дер<евни> Копанков). Призываю на настоятеля и прихожан Божие благословение с пожеланием пребывать и впредь в твердом православии»¹⁴⁴.

Церковь была перенесена летом 1930 года: в глухом лесу в 20 км от ближайших селений выкопаны

¹⁴⁴ Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 18393 (1931). Л. 247.

пять землянок, где устроены храм и жилища для отца Николая и его сомолитвенников. "Подателя письма", Ивана Ручина, ближайшего помощника священника Николая, владыка Нектарий рукоположил во священника перед самым своим арестом 7 июля 1930 года. В апреле 1931 года эта тайная община была обнаружена и «оперативно ликвидирована» чекистами¹⁴⁵.

О том, что епископ Нектарий поддерживал создание тайных церквей и тайно рукополагал священников, засвидетельствовал и архимандрит Варсонофий (Никитин), как уже указывалось, также арестованный по делу 1932 года. Правда, во время следствия в 1932 году отец Варсонофий говорил не о тайном служении, а только о своем знакомстве и единомыслии с епископом Нектарием:

«Обвиняемый НИКИТИН Н. П. показал:

Будучи у епископа НЕКТАРИЯ, он мне давал наказ, никоим образом не склоняться на сторону митрополита СЕРГИЯ, как к изменнику православия, признавшему Советскую власть и разделяющему ее радости, тогда как Церковь не может признавать Советскую власть как власть безбожную, направляющую свои мероприятия против религии.

Будучи знаком с содержанием Декларации митрополита Сергия, я не могу согласиться с ней, где митрополит Сергей призывает все духовенство радоваться, когда безбожная власть творит дела против религии, и потому митр<о>полита Сергия я не признаю и считаю изменником православия».

---

¹⁴⁵ "Обвинительное заключение" по этому делу ярко и выразительно и полностью приведено в Приложении II.

Архимандрит Варсонофий на допросах также показал, что в Советском районе в селе Суводях служил с ноября месяца 1930 года по приглашению Николая Мышкина, до этого служил в Арбажском районе в селе Летяги. Там благочинным был Иоанн Мамаев¹⁴⁶ из села Душкино, он и держал связь с возвратившимся из лагеря Нектарием Яранским:

«Мамаев получал от еп<ископа> Нектария воззвания, с которыми знакомил священников своего благочиния. Мне приходилось читать три воззвания, первое написанное Нектарием сразу по возвращении из Соловков, а потом через полгода и год. Точно содержания воззваний не помню, но припоминаю, что в них говорилось об отступничестве Сергия Нижегородского, осуждении его за это и т<ак> д<алее>. В одном из воззваний Нектарий переименовывал ряд епископов, с которыми можно иметь общение, — всего 20–25, но припоминаю несколько имен: Иосиф Ленинградский, Димитрий Гдовский, Сергей Нарвский и Виктор Глазовский».

Более подробно о встречах с владыкой и о своей совместной с ним деятельности архимандрит Варсонофий показал спустя десять лет во время следствия в 1942 году. Тогда он признал, что инициатива создания тайных церквей принадлежала именно епископу Нектарию и что он (архимандрит Варсонофий) ее поддерживал и рекомендовал кандидатов для тайного

---

¹⁴⁶ Священник Иоанн Мамаев к тому времени уже был осужден и пребывал в лагере. Его арестовали в феврале 1930 года вместе с другими родственниками и прихожанами Вознесенской церкви в Душкино, которые активно противодействовали коллективизации. "Обвинительное заключение" по их делу представлено в Приложении II.

рукоположения, а в дальнейшем их наставлял и обучал. На допросе 2 ноября 1942 года отец Варсонофий подтвердил, что тайный священник Никифор Редькин был отдан под его руководство, как и Симеон Яндулецкий, с которым архимандрит был знаком еще по Мироносицкому монастырю. Они искали его советов и указаний относительно церковных служб, и он *«не мог отказать им в этом как более опытный священник»*. *«В части их антисоветских проявлений и действий я в их дело почти не вмешивался, они руководствовались, видимо, указаниями Нектария Яранского, а я лишь, соглашаясь с их действиями, благословлял их»*¹⁴⁷.

На допросе 3 ноября 1942 года отец Варсонофий подтвердил, что сам рекомендовал Редькина во священники: *«С Редькиным Никифором я познакомился в 1927 году, он бывал в церкви с<ела> Летяги, где я служил, был он уже тогда сторонником Викторовской¹⁴⁸ ориентации. В разговорах со мной он высказывал свои а<нти>с<оветские> убеждения и желание стать священником Истинно-Православной Церкви. Я нашел, что он подходит к этой должности, и дал ему в 1930 году рекомендательное письмо к Нектарию, с которым Редькин ездил в Казань. Где был принят Нектарием и рукоположен в священники. До 1932 года, кажется, Редькин служил священником в церкви с<ела> Кутузы¹⁴⁹. А потом перешел на нелегальное положение, причем он не советовался со мной об этом»*.

На вопрос, чем вызывалась "необходимость" ухода в лес и организация "тайных" церквей, архимандрит

---

¹⁴⁷ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Д. СУ-9215. Т. 1. Л. 14

¹⁴⁸ Так в тексте с заглавной буквы.

¹⁴⁹ Село Кутузово.

рит Варсонофий ответил: «Мне известно, что организация тайных церквей — это инициатива епископа Нектария. Вызывалось это тем, мне кажется, что проповедовать установки Истинно-Православной Церкви, а<нти>с<ответские> установки, молиться за царя в легальных церквях не было возможности, но это было возможно в тайных церквях»¹⁵⁰.

Далее в протоколе допроса следовал вопрос: «Расскажите откровенно, кто требовал от Вас нелегальных служб?» На это архимандрит ответил: «Следствию известно уже, что этого требовал еп<ископ> Нектарий Яранский. Кроме того, в 1937 году, т<о> е<сть> до посещения меня Яндулецким, я посетил в г<ороде> Казани епископа Иоасафа¹⁵¹ (ныне в ссылке, не знаю точно где, кажется в Самаре, т<ак> к<ак> он переписывался с Сергием игуменом¹⁵², проживающим в г<ороде> Йошкар-Ола), который вызвал тогда меня к себе на исповедь, причем также дал мне указание оставаться на нелегальном положении — укреплять в народе истинное православие»¹⁵³.

Епископа Иоасафа (Удалова), бывшего казанского викария, к тому времени так же, как и епископа Нектария, да и почти всех остальных архиереев Русской Православной Церкви, уже не было в живых — большинство из них богоборческие власти расстреляли. Свидетельство архимандрита Варсонофия о встрече с епископом Иоасафом в 1937 году весьма важно.

---

¹⁵⁰ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Д. СУ-9215. Т. 1. Л. 15.

¹⁵¹ Епископ Чистопольский Иоасаф (Удалов).

¹⁵² Игумен Сергей (Мытиков).

¹⁵³ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Д. СУ-9215. Т. 1. Л. 16-16 об.

Накануне своей мученической гибели владыка Иоасаф, близкий по духу своему казанскому святителю митрополиту Кириллу (Смирнову), также не приемлющий сергианской политики, но занимавший еще более умеренную позицию и даже не прерывавший общения с митрополитом Сергием в первые годы, теперь не только исповедует клирика и духовника "викторовско-нектарьевского" течения (одного из самых крайних в антисергианской оппозиции), но и благословляет его продолжать тайное служение — укреплять истинное Православие.

Иного пути у Церкви в богоборческом государстве не было. Все потуги достигнуть какого-либо соглашения с властями ценой компромисса и уступок ни к чему, кроме позора, не привели. Практический расчет митрополита Сергия оказался вовсе не практическим. Как писал священник Михаил Польский:

«Митрополит Сергей у себя в покоях спрашивал обычно протестовавших против его деяний архиереев: "Скажите, что делать?" И архиереи, его собеседники, молчали. Положение трагическое. Они в его положении ничего не умели ему посоветовать. Сильное место митр<ополита> Сергия против всех критиковавших и просто ругавших его было то, что ничего положительного посоветовать ему никто не мог, ибо никто не знал, как жить и действовать Церкви дальше. Сам митрополит знал только одно, что жить как-то надо и в советских условиях»¹⁵⁴.

Нельзя было сидеть на двух стульях, период неопределенности не мог длиться постоянно, продолжать дальше политику двусмысленности и недосказанности

¹⁵⁴ Священник Михаил. Указ. соч. С. 45.

по отношению к властям было невозможно. Определенности требовали и сами власти, приходилось сказать определенное "да" или "нет", то есть либо вернуться к анафеме Патриарха, либо идти на полное подчинение. Митрополит Сергей избрал последнее, исповедники — первое...¹⁵⁵

---

¹⁵⁵ Сейчас по прошествии уже многих десятилетий, оправдывая это «временное подчинение» митрополита богоборцам, указывают на его "добрые" последствия — видимое "сохранение" или "спасение" Церкви. И на видимую "бесполезность" прямого пути исповедничества — с практической точки зрения совершенно бесперспективного противостояния безжалостной машине богоборческого государства, стершего с лица земли всех инакомыслящих. Не будем рассуждать о том, насколько был "практичен" или "полезен" прямой путь исповедания в перспективе вечности, — прославляемые Церковью на протяжении всей ее двухтысячелетней истории святые мученики и исповедники являются самым неоспоримым доказательством или свидетельством (недаром слово "мученик" — по-гречески "мартирос" — означает "свидетель") правоты этого самого прямого пути в Царствие Небесное.

Что касается чисто земных практических расчетов, то и здесь, как свидетельствуют неопровержимые исторические факты, подчинение богоборцам было совершенно бесполезным. Как уже отмечалось выше, митрополит Сергей не смог сохранить своих сторонников и даже ближайших помощников. И ему самому посчастливилось выжить только благодаря начавшейся Второй мировой войне — в чисто политических целях богоборцам понадобилась церковная структура, и они позволили восстановить внешнюю форму центрального церковного управления (то, за что больше всего и боролся митрополит Сергей и ради чего жертвовал всем, вплоть до свободы Церкви). Но сохранил ли митрополит в этой восстанавливаемой не просто под надзором, а под руководством богоборческой власти структуру Русскую Православную Церковь? Это отдельная тема, выходящая за рамки данной работы. Отметим лишь, что возможность совсем иного развития событий существовала, и это чувствовали и знали очевидцы событий 1920-х годов: «Сидение в тюрьме мы

«На вопрос митрополита Сергия: "Скажите, что делать?" — был ведь определенный ответ: сидеть в тюрьме. Вот где практический расчет. Но у тех, у кого спрашивал митрополит Сергей, как и у него самого, это совершенно не считалось выходом из положения, а казалось тупиком, бесконечно долгим и беспросветным. А между тем это был единственный естественный выход из положения, который подсказывала сама жизнь. Об этом говорил и Патриарх, принужденный в начале же своей свободы рассматривать выход свой из тюрьмы как ошибку. Свободой не нужно было соблазняться. Свобода, конечно, была тяжелее тюрьмы. Какая может быть свобода для верующих людей в боготорном государстве? Потому в тюрьме легче, чем на свободе, что тюрьма (или подполье, катакомбы, нелегальное положение — все равно) есть вообще нормальная форма существования Церкви в безбожном государстве»¹⁵⁶.

получили от врага за свою твердость и этою твердостью хранили себя в Церкви. Тюрьма была по силам, к ней уже привыкли, храни только терпение и веруй в то, что Бог выведет правду твою, как солнце. Сделай только свое дело. За центральное Управление или за Церковь, что она останется без центрального Управления, не надо было бояться, потому что Церковь уже научилась бороться и разбираться во всем, и успехи расколов были невелики. ГПУ уже действовало по трафаретам, выдумки его уже стали всем понятны и не оригинальны. И в борьбе с Церковью ГПУ уже было в тупике. В момент сдачи митр<ополита> Сергия, как полагали некоторые виднейшие архиереи, ГПУ уже не знало, что делать дальше с упорством православного епископата. В случае неудачи плана ГПУ относительно митр<ополита> Сергия у ГПУ оставалось только одно голое, ничем не смягчаемое и не прикрытое насилие, которое было такой же голой пропагандой против самих себя. А этого ГПУ не хотело в отношении к Церкви. И вот, у вождя Церкви ни веры, ни терпения не хватило» (*Священник Михаил*. Указ. соч. С. 67).

¹⁵⁶ *Священник Михаил*. Указ. соч. С. 67.

Так и епископ Нектарий на допросе 5 июня 1931 года коротко и ясно сказал: *«Нормальное положение Церкви при Советской власти может быть только в подполье. Быть верующим при существующей власти есть подвиг»*.

Этот подвиг многих тысяч верных чад Российской Православной Церкви, ушедшей в катакомбы, до сих пор, к сожалению, не оценен и не понят до конца. О нем либо умалчивали, либо как-то старались принизить и умалить. В общественном сознании должна еще утвердиться правда, и потому так важно сейчас о ней говорить и писать¹⁵⁷. Материал о тайных общинах последователей епископа Нектария, представленный в следующих главах, является началом обстоятельного повествования в целом о Катакомбной Церкви этого региона — бывших Вятской и Казанской губерний.

---

¹⁵⁷ В нескольких книгах нашей серии уже были публикации о катакомбном служении.

7. Тайные богослужения в нектарьевских общинах. По материалам следственного дела 1936—1937 годов

Это дело было начато Управлением НКВД по Кировской области осенью 1936 года. По обвинению в принадлежности к *«подпольной контрреволюционной церковно-монархической организации, действовавшей на территории Кикнурского, Санчурского, Шарангского районов Кировской области»* было арестовано 30 человек, среди них несколько священников и диаконов, главным образом из паствы епископа Нектария. Более того, сама эта организация, по версии следствия, образовалась под руководством *«находящегося в данное время в Прорвинском концлагере епископа НЕКТАРИЯ»*¹⁵⁸.

В "Обвинительном заключении" об этом представлено было следующее: *«В директивном письме от*

---

¹⁵⁸ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Д. СУ-9012. Т. 3. Л. 98. Далее до конца главы все цитаты из данного дела.

26 марта 1935 года на имя обвиняемого ДРЕМИНА епископ НЕКТАРИЙ дал ряд директив и, в частности, предложил усилить конспирацию в переписке».

«8-го июля 1936 года епископ НЕКТАРИЙ обратился к своим последователям с к<онтр>р<еволюционным> воззванием, в котором требует активной к<онтр>р<еволюционной> работы». Понятно, что "директивами" и "к<онтр>р<еволюционными> воззваниями" обозначены письма владыки Нектария, и в них, конечно, речь шла только о церковных вопросах¹⁵⁹.

Письма владыки распространялись среди верующих. Особую роль как в их распространении, так и в целом «в развертывании к<онтр>р<еволюционной> работы» следствие отводило обвиняемым Василию Михайловичу Дремину и Нестору Яковлевичу Мосунову, не случайно они шли первыми в списке обвиняемых¹⁶⁰. Простые вятские крестьяне-середняки из сел Санчурского и Кикнурского районов, искренне верующие люди, они действительно пользовались доверием у епископа Нектария.

Нестор Яковлевич Мосунов ранее был старостой Падеринского храма. Вместе с настоятелем храма, протоиереем Иоанном Фокиным, заняв твердую анти-сергианскую позицию в начале 1928 года, он оказал решающее влияние на весь благочинный округ, перешедший к епископу Виктору и затем к епископу Нектарию. Василий Михайлович Дремин, также строгий

¹⁵⁹ Письмо владыки от 8/21 июля 1936 года сохранилось в материалах дела; о нем речь впереди.

¹⁶⁰ И само дело носило название: «Следственное дело № 585 по обвинению: ДРЕМИНА Василия Михайловича, МОСУНОВА Нестора Яковлевича, РАЗГУЛИНА Ивана Васильевича и других, всего в числе 30 человек по ст<атье> 58 п<унктам> 11 и 10 ч<асти> 2 УК».

ревнитель Православия, поддерживал постоянно связь с епископом Нектарием и в своем доме устраивал тайные богослужения. На допросах он не скрывал, что является последователем епископа Нектария, что получал от него письма, посылал посылки ему, а также другим заключенным в концлагеря (при обыске у него были найдены адреса концлагерей, и на вопрос, для чего они хранились, Василий Михайлович ответил: *«для оказания помощи з/к посылками из своих продуктов»*). Также он прямо заявил о своем непризнании советской власти, о *«сочувствии монархической царской власти, которая поддерживала православию»*, о своем крайне отрицательном отношении к колхозам.

Подобные взгляды высказывало большинство обвиняемых, в том числе и Нестор Яковлевич Мосунов. Он, кроме того, еще был признан одним из организаторов *«тайной церкви»* — об этом неоднократно упоминалось в показаниях свидетелей. Так, священники Падеринского храма на допросах заявили, что Мосунов в течение ряда лет храм не посещает и является последователем тайной церкви. Более того, один из них даже сказал, что якобы *«результаты пропаганды Мосунова за тайные церкви приводили в смущение самого еп<ископа> Нектария»*. И что *«когда Мосунов приехал к Нектарию в астраханскую ссылку, то Нектарий, увидав его, закричал: "Ты в церковь не ходишь и имеешь столько последователей!" Мосунов заплакал и начал жаловаться на безблагодатность церкви»*.

Правдивость этой информации весьма сомнительна: во-первых, это был пересказ услышанного из ненадежного "источника"; во-вторых, сами священники, служившие в это время в Падеринском храме, хотя формально и принадлежали к *«нектарьевской ориен-*

тации”, но, очевидно, “нектарьевцами” не были, а просто нашли себе место служения. Например, один из них, Леонид Викентьевич Медведев, на допросе откровенно заявил, что *«действия Нектария я не признаю и осуждаю, но принадлежу к нектарьевской ориентации в силу того, чтобы удержаться в приходе»*. В материалах следственного дела он проходит именно как священник села Падерино. Очевидно, что это не кто иной, как бывший диакон Падеринского храма, тот самый, которому епископ Нектарий направил письмо, вернее, распоряжение от 2 июля 1930 года с требованием покинуть Яранскую епархию. *«Принадлежность Ваша к нашей ориентации далеко не искренняя»*,¹⁶¹ — писал владыка и давал двухмесячный срок диакону подыскать себе место служения, а по истечении этого срока не благословлял приходской совет и причт Падеринского храма допускать диакона Медведева до священнослужения¹⁶².

Вскоре последовал арест владыки Нектария, и диакон, очевидно, не только не ушел, а, где-то приняв сан священника, продолжил служение в Падеринском храме. Так что, как видно, Нестор Яковлевич Мосунов имел веские основания не ходить туда на службы. Кстати, Медведев предполагал, что Нестор Мосунов также имел сан священника, поэтому на вопрос следователя об этом ответил так: *«Я этого не знаю, но предполагаю, что он — тайный священник, рукоположен епископом Нектарием. Так как я Нестору Яковлевичу задавал на эту тему вопрос, хотя он мне и не ответил, но засмеялся, и я отсюда и заключил»*¹⁶³.

¹⁶¹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10267. Т. 2. Л. 166.

¹⁶² Письмо полностью приведено в Приложении I.

¹⁶³ Однако в материалах дела этот вопрос обвиняемым больше не задавался и тема священства Н. Я. Мосунова не развивалась.

О создании тайных церквей подробно показал на допросах другой свидетель. Причем он как раз в противоположность падеринским священникам заявил, что создание этих церквей началось уже после поездки Н. Я. Мосунова к заключенному епископу Нектария. Так, на вопрос: «*Что Вам известно об установках епископа Нектария на создание "тайной церкви"?*» — этот свидетель ответил: «*Осенью 1933 г<ода> в дер<евне> Ериши был Нестор Яковлевич Мосунов и в присутствии меня рассказал о своей поездке к еп<ископу> Нектария. Он следующим образом передавал установки еп<ископа> Нектария: "Примиренчество — это пособничество. Разве апостолы платили за церковь, разве они брали у кого-нибудь разрешение служить в церкви. Теперь почти все священники продались сатане и работают заодно с Сов<етской> властью, помогая ей разрушать Церковь"*». И далее на вопрос о результатах «указанной директивы епископа Нектария» свидетель сказал: «*1. Появились отдельные лица и группы лиц, которые не стали посещать открытых церквей. 2. В 1934 г<оде> существовала в лесу "тайная церковь" около дер<евни> Чащицы. 3. Все эти лица не вступают в колхозы. 4. Некоторые из них отказываются брать советские деньги и покупать советского производства товары*».

О том, что инициатором «движения бойкотирующих открытые церкви» был епископ Нектарий, также подтвердил обвиняемый священник Василий Бесонов, настоятель церкви села Улеш Кикнурского района. В своих показаниях он подтвердил: «*В 1932 или 1933 году по рукам ходило письмо епископа Нектария, где тот писал, что "зарегистрированные", т<о> е<сть> легально действующие церкви являются безблагодатными. Это письмо я читал лично.*

Потом еп<ископ> Нектарий осознал это как ошибку, и сейчас он критикует поставленных им тайных священников и предлагает посещать церкви».

На вопрос: *«Откуда Вам известно о том, что еп<ископ> Нектарий изменил свое отношение к легальным церквам?»* — В. М. Бессонов ответил, что недавно получил письмо от владыки Нектария, где тот *«осуждает некоего Ивана Павловича, Никиту, бывшего священником в с. Городище, Петра Терехова и кого-то еще и советует их остерегаться».* Речь идет как раз о последнем письме епископа Нектария 8/21 июля 1936 года. В нем владыка действительно весьма резко высказывался в отношении тайно служащих священников, но не по причине их тайного служения, а из-за неразумного учения об антихристе и, по-видимому, из-за какой-то критики его самого с их стороны. В письме нет и намека на предложение посещать открытые церкви, но нет и осуждения открытых церквей. Ведь на тот момент еще немало приходов оставалось в пределах бывшей Вятской губернии, легально действующих как викторианских¹⁶⁴. И даже в показаниях одного из обвиняемых перечислены *«приходы нектарианской епархии»* — на тот момент открыто действующие храмы:

«В Кикнурском районе: села Улеш, Беляево, Цекеево, Шапта, Кресты, Кокшага, Потняк, Падерино.

В Санчурском: Корляки, Вотчино, Люмпанур, Городище, Студеново.

---

¹⁶⁴ К примеру, в списке действующих церквей на 1 января 1937 года только по Кикнурскому району из 14 храмов в графе "Какого течения" 11 обозначены как "православного тихоновского", 2 — "сергиевские" и 1 — "обновленческая" (Кикнурский районный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95). Список приведен в работе Л. М. Свинцовой «Летопись Троицкой церкви с<ела> Русские Краи».

В Шарангском: Лежнино, Останчург, Б<ольшая> Рудка.

В Горно-Марийском: Нежнур.

В Яранском: Кукишерга, Клочки.

В Торъялском: Шабаши (Неделька).

В Тонкинском: С<еверный> Край».

Владыка только сокрушался о раздорах среди его паствы и взаимных обвинениях в безблагодатности. А то, что они имели место, подтверждает и сам священник Василий Бессонов. На вопрос: «*Рассматривает ли Ваша церковь фанатиков, бойкотирующих легальные церкви, как сектантов, отпавших от церкви?*» — ответил: «*Я лично считаю их отпавшими от Церкви и не буду иметь с ними молитвенного общения*».

На вопрос: «*В чем заключается политическая платформа группы фанатиков, бойкотирующих легально действующие церкви?*» — он ответил: «*Они считают сов<етскую> власть "властью антихриста", а колхозы — "лапами сатаны". Они считают грехом регистрацию гражданской властью церковей и духовенства, не вступают в колхоз, считают грехом общение с колхозниками, не обучают своих детей в советских школах. Некоторые даже доходили до того, что отказывались покупать товары в кооперативах и отказывались брать хлеб из рук колхозников. Сейчас некоторые из них считают для себя возможным работать по найму в колхозах*».

И далее на вопрос, «*кем окормляются эти фанатики*», перечислил как раз тайных священников-нектарьевцев: «*Никифор, Семен и Петр Платонович*», — служивших в 1933–1934 годах около деревни Гудинской и Чащинской в тайной церкви в лесу, а также «*Никита, Иван из с<ела> Лиса и Сергей Сухоуков*». Речь идет о Никифоре Редькине, Симеоне Ян-

дулецком и, возможно, Петре Терехове (правда, у него отчество Алексеевич), Никите Игнатъеве и Иоанне Разгулине.

Сергий Сухоруков, Симеон Яндулецкий и Петр Терехов вообще не упоминаются в данном деле. Остальные названы *«руководителями к<онтр>р<эволюционной> организации»*. К ним еще был добавлен странствующий схииеромонах Филарет Белоконов. Он был арестован в августе 1936 года в деревне Кузнецы Кикнурского района, где совершал тайные богослужения. В "Обвинительном заключении" о нем сказано следующее:

«В феврале 1936 года в район, пораженный деятельностью к<онтр>р<эволюционной> организации, прибыл иеросхимонах БЕЛОКОНОВ, имевший при себе походную церковь, полученную им в Москве от члена "Центра ИПЦ" Соловьева М. Н. (том 1, стр<аница> 62). На пути в Яранск походная церковь у БЕЛОКОНОВА была изъята, но в Яранске БЕЛОКОНОВ при активном участии схимницы КАРЯГИНОЙ, проживающей нелегально, снова организовал походную церковь, функционировавшую в ряде пунктов Кикнурского и Яранского районов, где БЕЛОКОНОВ и КАРЯГИНА вели к<онтр>р<эволюционную> монархическую пропаганду, а сам БЕЛОКОНОВ объявил себя "вселенским учителем" (том 1, стр<аницы> 56, 53, 104, 157). Более месяца походная церковь функционировала в дер<евне> Исаково Кикнурского района».

В своих показаниях отец Филарет сказал, что ему было разрешено совершать службы по крестьянским избам еще при царе Николае, и с тех пор он совершает их нелегально. Будучи афонским монахом, он в 1913 году вместе с другими имяславцами был выслан в Россию и, по-видимому, первое время в числе

300 таких монахов находился в Покровском монастыре. В 1915 году, по его словам, *«братия Покровского монастыря уполномочила»* его объезжать Россию и поддерживать связи с монахами, приехавшими из Турции, то есть высланными с Афона.

В 1932 году схииеромонах Филарет Белоконов был арестован в Московской области (где он бывал и служил до этого времени, в материалах дела информации нет). Его приговорили к высылке в Казахстан, но он скрылся и вместе с монахиней Серафимой Карягиной странствовал по Московской области, затем по Горьковской, где в 1935 году их арестовали и приговорили к заключению в лагерь.

Филарета Белоконова вскоре выпустили по состоянию здоровья — ему, кстати, было на тот момент 75 лет, а Серафима Карягина сбежала из Оршанской колонии и в августе прибыла в Яранск, а позднее как-то устроила приезд туда и Белоконова.

На вопрос, к какой церковной ориентации принадлежит, отец Филарет ответил: *«к истинно-православным христианам, епископа Сергия не признаю»*. Но какого епископа он поминал при богослужениях, не известно. К епископу Нектарию он, судя по всему, никакого отношения не имел.

Все остальные обвиняемые, в том числе и клирики, напротив, подчеркивали свою приверженность епископу Нектарию. Так, например, диакон Василий Жарехин, рукоположенный владыкой Нектарием в 1930 году и отбывший три года ссылки по делу 1932 года (по возвращении жил в родном селе, по 3–4 раза в месяц ходил служить в церковь села Городище Санчурского района). На допросе он твердо заявил: *«Я нектарьевец, и я ему душою и телом подчинен, и я выполняю все задания преосвященного Нектария»*.

Диакон Александр Юдинцев, также рукоположенный владыкой в 1930 году, сказал на допросе, что принадлежит к «викторовской ориентации», является последователем «*Нектария и Петра Крутицкого*». Служил он в церкви села Останчурга. В 1932 году его осудили на три года концлагеря. Вернувшись на родину в июле 1936 года, диакон Александр вновь служил в той же церкви со священником Авраамием Кочевым, а после ареста священника в сентябре 1936 года продолжал служить в церкви панихиды. На вопрос, почему не регистрировался в РИКе, он ответил: «*Церковь и духовенство не нуждаются в регистрации*». Диакон Александр и ранее, до ареста 1932 года, служил без регистрации: «*С самого начала моей службы, т<о> е<сть> с 1930 <года>, когда я был возведен епископом Нектарием в сан диакона, я нигде как церковный служитель не регистрировался, отрицая общение с Сов<етской> властью*».

Однако при этом он не признал, что является нелегальным служителем культа, и подчеркнул: «*Я служил открыто*». Как видно, понятия "тайный" и "нелегальный" для диакона Александра различались, то есть служил он открыто, но при этом отказывался регистрироваться. Для кого-то эти понятия были тождественны. На самом деле в самом скором времени они действительно станут тождественны, так как незарегистрированному клирику невозможно будет служить открыто.

Еще один нелегальный служитель, но не тайный — диакон Иван Вещев. Рукоположен владыкой, но вскоре им же был запрещен в служении («*за бытовое поведение, вел бродячий образ жизни и служил нелегально псаломщиком в с<еле> Кокшаге*», как это записано в справке за подписью начальника Кикнурского РО НКВД). Рукоположен Иван Вещев был по

рекомендации священника Иоанна Мамаева, с ним он познакомился в 1928 году в селе Душкино, когда ходил по селам с ремонтом обуви. В 1929 году он ездил в Казань, но епископ Нектарий тогда его не рукоположил, а рукоположил позднее, в 1930 году, для села Душкино, однако вскоре церковь там закрыли, и Иван Вещев служил в Шешурге. Оставил он там службу с августа 1933 года, будучи запрещен епископом Нектарием за аморальное поведение (внебрачную связь с певчей храма). Это запрещение ему было объявлено через Н. Я. Мосунова, который как раз в то время повидался с епископом Нектарием в Астрахани. По свидетельству Вещева, с Мосуновым ездил и житель села Вотчино Елисей Ильич Полушин.

Сам Иван Вещев, также поехавший к владыке осенью 1933 года, с ним встретиться не смог, по его словам, *«в Прорвинский лагерь нет доступа посторонним»*. В своих показаниях он говорил о том, что епископ Нектарий осуждал Н. Я. Мосунова за то, что тот не стал посещать открытые церкви, опасаясь, что это вызовет смуту среди верующих. По его словам, это сообщил ему сам Мосунов весной 1933 года. К этим показаниям, однако, следует относиться осторожно, так как у Вещева были свои претензии к Н. Я. Мосунову. Нестор Яковлевич передавал Вещеву запрещение от владыки и затем приезжал проверить, как тот его исполнил (по словам Вещева, *«вскоре лично был в дер<евне> Вороны и проверил, снял ли я волосы»*). А в 1934 году на просьбу Вещева ходатайствовать за него перед епископом Нектарием о восстановлении в сане диакона ответил отказом.

Также полного доверия не могут вызывать показания Вещева о том, что в 1932–1933 годах священник Никифор Редькин говорил ему о письме епископа Нектария, в котором утверждалось, что *«Церковь уш-*

ла в пустыню» и что якобы «это письмо Никифор и толковал в том смысле, что в открытые церкви ходить не нужно» (тем более что самого письма Вещев не видел). По его мнению, именно тогда начала создаваться организация «тайная церковь», на нелегальное положение перешел священник Сергей Сухоруков из села Лом, затем близ деревни Чащино в лесу служил Петр Кириллов. А в настоящее время последователями «тайной церкви» в селениях Кузнецы, Кукарка, Заборена руководили священники Никифор Редькин, Иоанн Разгулин, Иоанн Павлович, монах, недавно арестованный в Яранске.

Из тайных священников по данному делу в 1936 году был арестован только Иоанн Разгулин. На тайное служение он был настроен с самого начала, по его словам, епископ Нектарий, рукополагая его в 1930 году, сказал ему «*поживешь пока так*», т<о> е<сть> без определенного прихода. Потом, когда владыка предлагал ему служить в открытом приходе, он отказался. И на другом допросе показал: «*Когда епископ Нектарий рукополагал меня в священники, то он говорил, чтобы я готовился к тайному служению в то время, когда будут закрываться церкви. Я понял это так, как необходимость для верующих сохранения православных обрядов и сохранения православия. Поэтому я и до последнего времени иногда совершал тайные обряды и богослужения по домам верующих*».

Священник Иоанн был знаком с другим тайным священником, рукоположенным владыкой Нектарием, — Никифором Редькиным. Он подтвердил, что они исповедовались друг другу. И на встрече 2 августа 1936 года Никифор рассказал, что «*живет в лесу в специально вырытой пещере, при которой он совершает богослужения*». Отец Иоанн также признал, что бывал в доме Головиной в деревне Пески, но с бы-

вавшим там тайным священником Никитой Игнатьевым не встречался.

Однако в "Обвинительном заключении" по этому поводу было указано: «РАЗГУЛИН имел связь с РЕДЬКИНЫМ и через участницу к<онтр>р<еволюционной> организации ГОЛОВИНУ — с ИГНАТЬЕВЫМ Никитой. Сам же РАЗГУЛИН в целях конспирации своей деятельности занимался якобы ремонтом обуви (том 1, стр<аницы> 37–39).

РЕДЬКИН Никифор и ИГНАТЬЕВ Никита проживают строго конспиративно. РЕДЬКИН, помимо личной связи с РАЗГУЛИНЫМ, имел с ним связь через участницу к<онтр>р<еволюционной> организации ПОПОВУ Наталью. 2-го августа 1936 года в дер<евне> Шарыгино Кикнурского района, в доме ШАРЫГИНОЙ Елены состоялось нелегальное совещание актива к<онтр>р<еволюционной> организации с участием РЕДЬКИНА, РАЗГУЛИНА, ПОПОВОЙ и ШАРЫГИНОЙ. Весной 1936 года РЕДЬКИНА посетили конспиративно участники к<онтр>р<еволюционной> организации ВИНОГРАДОВА и ЦАРЕГОРОДЦЕВА (том 3, пакет 9 и 11; том 1, стр<аницы> 242–243, 44, 237).

Наталья Венедиктовна Попова из деревни Комаровка Кикнурского района была арестована, и на допросе ей зачитали последнее письмо епископа Нектария: «Следствие оглашает Вам выдержку из нелегального воззвания еп<ископа> Нектария, касающуюся Вашей агитации об антихристе. Подтверждаете ли Вы это место воззвания: "Неразумною проповедью об антихристе усердствуют Комаровская Наталия... сама ничего не понимая".

Ответ: Не подтверждаю».

Далее Наталья Венедиктовна отрицала свою принадлежность к контрреволюционной организации "Тай-

ная церковь". «Нет такой организации», — просто сказала она. Тем не менее она, как и все обвиняемые по делу, была признана участницей контрреволюционной церковно-монархической организации "Тайная церковь"¹⁶⁵, «то есть в преступлении, предусмотренном статьями 58–10, 58–11, часть 2 УК РСФСР». В марте 1937 года был вынесен приговор: почти все обвиняемые были приговорены к 3–5 годам концлагеря и отправлены в Севвостоклаг (на Колыму).

Следует отметить, что наряду с термином "тайная церковь" в материалах дела употреблялось и понятие "истинно-православные". В показаниях свидетеля, бывшего псаломщика Улешской церкви «до 1932 года, а до настоящего времени — пчеловода», как указано в протоколе допроса, перечислены члены контрреволюционной группы «истинно-православных христиан» — «нелегальный священник Иоанн Разгулин, крестьянин Зарницын, священник Игнатьев Никита, архимандрит Серафим, который, по словам Голомановой, приезжал из Москвы, Голоунина Екатерина Ильинична». «Данная группа проводит свои нелегальные собрания в дер<евне> Песках в доме Голомановой и в церковной сторожке Улешской церкви».

Руководителем этой группы был назван епископ Нектарий, с которым поддерживалась связь. «Так, в начале 1935 года Голованова получила воззвание от еп<ископа> Нектария и это воззвание читала своим единомышленникам в Улешской церкви», — показал

---

¹⁶⁵ Каждому были приписаны, помимо общих, и особые преступления. Так, Н. В. Попова кроме того, что «являлась связисткой одного из руководителей к<онтр>р<еволюционной> организации РЕДЬКИНА, участвовала на нелегальном совещании 2 августа 1936 г<ода>», еще «и вела к<онтр>р<еволюционную> пропаганду, демонстративно вывесила в своей квартире царский портрет».

свидетель и подтвердил известное следствию, что «Голованова принадлежит к к<онтр>р<еволюционной> организации и ведет к<онтр>р<еволюционную> пропаганду, чтобы не вступали в колхозы, не выполняли обязательные государственные платежи, не брали бы советские документы, так как подчинение Сов<етской> власти — это непростительный грех».

Удивительно, что на одной и той же странице показан даны четыре разных варианта фамилии Екатерины Ильиничны Головановой¹⁶⁶. Эта замечательная исповедница-монахиня, сподвижница и наставница отца Никиты Игнатьева, на протяжении нескольких десятилетий продолжала вместе с ним тайное служение, и ее духовным руководством и советами пользовались десятки христиан. Она не была арестована в 1936 году — в материалах дела указано, что она «скрылась с постоянного местожительства». В отношении ее, а также и нелегальных священников Никиты Игнатьева и Никифора Редькина принято постановление — выделить материалы «для производства розыска по области и привлечения данных лиц к ответственности»¹⁶⁷.

¹⁶⁶ В "Обвинительном заключении" она все-таки названа "Головиной": «Руководители организации имели явочную квартиру в доме, выстроенном участницей организации ГОЛОВИНОЙ в 1934 году в дер<евне> Пески Кикнурского района (том 2, стр<аница> 47; том 1, стр<аница> 209). В постройке дома ГОЛОВИНОЙ оказывал помощь обвиняемый ЗАРНИЦЫН Пав<ел> Петр<ович>, имеющий связь с одним из руководителей организации РАЗГУЛИНЫМ (том 1, стр<аницы> 209–210)».

¹⁶⁷ О них будет рассказано в следующих главах.

8. Следственное дело тайных священников Никифора Редькина и Симеона Яндулецкого 1942 года

Тайный священник Никифор Редькин, объявленный в розыск с 1936 года вместе с другими тайноцерковниками, был арестован весной 1942 года сразу же вслед за священником Симеоном Яндулецким. Вместе с ними были арестованы их духовные чада, и в отношении всех возбуждено одно общее следственное дело. "Обвинительное заключение" по этому делу, составленное в августе 1942 года, начиналось так:

«Управлением НКВД Кировской области вскрыта и ликвидирована контрреволюционная церковно-монархическая организация "Истинно-православная церковь", проводившая свою враждебную деятельность на территории ряда районов Кировской и Горьковской областей, — в результате арестовано и привлекается по настоящему делу 41 человек, подавляющее большинство из которых проживали на нелегальном положении и скрывались в землянках "тайная церковь", оборудованных необходимым церковным

инвентарем. При аресте участников организации обнаружено несколько землянок, в том числе две землянки "тайная церковь" с большими запасами продовольствия»¹⁶⁸.

Далее по привычной схеме излагалась история возникновения "организации" с 1927 года: декларация митрополита Сергия, ответ на нее епископа Виктора (Островидова), поднявшего «ключ к объединению всех верующих, не признающих Советскую власть», затем после его ареста — деятельность епископа Нектария Яранского, к которому «перешло руководство контрреволюционной организации "ИПЦ"» и который «дал установку перейти на нелегальное положение и проводить антисоветскую деятельность "тайно"; с этой целью приступил к подбору-вербовке из числа надежных церковников лиц, способных в нелегальных условиях объединить вокруг себя недовольных Советской властью и развернуть активную антисоветскую деятельность, — началась полоса посвящений в сан священников-нелегалов».

Таковыми священниками, ставленниками епископа Нектария, и названы арестованные по настоящему делу как «руководители к<онтр>р<еволюционных> групп "ИПЦ" — РЕДЬКИН Петр (он же Никифор) Феофилактович и ЯНДУЛЕЦКИЙ Семен Иванович», которые якобы получили от епископа Нектария «указания тайно организовывать народ на борьбу с Советской властью», для чего «вербовали участников ИПЦ». По терминологии следствия, «вербовке предшествовали под предлогом молений сборища церковников, которые проводились в квартирах КРОПА-

¹⁶⁸ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Д. СУ-7036. Дело Редькина, Яндулецкого и др<угих>. 1942 год Т. 7. Л. 205. Далее до конца главы все цитаты, кроме оговоренных особо, из этого дела.

НЕВА П. и ОПАРИНА Г., а в летнее время — в лесу. На сборищах присутствовало до 100 человек».

Понятно, что речь шла о тайных богослужениях, которые, как особо отмечено, «сопровождались антисоветскими выступлениями и проповедями ЯНДУЛЕЦКОГО и РЕДЬКИНА, в которых они призывали молиться за здоровье бывшего царя РОМАНОВА Николая (провозглашая за него здравицу), вести активную борьбу с Советской властью и не вступать в колхозы и не обучать детей в советских школах».

Местом деятельности священников-нелегалов были указаны Шарангский и Кикнурский районы Кировской области и смежные с ними районы Горьковской области. Здесь, по выражению чекистов, «был достаточный контингент людей, слепо-фанатично верующих в правоту "Истинно-Православной Церкви"», где с 1932 года эти "священники-нелегалы" «подбирали антисоветски настроенных лиц, из которых затем организационно оформили две группы последователей "ИПЦ", поставив перед ними следующие задачи:

- 1. Поддерживать все действия, которые направлены к ослаблению или свержению Советской власти.*
- 2. Не вступать в колхозы и не принимать участия в общественно-политических мероприятиях, проводимых Советской властью.*
- 3. Детей школьного возраста не отпускать для обучения в школу».*

С началом войны в 1941 году, подчеркивалось следствием в материалах "Обвинительного заключения", деятельность этих «контрреволюционных групп» особенно активизировалась. В связи с тем, что истинно-православные христиане не могли участвовать в войне на стороне советской власти, они укло-

нялись от военной службы и должны были скрывать-ся, что *«создало необходимость полного перехода на нелегальное положение их участников, для чего в лесу было построено дополнительно несколько землянок, строго законспирированных».*

Как уже говорилось ранее, священники Симеон Яндулецкий и Никифор Редькин были рукоположены владыкой Нектарием в Казани в конце 1929 — начале 1930 года и направлены на служение в открытые еще храмы: отец Симеон — в селе Лежнино Шарангского района, а отец Никифор — в селе Кутузово. Как свидетельствовал позднее архимандрит Варсонофий (Никитин), он тогда посылал в Кутузово монахиню Александру Толстикovu, чтобы *«помочь служить в церкви вновь рукоположенному в сан священнику Редькину»*, а в 1939–1940 годах по поручению архимандрита она же побывала у отца Никифора в лесу: *«она это поручение выполнила, подробно меня информировала о деятельности Редькина как тайного попа».*

В 1932 году отец Симеон был арестован и отправлен в ссылку, а отец Никифор во избежание ареста прекратил открытое служение и перешел на нелегальное положение, служа по домам и в землянках в лесу, а с 1936 года, устроив церковь в построенной лесной землянке, служил и жил там постоянно до самого ареста.

Отец Симеон Яндулецкий тем временем отбывал наказание, в 1933 году он бежал из ссылки, вернулся на родину, где вскоре вновь был арестован и приговорен к трем годам концлагеря. После освобождения из лагеря в 1937 году какое-то время он служил помощником в храмах сел Останчурга и Ключки Яранского района, а в 1938 году после ареста священника Иннокентия в селе Ключки, опасаясь ареста, перешел на нелегальное положение и стал служить тайно: сначала в доме Павла Васильевича Кропанева, своего бывшего

прихожанина из Лежнинской церкви, а позднее и в других местах — по избам, летом — прямо в лесу, где на его службы собиралось до 100 человек.

В 1939 году отец Симеон встретился с отцом Никифором, побывав в его тайной церкви, а в 1941 году он со своей общиной также в лесу построил землянки и избушку для церкви и жилья, примерно в 30 км от землянки отца Никифора (вероятно, все это было в Тоншаевском районе, так как известно, что до постройки последней землянки отец Никифор скрывался в окрестностях деревни Колдырят Тоншаевского района).

Община отца Симеона была арестована первой. 23 марта 1942 года в лесу на территории Тоншаевского района Горьковской области, — согласно протоколу задержания, — *«в избушке "Тайная церковь" был задержан Яндулецкий Семен Иванович, 1886 года рождения, уроженец гор<ода> Йошкар-Ола, — поп тайной церкви, последний при себе никаких документов не имел, первоначально назвал себя "православным христианином"»*.

При личном обыске ничего не обнаружили, что указывалось в отдельной справке; а при обыске в *"избушке"* были изъяты документы и предметы, о чем и были составлены, соответственно, протокол и описи. В протоколе перечислены следующие документы: *«1. Воззвание епископа Нектария Яранского от 8 июля 1936 года антисоветского содержания. 2. Послание монахам, мирским чадам (автор не установлен) — 2 экз<емпляра>. 3. Стихотворение "Райская птичка" — 2 экз<емпляра>. 4. Фотокарточек разных — 19 шт<ук>. 5. Разных записок — 12 шт<ук>»*. Отец Симеон признал, что документы принадлежат ему лично, но от подписи протоколов категорически отказался.

В описи "*изъятые ценности*" — серебряные монеты царской и советской чеканки, серебряная чаша и ложечка, нагрудные кресты (в количестве 356) и 2 креста на серебряной цепочке. В отдельной описи — *«изъятое имущество из землянки "Тайная церковь" ЯНДУЛЕЦКОГО Семена Ивановича»*. Причем в ней помимо всего не только тщательно перечислены по пунктам все церковные предметы, но и почти не искажена церковная терминология (скорее всего записывали со слов отца Симеона): так, наряду с салфетками шелковой, сатиновой, бумажной (каждая в отдельном пункте) *«подризники шелковые, сатиновые, ситцевые, стихари пономарские ситцевые, одежда на престол и на жертвенник холщовая, пелена из парчи, антиминс, плащаница, епитрахиль парчовый и холщовый, воздухи малые для чаши и воздухи большие для чаши, комплекты риз шелковых и риза парчовая, орарь протодиаконский, набедренники бархатный и шелковый, ленты шелковые и чемоданы старые»*.

Судя по описи, ризница в лесной церкви не уступала ризнице иного сельского храма. Вообще поразительно, как верующим, в большинстве своем совершенно нищим, — либо нелегалам, как отец Симеон, скрывающимся от неминуемого ареста, либо раскулаченным и лишенным всего своего хозяйства — удалось не только устроить полноценную церковь в лесной глуши, но и обеспечить всем необходимым почти два десятка человек, проживших там без малого шесть месяцев в самое холодное время — с октября по март; при этом запасов продуктов там оставалось еще много¹⁶⁹.

---

¹⁶⁹ На вопрос во время суда *«Чем вы питались?»* — один из подсудимых ответил: *«Запасов продуктов нам хватило бы еще на целый год»*. И добавил веско: *«Грабежом заниматься не думали»*.

Также и у иеромонаха Никифора — к моменту его ареста в лесу с ним проживало около 20 человек. Сам он скрывался на протяжении десяти лет и более пяти лет прожил в той землянке, где его арестовали. На вопрос, на какие средства существовал их пастырь Никифор (Редькин), один из членов его общины, Павел Матвеевич Романов, ответил так: *«Я думаю, что он существовал на то, что ему приносили верующие. Вот я, к примеру, сам приносил ему хлеба»*.

Конечно, и сами священники, и нашедшие прибежище в их тайных лесных церквях, кроме богослужений и молитвы, занимались каким-то рукоделием (так, например, известно, что отец Симеон плел лапти)¹⁷⁰. Основная же помощь была от их прихожан или духовных чад. Но ведь и они помогали пастырю не от избытка, а от своей скудости — все были единоличниками, в колхозы не вступали (колхозников в общины строго не принимали, да и те тоже влачили жалкое существование, будучи рабами системы). Единоличников всячески притесняли, порой обкладывали такими налогами, которые они не в состоянии были выплатить.

Тот же Павел Матвеевич в свое время за невыполнение весенне-посевного плана был осужден на два года лишения свободы, замененных, правда, одним годом принудительных работ. А вот Иван Петрович Золотарев и Петр Прокопьевич Филиных в 1930–1931 годах были приговорены к заключению в концлагерь: Золотарев — к 5 годам, а Филиных — к 8 го-

---

¹⁷⁰ О подробностях быта этих тайных общин нам мало что известно. Единственное, что можно сказать, — порядок там был строгий, монастырский. Так, на вопрос: *«Чем в Вашей организации занимались женщины?»* — член общины отца Никифора ответил: *«Что они делали, я не знаю, так как в их землянке я не был»*.

дам, — за то, что не выполнили гособязательства. Так, Иван Золотарев на суде сказал: *«Мне дано было твердое задание, больше, чем я намолотил хлеба. Намолотил я 12 пудов, а наложено было 50 пудов, я не в силах был выполнить задание. Получилось это из-за того, что был неурожай, а посевной план я выполнил полностью»*.

Из лагеря оба крестьянина сбежали. И если Иван Золотарев жил свободно, то Петр Филиных скрывался и жил, как он сказал, *«в своем домишке, семья состояла из двух дочерей и матери-старушки. В селе никуда не ходил, за исключением Тихонова, население не знало, что я нахожусь дома. Таким образом я скрывался с 1935 года дома, к нам никто не ходил, мы никого не пускали, а если кто и заходил к старушке-матери, я прятался за печкой»*. При этом Петр оставался верующим человеком и посещал тайные богослужения, участвовал в строительстве лесной церкви отца Симеона.

Каким чудом люди в таких условиях не только выживали сами, но еще и устраивали церкви, помогали священникам и нуждающимся?! Вспоминаются евангельские слова Христа: *«Итак не заботьтесь и не говорите, что нам есть? что пить? или во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники: и потому, что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же, во-первых, Царство Божие и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф. 6, 31–33).

С отцом Симеоном арестовали еще более десяти человек. Очевидно, их доставили в Киров и заключили в тюрьму. Анкета арестованного *«Семена Ивановича Яндулецкого»* датирована 25 марта. Первый допрос произведен на следующий день. Протокол его не

особо информативный: отец Симеон показал, что избушка "Тайная церковь" построена в августе — сентябре 1941 года под его руководством силами верующих и дезертиров. Строили те люди, которые были задержаны, кроме тринадцатилетнего сына Павла Васильевича Кропанева, Николая, и дочери Федора Федоровича Загуляева, Анны. Протокол следующего допроса датирован 5 апреля 1942 года. И начинается он с признательных показаний отца Симеона в ответ на вопрос-требование:

«ВОПРОС: Вы являлись руководителем одной из групп контрреволюционной церковно-монархической организации. Дайте подробные исчерпывающие показания о своей антисоветской деятельности?»

«ОТВЕТ: Находясь под арестом в течение двух недель, я пытался бороться со следствием, не хотел давать показаний о своей антисоветской деятельности, отказывался подписывать протоколы. Сейчас я пришел к убеждению, что все мое запирательство бессмысленно, бесполезно, и поэтому я пришел к другому мнению, что о своей антисоветской деятельности скрывать нечего».

Не известно, что пришлось перенести отцу Симеону за эти две недели. В предании катакомбных христиан сохранились рассказы о том, что батюшек били и таскали за волосы. Но это могло быть и при аресте и еще только предвещало их последующие мучения. А каким пыткам они подверглись в тюрьме и во время допросов, даже трудно представить...

«Хотя между участниками группы существовала условность нигде, никому, ничего не рассказывать, я буду показывать все, всю правду», — заявил отец Симеон. И далее он действительно говорит правду (в протокол допроса занесенную в соответствующем стиле), начиная с 1929 года, когда он присоединился к

епископу Нектарию, то есть, по терминологии чекистов, «вступил в к<онтр>р<еволюционную> организацию "Истинно-Православная Церковь"»; потом об аресте в 1932 году, своем побеге из ссылки, новом аресте в Шарангском районе и осуждении уже на три года концлагеря, отбытии срока и возвращении в 1937 году вновь в Шарангский район; переходе на нелегальное положение.

«Скрываясь с 1938 года, я ходил по деревням, тайно совершал церковные обряды и заодно с этим проповедовал религиозное учение "Истинно-Православной Церкви", разъясняя, что Советская власть есть власть безбожная, что выполнять проводимые этой властью мероприятия не следует.

В июле 1941 года в связи с объявлением войны, когда у меня уже была предварительно подобрана группа единомышленников, встал передо мной вопрос о том, как же мы должны отнестись к службе в Красной Армии. Исходя из тех задач, которые стояли перед нашей организацией, мы не должны были ходить на войну и не должны были защищать Советскую власть.

Переговорив с активом участников организации, я вынес на обсуждение такую идею: построить в лесу тайную церковь с тем, чтобы в этой церкви концентрировались, собирались все, кто не хочет служить в Красной Армии, не хочет защищать Советскую власть. Идею подхватили и решили ее осуществить на деле. Взялись за это КРОПАНЕВ Павел Васильевич, ЗАГУЛЯЕВ Федор Федорович, ЗАГУЛЯЕВ Петр Алексеевич, БЕРЕСНЕВ Николай Алексеевич, СЕЛЕЗНЕВ Роман Федорович, БАЖИН Иван Васильевич, ФИЛИНЫХ Петр Прокопьевич. Все эти лица — активные участники организации, они собрались и построили в лесу "Тайную церковь", избушку для

жилья, <нрзб.> склад, баню. Возглавлял все это я, как руководитель. Предварительно запаслись продуктами, и в октябре 1941 года я с указанной группой переселился на жительство в лес в "Тайную церковь". Сначала наша группа была 8 человек, а потом постепенно все увеличивалась и пополнялась. В последнее время было около 20 человек».

Отметим, что отец Симеон назвал только тех, кто был арестован вместе с ним. 8 апреля 1942 года ему уже предъявлено обвинение в активной организации антисоветской деятельности, то есть в преступлении по статье 58 пункту 10 части 2-й и статье 58 пункту 11 УК РСФСР, которое он признал полностью, то есть что он является *«руководителем к<онтр>р<еволюционной> церковно-монархической организации»*, *«проводил вербовочную работу»*, *«явился инициатором создания "Тайной церкви"»...*

Но следователь потребовал большего: *«Вы скрываете одну из основных задач организации — это подготовка к вооруженному восстанию против Советской власти. Расскажите откровенно об этом»*. На это отец Симеон твердо ответил: *«Если понимать восстание в прямом значении этого слова, то такого вооруженного восстания наша организация перед собою не ставила, оружия не имела и подготовку к этому не вела»*. И, действительно, у них в лесу не было никакого оружия, и на предложение одного из прихожан принести на всякий случай ружье (вероятно, охотничье) отец Симеон ответил отказом.

Про повстанческие задачи допытывались у всех обвиняемых. Так, например, Петру Филиных было предложено: *«Расскажите о своих повстанческих настроениях и Ваших намерениях расправы с партийно-советским и колхозным активом»*. На что тот

ответил: *«Я это отрицаю, так как настроений у меня таких не было и никогда не думал о расправе с партийным и советским активом».*

Действительно, никаких повстанческих задач у православных христиан не могло быть — они противостояли богоборческой власти духовно. Тем не менее отец Симеон признал, что в их задачу входило поддерживать *«все те действия, которые будут направлены к свержению существующей власти безбожной и установлению другого строя. В этом смысле наша организация должна была участвовать в перевороте».*

После этого сразу же последовал вопрос следователя: *«На кого Вы делали ставку и на какой переворот рассчитывали?»* И отец Симеон ответил: *«Мы имели в виду старый царский монархический строй, этот строй нам был наиболее приемлемым и обеспечивал нам свободу действий. Мы убеждены были, что бывший царь Николай Второй жив еще до сих пор. Поминали Николая II в церкви о здравии, молились за него».*

Следователю этого было недостаточно. *«Неправда! — воскликнул он. — Вы рассчитывали на приход немецких фашистов и стремились способствовать им!»*

«Немецких фашистов мы не поддерживали и поддерживать не могли, потому что они другого вероисповедания», — спокойно и твердо ответил отец Симеон. И в дальнейшем он все подобные попытки приписать ему и его единомышленникам пособничество гитлеровцам категорически отвергал. Так, и в самом обширном протоколе, объединившем допросы сразу четырех дней — с 26 по 31 июля, отец Симеон признал, что он и его группа *«противодействовали обороне страны»* и наряду с *«антисоветской агитацией»*

и обработкой населения», в том числе и молодежи, убеждали не работать в колхозах и стремиться к восстановлению монархической власти, но не признал, что ставили своей задачей содействовать немцам.

Понимая, что, агитируя за отказ от защиты советской власти и скрывая дезертиров, они ослабляли Красную Армию и тем самым объективно помогали немцам, отец Симеон подчеркнул: *«Однако мы совсем не имели в виду и не ждали установления немецкой власти. Немцы могли быть полезными, — как я считал, — только для того, чтобы сменить Советскую безбожную власть, установить старый царский, монархический строй в России».*

Примечательно, что сам отец Симеон, отслужив на действительной военной службе в царской армии в 1908–1912 годах и имея чин унтер-офицера, с начала Первой мировой войны был мобилизован и отважно сражался в рядах 41-го стрелкового Сибирского полка. Он получил три награды: Георгиевский крест 4-й степени — за привод и поимку немецких разведчиков; Георгиевский крест 3-й степени — за то, что в одной из деревень снял немецкий пост и доставил его в свою часть; Георгиевский крест 2-й степени — за разгром немецкого отряда.

Поясняя, что его отказ от военной службы был продиктован отнюдь не пацифистскими настроениями или банальной трусостью, отец Симеон на последнем допросе заявил: *«Я запрещал служить в Красной Армии и удерживал народ от войны, потому что сторонники ИПЦ не могут защищать безбожную советскую власть... Во всякой другой армии, которая идет не против нашей веры, служить мы можем, как и служили раньше в царской армии... Если война направлена на восстановление истин-*

но-православной веры, в такой армии служить можно».

«А что Вы по этому поводу говорили в группе в марте месяце 1942 года в тайной церкви?» — вкрадчиво спросил следователь.

«Дословно я говорил так: "Впереди пойдут стеноушители, за ними царь, а во главе сам Господь". С безбожниками может получиться так, что они будут поражены в одну ночь... Под стеноушителями я понимал народ и армию. Армия же раньше совершала перевороты.

— Какая армия?

— Всякая армия.

— Вы рассчитывали на немецкую армию?

— На немецкую армию меньше всего можно было рассчитывать, потому что она, эта армия, не православной веры».

Также во время судебного заседания на вопрос председателя военного трибунала, почему в Первую мировую, служа унтер-офицером и участвуя в боях, *«считал немцев врагами, а сейчас проповедует, чтобы не ходить драться с немцами»*, отец Симеон ответил: *«Тогда мы защищали нашу веру, а сейчас нам защищать нечего. Но я в своих проповедях о немцах не говорил и их не ждал, а говорил, что должно быть изменение, так как было предсказание, что в 1942 году изменится жизнь к лучшему».*

Что касается выступления отца Симеона на судебном заседании в целом, то оно оказалось совершенно неожиданным. Признавая свою вину, он вдруг стал ссылаться на советские законы, в частности на декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах, о котором, по-видимому, узнал в подробностях во время заключения. Заявив, что их *«заставили уйти на нелегальное положение»*, отец Симеон сказал: *«Со-*

гласно советских законов, мы не виновны, так как по закону 1918 года февраля месяца № 104¹⁷¹ Церковь отделена от государства, и православные имеют право свободно молиться».

Потом он стал говорить не совсем относящееся к делу (про съезд писателей, про 60 народностей в СССР...), затем вновь вернулся к вопросу о законности власти: *«На деле нет власти Советской, а власть коммунистическая... Так что власть сама нелегальная, не советская. Ведь существует закон, изданный очень правильно, но почему же он нарушается? Если бы, согласно закона, Истинно-Православная Церковь получила свободу, то нам не надо было бы жить в лесу и там служить в церкви. А раз власть нелегальная — коммунистическая, то нам незачем идти ее защищать».*

Выступление его было несколько сумбурно. Он пытался обосновать неправоту безбожных властей на основании ею же принятых, но, конечно же, не соблюдаемых законов. Кстати, то же самое делал и митрополит Иосиф (Петровых) во время следствия еще в 1930 году. И то, что блестяще удалось сформулировать владыке — человеку ученому, бывшему преподавателю академии (что, впрочем, никакого влияния на ход следствия все равно не оказало), — конечно, трудно было сделать "лесному" марийскому священнику из простых крестьян. Вполне объяснимы и его неподготовленность, и волнение, и утомленность после полугодового тюремного заключения с бесконеч-

---

¹⁷¹ Обычная датировка этого декрета — 20 января 1918 года, но это, кстати, старый стиль. В каком-нибудь издании тех лет этот декрет мог даваться по новому стилю. Официально переход на новый стиль был осуществлен с 1 февраля 1918 года, то есть 1 февраля было объявлено 14-м.

ными допросами. Но все же смысл его выступления понятен, и внутренняя логика даже в его эмоциональных словах есть.

Отец Симеон заявил: *«Вот на следствии говорили о вооруженном восстании, мы не организовывали вооруженное восстание, но вооруженное восстание у нас в сердцах. Господь даст нам победу за то, что над нами здесь издеваются. За наше подчинение Господь даст нам победу. А вы нас наказать никакого не имеете права, потому что никто изменить закона не может, а в законе разрешена свобода религии. Так что нашей вины нет, виноваты вы в том, что мы в лесу жили».*

По-видимому, военный трибунал был озадачен такими заявлениями, и председательствующий, не прерывая длинную путаную речь, как-то даже мягко сказал, обращаясь к обвиняемому:

«— Вы не с того начали. Расскажите прежде всего, как Вы стали контрреволюционером, борющимся против Советской власти. Ведь Вас судят не за то, что вы молились».

ОБВИНЯЕМЫЙ ЯНДУЛЕЦКИЙ: *За веру пришлось нам пострадать.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: *Группа тайной церкви у Вас существовала?*

ОБВИНЯЕМЫЙ ЯНДУЛЕЦКИЙ: *Да, существовала, я ею руководил и давал установки не защищать коммунистической власти, раз не выполняются Советские законы.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: *Кого Вы привлекли в эту группу?*

ОБВИНЯЕМЫЙ ЯНДУЛЕЦКИЙ: *Я принимал тех, кто приходил, принимал дезертиров, уклоняющихся от мобилизации. Я их принимал потому, что они скрывались от коммунистической власти.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Если Вы скрываете людей, которые не хотят защищать Советскую власть, значит, Вы против Советской власти?

ОБВИНЯЕМЫЙ ЯНДУЛЕЦКИЙ: Нет, я не против Советской власти, а против коммунистической, так как Советской власти сейчас нет. <...>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Почему Вы выступали против Советской власти?

ОБВИНЯЕМЫЙ ЯНДУЛЕЦКИЙ: Я выступал не против Советской власти, а против коммунистической власти. Если бы была Советская власть за свободу религии, мы бы пошли ее защищать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Кто Вас учил этому?

ОБВИНЯЕМЫЙ ЯНДУЛЕЦКИЙ Господь Бог научил. Я точно знаю, что есть закон 1918 года № 104, где говорится о свободе Церкви, и этот закон изменить нельзя. И Господь Бог за нас отомстит. Я все признаю, но не я виноват, моя вина происходит из-за Вас».

В заключение отец Симеон попытался поправить все свои показания во время следствия, в которых он признавал свою антисоветскую настроенность:

- «1. Я не знал Советских законов и бросался на всякие власти, но теперь, когда я знаю, что согласно советских законов Церковь имеет право существовать, я не против Советской власти.
2. Если бы власть не требовала безбожества, то мы не ушли бы в леса, а свободно бы молились в церквях.
3. Я был недоволен Советской властью, пока не знал законы, а когда узнал закон, то вижу, что власть не Советская, а коммунистическая, я не против Советской власти.
4. Я не признаю, что в 1932 <году> создавал к<онтр>р<еволюционные> группы, потому что

я тогда служил легально и ничего не создавал. Арестовали меня в то время за викторовскую ориентацию.

- 5. Организовал я тайную церковь только тогда, когда не смог ходить по деревням, года через 2–3 после встречи с Редькиным.*
- 6. У меня не было нужды ходить по деревням и вовлекать ко мне в группу, сами приходили, я принимал, а сам не ходил и не пропагандировал».*

И на последний вопрос: «Показания свои, данные на предварительном следствии, Вы подтверждаете?» — сказал: «Да, подтверждаю, что не признаю коммунистической власти и действовал против нее».

Думается, что протоколы судебных заседаний довольно точно передают происходящее в зале заседания. Составленные, вероятно, по стенограмме, они содержат гораздо больше подлинных слов и выражений обвиняемых, чем протоколы допросов, составленные следователями, где показания обвиняемых переданы в тошнотворном чекистском стиле.

Примечателен допрос на суде обвиняемого Золотарева Ивана Петровича.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: *Обвиняемый Золотарев, Вы желаете рассказать и пояснить суду по существу дела?*

ОБВИНЯЕМЫЙ ЗОЛОТАРЕВ: *Желаю. Виновным я себя ни в чем не признаю, о чем я заявлял и на предварительном следствии, я христианин Православной Церкви, ввиду веры, по религиозным убеждениям, я виновным себя не признаю.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: *Вы ни в какой к<онтр>р<еволюционной> монархической группе не состояли?*

ОБВИНЯЕМЫЙ ЗОЛОТАРЕВ: *К<онтр>р<еволюционной> группы я не понимаю, я христианин и ввиду этой веры я скрывался.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Как Вы относитесь к Советской власти?

ОБВИНЯЕМЫЙ ЗОЛОТАРЕВ: Не уважаю и против не иду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Почему Вы не пошли в армию?

ОБВИНЯЕМЫЙ ЗОЛОТАРЕВ: Ввиду религиозных убеждений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Вы гражданин Советского Союза?

ОБВИНЯЕМЫЙ ЗОЛОТАРЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Почему Вы, как гражданин Советского Союза, не пошли защищать свою Родину?

ОБВИНЯЕМЫЙ ЗОЛОТАРЕВ: Потому что родины христианской на русской земле не осталось.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Если Вы не признаете Советскую землю родиной, Вы же живете на Советской земле?

ОБВИНЯЕМЫЙ ЗОЛОТАРЕВ: Землю Бог создал для всех. Мне можно защищать, но мне мешает быть вместе с безбожниками и защищать вместе с ними Родину я не могу, а поскольку в армии нет имени Господа, нет знамени Спасителя, стало быть, нет и священства. Я землю обрабатываю, и хлеб дает земля, а землю всем дал Бог. Вместе с безбожниками мне защищать родину нельзя».

К сожалению, мы не располагаем в полноте протоколами судебного заседания военного трибунала, откуда можно было бы почерпнуть достоверную информацию о многих обвиняемых. В этом плане очень важно, что имеется текст, хотя и не полный, последнего слова иеромонаха Никифора Редькина (тем более что о нем и его общине известно гораздо меньше).

Его имя впервые прозвучало на допросе священника Симеона Яндулецкого 8 апреля 1942 года. Сначала отцу Симеону был задан вопрос, с какими еще группами «*организации ИПЦ*» он поддерживал связь. На что тот ответил, что с другими группами он связи не поддерживал. Тогда следователь уже в упор спросил: «*А с группой священника Редькина Никифора?*» Отец Симеон признал, что встречался с Никифором Редькиным в 1939 году, посетил его в землянке, где тот скрывался. И потом по его примеру сделал тайную церковь в лесу. Позднее на допросе 2 мая отец Симеон даже сказал, что руководителем организации являлся Никифор Редькин. Правда, потом это больше не повторялось, и на последующих допросах и в "Обвинительном заключении" речь постоянно шла о двух группах, каждую из которых они возглавляли по отдельности.

От отца Симеона еще настойчиво добивались показаний о центральном руководстве над их группами. Он показал, что не знал такого "*центрального руководства*", поскольку все руководители, известные ему, были еще ранее арестованы¹⁷² и он только делал попытки такой центр найти. Например, посылал Веру Царегородцеву к архимандриту Варсонофию (Никитину) в 1941 году, когда узнал, что он проживает

---

¹⁷² Примечателен его ответ на одном из допросов «*о лицах, являвшихся ранее руководителями центра вашей организации*»: «*Из руководителей, как я уже говорил, я знал епископов — ОСТРОВИДОВА Виктора и ТРЕЗВИНСКОГО Нектария. В центре нашей организации, находившемся в Ленинграде, были митрополит Иосиф ПЕТРОВЫХ и архиепископ — Дмитрий ГДОВСКИЙ. Но лично сам я у них не бывал. Остался ли после их ареста какой-нибудь центр и существует ли он сейчас — мне неизвестно. С таким центром я не был связан и поэтому показать относительно центра ничего не могу*».

в деревне Селиваново близ Йошкар-Олы. Поскольку архимандрит был, по словам отца Симеона, *«лично-стью весьма авторитетной среди церковников, был твердым последователем истинного православия и за свою антисоветскую деятельность был уже в ссылке»*, приглашал к себе в Шарангский район и хотел с ним *«выяснить и разрешить ряд вопросов, касающихся нашего поведения и отношения к Советской власти»*. Но Варсонофий (Никитин) не смог приехать, а отец Симеон, не имея документов, тоже не мог к нему поехать, так что встреча их не состоялась.

Приглашал отец Симеон и священника Лукиана Васенева, который после возвращения из лагеря проживал в Казани. Но и тот не смог приехать. Письменной связи у них не было, только один раз отец Лукиан прислал записку в начале 1940 года с Елисе-ем Ильичом Полушиным из деревни Вотчины Санчурского района, приглашал к себе в Казань, чтобы переговорить по ряду вопросов, но... отец Симеон поехать без документов опять-таки не смог.

Побывал у отца Симеона, когда они уже перебрались в лес, игумен Сергей (Мытиков), проживавший в Йошкар-Оле. В октябре 1941 года его привез на своей лошади один из помощников отца Симеона. По словам отца Симеона, игумен посмотрел, как они устроились, и одобрительно обо всем отозвался. Регулярно бывали у отца Симеона священник Иван Ручин¹⁷³ и диакон Афанасий Касьянов — также ставленники

---

¹⁷³ Это тот самый Иван Михайлович Ручин — первый помощник священника Николая Федоровского из деревни Копанки в организации тайной лесной церкви еще в 1930 году (см. предыдущую главу 6 и приложение). Он был приговорен к трем годам концлагеря в конце 1931 года, по отбытии срока вернулся и служил тайно. Известно, что осенью 1942 — его арестовали и 17 апреля 1943 — расстреляли.

епископа Нектария. Священник Ручин тайно служил в соседнем Воскресенском районе Горьковской (Нижегородской) области, примерно в 100 км от отца Симеона.

При всех этих встречах, безусловно, соблюдалась величайшая осторожность. Вообще о конспирации отец Симеон показывал на допросах особо. На моления собирались только свои, новых людей приводили члены общины, отдавая себе отчет в том, что приводимые ими надежны и не выдадут. Когда скрывающимся из землянок надо было уходить в деревни, обязательно делали это только ночью, чтобы никто не заметил. Зимой тропа, по которой проходили от дороги до землянок, после каждого человека по следу заматалась.

У отца Никифора Редькина было еще строже. Так, Петр Филиных вспоминал, как он пришел к Редькину в тайную церковь поздней осенью, когда уже выпадал снег, и хотел в ней пожить, а затем уйти домой, но ему сказали, *«чтобы или уходил немедленно, или бы оставался на всю зиму с тем, чтобы по выходе из тайной церкви не сделать по снегу следов»*. В 1941 году отец Никифор, по словам отца Симеона, в целях более строжайшей конспирации предложил им даже не встречаться и только изредка направлять друг к другу посыльных. Очевидно, эта осторожность была оправдана, сказывался десятилетний опыт тайного служения. Недаром все-таки иеромонаха Никифора и его общину арестовали не сразу, а уже после ареста группы отца Симеона Яндулецкого.

К сожалению, в отношении иеромонаха Никифора и его общины материалов мало. Нет ни анкет, ни протоколов допросов. Судя по тому, что отец Никифор содержался под стражей с 3 апреля 1942 года, по-видимому, именно тогда или накануне он был арестован, но при каких обстоятельствах и где — ничего не известно. Не исключено, что место их нахождения

было выведено во время следствия у кого-то из арестованных из общины отца Симеона.

В последнем слове на судебном заседании 26 сентября 1942 года иеромонах Никифор подробно рассказал о своей жизни. С самого начала революции у него было отрицательное к ней отношение. В феврале 1917 года, когда он был в госпитале и утром услышал, что царя Николая сняли с престола, в окно увидел солдат, которые шли без ремней нараспашку, и ему это очень не понравилось:

«Один из таких выколол Николаю глаза на портрете. Я ничего ему не ответил, но в душе мне было больно. Уже с этого времени у меня были враждебные действия против ее (революции). В октябре месяце была устроена манифестация, я наблюдал только в окно. Все это мне не нравилось, но я молчал. В 1917 году я окончил фельдшерскую школу, и меня оставили служить в госпитале. Я служил до весны. В мае месяце 1918 года по моей просьбе была устроена комиссия, так как я не хотел более служить и хотел уехать домой».

Его комиссовали, и он приехал домой, но в сентябре 1918 года был мобилизован в Красную Армию в качестве фельдшера. Под Пермью вместе с другими сотрудниками госпиталя попал в Колчаковскую армию, потом в 1920 году опять оказался в составе Красной, продолжал работать фельдшером. Отец Никифор не преминул подчеркнуть, что и тогда он был против советской власти: *«Там был один инженер, который также был настроен против Советской власти. Мы все время работали, но указания и приказы не выполняли. Делали так, как нам хотелось».* В середине 1920 года отцу Никифору удалось вернуться домой, и с той поры они с женой занимались сельским хозяйством.

«Я враждебно относился к Советской власти и тем обществам, которые в то время организовывались. Я был против них и другим говорил о том, чтобы в них не вступали и уходили от них подальше, а также не читали бы люди советские книги, сам читал священные книги и удерживал соседей от взятия кооперативных книжек», — показал отец Никифор. Он также удерживал сельчан от вступления в комиссию помощи беднякам, призывал не учить детей в школах и своих в школу не отдал. Позже говорил, чтобы не вступали в колхозы и в профсоюзы. «Об этом я говорил и в частных беседах с соседями, а также и в церкви. Я запрещал читать людям газеты, советские журналы, потому что не нужно знать, что делается в безбожной власти, и Советская власть зависит не от Бога, а от сатаны».

После рукоположения, совершенного епископом Нектарием, отец Никифор учился служению у священников, а потом служил самостоятельно в селе Кутузове, ему помогала монахиня Александра Толстикова, специально присланная архимандритом Варсонофием (Никитиным).

«В это время мне стало известно о том, что меня собираются арестовать, — я убежал. Таким образом мне удалось скрыться от ареста. После этого я пошел по деревням. Знал Якова Егоровича Зайцева, я ему все рассказал о том, что я убежал, он мне разрешил пожить вместе с ним. Я остался у него, так как домой мне идти было невозможно. Осенью 1932 <года> я стал просить Якова Егоровича о том, чтобы он помог мне устроить землянку. Мы нашли подходящее место и стали строить тайную церковь. Здесь был Иван Никитич Жуков. Когда сделали церковь, к нам стали приходить люди, конечно, обиженные Советской властью. Я соглашался их принимать

к себе, но только тех, которые могли сохранить тайну. Яков Егорович был моим помощником, он приводил людей».

Так иеромонах Никифор прожил полгода, в июне 1933 года землянка была обнаружена, и он ушел на другое место за 18 км, где опять построил землянку. С 1934 года он жил в лесной избе у одного из своих духовных чад. А в 1936 году построили новую землянку, и в ней отец Никифор и его помощники жили постоянно до самого ареста. В 1941 году к ним пришло еще много людей, в том числе и женщин, и они построили несколько отдельных землянок.

«Я действительно был настроен враждебно к Советской власти, повторяю, что говорил в отношении того, чтобы не отдавать детей учиться, не читать советскую литературу, не входить в общества, организованные Советской властью, таким образом, до дня ареста я вел и делал только все враждебное Советской власти», — повторил в заключение отец Никифор. Он не советовал идти служить в армию, так как надо принимать присягу, и с объявлением войны в 1941 года говорил, что нельзя защищать советскую власть. *«Говорил еще о том, чтобы люди никакие награды от Советской власти не получали, ибо власть эта готовится к царству антихриста».*

С любым решением Военного Трибунала я соглашаюсь, остаюсь христианином».

Это были его последние слова... В десять вечера того же дня объявили приговор. Иеромонах Никифор (Редькин), священник Симеон Яндулецкий и еще 30 подсудимых были приговорены к высшей мере наказания. Остальные 9 — к 10 годам концлагеря. Через два месяца по определению Военной коллегии Верховного суда большей части осужденных наказание изменили на 10 лет концлагеря. В отношении

иеромонаха Никифора и священника Симеона, а также Ивана Золотарева и Петра Филиных приговор был оставлен в силе.

Всего по делу в качестве *«участников контрреволюционной церковно-монархической организации т<ак> н<азываемой> "ИПЦ"»*, согласно специальному постановлению от 10 августа 1942 года, проходило более 100 человек. В длиннейшем списке были перечислены имена всех, в той или иной мере упомянутых в показаниях обвиняемых во время следствия. В отношении семи из них, в том числе и епископа Нектария Трезвинского, было определено: дальнейшее расследование за смертью указанных лиц прекратить. 13 человек были указаны как находящиеся в местах заключения (возможно, что многих из них уже тоже в живых не было, — так, первым в этом списке шло имя епископа Сергия (Дружинина), в то время как владыка был расстрелян в 1937 году).

Остальные — а это без малого восемьдесят человек, — как указывалось, *«от органов Советской власти скрываются, и их место жительства в данное время не установлено»*, и в отношении них было определено: *«материалы выделить в особое производство для дальнейшего оперативного использования»*. На данный момент известно, что из этого списка в сентябре 1942 года арестовали двух верующих — Василия Ивановича Санникова и Илью Изотовича Касьянова, скрывавшихся вместе с иеромонахом Никифором, но, очевидно, избежавших ранее ареста. Их осудили по одному делу с архимандритом Варсонофием (Никитиным)¹⁷⁴, монахиней Александрой Толстиковой и Яко-

---

¹⁷⁴ Отец Варсонофий был арестован еще в ноябре 1941 года и приговорен к 2 годам. Его привлекли вновь в 1942 году. 22 марта 1944 года он скончался в Яранской тюрьме.

вом Якимовичем Поповым, жителем села Лом, фактически по тем же обвинениям, что и всех остальных, и приговорили к 10 годам концлагеря.

Дальнейшие судьбы большинства осужденных на данный момент неизвестны. Кто-то из них выжил и вернулся после концлагеря в родные края и, будучи живым свидетелем тайного служения, а также ареста и осуждения, позднее рассказал о многом. Конечно, эти рассказы никто не записывал, и память о мученическом подвиге тайных священников хранилась в устном предании. Спустя несколько десятилетий еще живы были катакомбные христиане, которые помнили и знали этих священников и их многочисленную паству. До наших дней дожила монахиня Серафима¹⁷⁵, видевшая обоих тайных священников в детстве. В 1998 году ее воспоминания были опубликованы в "Суздальских епархиальных ведомостях". Безусловно, в такого рода воспоминаниях неизбежны неточности, но в целом они соответствуют тем фактам, которые выяснены по материалам следственного дела.

«Матушка С. помнит, как он (отец Симеон) два раза служил у них в доме в клети, а в конце 30-х годов он ушел в лес. Скрывался в лесу и отец Никифор, бывший фельдшер, — матушка С. помнит, как он еще ее девочку лечил: у нее была дизентерия, и когда ее причащали, она упала от слабости, будущий отец Никифор давал ей лекарства. Был рукоположен, вероятно, Владыкой Нектарием, впоследствии стал иеромонахом Петром¹⁷⁶. В лесу он был найден и арестован вслед за отцом Симеоном, но неизвестно, когда точно и при каких это обстоятельствах произошло. Был он в средних летах.

---

¹⁷⁵ Скончалась в 2000? году и похоронена в Яранске.

¹⁷⁶ Как раз наоборот, мирское его имя было Петр, а монашеское — Никифор.

А отец Симеон был молодой¹⁷⁷, о нем имеются несколько более подробные сведения, сохранилась даже уникальная фотография его катакомбной лесной церкви: правда, на фотографии — временная церковь, а впоследствии была построена постоянная избушка. Тут при своем тайном храме отец Симеон и жил, там была печечка для обогрева и для выпечки просфор — этим занималась просфорня инокиня матушка Евфросиния. Недалеко находилась землянка, в которой скрывались мужчины, по твердому своему убеждению не желавшие защищать коммунистическую власть — власть антихристову. Они плели там лапти, к ним приходили близкие и забирали их рукоделие. Приходили на службы в свой тайный храм. Так продолжалось несколько лет.

Выдал тайную церковь, по одним сведениям, человек, который сам же помогал ее устраивать и у которого часто останавливались на ночлег те, кто съезжался помолиться в лесной церкви. По другим сведениям, милицию к лесному храму привел не сам этот человек, а его сын, после того как мальчика долго допрашивали в милиции.

О том, как это было, рассказывала просфорня матушка Евфросиния: "Слышу сверху шоборкается, раскрыли ветви, прутья (которыми был замаскирован храм) — милиция стоит..." У матушки Евфросинии обмерло сердце, она бросилась в глубь помещения: "Батюшка, все, все — милиция". — "Значит, так Богу надо", — ответил отец Симеон».

Скорее всего это все же был отец Никифор. В этом эпизоде, очевидно, переплелись рассказы о двух общинах. Так как, во-первых, тайная церковь отца Симеона существовала не несколько лет, а несколько ме-

---

¹⁷⁷ Здесь тоже неточность: согласно материалам дела, Симеон Яндулецкий родился в 1886 году, а Никифор (Петр) Редькин — в 1893-м. Отец Симеон просто мог молодо выглядеть, да и в памяти у матушки он мог остаться еще по его служению в начале 1930-х годов.

сяцев. Во-вторых, проходившая по делу Евфросиния Павловна Журавлева, согласно показаниям отца Симеона, *«постоянно жила в группе Редькина Никифора, ее я там видел в тайной избушке»*. Так что рассказ матушки Ефросинии, который передает матушка Серафима, относился к аресту общины отца Никифора. Вероятно, так же как и следующий рассказ о том, как была обнаружена лесная церковь.

«Этот подземельный храм был выкопан под корнями деревьев. Рядом была лесная дорога, по которой ездили на конях, и дерево, елка, упала вершиной на дорогу. Не оставляя следов на снегу, проходили по елке, подлезали под дерево и сразу попадали в церковь. Выдала, сама того не ведая, девушка, которая в Великий четверг понесла в церковь красные яички к Пасхе. За нею стали следить от самого дома, а в лесу у деревьев нагнали: куда понесла яички? Она должна была по дереву привести их в храм...»

Следует заметить, что в 1942 году Пасха была ранняя — 5 апреля по новому стилю; Великий четверг — 2 апреля. А дата ареста отца Никифора в следственных материалах — 3 апреля. Так что как раз вечером 2-го и могли найти тайную церковь и на следующий день доставить арестованного в Киров. Конечно, зная, как тщательно соблюдали все меры предосторожности и таились прихожане отца Никифора, представляется странным рассказ о "легкомысленной" девушке с пасхальными яйцами — как-то уж быстро и легко все получилось. Но, вполне возможно, наводка уже была, и поэтому за ней или за определенными домами следили заранее, и тем более накануне Пасхи.

А по поводу фотографии лесной церкви отца Симеона матушка Серафима рассказала еще следующее:

«На фотографии катакомбной церкви отца Симеона два мальчика. Тот, который стоит подальше от батюшки, и привел к нему преследователей. Ближний к батюшке мальчик — сын Павла Васильевича¹⁷⁸, который был отцу Симеону очень близок, был его правой рукой. Зимой он сопровождал батюшку на лыжах, когда требовалось исправить человека. Павла Васильевича арестовали вместе с отцом Симеоном, его сажали на табуретку и били по ногам цепью до кровавых клочьев...

Приговор Павлу Васильевичу и еще нескольким чловекам был расстрел. И они пели в камере от радости, что такой приговор — что кончились мучения и что они примут смерть за Христа. А потом им заменили расстрел на десять лет тюрьмы, и тогда они плакали... А отцу Симеону и еще с ним чловекам двум оставили расстрел. Кто находился с ним в тюрьме, говорили, что его увели расстреливать в ночь на Введение»¹⁷⁹.

Так и было. Расстреляли четверых вечером 3 декабря 1942 года, в канун праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. В материалах следственного дела — зловещие "Акты" с пометкой в правом верхнем углу: «Сов<ершено> Секретно». И в них все с точностью до минуты:

«1942 года, декабря 3 дня, мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт.

Осужденного Военным Трибуналом 34 ЗСВБ 22–25 сентября 1942 г<ода> к высшей мере наказания РАССТРЕЛУ — ЯНДУЛЕЦКОГО Семена Ивановича, 1887 года рождения, урож<енца> дер<евни> Анеево, Ронгинского р<айо>на, Марийской АССР.

---

¹⁷⁸ Павел Васильевич Кропанев.

¹⁷⁹ Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 3. С. 29.

На основании приказаania Зам<естителя> Нач<альника> Управления НКВД по Кировской области — капитана гос<ударственной> безопасности ЕГОШИНА от 3 декабря 1942 г<ода> за № 5-1727 приговор Военного Трибунала 34 ЗСБ приведен в исполнение, — ЯНДУЛЕЦКОГО Семена Ивановича 3 декабря 1942 г<ода> в 20 ч<асов> 05 мин<ут> РАССТРЕЛЯЛИ.

*НАЧАЛЬНИК ВНУТРЕННЕЙ ТЮРЬМЫ
У<правления> НКВД ПО
К<ировской> О<бласти>
КАПИТАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

*НАЧАЛЬНИК 1-ГО СПЕЦ<иального> ОТДЕЛА
У<правления> НКВД ПО К<ировской>
О<бласти>
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

*ПОМ<ощник> ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
М<осковского> В<оенного> О<круга>
ВОЕННЫЙ ЮРИСТ III РАНГА».*

И три таких же "Акта" в отношении Петра Прокопьевича Филиных, Ивана Петровича Золотарева и иеромонаха Никифора — Петра Феофилактовича Редькина. Они были расстреляны, соответственно, в 20 часов 10 минут, 20 часов 15 минут и 20 часов 25 минут.

9. Следственное дело Екатерины Головановой, Сергия Мытикова и других 1945 года

Это дело об «*антисоветском подполье*» в Кировской области и Марийской АССР, разработанное Управлением НКГБ по Кировской области в продолжение его многолетней борьбы с истинно-православными христианами "*викторовско-нектарьевского течения*", занимает особое положение в ряду подобных дел. Мало чем отличаясь в своих стандартных формулировках обвинений, оно выделяется составом участников и по справедливости может быть названо "женским" — из 36 осужденных, кроме игумена Сергия, еще только трое мужчин значатся в списке. Все остальные — тайные монахини или простые верующие христианки из крестьян, некоторые в преклонном возрасте (можно представить себе судебное заседание: под строгой охраной на скамье подсудимых более тридцати "опасных преступниц", типичных рус-

ских бабушек — скромных деревенских женщин в платочках и лаптях).

Так, и главной фигуранткой дела была монахиня Екатерина Ильинична Голованова, недаром ее имя везде начинается список обвиняемых. Эта удивительная женщина, бесстрашная исповедница, верная помощница и духовная наставница катакомбных пастырей и верующих, была объявлена в розыск еще в 1936 году¹⁸⁰ и признана одной из основных руководительниц антисоветского подполья.

В "Обвинительном заключении" по данному делу в отношении Е. И. Головановой и игумена Сергия (Мытикова) было отмечено, что они *«входили в состав руководящего ядра антисоветской организации, были непосредственно связаны с организаторами ликвидированного антисоветского подполья: ЧЕРСТВОВЫМ Иваном Васильевичем (монашеское имя Серафим), архимандрит, неоднократно судим за антисоветскую деятельность, проживал нелегально, в 1944 году осужден и отбывает срок наказания; и ТРЕЗВИНСКИМ Нектарием — бывший епископ Яранский, осужден за антисоветскую деятельность в 1937 г<оду>».*

ГОЛОВАНОВА Екатерина, еще в период 1920–1925 годов, проживая в г<ороде> Ташкенте и будучи связана с ЧЕРСТВОВЫМ и священником-нелегалом ИГНАТЬЕВЫМ, являлась активной участницей существовавшей в Ташкенте контрреволюционной монархической организации. В 1925 году при аресте за антисоветскую деятельность ЧЕРСТВОВА и других участников организации ГОЛОВАНОВА и ИГНАТЬЕВ от ареста скрылись».

Екатерина Ильинична Голованова, 1896 года рождения, из крестьян Оренбургской губернии, действи-

---

¹⁸⁰ См. дело о тайно-церковниках 1936–1937 годов.

тельно проживала в Ташкенте. Прежде она была насельницей женского монастыря там, а после его роспуска¹⁸¹, в начале 1920-х годов, епископ Иннокентий Ташкентский назначил ее псаломщицей в церковь села Суплатовка Чимкентского уезда. Священником там служил иеромонах Серафим (Черствов), в миру Иван Васильевич. В 1924 году его арестовали и посадили в тюрьму. И Екатерина носила ему передачи. Вместе с ним сидел в тюрьме и красноармеец Никита Игнатъев, бывший псаломщик, арестованный за самовольную отлучку из воинской части и распространение слухов о басмачестве якобы «*антисоветского содержания*» (по-видимому, Никита, будучи призван в армию по декрету 1922 года, проходил воинскую службу в Ташкенте). Иеромонах Серафим попросил Екатерину приносить передачи и Никите, что она, по ее словам, и делала: «*не зная Игнатъева, на протяжении 11 месяцев, пока он сидел в тюрьме, носила ему передачи*»¹⁸².

Иеромонах Серафим (Черствов) был приговорен к трем годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения (не ясно, тогда же или позднее, в 1925 году). Очевидно, по его рекомендации Никита Игнатъев был рукоположен во священника — кем и где, опять-таки не известно. В показаниях Екатерины Головановой об этом сведений нет, лишь коротко упомянуто: «*Потом Игнатъев вышел из тюрьмы и устроился священником на место Черстова*».

¹⁸¹ Как вспоминала матушка: «Монастырь разогнали, пришли солдаты, да пьяные. Всё стали разбивать. Монашки разбежались, кто куда, кто в окошко, кто куда, все разбежались...» (Из беседы с Маргаритой Тюлькановой в декабре 2008 года).

¹⁸² ГАСПИ. Ф. 67790. Оп. 8. Д. СУ-10292. Т. 1. Л. 29. Здесь и далее по ходу главы цитаты, кроме оговоренных особо, из данного дела.

Она сама там же продолжала служить псаломщиком и регентшей. Отец Никита, по свидетельству его духовных чад, говорил, что стал священником в Ташкенте в 23 года. После выхода из тюрьмы он должен был прожить в Ташкенте три года без права выезда. Вместе с матушкой Екатериной и единомысленным духовенством они всерьез задумались о переходе к каткомбному служению, о чем матушка сказала в своих показаниях (занесенных в протокол допроса, конечно же, в специфическом чекистском стиле):

«В 1925–1927 годах наша антисоветская деятельность выражалась в том, что мы организованно проводили нелегальные сборища, на которых обсуждали вопросы создания тайных церквей, причем ставился вопрос так, что если это не удастся сделать в городе, то организовать тайную церковь в горах. С целью руководства тайными церквями одного из участников организации Мелхиседека было решено нелегально посвятить в сан епископа». «Игнатъев принимал активное участие в организации тайных церквей. Руководством организации Игнатъев посылался в село Кауфмановка (железнодорожная станция Янгиоль, бывшая станция Кауфманская) на побережье Аральского моря».

В 1927 году последовали аресты. Монах Мельхиседек скрылся, по словам матушки Екатерины, она и священник Никита Игнатъев также ушли в горы и укрывались в расположении обсерватории у профессора Гавриила Васильевича Попова. В том же 1927 году Никита Игнатъев выехал в Москву, а матушка осталась в Ташкенте. В 1928 году иеромонах Серафим (Черствов), отбыв заключение в Соловках, приехал в Йошкар-Олу, затем вызвал из Ташкента Екатерину Голованову, а позднее — и отца Никиту Игнатъева из Москвы.

«В связи с чем Игнатъев приехал из Москвы в Йошкар-Олу?» — поинтересовался следователь. На это Екатерина ответила без обиняков, но в протокол допроса ее ответ, конечно же, был записан с присущей "тенденциозностью": *«Игнатъев разделял политические взгляды церковников реакционного крыла в Православной Церкви, искал себе единомышленников. Одним из таких единомышленников его был Черствов, ставший к тому времени уже архимандритом (нелегальным). Поэтому Игнатъев приехал в Йошкар-Олу к Черствову.»*

Руководителем а<нти>с<оветской> организации церковников тогда был у нас епископ Нектарий (Трезвинский), проживавший в ссылке в Казани. Черствов направил Игнатъева в Казань к Трезвинскому. Тот назначил Игнатъева священником в село Табашино, а затем перевел в село Городище Санчурского района, недалеко от Марийской АССР, где в Йошкар-Оле проживал Черствов.»

Позднее о встрече с епископом Нектарием сам священник Никита рассказал своим духовным чадам так:

«Я приехал в Казань, разыскал эту улицу, дом, номер. Пришел — он в столярке работает, невысокого роста в штатской одежде, в пиджаке. "Как бы мне Владыку Нектария найти увидеть?" — "Сейчас, — говорит, — увидите". Он быстро повернулся, — юркий такой, молодой был, недавно ведь из Академии, — пошел, надел подрясник, рясу надел, клобук, вышел: "Вот, Владыка Нектарий вам". Отец Никита взял благословение и сознался, как ему неудобно перед Владыкой: "Принял Вас за послушника..." — "Ничего, зато я Вас — за митрополита".

Отец Никита и в самом деле был очень представительный, красивой наружности, по словам его духовных чад, всем одарен был: "И красотой, и высотой, — и голос,

и волос"... Чтобы сказать о голосе: после беседы Владыка Нектарий увел отца Никиту из кельи попеть около двора. Когда отец Никита запел, соседи начали сбегаться слушать...

Во время же самой беседы отец Никита рассказывал, что не подписал Декларации и подвергся после этого преследованиям в Москве, так что невозможно стало там оставаться, вот архимандрит Серафим посоветовал обратиться к нему, Владыке...

"Так поезжай в Вятскую губернию, — сказал Владыка, — поезжай в Санчурск, там проживешь, там уголок потише..." И Епископ Нектарий написал бумагу примерно такого содержания: "Разрешаю служить протоиерею Никите Игнатьеву во всех православных храмах Яранской епархии" (тогда еще были православные храмы, подчинявшиеся Епископу Нектарию, управлявшему этими приходами из Казани). "Владыка, я ведь к отцу Серафиму в гости, я ведь только на две недели", — попробовал возразить молодой священник. Владыка похлопал его по плечу: "А может, на двадцать лет..."

Эти пророческие слова сбылись вдвойне — не двадцать, а сорок лет пробыл в этих краях протоиерей Никита»¹⁸³.

Епископ Нектарий в "Обвинительном заключении" по рассматриваемому делу упоминается как один из создателей контрреволюционной организации: *«Следствием по делу установлено, что антисоветская организация в Кировской области и Марийской АССР является прямым ответвлением заговора ссыльного духовенства, состоявшегося в 1927 году в Соловецких лагерях.*

Участниками этого заговора являлись находившиеся в тот период в Соловецких лагерях архимандр-

---

¹⁸³ Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 4. С. 35.

рит ЧЕРСТВОВ и епископ ТРЕЗВИНСКИЙ. В 1928 году ЧЕРСТВОВ по освобождении из Соловков был выслан в Марийскую АССР. Находясь в ссылке, ЧЕРСТВОВ быстро восстановил прежнюю связь с нелегалом ИГНАТЬЕВЫМ, ГОЛОВАНОВОЙ, епископом ТРЕЗВИНСКИМ Нектарием, находившимся в ссылке в г<ороде> Казани, и связался с проживавшим в г<ороде> Йошкар-Ола бывшим игуменом МЫТИКОВЫМ».

Игумен Сергей (Мытиков), бывший настоятель Мироносицкой пустыни, в годы революции и Гражданской войны подвергался арестам, после закрытия монастыря в 1924 году жил в селе Ежово, а с 1926 года — в Йошкар-Оле. Он не принял декларацию и с 1928 года служил в окрестностях Йошкар-Олы по домам верующих, а также — в Богоявленской церкви Старого Села Оршанского кантона¹⁸⁴, а с 1932 года — в тайной церкви, устроенной в бане при небольшом домике в Йошкар-Оле, где он проживал почти безвыездно. Правда, даже в 1941 году игумен побывал в тайной лесной церкви у отца Симеона Яндулецкого. Но главным образом он служил в своей церкви и разъезжать не мог по немощи и болезненности.

У отца Сергея была немалая паства, которая в последние годы после ареста священников Симеона и Никифора еще более увеличилась, и поэтому пришлось назначать специальных "дароносиц" и посылать их к верующим с Запасными Святыми Дарами. Для этого отец Сергей постриг в мантию двух своих

---

¹⁸⁴ Здесь служил бывший насельник Мироносицкой пустыни иеромонах Владимир Санчиров, поминавший епископа Нектария. В феврале 1932 года отец Владимир и другие его прихожане были арестованы. Позднее церковь была закрыта и разрушена. Не сохранилось даже место, где она находилась (из-за разработки там песчаного карьера).

помощниц, Евдокию Васильевну Хорикову и Марию Николаевну Березину, с именами Евфрасия и Маргарита¹⁸⁵. Этот факт в "Обвинительном заключении" был истолкован примечательно:

«В связи с арестом ряда священников-нелегалов (РЕДЬКИНА, ЯНДУЛЕЦКОГО, РУЧИНА и др<угих>) руководство антисоветской организацией, чтобы не ослабить антисоветского влияния на своих участников, стало назначать священниками женщин из числа бывших монашек. В 1943 году МЫТИКОВ выбрал двух женщин-монашек, обвиняемых по делу: БЕРЕЗИНУ и ХОРИКОВУ, назначил их тайными священниками с тем, чтобы они активно привлекали верующих к проведению антисоветской деятельности».

Вообще тайному служению в материалах дела уделено особое внимание: *«ЧЕРСТВОВ, ТРЕЗВИНСКИЙ, МЫТИКОВ, ГОЛОВАНОВА с того времени возобновили организованную антисоветскую деятельность. Во исполнение принятых в Соловках решений о создании для борьбы с Советской властью "тайных церквей" они стали подбирать и назначать тайных священников, которых использовали как организаторов антисоветского подполья вокруг "тайных церквей". ТРЕЗВИНСКИМ и ЧЕРСТВОВЫМ нелегальными священниками были назначены: ИГНАТЬЕВ Никита, ТРУСОВ Василий, ПРОТАСОВ Иван, ЯНДУЛЕЦКИЙ Семен, РУЧИН Иван, ВАСЕНЕВ Лукиан и другие. Лица, посвященные в священ-*

---

¹⁸⁵ К подобной практике прибегали многие из катакомбных священников. К примеру, о практике отца Михаила Рождественского рассказывала Лидия Павловна Семенова (см. в книге: Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. М.: Братонез, 2009).

ники-нелегалы по руководству тайными церквями, предварительно проходили специальную подготовку. Причем обучение церковной службе проводилось одновременно с дачей установок по антисоветской работе».

«Для осуществления поставленных задач участники организации действовали следующим образом:

В глухих населенных пунктах и лесах организовывались "тайные церкви", вокруг которых и создавались антисоветские группы, участники этих групп обрабатывались на нелегальных молениях, а также инструктировались на проведение антисоветской работы среди населения.

Активом организации проводилась широкая вербовочная работа и привлечение верующих к антисоветской деятельности. При этом, как правило, использовались религиозные чувства верующих, и им внедрялось, что советская власть не угодна Богу и все, связанное с ней, является грехом.

Среди верующих распространялись антисоветские документы, как то: "Видение Иоанна Кронштадтского", антисоветские воззвания епископа ТРЕЗВИНСКОГО и антисоветские церковные песни.

Проводилась широкая антисоветская агитация против мероприятий Советского правительства и распространялись различные антисоветские слухи».

И, конечно же, больше всего доставляла беспокойства властям антиколхозная деятельность тайных священников и их пасомых:

«Антисоветская деятельность организации в последний период особенно активно проводилась в направлении развала колхозов. Участники организации считали, что "чем скорее развалятся колхозы, тем скорее можно избавиться от Советской власти". По-

этому все участники подполья удерживали единоличников от вступления в колхозы.

Наряду с этим менее устойчивые колхозники склонялись к выходу из колхозов, в связи с чем в ряде селений имели место случаи выходов из колхозов. Вместе с этим широко проводилась агитация, направленная на ослабление трудовой дисциплины в колхозах и на саботаж в выполнении государственных обязательств.

Отдельные участники организации — единоличники брали незаконно у колхозников землю в аренду и даже скупали колхозную землю, не платили за нее никаких налогов государству, обеспечивали себя в большом количестве хлебом и использовали это в своей агитации против колхозов.

Участница антисоветской организации КНЯЗЕВА по поручению связной ИГНАТЬЕВА Никиты — ЦАРЕГОРОДЦЕВОЙ изготовляла заявления на выход из колхозов, которые раздавались колхозникам.

Значительное влияние на выход из колхозов оказала распространявшаяся по указанию ИГНАТЬЕВА рукопись под названием "Видение Иоанна Кронштадтского". В этой рукописи объявляется грехом для верующих состоять в колхозах и выполнять обязательства перед Советской властью. Аналогичные антисоветские воззвания епископа Нектария ТРЕЗВИНСКОГО распространяли обвиняемые БЕРЕЗИНА Мария и ХОРИКОВА Евдокия, в них также запрещалось верующим вступать в колхозы».

Действительно, с самого начала своего служения в приходе в селе Городище, а затем и Табашино священник Никита Игнатьев не скрывал своего отрицательного отношения к безбожной власти и ее мероприятиям и твердо наставлял свою паству. Как вспоминали его духовные чада:

«Отец Никита строгий был. Такого человека не найдешь нигде. Как скажет — в колхоз не идти, человек в одной рубашке останется, а в колхоз не пойдет. Он не благословлял в колхоз идти, и люди не шли, слушались его».

Понятно, что власти не могли это долго терпеть, и отец Никита в самом скором времени должен был попасть за решетку. Однако ему чудом удалось избежать ареста: в тот поздний вечер, как будто предчувствуя недоброе, батюшка не стал ложиться спать; и постель в его комнате осталась неразобранной. Сам он рассказывал так:

«Я сел и сижу, малахай в руках и не раздетый. У меня сердце заболело, — наверное, что-то будет. Раздался стук в окошко. "Идут меня забирать", — уверенно сказал отец Никита. На стук матушка Голованова пошла встречать непрошенных гостей со свечой... Дверь из избы в сени открывалась наружу, и отец Никита встал в сенях за распахнутой дверью. Ввалившиеся с улицы в сени "гости" внезапно оказались в непроглядной темноте. "Ой, свечу задуло, — воскликнула матушка. — Пошли в залу, там светло". Вошедшие устремились в освещенную часть жилища, а отец Никита в это время вышел из дому; он оказался вполне готовым к приходу гостей, и даже одежда верхняя была на нем.

— Где батюшка? — спросили "гости".

— А вызвали его с требой в Серково.

Осмотрели дом. Койка батюшки оказалась неразобранной — они поверили и поехали в сторону Серкова... Этим кончилась приходская жизнь отца Никиты. Сходили за старостой, отслужили молебен в церкви в последний раз, и отец Никита пошел странствовать. Подсказывало ли ему сердце, что уж больше на этой земле в храме служить и даже бывать не придется?»¹⁸⁶

¹⁸⁶ Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 4. С. 35–36.

Позднее Екатерина Голованова показала на допросе: «В 1932 г<оду> Игнатъев оставил службу в церкви и перешел на нелегальное положение, потому что дальше так открыто действовать, как это было раньше, стало нельзя. После ухода из села Городище Игнатъев уехал в Ташкент. Я ездила вместе с ним. Там проживали его знакомые: профессор обсерватории Попов Гавриил Васильев<ич> и бывший судья, не знаю, где служивший при Советской власти, Исаков Иван Константинович. Попов и Исаков пытались устроить Игнатъева в Ташкенте, но у него не было документов, поэтому устроить его на жительство там не удалось. С Игнатъевым я возвратилась в Кировскую область.

На протяжении 4 лет, до 1936 года, Игнатъев скрывался у разных лиц в Санчурском, Кикнурском районах Кировской области. Периодически жил в дер<евне> Ситниково у Русанова Петра Васильевича (в 1944 — осужден), в дер<евне> Исаково у Алексея Егоровича, фамилии не знаю (незадолго до войны умер), у меня в квартире в деревне Пешки, поскольку я тогда не скрывалась, а служила регентшей в селе Улеш. А также жил в домах других верующих».

В 1936 году в Кикнурский район Кировской области после освобождения из ссылки приехал архимандрит Серафим (Черствов). Когда и куда он был сослан, не известно; о нем вообще очень мало сведений: известно лишь, что происходил он из крестьян подмосковного села Загорново Богородского уезда. Его брат Дмитрий, 1874 года рождения, помимо сельского хозяйства занимался там бакалейной торговлей, имел два дома в городе Богородске¹⁸⁷, состоял церковным старостой Тихвинской церкви. В 1930 году был рас-

---

¹⁸⁷ Переименован в Ногинск в 1930 году.

кулачен, обвинен в антисоветской пропаганде и выслан на три года на Урал. В материалах следственного дела по обвинению Дмитрия Васильевича Черстова упоминается, что *«его брат, уйдя в монахи, после при Советской власти неоднократно высылался в Соловки, а в настоящее время находится под надзором административных органов»*¹⁸⁸. Соответственно, выслан он мог быть после 1930 года.

В Кикнурский район архимандрит Серафим (Черстов) приехал, по словам матушки Екатерины, *«с решением поступить на службу»*, очевидно, в одну из непоминающих митрополита Сергия церквей, которые еще оставались действующими в Вятской епархии. Устроиться ему не удалось, и он уехал к себе на родину в город Ногинск (бывший Богородск) Московской области¹⁸⁹. Вслед за ним уехал к себе на родину в Молдавию и священник Никита Игнатьев по совету архимандрита Серафима; тот надеялся, что отец Никита сможет устроиться там, поскольку, находясь на нелегальном положении, он ставил под удар и себя, и свою паству.

Однако на родине отцу Никите устроиться не удалось, и вскоре он вернулся обратно. На вопрос следователя, что он рассказывал о своей поездке в Молдавию, матушка Екатерина показала: *«Игнатьев рассказывал, что он был у своих родителей, проживающих в селе Слободзея»*¹⁹⁰, районном центре, но это пограничная полоса, объявиться там нельзя без документов. Проживать без документов там было невозможно, поэтому он вынужден был ехать обратно.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 48805. Л. 8.

¹⁸⁹ Дальнейшая судьба архимандрита Серафима Черстова неизвестна, есть лишь упоминание в следственном деле 1945 года о том, что он был осужден в 1944 году.

¹⁹⁰ Село Слободзея, в 12 км от Тирасполя, с 2002 года — город.

При этом Игнатъев рассказал, что у него было намерение перейти границу в Румынии, там у него якобы были родственники, но это ему осуществить не представилось возможным. Кроме этого, Игнатъев рассказывал об условиях жизни на родине, но эти разговоры ничего интересного не представляют».

Не были ли эти "не представляющие интереса" для чекистов рассказы как раз о том, как заморили голодом родителей отца Никиты? Вот что рассказывали духовные чада отца Никиты по его воспоминаниям о родителях, Илларионе и Евфросинии Игнатъевых:

«Они жили в своем доме где-то на юге. Дом большой был. У них рядом еще дом стоял, они паломников держали. Мать говорила: "Может, и моим сыновьям придется поскитаться, так чтобы и им дали приют", — и вот принимали паломников, ночлег им давали, кормили. Потом у них все забрали, а им самим отгородили комнатку в уголке. Врачи ездили, как будто их лечили. А когда сосед спросил, а какой болью они болеют, то врач только и сказал: "Накормить хлебушком досыта, да и оздоровеют". Так с голоду и померли...»¹⁹¹

К сожалению, это все, что было известно или, по крайней мере, что сохранилось в памяти. В это же время погиб и брат отца Никиты, Димитрий. До отца Никиты только дошли слухи, что брат помер в тюрьме. На самом деле, как теперь выяснилось, священник Димитрий Игнатъев был расстрелян 2 января 1938 года. Отец Никита об этом, конечно же, не мог знать, в это самое время он сам едва не попал в тюрьму, когда в Санчурском и Кикнурском районах, где он после возвращения из Молдавии совершал нелегальные богослужения, начались повальные аресты.

---

¹⁹¹ Из беседы с Маргаритой Васильевной Тюлькановой, декабрь 2008 года.

Как показала матушка Екатерина: «Скрываться стало труднее, и потому в начале 1938 года Игнатъев уехал в Ногинск к Черствову и там у Черствова на родине остался. Черствов устроил его к своему дальнему родственнику в дер<евне> Каменка (4 км от Ногинска), к Лешухину Федору Ильичу. В указанной деревне под Москвой Игнатъев жил до января 1942 года, причем за время проживания там раза три приезжал ненадолго в Кикнурский район для того, чтобы не терять связи со своими единомышленниками. В начале 1942 года Игнатъев совсем приехал в Кикнурский район в связи с тем, что ему как скрывающемуся не дали продовольствия, а достать было негде».

«В 1942 его духовник отец Серафим ему сказал: "Отец, поезжай в Вятку". Отец Никита говорит: "А как же я поеду? Сейчас идет война, без документов не проедешь". Отец Серафим показал вверх: "Вот наши документы". — "Ну, благословите меня тогда". Когда ехал, по вагону шли, проверяли документы. Тогда свету не было, проверяющий фонариком светил. Все подавали документы. И с верхних полков тоже. А он сидит, у него какие документы? Прижал икону Матери Божией (он всегда ее с собой возил на груди, благословение матери). Тот проверяющий фонариком посветил, посмотрел на него... Тут подошел второй: "Что не проверяешь?" — "Все проверено, пошли", — вдруг сказал первый и проверять документы не стал. Вот так и проехал, по батюшкиному благословию»¹⁹².

И вновь отец Никита тайно служил в вятских краях, скрываясь и постоянно переходя из одного села в другое. В Кикнурском районе у него была большая паства, и многие укрывали батюшку, сами подвергаясь опасности быть арестованными.

---

¹⁹² Из беседы с Маргаритой Васильевной Тюлькановой, декабрь 2008 года.

«На хозяев ложилась особая ответственность, и во время тайных богослужений, происходивших, разумеется, по ночам, они не столько молились, сколько стерегли. И бывало так, что, по их словам, прощались с жизнью... Бывали ложные тревоги, напрасные страхи, но, увы, дело обстояло так далеко не всегда. Тайну приходилось соблюдать так строго, что если, к примеру, к батюшке приходили двое, то было заведено, чтоб разговоров между собой об этом не было.

Обстановка была такая беспокойная, что прихожане отца Никиты решили отвести его в другой район, за 50 километров, где, им казалось, будет для батюшки безопаснее. Но это только теперь легко сказать — пройти 50 километров, а тогда очень трудно было сделать даже простое, такое и всем, казалось бы, доступное дело. Пешая ходьба превращалась в сложную задачу, когда каждый мужчина был на счету и на виду, а тем более для такой приметной фигуры, какой являлся отец Никита. Вот и приходилось ему превращаться на время перехода в согбенного старца. Как сам он рассказывал: "Наберу ношу лаптей, — а борода у меня большая была, — пригнусь — как будто старик с лаптями идет на базар"... Так и переходили с места на место, и батюшка потом рассказывал, как волновался он перед каждым таким переходом»¹⁹³.

Отца Никиту так и не арестовали. Еще более четверти века ему предстояло постоянно странствовать, и лишь последние семь лет своей многотрудной жизни он провел на одном месте — в доме близких ему по духу людей. Но таиться и скрываться приходилось и здесь. Так что до самой кончины, да и после нее во время погребения, он оставался тайным священником, и его духовные чада тщательно хранили тайну и берегли своего духовного отца¹⁹⁴.

---

¹⁹³ Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 4. С 37.

¹⁹⁴ Более подробное повествование об отце Никите опубликовано в предыдущей книге нашей серии: "Тайный" епископ Серпуховской Максим (Жижиленко). Сподвижники его и сострадальцы. Жизнеописания и документы. М.: Братонезж, 2014.

Это был уникальный случай, когда на протяжении десятилетий катакомбному священнику удавалось скрываться и ни разу не попасть в лапы органов ОГПУ / НКВД / МГБ / КГБ, при том что он постоянно служил и окормлял огромную паству (известно, что не только в вятских краях, но и в Москве у него было много верующих). А ведь в розыске он был так же, как и другие тайные священники, еще с 1936 года, и о нем не забывали и искали.

Во время следствия в 1945 году от обвиняемых допытывались, где находится отец Никита Игнатьев. Как рассказывали близкие монахини Екатерины Головановой:

«Тормошили матушку: "Давай сказывай, где он есть!"... Ее же били, нагайкой хлестали. На спине остались от нагайки черные пятнышки. Как-то, когда она уже старенькая была, в бане увидела ее помощница и спросила:

— Что это у вас матушка?

— Да пауки искусали... — ответила. Пятна так и остались до смерти.

Много люди пережили. Она говорила: "Что я пережила, никому не желаю". Конечно, били их сильно, сильно били. Все выколачивали батюшку... Но никто не выдал...

А когда у нее допытывали, где отец Никита, она спросила: "А если вы его найдете, что вы с ним будете делать?" Начальник милиции сказал: "Вот так по суставчику всего изрежем (показал жестами)! Вот что будем делать! Если и мертвого его найдем, не дадим его земле, в пушку — и выстрелим!"»¹⁹⁵

До последнего ареста матушку Екатерину уже задерживали. Но один раз освободили за недоказан-

---

¹⁹⁵ Из беседы с Маргаритой Васильевной Тюлькановой, октябрь 2010 года.

ностью состава преступления, а второй раз, в июне 1944 года, она сбежала. По воспоминаниям ее близких, задержали ее в доме одной знакомой два милиционера, разыскивающие отца Никиту.

«Но час был поздний, и притомившиеся стражи хотели спать. Один задремал за столом, другой — на пороге, видно, караулил дверь, чтоб матушка не сбежала. Матушка пождала-пождала, отворила окошко, да и была такова. Была она в бегах, как говорят, с полгода, потом все-таки ее опять арестовали. "Ну-ка, рассказывай, как сбежала". — "Да, как? Они спят, а я подумала, что просто так сидеть? Отворила окошко, да и ушла". — "Правильно сделала, — был ей на это ответ, — поймал — не спи"»¹⁹⁶.

24 мая 1945 года матушка из деревни Муреево Кикнурского района направилась на станцию Шахунья и там была арестована. На этот раз материала против нее было собрано достаточно.

Екатерина Голованова и игумен Сергей (Мытиков), арестованный 31 августа 1945 года, обвинялись в том, что:

- «а) приняли активное участие в создании антисоветского подполья и являлись активными руководителями антисоветской организации на территории Кировской области и Марийской АССР;*
- б) в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны создали несколько нелегальных церквей и вокруг них антисоветские группы, возглавив их. МЫТИКОВ тайную церковь имел в своем собственном доме;*

---

¹⁹⁶ Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 4. С. 38.

- в) поручали участникам групп и сами проводили вербовочную работу, использовали религиозные чувства верующих, привлекая их к антисоветской деятельности;
- г) вражескую деятельность участников антисоветской организации направляли: на развал колхозов, срыв мероприятий Советской власти в деревне, уклонение от мобилизации и работ;
- д) проводили агитацию за свержение Советской власти и восстановление в России монархического строя, призывали верующих всемерно содействовать этому».

Все остальные обвиняемые были признаны «активными участниками антисоветской организации». И кроме трех монахинь, которым непосредственно в вину ставилась связь с самим епископом Нектарием и тайными священниками¹⁹⁷, более три-

---

¹⁹⁷ 3. БЕРЕЗИНА Мария Николаевна,

4. ХОРИКОВА Евдокия Васильевна,

5. ВЕРХОРУБОВА Александра Яковлевна...

- б) были связаны с одним из руководителей антисоветского подполья, бывшим епископом ТРЕЗВИНСКИМ, для встреч с ним ездили в ссылку, привозили от него воззвания антисоветского характера, с призывом к борьбе с Советской властью, восстановлению монархического строя и распространяли их;
- в) перед войной и во время войны поддерживали тесную связь со священниками-нелегалами ЯНДУЛЕЦКИМ, РЕДЬКИНЫМ, РУЧИНЫМ, которые скрывались в лесах в тайных церквях и проводили антисоветскую деятельность совместно с ними;
- г) с 1943 года установили связь с одним из руководителей антисоветской организации, бывшим игуменом МЫТИКОВЫМ, по указанию МЫТИКОВА привлекали верующих к антисоветской работе.

дцати обвиняемым вменена в вину в той или иной мере связь со священником Никитой:

6. КОСОЛАПОВА Евдокия Федоровна,
7. СЕЛИВАНОВА Александра Федоровна,
8. ВЕРШИНИНА Матрена Афанасьевна,
9. ПОРОХИНА Александра Романовна в том, что:
  - ...б) выполняя указания руководителей этой организации, занимались вербовочной деятельностью и привлечением к антисоветской деятельности новых лиц;
  - в) изыскивали тайники, в которые направляли ИГНАТЬЕВА, ГОЛОВАНОВУ и скрывались сами;
  - г) участвовали в организации нелегальных антисоветских сборищ, на которых обсуждались вопросы борьбы с Советской властью;
  - д) выполняли поручения ГОЛОВАНОВОЙ и ИГНАТЬЕВА по связям с участниками антисоветского подполья, с этой целью выезжали в другие города и вели зашифрованную переписку;
10. СОКОЛОВА Анна Степановна,
11. СМИРНОВА Евдокия Ивановна,
12. МЯГЧИЛОВА Анна Ивановна,
13. ЗАРНИЦЫНА Александра Васильевна,
14. КОЗЛОВА Елизавета Алексеевна,
15. КОЗЛОВА Екатерина Степановна,
16. МУХИНА Евдокия Даниловна,
17. НЕМИХИН Василий Кузьмич,
18. ГЛАДЫШЕВ Михаил Терентьевич,
19. ГЛАДЫШЕВА Таусия Михайловна,
20. ОХОТНИКОВА Лариса Петровна,
21. ВОРОНЦОВА Матрена Федоровна,
22. ВОРОНЦОВА Агафья Евсеевна,
23. ВОХМИНЦЕВА Валентина Ивановна,

24. *РЫЖАКОВА Пелагея Егоровна,*

25. *ОЖИГАНОВА Мария Веденеевна в том, что:*

...б) укрывали руководителей этой организации ИГНАТЬЕВА и ГОЛОВАНОВУ в своих квартирах, сопровождали их от одного к другому, участвовали в антисоветских сборищах, проводившихся в их домах под видом тайных молений;

в) выполняя указания ГОЛОВАНОВОЙ и ИГНАТЬЕВА, среди населения проводили антисоветскую агитацию клеветнического и поразительного характера, распространяли провокационные вымыслы;

31. *ШЕВЕЛЕВА Евгения Федоровна,*

32. *КНЯЗЕВА Афанасия Петровна,*

33. *ЗАРНИЦЫНА Евгения Петровна,*

34. *КАЛЯГИНА Таисия Александровна,*

35. *РАЗГУЛИНА Анна Васильевна,*

36. *КОЖИНОВА Анна Егоровна в том, что:*

...б) поддерживали связь с руководителями организации ИГНАТЬЕВЫМ и ГОЛОВАНОВОЙ, скрывали их, присутствовали на антисоветских сборищах;

в) проводили антисоветскую агитацию клеветнического характера, вместе с этим призывали население к выходу из колхозов...»

Позднее матушка Екатерина рассказывала своим близким:

«А судили в Вятке, в Кирове. Она говорила, что на суде было 32 человека. Так вот, была такая Анна Соколова, вроде как мушиным мешком похлопана. Но на суде говорила чище всех. Судья думал, что она как бы глупенькая, и посмеяться над ней хотел:

— Анна, что с тобой будем делать?

А она ему:

— Поймал — суди!

Он рассмеялся:

— Как?

— А вот так! Поймал — суди, а отпустишь, я квашонку хлеба дома испеку и побегу к батюшке.

— Анна, мы все шины у машины избили, ищем батюшку, а ты пойдешь батюшку найдешь?

А она ему:

— Ты что думаешь, хорошие дела делаешь?

— Анна, тебе, поди, царя надо?

— Да, неплохо, если б царь был. И ты при царе барин-ном был бы.

— А я и сейчас барин.

— Какой ты барин?! Собрал старух деревенских в лаптях и судишь! Какой ты барин?!

А ему и неудобно стало. Вот тебе и дурочка!

Дали последнее слово, говори, что там... Она: "Дайте мне пулю". Он: "Анна, на тебя пули-то жаль". Ее тоже посадили, 9 лет дали, а матушке — 12. Но они все не досидели, пришли домой, когда Маленкова-то поставили... освободил всех»¹⁹⁸.

Согласно материалам дела, Судебная коллегия по уголовным делам Вятского областного суда на закрытом судебном заседании 27–31 октября 1945 года приговорила Екатерину Ильиничну Голованову и игумена Сергия Мытикова к 10 годам заключения. Остальные обвиняемые получили лагерные сроки от 7 до 10 лет. Игумен Сергей (Мытиков) скончался под стражей во внутренней тюрьме Управления МГБ Кировской области 30 ноября 1945 года.

---

¹⁹⁸ Из рассказа Маргариты Тюлькановой, ноябрь 2007 года.

Приложение I

Архипастырские послания и документы епископа Нектария

«+»

Копия

Прихожанам Св<ято>Троицкой г<орода>
Яранска церкви.

Разъяснение.

Ввиду того, что многие прихожане ясно себе не представляют недоразумений, происходящих при храме, поэтому считаю нужным разъяснить во избежание всяких кривотолков.

Причиною здесь является не моя слабохарактерность, непоследовательность в действиях, самопроти-

воречие в словах или всецелое подчинение неограниченному на меня влиянию прот<оиерея> С<ергия> Знаменского, как об этом пишут на меня в жалобах некоторые прихожане Троицкой церкви /из городских/ Св<ятейшему> Патриарху, а единственно неправильное безблагодатное посвящение Хмелькова в сан священника, каковое посвящение он, Хмельков, получил от обновленца епископа Сергия Корнеева¹⁹⁹ после нечестивого Собора 1923 года. Как неправильно посвященный обновленцем о<тец> Хмельков совершил недействительные, безблагодатные таинства /то е<сть> кощунственно крестил, причащал, исповедывал и т<ак> д<алее>/. Этим безблагодатным совершением таинств он вводил в заблуждение и обман своих прихожан, выдавая себя за истинного благодатного пастыря. Оказывается теперь, что Св<ятейший> Патриарх хотел было даже вызвать его, Хмелькова, в Москву для нового всецелого его переосвящения. Мало того, Святейший Патриарх на меня недовольствовал: почему я не полностью пересвятил Хмелькова, а только прочел над ним одну молитву, то е<сть> принял третьим чином. Уже по одному этому о<тцу> Хмелькову нет оснований жаловаться на меня, на мою якобы жестокость.

Из-за того, что он, Хмельков, не имел правильного посвящения, я не мог идти и не пошел с ним в Крещение на воду. С видимым неудовольствием и даже злобой, прося пощадить его страждущую душу, Хмельков подчинился на прочтение мною над ним положенной молитвы, ибо иначе я не мог с ним

---

¹⁹⁹ В январе 1922 года рукоположен во епископа Яранского. В начале 1923 года перешел к обновленцам, участник 1-го обновленческого Собора.

служить, а всенародного покаяния он так и не принес.

Будучи близким родственником яркого обновленца Турутина, Хмельков на меня озлобился за то, что я в проповедях обличаю обновленцев, и стал не лично, а чрез прихожан писать на меня разные кляузы Св<ятейшему> Патриарху, чтобы совсем выжить меня из Яранска, продолжал носить за богослужением полученные им от обновленца награды и вооружал против меня городское духовенство по делу свящ<енника> Благовещенской церкви о<тца> Семенова.

Дальнейшее двусмысленное поведение Хмелькова по принятию его мною в общение обнаруживало в нем тяготение к обновленчеству. Так, за мое распоряжение, чтобы он, Хмельков, составил проповедь против обновленцев, он на меня пуще прежнего обиделся и, не будучи мною запрещен, демонстративно не стал служить в родительскую субботу, снова желая возбудить против меня недовольство прихожан, а из себя разыграть мученика. Я ему служение не запрещал, а только предупредил об этом запрещении в том случае, если он, Хмельков, не представит заданной проповеди. За то, что я назначил ему, Хмелькову, произнести проповедь против обновленцев, Хмельков, не спросясь всего Троицкого прихода, как обычно водится в таких случаях, послал на меня к Свят<ейшему> Патриарху в Москву старосту Ситникова и гражд<анку> Костромитинову с кляузой на жестокое обращение мое с духовенством и с просьбой о переходе Троицкого прихода к Котельничскому епископу.

Эту вздорную кляузу Св<ятейший> Патриарх прислал мне для отзыва.

Минувшую субботу я счел нужным послать в Троицкий храм прот<оиерея> Пупышева²⁰⁰ для объяснения народу — прихожанам о том, что Ситников, Лопатин и Хмельков хотят без общеприходского согласия отделиться от Яранской епископии и перейти к Котельничскому епископу. Хмельков и Ситников из-за своих соображений не дали объявить о<тцу> Пупышеву, то е<сть> исполнить волю епископа. Мне ничего больше не оставалось делать, как издать следующее распоряжение. Привожу дословно.

Приходскому Совету и Причту Св<ято->Троицкой г<орода> Яранска церкви.

Сим извещается, что с 9-го марта с<тарого> с<тиля> с<его> г<ода> мною запрещается возношение в Вашем храме за богослужениями наряду со Св<ятейшим> Патриархом моего имени — епископа Яранского, а вместе с тем мною прерывается церковно-каноническое общение с Приходским Советом /но ничуть не с целым приходом/ названной церкви и свящ<енником> Хмельковым.

Причины: а) провоцирование Хмельковым моего к нему распоряжения за № 182, б) непослушание епископу в лице его представителя — прот<оиерея> И. Пупышева, с) вздорная жалоба на меня Свят<ейшему> Патриарху и d) желание без ведома всего прихода перейти под духовное руководство Котельничского епископа.

---

²⁰⁰ Пупышев Иван Иванович, родился в 1871 году в селе Спасо-Талица Орловского уезда Вятской губ. Священник Успенского собора Яранска. 30 июля 1937 — арестован. 17 декабря 1937 — за недоказанностью обвинений из-под стражи освобожден.

Свящ^{<еннику>} Хмелькову рекомендуется искать себе место вне Яранской епископии, тем более что он хиротонисан обновленцем.

Это мое епископское прещение относительно Троицкого прихода тогда только мною будет аннулировано, если будет переизбран Приходской Совет и устранен с должности теперешний церк^{<овный>} староста Ситников вместе с Хмельковым.

О проявлении неподчинения со стороны Хмелькова будет немедленно доложено Св^{<ятейшему>} Патриарху, а он, Хмельков, запрещен в священнослужении /услвно/. 1925 г^{<ода>}. 9 марта с^{<тарого>} с^{<тиля>}. № 395.

Нектарий Епископ Яранский²⁰¹.

Протоиерею о^{<тцу>} Сергию Знаменскому.

Очень прошу Вас взять на себя труд по опубликованию среди прихожан Троицкого прихода — означенного разъяснения, притом как можно поскорее.

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга и богомолец

Нектарий Епископ Яранский.

1925 года. 14 марта с^{<тарого>} с^{<тиля>}»²⁰².

---

²⁰¹ Рукописная копия, скрепленная печатью главы Яранской епископии. Подпись владыки — автограф (Вятский епархиальный архив. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3 об.). Текст документа предоставлен вятским историком А. Г. Поляковым.

²⁰² Подчеркнутое приписано епископом Нектарием (Трезвинским) и скреплено его печатью (ВЕА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.).

* * *

**Первое послание епископа Нектария (Трезвинского)
духовенству и пастве Яранской епископии
от 10 апреля 1925 года**

«+

Смиренный Нектарий
Божиею милостию Епископ Яранский —
Церковным причтам и приходским общинам
Яранской Епископии желает радоваться
о Господе

Пишу вам, возлюбленные, первое свое послание, дабы поделиться с Вами своими мыслями и чувствами, а также напомнить о той духовной связи, каковая по слову Божию и канонам Церкви (Ап. 14, 38 и 39²⁰³; 1 Всел. 15²⁰⁴; 4 Всел. Сов. 5²⁰⁵ и 11 Сард.²⁰⁶) должна быть между Епископом и вверенной ему паствой.

Вот уже три месяца, как я, за послушание Святейшему Патриарху Тихону, несу нелегкий жребий епископского служения в вашем отдаленном крае.

За это краткое время я уже успел познакомиться как с добрыми сторонами, так и с отрицательными явлениями здешней церковной жизни. В церковном отношении край Яранский, можно сказать, патриархальный. Величественные каменные храмы в боль-

---

²⁰³ Правила Святых Апостолов 14, 38 и 39.

²⁰⁴ Святого Вселенского Первого Собора правило 15.

²⁰⁵ Святого Вселенского Четвертого Собора правило 5.

²⁰⁶ Святого Поместного Собора Сардикийского правило 11.

шинстве, многопричтные приходы, сравнительно усердное посещение храма, приверженность к церковным обрядам, хождение с чудотворными святынями Спасителя и Михаила Архангела, отвержение и изгнание обновленчества, тяготение к Святейшему Патриарху — это, несомненно, добрые стороны церковной жизни. С отрадным чувством вспоминаю то благоговение к архиерейскому сану и те, до тесноты переполненные молящимися, храмы всюду, где мне приходилось молиться во время небольших поездок по епископии. Когда подъезжаешь к храму и видишь толпу с обнаженными головами, а особенно неиспорченных деревенских детей, которые бежат к повозке Архиерея, — слезы подступают к горлу и больших усилий стоит сдерживать свои переживания при виде народного благочестия.

Храните, возлюбл^{енные} братие, святую веру православную, веру Апостольскую, веру отеческую, в которой спасались Святые угодники и сонмы верующих; по-прежнему празднуйте праздники Божии по старому стилю; храните верность и послушание преемнику Св^{ятых} Апостолов — Патриарху Тихону и поставленным от Него благодатным епископам; отворачивайтесь от пастырей, признающих второбрачие ^{священнослужителей} и женатых епископов; стойте за отправление богослужений на славянском языке. Все это я перечислил вам внешние признаки святого Православия, дабы вы могли на будущее время отклоняться от разных обновленческих и других еретических покушений на Св^{ятую} Православную веру.

Составленные Св^{ятыми} Апостолами и Св^{ятыми} Отцами на Вселенских Соборах правила и Каноны должны остаться неизменным руководством в церковной жизни. Всякое отклонение от них ничего доброго не предвещает и кроме вреда не приносит

церковной жизни, ибо их, то е<сть> Каноны, изрекли по внушению Св<ятого> Духа пастыри и учителя вселенных.

Обновленцы же пренебрегли всем этим и свободно смотрят на всю церковную жизнь. На основании 1-го правила Св<ятого> Василия Вел<икого> обновленцы называются раскольниками, как разделившиеся с Православною Церковью в мнениях и некоторых предметах церковных. По этому же правилу священнослужители, отторженные, сделавшись мирянами, не могут преподавать другим благодать Св<ятого> Духа. Следовательно и все таинства, совершаемые отщепенцами от Св<ятого> Православия, безблагодатны. По слову Св<ятого> Иоанна Златоуста — разделение Церкви есть такой грех, какого не может заглаживать и кровь мученическая.

Сказав об обновленчестве, считаю нужным коснуться и других ненормальностей в церковной жизни епископии.

1.) Совершение Евхаристии на суррогатах.

Не могу умолчать о тех нарушениях церковных установлений (Апост. пр. 3 и Матф. 26, 28–28; Лук. 22, 17–20) при совершении Божественной Литургии, кои наблюдаются всюду в приходах епископии. Разумею совершение Святых Таин Тела и Крови Христовых не на виноградном вине, а на различных соках, как то: малиновом, черничном и др<угих>. Некоторые епископы и пресвитеры свободно смотрят на это явление, думая, что Бог не осудит за неимение и простит, но я, недостойный, слишком строго смотрю на это печальное явление. Мой завет всем священнослужителям моей епископии: совершать св<ятую> Евхаристию только на просфорах из чистой пшеничной муки и виноградном вине. Кто нарушает это Христово, на все

века установление, тот повинен будет Св<ятому> Телу и Крови Христовым, и я не во власти буду разрешить от той Божией клятвы, которой подвергает себя священнослужитель, престапующий это Божие установление. Если же нет пшеничных белых просфор и виноградного вина, то ограничиваться служением одной обедницы, с причащением лишь запасными Дарами.

Современная церковная смута — не есть ли Божие наказание за пренебрежение и не надлежащее совершение Бож<ественной> Тайны Евхаристии. Пока есть возможность, запасайтесь возможно большим количеством Св<ятых> Даров, а также вином и пшеничной мукой, дабы не очутиться в наш ужасный век всех неожиданных возможностей без совершения Тайны Причащения. Я лично даже сомневаюсь: действительно ли будет таинство, совершенное на суррогатах, то е<сть> на ржаном хлебе и соках. Отцы духовные должны разъяснить всю важность этого церковного узаконения, а прихожан умоляю в свою очередь помогать, дабы не нарушалось Божественное установление о святом Причащении.

Предупреждая об этом приходские общины, находящиеся со мною в церковно-каноническом общении, я тем самым снимаю с себя тот ответ, каким мы все будем истязаны в день страшного суда Христова.

2.) Венчание разведенных браков.

За последнее время вошли в моду частые разводы из-за нарушения супружеской верности. Современное молодое поколение забывает заповедь Господню: "Что Бог соединил, человек да не разлучает"²⁰⁷. Мне, как

---

²⁰⁷ Дословно: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 6).

Епископу, с болью в сердце приходится, применяясь к условиям современной жизни, расторгать церковные браки и благословлять новые разведенным супругам. Пусть знают таковые, что все равно благословения Божия нет на таких браках, а потому счастливой и благополучной жизни от подобных браков едва ли можно ожидать. Жизненный опыт дает многочисленные примеры самых несчастных супружеств из разведенных.

Не мешает самим брачующимся заботиться о соблюдении тишины и должного благоговения во время совершения Таинства брака. В большинстве случаев храм во время совершения браков превращается в вертеп разбойников. Брачные поезжане почти всегда, будучи пьяными, ведут себя в храме далеко не по-христиански, а хуже язычников. Как бы хорошо было, если бы приходские Советы поручали кому-либо из членов наблюдение порядка и тишины в храме при венчании браков.

3.) Кляузы.

Нельзя умолчать о многочисленных кляузах на духовенство со стороны прихожан. Большею частью в основе кляуз, жалоб и доносов лежит не преступность того или иного клирика, а личные счеты. Редкий прием у меня проходит без кляуз.

Как мирянам, так и духовенству советую не забывать апостольское слово: "друг друга тяготы носите, тако да исполните закон Христов"²⁰⁸.

Лучше всего всякие недоразумения решать семейным образом при помощи благочинного, дабы не выносить сора из избы и не затруднять епископа, и без того несущего тяжелое бремя служения. Безгрешного

---

²⁰⁸ Дословно: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (Гал. 6, 2).

священника во всем мире не найти. У каждого есть свои недостатки. И прихожанам советую покрывать их своею христианскою любовью. Как вода не теряет своего свойства, в каком бы она сосуде ни находилась: в золотом ли, серебряном ли, медном ли и даже глиняном; так и Божия благодать преподается верующим через пастырей даже недостойной жизни. Только два повода может быть к подаче жалобы: это измена православию и уголовное преступление. Несмотря на то что многие пастыри покаялись в обновленчестве, но в некоторых приходах верующие избегают молитвенного общения с уклонившимися в обновленческий раскол священниками — не ходят к ним на исповедь, не причащаются у них и даже ко кресту не прикладываются из их рук. Пусть знают подобные прихожане, что они уподобляются древним фарисеям, которых Сам Господь считал далекими от Царства Небесного; они работают на радость врагам Церкви и вносят своим поведением соблазн среди верующих. Кто из духовенства и мирян хочет заслужить недоверие у меня, Епископа, и омрачить себя в моих глазах, пусть тот занимается кляузами.

4.) Церковная дисциплина.

Мое слово к вам, священнослужители: в своем поведении и служении являйте из себя добрых пастырей служителей Христовых, строителей Тайн Божия. Помните грозное слово Христово: "горе человеку, чрез которого соблазн приходит"²⁰⁹; богослужение совершайте истово, благоговейно, придерживаясь по возможности устава; не пренебрегайте выполнением стихир и канонов; поучайте изустно и по печатному от

---

²⁰⁹ «Горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит» (Мф. 18, 7).

Слова Божия своих прихожан; поддерживайте и заводите общенародное пение; подавайте пример прихожанам в соблюдении Св<ятых> Постов; оставьте скверную привычку табакокурения — да будет всем вам известно, что я ни одного табачника не рукоположу в священный сан, а о наградах священнослужителей, подверженных этой пагубной привычке, и речи быть не может. Образ доброго пастыря, молитвенника и печальника за свою паству не мирится с табакокурением и нетрезвостью. Последнее свидетельствует о духовной распущенности человека.

Многие из священнослужителей тяготятся ношением рясы и подрясника во внебогослужбное время, предпочитая светский пиджак, тужурку или френч. Рясу надевают, только идя на потребу, а в остальное время щеголяют в светском одеянии. Также и насчет бороды и волос некоторые допускают большой либерализм.

Кто любит священство, кто принял священный сан, тот не должен тяготиться духовным одеянием и внешним обликом православного священнослужителя. Младшие члены причта: диаконы и псаломщики, да относятся к своему настоятелю почтительно, свое клиросное дело да исполняют как священнодействие и да не уподобятся грубым профессионалам — "отзвонил и с колокольни долой". Да устрасит нас слово Господне ко Пророку: "проклят всяк творяй дело Божие с нерадением"²¹⁰. "Как ты забыл закон Бога Твоего, так и я отвергну тебя от священнодействия предо Мною"²¹¹ /Осии 4, 6/.

---

²¹⁰ «Проклят (человек) творяй дело Господне с небрежением» (Иер. 48, 10).

²¹¹ Дословно: «Так как ты отверг ведение, то и Я отвергну тебя от священнодействия предо Мною; и как ты забыл закон Бога Твоего, то и Я забуду детей Твоих» (Осии. 4, 6).

5.) Религиозное воодушевление клира.

Желательно, чтобы клирики в настоящее трудное для Церкви Христовой время не взирали на свое служение исключительно как на профессию или ремесло, дающее средства к жизни. То правда, что ап<остол> Павел говорит: "священнодействующие да питаются от святилища". Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования /1 Кор. 9, 13, 14/, но тот же апостол говорит: "блаженнее давать, нежели принимать" /Деян. 20, 35/.

Надо хотя бы так полюбить свое святое дело, как ученый любит свою науку или художник свое искусство.

Мы, подобно христианским мученикам, должны гореть святым воодушевлением и заражать своею ревностью по вере мирян, а ничуть не плестись постыдно позади своих овец. Рекомендую почаще вспоминать Рим. 8, 35–39.

Тяжесть материального положения и слабая доходность бывает часто прямо пропорциональна церковной работе причта. Быть не может, чтобы усердие к службе, к проповедничеству не было оценено и соответствующе вознаграждено прихожанами. Слово Христово непреложно: "ищите прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся вам"²¹².

Жизнь дает многие примеры нравственной опущенности духовенства. И справедливы бывают неверы в своих нападках на духовенство. А потому будьте как светильники, распространяя свое благочестие и свет Христов среди современного человечества.

Призываю всех верных чад Православной Церкви сплотиться около своих храмов в дружную семью,

---

²¹² «Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6, 33).

участь посещение богослужений, принимать живое участие в решении приходских вопросов; если возможно, то позаботиться об оказании помощи нуждающимся и бесприютным, вдовам и сиротам из прихожан, дабы заповедь Христова о милосердии не осталась нами не исполненной...

В летние месяцы, а затем в осеннее время, если Господь поможет, надеюсь лично посетить многие приходы вверенной мне епископии и лично на месте обо всем поговорить, а пока призываю всех пастырей и мирян к бодрствованию духовному словами Апостола Павла: "стойте в вере, мужайтесь и укрепляйтесь" /1 Кор. 16, 13/,²¹³ "в научения странна и различна не уклоняйтесь"²¹⁴ /Евр. 13, 9/.

Приветствую моею рукою: благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.

+ Нектарий Епископ Яранский.

25 марта. Благовещение. 12 час. ночи скончался Св<ятейший> Патр<иарх> Тихон. Погребение состоялось. Местоблюститель неизвестен.

Е<пископ> Н<ектарий>.²¹⁵

28 марта ст<арого> ст<иля>²¹⁶. 1925 г<ода>.

№ 508»²¹⁷.

²¹³ «Бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь» (1 Кор. 16, 13).

²¹⁴ «В научения странна и различна не прилагайтесь» (Евр. 13, 9).

²¹⁵ Подчеркнутое написано красными чернилами.

²¹⁶ 28 марта / 10 апреля.

²¹⁷ Рукописная копия, заверенная епископом Нектарием и скрепленная его печатью (ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ-3673. Л. 71-74). Материал предоставлен вятским историком А. Г. Поляковым.

* * *

Распоряжение по Яранской епископии от 5 мая 1925 года

«Секретарю Яранской епископии.

Нахожу нужным в административном порядке провести следующие назначения в епископии, ввиду исключительного положения самолично без участия приход<ских> советов.

1) Настоятель прихода с<ела> Роженцово²¹⁸ 4-го окр<уга> благоч<иния> свящ<енник> А. Емельянов переводится на священническое место в Алексеихи²¹⁹ 1-го окр<уга> благочиния (знает за что).

2) Бесприходный свящ<енник> М. Панов (из Р<усских> Краев²²⁰) назначается вр<еменно> и<сполняющим> д<ела> настоятеля прихода с<ела> Роженцово.

3) Безместный свящ<енник> А. Юдников командировается в с<ело> Ключки²²¹ помощником прот<оиерея> Кибардина с положением на псаломщическом окладе.

Упомянутым священникам строжайше предлагается немедленно явиться по назначению. Приходы обязаны принять этих пастырей как посланных епископом для пользы дела.

В противном случае я означенные приходы отлучаю от церковно-канонического общения со мною и

---

²¹⁸ Ныне село Роженцово входит в состав Шарангского района Нижегородской области.

²¹⁹ Село Алексеиха находится в Санчурском районе Кировской области.

²²⁰ Село Русские Краи расположено в Кикнурском районе Кировской области.

²²¹ На сегодня: деревня Ключки Кикнурского района Кировской области.

воспрецаю в ихних²²² храмах поминовение моего имени за богослужением.

Предлагаю секретарю епископии спешно выслать копии этого распоряжения как этим трем священникам, так и о. о.²²³ благоч<инным> 1-го и 4-го окр<угов> и приходским советам означенных приходо-
дов для сведения и должного исполнения.

1925 г<ода> 22 апр<еля> ст<арого> ст<иля>.

Нектарий, Епископ Яранский»²²⁴.

* * *

Послание епископа Нектария (Трезвинского) из тюрьмы, август — сентябрь 1925 года

«+

*Архипастырское послание Яранской православной
(не обновленческой) пастве. Смиренный Нектарий Божией
милостью (тихоновский) епископ Яранский православным
священнослужителям, церковнослужителям, благочестивым
инокам и инокиням и всем мирским людям, спасающимся
в недрах Единой Святой Соборной Апостольской Церкви,
живущим в пределах Яранской Епископии и отвращающимся
от обновленчества.*

"Богомерзкого обновленческого движения, раздирающего Церковь Христову, отвращаюся и анафематствую оно". "Богомерзкий разбойниче-

---

²²² Так в тексте.

²²³ О. о. — отцам.

²²⁴ Автограф. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3930. Т. 1. Л. 87 "а", 87 "а" оборот.

ский Собор 1923 в Москве со всеми его постановлениями анафематствую". "Со всеми примкнувшими к сему обновленческому соблазну обещаюся не имети церковнаго общения".

(Из архиерейского обещания епископа Нектария)

Православные люди! Вятский обновленческий лжеепископ Иоасаф²²⁵ обратился к верующей пастве Вятской епархии с посланием, внося еще большую смуту и затемнение в сознание верующих, дабы как можно дальше увлечь простые души верующих в сатанинские бездны богомерзкаго еретичества и раскола. Блюдите, братие, како опасно ходим. Все православные вятские святители: Павел, Виктор²²⁶ и Авраамий²²⁷ — томятся в ссылках и заключении, обновленческие же епископы не что иное, как хищные волки в овечьих одеждах, перелезшие чрез стену во двор овчий. Еще св<ятой> ап<остол> Павел, прощаясь с ефесскими пресвитерами, предупреждал в лице их и нас грешных с вами: "Знаю, говорил ап<остол>, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не падающие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников

²²⁵ Бывший епископ Мензелинский Иоасаф (Рогозин Иосиф Александрович). Перешел к обновленцам, с мая 1925 — на Вятской кафедре.

²²⁶ Павел (Борисовский), епископ Вятский и Слободской, и его викарий — епископ Виктор (Островидов), епископ Глазовский — находились в ссылке в Нарымском крае.

²²⁷ Авраамий (Дернов), епископ Уржумский, викарий Вятский, содержался под стражей. 13 ноября 1925 — осужден на 3 года ссылки в Зырянский край.

за собою" (Деян. 20, 29–30). Также и Божеств^{<енный>} Пастыренач^{<альник>} наш, Г^{<осподь>} И^{<исус>} Хр^{<истос>}, предуказывал в своей предпоследней беседе: "берегитесь, сказал он, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под Моим именем и будут говорить: я Христос и многих прельстят", то е^{<сть>} обманут. "И многие лжепророки восстанут и прельстят многих" (Матф. 24, ст. 4, 5, 11). Попущением Божиим вот уже 4-й год как великими бедствиями и смутами обуреваются Св^{<ятая>} Православная Церковь в Русской Земле. Совне волны неверия, богоборчество, безбожие, ужасающие безнравственность и сектантство обрушиваются на корабль Церковный, а внутри свои — домашние враги, обезумевшие представители духовенства, изменившие чистоте Православия. И терзается Мать наша — Церковь Святая — Невеста Христова, раздирается на части нешвенный Хитон Христов — Его Божественное Тело. И кем же? — Обнаглевшей и потерявшей совесть группой духовенства, заклеившей себя названием обновленчество. «Они вышли, по слову ап^{<остола>} любви св^{<ятого>} Иоанна Богослова, от нас, но не были наши; ибо если бы они были наши, то остались бы с нами. Но они вышли, и чрез то открылось, что не все наши»²²⁸.

Еще в 1922 г^{<оду>} группа столичных прогрессивных священников (Введенский²²⁹, Красницкий²³⁰

²²⁸ 1 Ин. 2, 19.

²²⁹ Введенский Александр Иванович, священник (1889–1946). В обновленческой церкви — идеолог и первоиерарх (митрополит Александр).

²³⁰ Красницкий Владимир Димитриевич (1880–1936), священник. В мае 1922 — перешел в обновленчество, создал группу "Живая Церковь", но уже в августе 1923 — он и его последователи отделились от основной части обновленческой церкви, создав ее отдельное течение.

и Калиновский²³¹) совместно с некоторыми епископами (Антонин²³² и Евдоким²³³) обманным путем захватила, узурпировала высшую церковную власть в свои руки, воспользовавшись взятием под стражу Св<ятейшего> Патриарха как главы Русской Церкви. На сторону захватчиков перешли многие из епископов и духовенства. Свой коварный захват обманно объясняли в посланиях: будто бы сам Св<ятейший> Патр<иарх> Тихон добровольно отказался от управления Церковью и передал им, группе бунтарей и крамольников, всю полноту своей иерархической власти. О, окаянные лжецы, напрасно вы изощряетесь в своей наглости. Никто не передавал вам права на управление судьбами и делами Российской Церкви. Если бы Св<ятейший> Патр<иарх> Тихон отказался от управления Церковью в 1922 г<оду>, то он не стал бы управлять Церковью по своем освобождении из-под стражи в 1923 г<оду>. Ваше непомерное честолюбие, бессовестный карьеризм, бесовское властолюбие, жадность к деньгам и наживе, обнаружившаяся в чисто бандитских захватах храмов и часовень с чтимыми верующим народом святынями, Ваше²³⁴ блудо-

---

²³¹ Калиновский Сергей Васильевич (1886–1930-е), священник, с 18 мая 1922 — член обновленческого ВЦУ, но уже через несколько месяцев заявил о снятии сана и с 1923 — на антирелигиозной работе.

²³² Грановский Александр Андреевич (1865–1927), епископ Антонин. В мае 1922 — примкнул к обновленцам, стал у них первым архиереем, митрополитом Московским. В 1923 — отстранен от должности председателя обновленческого ВЦУ.

²³³ Мещерский Василий Иванович [1869 (1871) — 1935 (1936)], архиепископ Евдоким. Перешел к обновленцам. Последняя кафедра — митрополит Вятский. С 1923 — председатель ВЦУ. В 1934 — уволен на покой.

²³⁴ В оригинале и копии с заглавной буквы.

любие, проявившееся в женитьбе епископата и блудолюбивых нецеломудренных клириков, — вот причины захвата вами церковной власти.

Задавшиеся реформаторскими планами обновления Церкви, духовные лица допустили сначала самую широкую программу, задумали переделать по-своему не только каноны, но даже и догматы св<ятой> веры: о Богочеловеческой природе Господа Христа, о Приснодевстве Богоматери, о загробной жизни, о единстве Церкви и проч<ем>. В содержании богослужения богохульник Введенский нашел магизм, шаманство и колдовство (о чем собрался в свое время читать лекции в Питере, но почему-то побоялся). Дальше те же обновленцы порешили отменить патриаршество, старый церковный стиль, упразднить монашество, почитание св<ятых> мощей, вывести из употребления славянский язык при богослужении, удалить из храмов иконостасы и пр<очее> т<ому> п<одобное>. Если обновленцы окончательно не ввели в жизнь эти свои новшества, то только из опасения потерпеть окончательное поражение. Многие верующие, преимущественно люди образованные из интеллигенции, не хотят разбираться и не разбираются в том, что несет собою обновленчество, и, не видя во внешнем богослужебном обряде никаких изменений, заблуждаясь, упорно и наивно утверждают: православие и обновленчество все одно и то же, нет никакой между ними разницы. Многие и донныне так мыслят. Жалкое заблуждение. Богомерзкий обновленческий собор в 1923 году²³⁵ своими нечестивыми постановлениями ярко и наглядно обнаружил неправославное и душепагубное, раскольническое еретичество всего об-

²³⁵ 1-й обновленческий собор прошел в Москве с 29 апреля по 9 мая 1923 года.

новленческого движения. И чего-чего только здесь не натворило это беззаконных "соборище"?

Осудили Свят<ейшего> Патриарха Тихона, лишив его сана и монашества, ввели новый стиль, допустили брачный епископат и второбрачие духовенства и прочие нарушения церковных канонов, коими постарались обновленцы унижить Христово вечное учение и приспособить его к человеческим слабостям и порокам. Постановления этого лжесобора не получили признания и утверждения со стороны Вселенских Патриархов. Так обр.²³⁶ обновленчество явилось уже не православной, а еретической религиозной организацией, отделившись от единства с Православн<ой> Церковью. Как ветвь, отрубленная от ствола, не принадлежит дереву или как рука с ногой, отсеченные от тела, не являются уже частями тела. В силу этого и обновленческое духовенство является безблагодатным и таинства, ими совершаемые, недействительными, как не имеющие силы благодатного освящения. По 15 прав<илу> Двукратного Собора епископ, пресвитер или диакон²³⁷, прекратившие поминовение за богослужением имени своего патриарха и учинившие раскол, являются чуждыми священного сана. Точно так же, судя по I правилу свят<ого> Василия Великого, обновленчество является уже не Церковью Христовою, а простым самочинным народным скопищем; обновленческое же духовенство — простыми мирянами, как члены организации, отпавшей от Церкви Православной. Поясним эту мысль примером. Совершает обновленец, напр<имер>, литургию, надевает одни и

²³⁶ «Так обр.» — так в оригинале и копии послания. Наверное, следует читать: «Таким образом».

²³⁷ Описка владыки Нектария. В данном правиле кроме первых двух упомянут только митрополит.

те же, как у православных, облачения, читает те же самые по служебнику молитвы, поет такие же песнопения, производит те же обряды, но таинство у него не совершается. На престоле так и остаются простые просфоры и в чаше вино с водою, а не Тело и Кровь Христовы. Совершает обновленец исповедь, выслушивает грехи, читает разрешение, но грехов отпустить не может. Рукополагает обновленческий епископ кого-либо во священники или диакона, однако рукоположенные им лица так и остаются мирянами. Освящает, напр<имер>, обновленец воду, погружая в нее Крест, но вода, как и была, остается не только простой, но уже окощунствованной.

По мнению Св<ятых> Отцов Церкви, "Таинства еретиков — жертва бесов". — Отчего же так? Да от того, что благодать Св<ятого> Духа пребывает лишь в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, где преемственно переходит от поставляемых благодатных епископов. В других же религиозн<ых> организациях, отделившихся от Правосл<авной> Церкви, порвавших всякую связь с благодатными епископами, нет освящающей и спасающей благодати Св<ятого> Духа. Св<ятейший> Патр<иарх> Тихон в нашей Правосл<авной> Церкви Российской был каноническо-поставленным преемником Св<ятых> Апост<олов>, хранителем истины Православия и чистоты Св<ятой> Веры. Он являлся единственным духовным центром православного христианства. Среди окружающего неверия и мракобесия долг своего святительства он нес с редким достоинством и неустрашимостью в наши лукавые дни. И только продажная группа либеральных епископов и клириков дерзко посягнула и подняла руку на своего Отца и Святителя, не уступавшего антихристианскому и богоборческому духу времени, осудивши его на своем соборе.

И вот теперь вятский лжеархиепископ Иоасаф в своем послании слабо обоснованными доводами пытается забросать грязью и всячески очернить как имя почившего Патриарха, так и оставшихся верными ему благодатных православных епископов, б<ольшей> ч<астью> томящихся за истину Православия в тюрьмах и ссылке. Эта сатанинская работа производится епископом Иоасафом ввиду предстоящего 1-го октября с<его> г<ода> обновленческого церковного собора²³⁸, на котором при помощи подозрительного в своем православии Константинопольского патриарха Василия (за его братание с обновленцами)²³⁹ хотят окончательно погубить Св<ятое> Православие в Русской Земле.

Православные, ненавидящие обновленчество! Стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь. Закрывайте свой слух от враждебных и обманчивых посланий волка в овечьей шкуре. Оставайтесь верными благодатным епископам, не уклонявшимся в обновленчество и отворачивающимся от него. Окормляйтесь пастырями, чуждыми обновленческого духа и преданным в Бозе почившему исповеднику — Патриарху Тихону. На предстоящий собор своих делегатов не посылайте, ибо до тех пор, пока не будут присутствовать на соборе

---

²³⁸ 2-й собор обновленцев прошел 1–10 октября 1925 года в Москве.

²³⁹ 21 июля 1925 года обновленческий Синод поздравил Патриарха Василия со вступлением на Вселенский престол и получил ответную телеграмму с благодарностью (от 1 августа). Для поднятия своего авторитета 10 августа 1925 года Синод предписал разослать оба документа по епархиям к сведению и уведомлению причтов и приходских советов. 30 июля обновленцы пригласили Патриарха посетить Москву и возглавить предстоящий собор, указав дату его проведения — 1 октября по новому стилю. Ответ Вселенского Патриарха датирован 1 сентября.

томящиеся в тюрьмах и ссылках за истину Православия епископы, до тех пор всякие созываемые обновленцами соборы будут еретическими, неправославными, разбойническими. Надеемся, что простые верующие православные души своим чутьем поймут истину сказанных слов. Помните: кому Церковь не мать, тому и Бог не Отец. По слову Св<ятого> Златоуста — нет большего греха, как разделение Церкви Христовой. Этого греха не может загладить и кровь мученическая. Не мы, православные, а нечестивцы-обновленцы начали и продолжают свое ужасное дело раздиранья Церкви Христовой. Хотя по слову Христову — Его Церковь не одолеют и врата ада, но мы, верующие, должны опасаться, как бы не коснулось нас грозное слово Христово: "отнимется от вас Царствие Божие и дано будет народу, приносящему плоды его" (Матф. 21, 43). Убоимся, возлюбленные, страшного Суда Божия, будем отвращаться от выходцев ада, церковных смутьянов-обновленцев, которые сами погибают и влекут в вечную погибель других. Это люди, по слову ап<остола> Иуды, отделяющие себя от единства веры, душевные, не имеющие Духа Божия²⁴⁰, а вы, возлюбленные, назидая себя на святейшей вере вашей, молясь Духом Святым, сохраняйте себя в любви Божией, ожидая милости от Господа нашего Иисуса Христа, Ему же честь и слава во веки. Аминь.

Страждущий в заключении
Нектарий, Епископ Яранский»²⁴¹.

²⁴⁰ «Это — люди, отделяющие себя (от единства веры), душевные, не имеющие духа» (Иуд. 1, 19).

²⁴¹ Автограф. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-3673. Л. 40-41 об. Текст документа предоставлен вятским историком А. Г. Поляковым. В неполном виде это послание было ранее опубликовано: Православная жизнь. 1997. № 2 (566). Февраль. С. 16-18.

* * *

Послание от 8/21 января 1929 года

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного.

Смиренный Нектарий, Епископ Яранский, своей Боголюбезной яранской пастве православной, отмечающей сергиевского отступничества и не приемлющей новообновленческого епископа Серафима²⁴², радоваться о Господе.

Отцы, братья, сестры о Христе,
возлюбленные чада духовные.

По доносу пребывающего ныне в пределах Яранской епископии Серафима я, ваш патриарший православный епископ законный и канонический, указом отступника Сергия митрополита²⁴³ отлучен от Яранской кафедры и запрещен в священнослужении. Конечно, это распоряжение со стороны митрополита Сергия я не могу признать законным, ибо он, как отступник, сам отпавший, как гнилой член, от Церкви Христовой, он не может лишать кафедры православных епископов. Посему я как был, так и остаюсь, несмотря ни на какие сергиевския прещения, епископом Яранским, причем не буду вмешиваться в церковную жизнь лишь сергиевских новообновленческих приходов. Я назван в Сергиевском распоряжении — уклонившимся в Викторовский раскол. Это пустое, неуместное выражение. Не один епископ

---

²⁴² Епископ Серафим (Трофимов), с октября 1928 по февраль 1932 — на Яранской кафедре.

²⁴³ Митрополит Сергей (Страгородский).

Виктор²⁴⁴ отошел от митрополита Сергия, отошли и другие почтенные православные епископы. Епископ Виктор здесь ни при чем. Истина Православия дорога не одному епископу Виктору, дорога она митрополиту Иосифу²⁴⁵, епископу Гдовскому Димитрию²⁴⁶, архиепископу Углицкому Серафиму²⁴⁷ и другим, неужели они "Викторовцы"?

Неумное выражение нижегородского отступника. Епископ Виктор только мой единомышленник по распознаванию и осуждению сергиевского отступничества, по благодати Божией, просветившей наши мысленные очи. Здесь, повторю, выражения "Викторовщина" и "Викторовцы" ни при чем. Вам же, моя православная паства Яранская, всем утвердительно вещаю. Митрополит Сергий есть действительно отступник от Православия, изменник Христу, ликвидатор или разоритель Церкви Православной у нас на Руси, ибо он заодно с врагами Господа нашего Иисуса Христа, не имейте с ним никакого церковного общения. Распространяться по этому поводу не для чего. Факты слишком ярко говорят сами за себя — где Саров, Дивеево, где мощи преподобного Серафима и прочее?

Отступнический епископ Серафим из Яранска написал мне обширное, запугивающее меня письмо, гнусное и наглое, в коем упрекает меня в бессодержательности моих посланий, что я не ссылаюсь на каноны. Но в том-то и вся беда, что творцы канонов едва ли допускали, что среди епископов появятся такие лжецы и наглецы, как митрополит Сергий и его

---

²⁴⁴ Епископ Виктор (Островидов).

²⁴⁵ Митрополит Иосиф (Петровых).

²⁴⁶ 7 января 1928 — епископ Димитрий (Любимов) возведен в сан архиепископа митрополитом Иосифом (Петровых).

²⁴⁷ Архиепископ Серафим (Самойлович).

челядь вроде епископа Серафима. Богомерзкая, богопротивная, разрушительная церковная работа называющего себя заместителем патриаршего местоблюстителя яснее ясного видна для верующей души, болеющей за святую Православную Церковь. Одна закулисная сторона сергиевского управления Церковью Божией чего стоит, кому не видно, что ныне Церковью Христовой у нас управляет митрополит Сергей и его секретарь, солдафон соловецкий, кантор и блатник Питирим²⁴⁸, с 1928 г<ода> с синодальными каиафами, и некая сатанинская физиономия (зри)²⁴⁹. По мановению этой физиономии дается движение с кафедры на кафедру православным или, лучше сказать, синодальным епископам. О каких здесь канонах может быть речь?

О, как беспасительно и неутешительно для верующей души становится быть с отступником митроп<олитом> Сергием наглядно подтверждает и доказывает следующее происшествие, имевшее место в Соловках осенью 1928 года со Смоленским епископом Иларионом (Бельским)²⁵⁰. Епископ Иларион — хотя молодой, но строго православный, безупречной мона-

²⁴⁸ Епископ Питирим (Крылов) — с 1928 по 1933 год управляющий делами Синода митрополита Сергия (Страгородского).

²⁴⁹ Чья физиономия? Е. А. Тучкова, в те годы — начальника 6-го отделения Секретно-политического отдела ОГПУ. Позднее на следствии в Казани владыка вспоминал, что уже на Соловках ему и другим епископам было известно: «чтобы получить епископу место, нужно поладить с Е. А. Тучковым» (Показания Н. К. Трезвинского от 12 июня 1931 года. Д. 2–18199. Т. 3. Л. 573. Архив УФСБ РФ по РТ).

²⁵⁰ Епископ Поречский Иларион (Бельский, 1893–1937), управляющий Смоленской епархией, содержался в концлагере на Соловецких островах со 2 января 1928 по сентябрь 1931 года.

шеской жизни, и, насколько я знаю, девственник, что является теперь редкостью. За свою стойкость и твердость в Православии против обновленчества по питерской епархии он был посвящен Патриархом Тихоном во епископа 30 лет от роду. Смоленской епархией он управлял в духе строгой церковности и православного благочестия 1 год и 8 месяцев, за что и сослан в Соловецкий лагерь на 10 лет²⁵¹.

Следовательно, даже центром справедливо оценен как крупная духовная сила. Этот епископ сперва в Соловках с января и по октябрь 1928 года не находился в церковном общении с митрополитом Сергием, но потом, под давлением сергиевских епископов, 1 октября²⁵² 1928 года служил в Соловецком кладбищенском храме, помянув митрополита Сергия.

А незадолго пред этим виден был весьма тревожный сон, будто бы он ногами растоптал образ Богоматери, Смоленской Одигитрии, и что же? После служения литургии с сергиевскими епископами он вместо духовного утешения и радости стал испытывать ужасное угрызение совести и угнетение духа, и мне стало необычайно ясно, говорил он мне, сергиевское отступничество, и я оказался как бы соучастник сергиевских преступлений против Православной Церкви. И что же он в тот час заявил сергиевским епископам — что он от них отходит на прежнюю свою церковную позицию к епископу Виктору, Нектарию и Димитрию и другим. Кроме того, имеются достоверные данные от бывшего профессора богословия в Том-

---

²⁵¹ Рукоположен в архиереи в октябре 1924 года, в июне 1925 — прибыл в Смоленск, 5 февраля 1927 — арестован, 28 августа 1927 — осужден на 10 лет лагерей.

²⁵² 1/14 октября — праздник Покрова Божией Матери.

ском университете, митрофорного протоиерея о<тца> Иакова Галахова²⁵³, находящегося в 60 верстах, в Сибири в ссылке, о великом в наши дни святителе-исповеднике митрополите Казанском и Свияжском Кирилле. По сведениям от этого ученого старца-протоиерея, владыка Кирилл, сей великий адамант и столп Православия, томящийся многие годы по отдаленным ссылкам²⁵⁴, этапам и домзакам²⁵⁵, сей первейший по патриаршему завещанию местоблюститель патриаршего престола, тоже не признает отступника Нижегородского Сергия и не находится с ним ни в церковно-каноническом, ни в молитвенном общении. А митрополит Кирилл теперь единственный у нас в современной церковной жизни беспримерный авторитет. Поэтому, братия, бегайте церковного общения с отступником Сергием и всеми приспешниками его, клеветами, вроде епископа Серафима. Знайте, что вся красота, цвет Церкви Православной, подвижники, блаженные, юродивые и другие, ради Господа живущие, все в один голос против отступника Сергия. Не должно смущаться и тем, что митрополит Сергей чрез своих сторонников из духовенства, ученых, профессоров и епископов успел прельстить на свою сторону большинство верующих. Вспомните первые месяцы обновленчества 1922 г<ода>. Ведь истина церковная не всегда является достоянием церковного большинства и даже правящего церковного аппарата, по словам ученого, богослова, архиепископа Одесского Димитрия

---

²⁵³ Иаков Иаковлевич Галахов, 12 апреля 1927 — арестован в Иркутске, 1 июля 1927 — приговорен к 3 годам ссылки.

²⁵⁴ Митрополит Кирилл (Смирнов), с апреля 1927 по май 1929 — содержался в ссылке в Туруханском крае (с июня 1928 — район), станок Хантайка.

²⁵⁵ Домзак — дом заключения.

(Ковальницкого)²⁵⁶. Бывали в истории Церкви такие случаи, что два или три епископа, устоявшие в истине, одерживали победу над заблуждением большинства.

Возле митрополита Сергия и его приспешников объединилась вся бывшая, как он сам, обновленческая шатия из духовенства, лицемерно покаявшиеся батюшки и все прочие полуживые, а главным образом епископы, усвоившие сергиевский догмат — больше не сидеть в тюрьме. Эти епископы вроде казанских старообрядцев и "аскетов" Афанасия и Варсонофия с пеной у рта защищают церковное единство митрополита Сергия, если же я буду лишен свободы, то знай, моя возлюбленная паства, что виновником этого будет митрополит Сергей, Серафим и компания.

Не будем смущаться церковным разделением; это поистине доброе разделение. "Не думайте, — говорит Господь Иисус Христос, отправляя своих апостолов на проповедь, — не думайте, что Я пришел принести мир на землю, не мир... а меч" (Матф. 10, 34). Отделение от отступника имеет высокую свою задачу — оставаться верным святому Православию. Возлюбим же, братья, Святую Церковь Христову, возлюбим святое Православие и постоим за величайшие духовные сокровища нашего христианского благочестия, за наше вечное во Христе спасение и будущую жизнь со Христом, Ему от нас слава во веки. Аминь.

8 января²⁵⁷ 1929 года,
г<ород> Казань, Козья Слобода.

Нектарий, Епископ Яранский»²⁵⁸.

²⁵⁶ Архиепископ Херсонский и Одесский Димитрий (Ковальницкий), 1839–1913.

²⁵⁷ По старому стилю. В письмах владыка никогда не указывал дату только по новому стилю.

²⁵⁸ Православная жизнь. 1997. № 2 (566). Февраль. С. 18–21.

* * *

Распоряжение 1930 года

«О<тец> диакон Леонид Викентьевич Медведев!

Прошу вас уйти из вверенной мне Яранской епископии, не имущей церковного общения с м<итрополитом> Сергием. Подыскивайте в продолжение двух месяцев себе место вне приходских общин моей епископии.

Основание моего распоряжения: Ваш насмешливый и кощунственный, граничащий в неверием отзыв о совершаемых мною в г<ороде> Казани нужды ради келейно рукоположениях священников и диаконов: "Что это за посвящения, это все равно, что вокруг столба — чердачные попы" и пр<очее> т<ому> п<одобное>.

Свящ<енник> А. Емельянов подтвердил, что означенные фразы и выходки были именно Ваши.

Вообще, мне нежелательно иметь Вас в составе руководимого мною духовенства. Я долго терпел и прощал Ваши выходки: бритые и стрижку, светский костюм, коверканье эктений, неблагоприятность происшествий с о Ермолиным и пр<очие> др<угие> непослушание и строптивость.

Объяснений Ваших мне не нужно, ибо самая принадлежность Ваша к нашей ориентации далеко не искренна. Поведение Вашего родителя и брата Пантелеймона на виду у всех православных яранцев, а "яблоко от яблони далеко не падает".

В Казани ко мне не ходите — я Вас не приму и разговаривать с Вами не стану, ибо считаю все это бесполезным.

Приходскому Совету и причту Падеринского прихода по истечении двух месяцев не благословлю до-

пускать Вас до священнослужения в пределах Падеринских.

1930 года, 2 июля с<тарому> ст<иллю> ч<исла>. Казань.

+ Нектарий, епископ Яранский»²⁵⁹.

Послание 1933 года

Текст послания ранее был опубликован в нескольких изданиях: в трех зарубежных — в "Православном вестнике Нью-Йоркской и Канадской епархий" (1996. № 87); "Православной жизни" (1997. № 2 (566)); "Русском Пастыре" (Сан-Франциско, 1998. № 1 (30)); в "Суздальских епархиальных ведомостях" (1998. № 3). Причем во всех публикациях имеются разночтения. Это объясняется тем, что письма епископа Нектария широко распространялись в катакомбной среде и неоднократно переписывались.

В нашем распоряжении имеется еще одна рукописная копия этого письма из материалов следственного дела Екатерины Головановой и Сергея Мытикова 1945 года, текст этой копии приведен ниже.

«Возлюбленные мои!

Хочется вам написать несколько строк для нашего общего назидания и утверждения в Православии. В Яранских краях 5 лет как несколько православных общин отошли от митрополита Сергия. Многие, как пастыри, так и миряне, предполагали вскоре одержать победу над сергиянским отступничеством. И те-

²⁵⁹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ СУ-10267. Т. 2. Л. 166.

перь, не видя успеха в своей стойкости и духовной борьбе, разочаровываются и начинают сомневаться в истинности и спасительности своего отхождения от ми<трополита> Сергия и единомысленного с ним епископата и духовенства. Да не смущается же сердце ваше. Наше отхождение от мит<рополита> Сергия имеет в своей основе не какую-то месть чьего-либо оскорбительного самолюбия²⁶⁰, а решительный <протест> против преступной приспособляемости²⁶¹ м<итрополита> Сергия и прочих иерархов к советской власти, до²⁶² допущения самого грубого и бесцеремонного вмешательства во внутреннюю жизнь Церкви Христовой работников гипеу²⁶³. Это вмешательство чуждых элементов в назначения на кафедры епископов и в другие сферы церковной жизни не может быть оправдываемо никакими церковными канонами и святоотеческими правилами, тем более что у нас Церковь отделена от государства.

Наша борьба с м<итрополитом> Сергием, этим поборником нас<тоящего> большевистского цезаропапизма, — борьба очень почтенная и является борьбой за правду Божию Христову и за Святую Церковь Православную, проданную за 30 сребренников безбожникам на поругание и разрушение (ликвидацию). Нам страшен не м<итрополит> Сергий, а те, кто его поддерживают грубой силой. Не будь на его стороне карательного²⁶⁴ органа гипеу, они, единомышленники его, давно были бы посрамлены (это

²⁶⁰ Подчеркнутое в текстах зарубежных изданий: «не какой-либо мелочный каприз или оскорбленное самолюбие».

²⁶¹ Подчеркнутое в "Православном Вестнике" (С. 14): «решительный протест против преступной приспособленности».

²⁶² "Православная жизнь" (С. 23) — «против».

²⁶³ Здесь и далее в других публикациях — «ГПУ».

²⁶⁴ "Православная жизнь" (С. 23) — «правительственного».

подтвердили допросы меня в Тат<арском> ОГПУ²⁶⁵), и народ отошел бы от него, как изменника и предателя Христовой Церкви. Но вся наша трагедия в том, что епископы — борцы против ми<трополита> Сергия очутились под гипеуческим²⁶⁶ сапогом. Так, митрополиты Петр Крутицкий и Кирилл Казанский загнаны в далекие тундры²⁶⁷. Митрополит Иосиф Петроградский заточен в среднеазиатския пески²⁶⁸. Архиепископ Димитрий — в строжайшей изоляции Ярославской²⁶⁹. Владыка Виктор — где-то в северных краях²⁷⁰. Ваш покорный слуга заточен на 10 лет в концлагеря, а епископы Иерофей²⁷¹, Алексий²⁷² и Максим расстреляны²⁷³. Такая же участь, то есть продолжительный срок заключения в лагерь, ссылка и заточения²⁷⁴, постигла

²⁶⁵ Подчеркнутое в других текстах: «подтверждали доносы тайных агентов ГПУ» (Православный Вестник. С. 15); «подтвердили для меня допросы в ГПУ» (Православная жизнь. С. 23), «подтверждение этого я получил в своих допросах» (Русский пастырь. С. 95).

²⁶⁶ В других публикациях — «гепеушным» или «под сапогом ГПУ».

²⁶⁷ В период 1932–1933 годов митрополиты: Петр (Полянский) содержался в Верхнеуральской тюрьме, а Кирилл (Смирнов) — в ссылке в Туруханском районе (до 19 августа 1933 года).

²⁶⁸ Святитель Иосиф (Петровых), в 1932–1933 — в ссылке в Казахстане.

²⁶⁹ Владыка Димитрий (Любимов) находился в заключении в Ярославском политизоляторе.

²⁷⁰ С 1931 до смерти 2 мая 1934 — отбывал ссылку в Северном крае.

²⁷¹ Иерофей (Афонин) при аресте был тяжело ранен, 6 мая 1928 — скончался.

²⁷² Епископ Алексий (Буй) 28 июля 1930 — приговорен к ВМН, но 3 сентября 1931 — приговор заменен на 10 лет лагерей. Расстрелян позже — 3 ноября 1937 года.

²⁷³ Епископ Максим (Жижиленко) расстрелян в Москве 4 июня 1931 года.

²⁷⁴ "Православная жизнь" (С. 24) — к репрессивным мерам добавлено «расстрелы».

многих из духовенства и мирян, решившихся выступить против ми<трополита> Сергия и его клеветов.

Я еще при самом своем разрыве с м<итрополитом> Сергием в феврале²⁷⁵ 1928 года предвидел, что наша борьба с сергиянством хотя и борьба за правду Христову, но будет бессильной и почти безуспешной. Из истории Церкви Христовой видно, что почти все борцы за правду Христову погибли в борьбе и только после их смерти торжествовало то дело Божие, за которое они боролись. Так будет и в нашей борьбе с сергиянством.

Народ наш стал безразличным к церковным вопросам, а духовенство — эти большей частью обрядоисполнитель-жрецы, для которых лишь бы было чем кормиться и спокойно жить. А против нас, противников сергиянства, не побрезгуют никакими самыми безнравственными мерами, как то: доносы, ложные слухи, подпаивание водкой горлопанов на приходских собраниях и прочее. Так, про меня Сергей напечатал, что я якобы посвятил в попы двоеженца²⁷⁶, чего я и во сне не видал...²⁷⁷

²⁷⁵ Подчеркнуто в других текстах: «8 февраля» ("Православный Вестник"); «6 февраля» ("Православная жизнь").

²⁷⁶ «Слушали: Рапорт преосвященного..., представившего письменный подлинный документ епископа Нектария (Трезвинского), свидетельствующий о бесчиниях его. Он поставил во диакона, тогда как сей женат на вдове. Ставленный заявляет, что он всячески отрицался от сана диакона, считая себя не имеющим на то права, как женатый на вдове; заявлял епископу Нектариию о сем, но последний взял его за рукав, обвел три раза вокруг стола, прочел молитву и тем закончил. Не было ни Литургии, ни причащения, причем "поставление"... было в 6 часов вечера» (Из постановления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода № 187 от 10 октября 1930 года // Журнал Московской Патриархии. 1931. № 5).

²⁷⁷ "Православный Вестник" (С. 15) — «во сне не видал, и думать не думал».

Словом, наша борьба хотя свята, но бессильна. Я лично не надеюсь на освобождение, а скорее всего погибну в лагерях, утешаясь обетованием Христовым: блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царство Небесное. Нелегко страдать, но другого исхода нет, выбора или раздвоения²⁷⁸ быть не может. Не колеблитесь и вы, возлюбленные, — для вас: жизнь — Христос, а смерть — приобретение.

Что нам делать? Как нам быть? Вопрошаете меня, ревнители Православия, лишённые своих пастырей и не могущие, из-за чуткости совести, молиться в сергиянских храмах... Вполне понятны страдания их душ... Жить без церковной молитвы — это великое бедствие для верующей православной души. А ведь теперь много городов и сел, где нет вовсе храмов, а если и есть, то или сергиянские, или обновленческие... Объединяйтесь в малые группы и молитесь по домам²⁷⁹, пойте церковные священные песнопения, читайте Слово Божие, творите посильно и милостыню, погребайте умерших без сергиянских попов. Святые таинства принимайте лишь от истинных пастырей, а таковых вы всегда, с Божией помощью, при желании, найдёте...

Ныне, по словам Св<ятого> Апокалипсиса, Церковь ушла в пустыню, то есть скрылась в подполье, или такое положение, когда верующие вынуждены тайно, сокровенно собираться на церковную молитву... Так было во времена мученичества и во времена ересей в Греции и на Востоке, когда было гонение на сторонников Божественной истины. Наше же вре-

²⁷⁸ В тексте двух других вариантов — «разделения». В публикации "Русского пастыря" это предложение совсем иное: «Приходится переносить страдания, другого исхода нет, другого решения быть не может».

²⁷⁹ Подчеркнуто в тексте документа.

мя — время подготовки к антихристову царству. Сатана, враг Божий, ополчается <против чад> Церкви Христовой, остающихся верными Христовым и святоотеческим заветам... Симоне, Симоне, вот сатана просил, чтобы Я сеял вас, как пшеницу, — говорил Иисус Христос Своим ученикам, идучи²⁸⁰ на крестную смерть, но я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя. Так и вы, братия, молитесь о себе и обо мне, чтобы не оскудела вера наша и не охладела ревность наша и не погасло то религиозное воодушевление, коим <многие из вас горят>²⁸¹. <От чего горе вам будет тогда, как апокалипсическим галатам>²⁸². Апокалипсис глаголет Церквам — измоет нас²⁸³ как негодную слюну из Своих божественных уст, то есть из спасительных недр своей Церкви — общества спасаемых. А что может быть горше этого...

Бодрствуйте и молитесь, да не внидите во искушение...

+ Е<пископ> Н<ектарий>»²⁸⁴.

²⁸⁰ В других публикациях — «идя».

²⁸¹ В тексте публикации "Русского Пастыря". Далее совершенно лишена смысла фраза «тоже из вас гордым горе будет тогда нам» — ошибка или пропуск строки при переписке.

²⁸² По тексту "Русского пастыря". В "Православном Вестнике" — «В противном случае горе нам будет тогда!».

²⁸³ Подчеркнутое в тексте "Православного Вестника": «Св<ятой> Апокалипсис Иоанна Богослова глаголет, что Церковь нас изблюет как негодную слюну из своих божественных устен, то есть из спасительных недр своей Церкви — общества спасаемых...» В "Русском пастыре": «Если же мы остынем, и станем только теплыми, то Господь изблюет нас из Своих божественных уст, т. е. выбросит из недр Своей Церкви, из общества спасаемых».

²⁸⁴ ГАСПИ. Ф. Р-6799. Оп. 8. Д. СУ-10292. Т. 1. Рукописная копия.

* * *

Письмо 1934 года

«Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Ваше письмо получил, оно порадовало меня и принесло скорбь. Порадовало потому, что Вы провели праздник Господень в духовной радости, проявив мужество. И эта радость ваша достигла нашего сердца и усугубила нашу радость. Поскорбел, потому что у Вас начинаются разделения, появляются ослабевшие духом, безразличные в деле своего спасения, а последнее ведет к безбожию и к вечной гибели. Если Ваши епископы страдают, то это говорит, что близ Вас есть Царство Небесное.

Господь Иисус Христос говорит о духовной радости, которая входит в наши души, как награда за нашу твердость и мужество, в исповедании Его имени. А Он передал всю власть апостолам, которые передали ее епископам и дали им право вязать и решить. И никто не может лишить сего права и ваших епископов, разве только по суду. А за что их судить? Разве за верность Господу и Его Св<ятой> Православной Церкви можно судить православного епископа и лишить его апостольского достоинства.

Ведь Ваши епископы как были православные, такими и остались, и ничем не изменились, разве только приобщились чаши страданий Христовых за истину Христову. Как о сем писал к колосянам и св<ятой> апостол Павел: "Молитесь также и о нас, чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову, за которую я и в узах" (Кол. 4, 3). А кто хочет лишить вас молитвы о ваших епископах, хочет этим унижить Ваше христианское достоинство, посмеяться над тайной Христовой, над Вашей верой и лишить Вас испо-

ведничества. А к исповедничеству всегда зовет нас Христос, — и верно, последователи Христа не могут избежать этого исповедничества. И Вас зовут к исповедничеству ваши епископы своим примером. Кто следует сему зову, тот и будет Христов, а кто отстанет от исповедничества, тот станет на путь уступок безразличия в деле веры и скатится в пропасть безбожия.

Мы не можем встать на этот путь, и идти с ними мы не можем, ибо Бога больше боимся, нежели людей. Люди могут дать нам временный покой, а Господь за наше безразличие может лишить нас и вечно блаженства.

Так и Двукратный собор 13-м правилом строго карает тех, которые прекращают поминовение своих епископов: "...аще который пресвитер или диакон, по некоторым обвинениям, зазрев своего епископа, прежде соборнаго изследования и рассмотрения, и совершеннаго осуждения его, дерзнет отступить от общения с ним, и не будет возносить имя его в св<ященны>²⁸⁵ молитвах на литургиях, по церковному преданию: таковой да подвергнется извержению и да лишится всякия священнической чести... аще же монахи или миряне²⁸⁶, да отлучатся вовсе от церкви..."

Вот этим путем пошли сначала "живцы"²⁸⁷, потом первые обновленцы, а потом и вторые обновленцы — сергиане. Тоже и среди ваших нашлись таковые, которым безразлично, как веровать, — горе таковым, ибо они стали легковеемы, как это бывает с мякиной, которая легко отвевается от пшеницы; сначала она плотно лежит с пшеничным зерном, пока не попадет на лопату веющего, тогда она везде разлетается, смешивается

²⁸⁵ В тексте правила — без сокращения.

²⁸⁶ Опечатка, читать: «миряне».

²⁸⁷ «Живцы» — сторонники одного из течений обновленческого движения — «Живая Церковь».

с грязью и никому она не нужна. Так и ныне мы, как на лопате веющего — полные зерна остаются на гумне, в Церкви Божией, а мякина далеко отвеивается от гумна и там развеивается ветром всяких искушений и соблазнов мира сего. Бойтесь стать легковерными в своей вере и благочестии, иначе можете далеко отвеяться от Православной Церкви и лишиться общения с Господом и с теми, которых Господь назвал блаженными за их страдания в гонениях, поношениях и злословиях за правду и за имя Его (Мф. 5, 10–11).

Так твердо и мужественно исповедуйте Господа и неповрежденно храните святую православную веру — не бойтесь, малое стадо²⁸⁸, — так одобрял²⁸⁹ Господь Христос, так Он и теперь одобряет²⁹⁰ нас. Господь говорил: "Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Меня веруйте"²⁹¹, а св<ятой> апостол Павел писал своему ученику Тимофею: "Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы"²⁹².

Бодрствуйте, мужайтесь, крепитесь, и благодать Божия да будет с Вами.

Бойтесь потворствовать тем, кто уже ослабел духом и готов прервать общение со своим епископом и прекращает возношение за литургией его имени, там нет благодати Божией, ибо нет Церкви без епископа, утверждайтесь сами в вере, утверждайте и присных о Господе, да благословит Вас Господь.

4/17 января 1934 года»²⁹³.

²⁸⁸ В Евангелии: «Не бойся, малое стадо!» (Лк. 12, 32).

²⁸⁹ Возможно, опечатка, читать: «ободрял».

²⁹⁰ Возможно, опечатка, читать: «ободряет».

²⁹¹ Ин. 14, 1.

²⁹² 2 Тим. 3, 12.

²⁹³ Православная жизнь. 1997. № 2 (566). Февраль. С. 21–23.

* * *

Письмо 1936 года

На сегодня известно, что данное послание в архивных документах представлено в рукописных копиях. Две из них хранятся в деле 1936–1937 годов²⁹⁴ и третья²⁹⁵ найдена при аресте священника Симеона Иоанновича Яндулецкого 23 марта 1942 года²⁹⁶. Основной текст данного послания приводится по копии, изъятной у священника Василия Михайловича Бессонова.

«Г. И. Х. С. Б. П. Н. А²⁹⁷.

Христос посреде нас!

Письмо к православному²⁹⁸.

Приветствую тебя, любезный во Христе брат, изгнанный от своей паствы и заточенный на отдаленную каспийскую прорву, томящийся там в горьких работах, заключенный противосергианский епископ Нектарий лобзанием мира Христовой любви; заочно благословляя тебя. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Вот уже 11 лет как меня не допускают прибыть к моей иранской пастве, на которую благословил меня

---

²⁹⁴ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Д. СУ-9012. Т. 5. 1-й вариант: Л. 111–119 (копия Ивана Ильича Козлова, далее — текст Козлова); 2-й вариант: Л. 120–123 об. (изъято у В. М. Бессонова).

²⁹⁵ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Д. СУ-7036. Дело Редькина, Яндулецкого и др<угих>. Далее — текст Яндулецкого.

²⁹⁶ Хотя иерей Симеон и показал на следствии, что сам переписал письмо владыки, но, судя по тексту, он пользовался не оригиналом (Показания от 26 марта 1942 года // ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Д. СУ-7036. Дело Редькина, Яндулецкого и др<угих>. Л. 12 об. Т. 1).

²⁹⁷ Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, аминь.

²⁹⁸ В тексте Козлова: «Письмо к православному иранцу».

в 1924 г<оду> покойный Святейший Патриарх Тихон и где пришлось мне пробыть всего 3 м<еся>ца²⁹⁹ и 20 дней: с 5 января по 20 апреля ст<арого> ст<иля> 1925-го г<ода>, и пошли для меня этапы, домзаки, лагеря, аресты, ссылки и другие испытания преследуемого человека. На мою кафедру вскакивают то один, то другой окаянные сергиянские епископы. Враги Святого Православия³⁰⁰ всячески стремятся, чтобы имя Еп<ископа> Нектария не вспоминалось в пределах Яранских. Мало того что меня лишили свободы и заточили, но даже печатно³⁰¹ порочат мое имя. Но, несмотря на их старания, находятся среди православных яранцев люди, не оставляющие своего канонического Епископа, молящиеся о нем и своею любовью достающие его и на дальней прорве (письма и посылки)³⁰². Это и побуждает меня написать несколько слов для общего назидания.

В 1927 году, как только появился на церковном фоне сергиянско-питиримовский Синод³⁰³, стоявший на страже Православия покойный преосв<ященный> еп<ископ> Виктор³⁰⁴ поднял клич: православные, не признавайте митроп<олита> Сергия и его Синода. Это церковное управление не каноническое, оно навязано Св<ятой> Церкви представителями пролетар-

²⁹⁹ В текстах Яндулецкого и Козлова — без сокращений.

³⁰⁰ Подчеркнутое в тексте Яндулецкого: «епископы сергиевские, отступники. Враги Святой Православной Церкви».

³⁰¹ В тексте Яндулецкого: «несчетно».

³⁰² Подчеркнутое в тексте Яндулецкого: «его <на> каспийской прорве письмами и посылками».

³⁰³ 20 мая 1927 — в НКВД был зарегистрирован Временный Патриарший Синод при митрополите Сергии (Страгородском), но только в мае 1928 — архимандрит (с июня месяца — епископ) Питирим (Крылов) возглавил управление делами Синода.

³⁰⁴ Епископ Виктор (Островидов).

ской диктатуры (ОГПУ). Этот-то сергиянский Синод тем только отличается от обновленческого ВЦУ³⁰⁵, что *<старается придерживаться>* церковных канонов, будучи в основе своей по существу не каноничным. А посему отметаться, не признавать митр*<ополита>* Сергия — это значит не признавать так называемого патриаршеского³⁰⁶ Синода управления, навязанного Церкви органами ОГПУ, чтобы митр*<ополит>* Сергей и его нечестивые епископы не твердили о своей каноничности. Они уподобляются тому, кто, отрубивши голову человеку, стал оправдываться, что голова цела, что на ней не повреждены ни глаза, ни уши, ни нос, ни волосы. Недаром покойный старец Матвей³⁰⁷ предупреждал прозорливо яранцев, говоря — обновленчество³⁰⁸ легко было распознать: там был суд над Патриархом, новый стиль, женатый епископат, второбрачные попы. А второе церковное заблуждение очень трудно будет познать и различить. Вот мы и видим, что за м*<итрополитом>* Сергием пошло почти все церковное большинство, спокойно признав церковное управление, навязанное Церкви, в лице его³⁰⁹, органами ОГПУ. И только одиночные небольшие группы православных с морей, в Петрограде, Серпухове и, главным образом, в Вятской епархии, в том числе и в яранских пределах, не признали м*<итрополита>* Сергия и прекратили церковное общение с сергиевским духовенством.

Большой энтузиаст и ревнитель Православия покойный Еп*<ископ>* Виктор, прощаясь со мной, в 1928 г*<оду>* в Соловках восторженно говорил, что стоит

³⁰⁵ ВЦУ — Высшее Церковное Управление.

³⁰⁶ В тексте варианта Козлова — «патриаршего».

³⁰⁷ Иеромонах Матфей Яранский (в миру — Митрофан Кузьмич Швецов), см. о нем в отдельной главе.

³⁰⁸ В двух других текстах: «Первое обновленчество».

³⁰⁹ Митрополита Сергия (Страгородского).

только мне, противосергиянскому епископу, появиться в Казани, как ко мне поедут³¹⁰ с разных сторон православные люди с Урала, Перми и т<ак> д<алее>, ища церковного общения и руководства. Но, к сожалению, эти его слова не оправдались. Ревность у верующих людей значительно охладела, и даже, наоборот, пришлось мне серьезно опасаться, как бы не пришли³¹¹ за Сергием и те яранские приходы, что, благодаря пастырскому влиянию покойного о<тца> протоиерея Иоанна Фокина и поддержки ктитора³¹², большого ревнителя Православия, мирянина Нестора Як<овлевича> Мосунова, отошли от м<итрополита> Сергия.

Живя в Казани в 1929–<19>30 г<одах>, я почти ничего не мог сделать для расширения Православия, а только, испытывая полное церковное одиночество, весьма скорбел душой, переживая городищенские дразги по поводу Никиты³¹³. А сейчас дело обстоит еще хуже с нашей позицией <в отношении> митрополита Сергия. Очень печально, очень плачевно: Владыка Виктор еще в 1934 г<оду> преставился ко Господу в далекой ссылке. Мне, отбывшему в лагерях и домзаках 6 лет второго срока, дали на суде 10 лет лагерного заключения, считая срок с 10-го июня <19>36 г<ода>. На суде я открыто заявил, что как противосергиянский епископ-тихоновец я ничего общего не имею с теми сергиянскими епископами, что сумели поладить с ОГПУ-НКВД и спокойно сидят на кафедрах³¹⁴. На все переживаемое сейчас в СССР я смотрю как на

³¹⁰ В тексте Яндулецкого: «пойдут».

³¹¹ В тексте Яндулецкого: «пошли».

³¹² Подчеркнутое в двух других текстах: «падеринского ктитора». Здесь «китор» — церковный староста.

³¹³ Священник Никита Илларионович Игнатъев.

³¹⁴ Подчеркнутое в тексте двух других вариантов: «на своих кафедрах».

блестящую подготовку грядущаго в мир антихристово царства и в лице советской власти вижу не что иное, как своего рода систему мучения, даже уничтожения людей (Кубань и Украина в 1933 г <оду>), попущенную, ниспосланную Богом для наказания народа русского. Я ожидал приговора — высшей меры, расстрела, но Господу, видно, не угодна моя кровь.

Меня больше духовно убивают те раздоры и нестроения, кои терзают верующих людей нашей противосергианской ориентации. Здесь что ни голова, то своя отдельная вера: патенщики и беспатенщики³¹⁵, регистратчики и бесхрамовцы³¹⁶, паспортники и бездокументчики³¹⁷ или просто беспоповцы (Комаровская Наталия); так что не узнать теперь, кто от моего стада. Ибо друг друга обзывают безблагодатными и угрожают спасением. А о пастырях что и говорить: получается так, что овцы пасут своих пастырей, а не пастыри овец. Кое-кого из таких батея прямо следовало бы гнать метлой с прихода (корляковские попы).

Несколько священников спекулируют на антихристе (хотя таковой еще не пришел). Зная эту слабую струнку некоторых верующих и живя на птичьих правах, всю агитируют о ненужности теперь ходить в храм к богослужению, о том, что Епи<скоп> Нектарий сам свихнулся с истинного пути, и пр<очую> галиматю. Таковы: провокатор Сергей Сухоруков, бывший городищенский Никита, слезоточивец Петр

---

³¹⁵ Речь идет о получении патента на торговлю свечами.

³¹⁶ 8 апреля 1929 — постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР был принят новый закон о религиозных объединениях: воспрещались благотворительная деятельность, частное религиозное обучение и т. д.

³¹⁷ Речь идет о тех, кто получил паспорт и кто всячески избегал этого.

Терехов³¹⁸, изувер Никифор³¹⁹, отчасти лисинский Иванушка³²⁰. Неразумною проповедью об антихристе усердствуют Комаровская Наталия³²¹ и корляковская Мария Егошина — сами ничего не понимая.

Особенно большим почетом среди верующих пользуются пустосвяты, проходимцы-жулики, тайные агенты НКВД, умеющие подделываться к крестьянам, изображать из себя исповедников-ревнителей, как, напр<имер>, Иван Павлович. Всю эту мрачную картину я предвидел еще в 1929 г<оду> и, описав все это в письме "К яранцу", послал³²² через наставленника³²³ св<ященника> Иоанна для распространения о<тцу> Иоанну Мамаеву в с<ело> Душкино. Но этот ушлый батя, проходимец, спец по обтяпыванию кооперации, уничтожил это мое письмо и никому не показал.

Чего же ждать впереди? Возможно, что с новой государственной конституцией³²⁴ будет некое облегчение и в церковном положении. Что же касается лично меня, то пока будет существовать советская власть, я обречен на лишение свободы; а потому и приготовился умереть в местах заключения за свои церковные убеждения. Быть может, впоследствии в истории Русской Церкви будет упомянуто, что не все епископы оказались в дни революции гепеушниками — предателями Церкви, признавшими гепеушницкое церковное

³¹⁸ Иерей Петр Алексеевич Терехов.

³¹⁹ Иеромонах Никифор, в миру Петр Феофилактович Редькин.

³²⁰ Священник Иоанн Васильевич Разгулин.

³²¹ Наталья Венедиктовна Попова.

³²² В тексте Яндулецкого: «отписал все это в письме и послал к яранцам».

³²³ В тексте Яндулецкого — «ставленника».

³²⁴ 12 июня 1936 — опубликован проект Конституции, 5 декабря 1936 — принята Конституция VIII Всесоюзным чрезвычайным съездом Советов.

управление в лице нечестиваго м<итрополита> Сергия-Питирима (их интервью по поводу гонения)³²⁵. Но нашлись такие, что предпочли сгнить в лагерях и ссылках, отстаивая каноническую свободу Св<ятой> Православной Церкви Христовой. О пастве своей я бесконечно скорблю по поводу ее церковных разделений и разделяющего ее церковного невежества и пустосвятства, но помочь, к сожалению, ничем не могу кроме своих вздыханий и слез к Богу. Не меньше скорблю об уходе из земной жизни такого светоча Православия и подвижника благочестия, как болящий Никита³²⁶. Царствие ему небесное.

³²⁵ Интервью митрополита Сергия и членов его Синода советским корреспондентам 15 февраля 1930 года, что гонений на религию в СССР нет.

³²⁶ О болящем Никите есть информация в следственном деле 1932 года (ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10267). Приведем выдержку из "Обвинительного заключения": «В дер<евне> Шубины, Шарангского р<айона>на живет безногий инвалид Никита Ильич ГУДИН, который разъезжает по церквам. В 1929 г<оду> монахи ОГОРОДОВ, ЮДИНЦЕВ, КОЧЕВ, ЯНДУЛЯЦКИЙ при помощи фанатиков выстроили ему в поле келью, которую обставили иконами и церковной утварью. Келью стали посещать духовенство и верующие, и вскоре Никита прослыл за "святого". Приходящей публике Никита проповедует: "Обновленцы-изменники предались антихристу — Советской власти, с ними надо вести борьбу". Паломничество к нему настолько возросло, что приходили за 100–150 километров. Паломникам он читал религиозные книги и на вопросы давал советы — в колхоз вступать не нужно, предадитесь антихристу. В 1932 г<оду> из кельи Никиты распространились слухи, что на небе вокруг солнца были видны световые столбы. Приходящим к ним крестьянам это истолковывалось как крестное знамение, что крест сошел на землю за страдающих, арестованных попов, что скоро будет война, кончина власти и конец терпениям» (листы дела 1405–1406).

А в заключение мне хочется привести картину из жизни Иоанна Златоуста. Гонимый в отдаленную ссылку, разлученный от своей любимой константинопольской паствы, физически измученный и больной иерарх остановился на привал-отдых в малоазийском селении Команах³²⁷ при храме в честь св<ятого> муч<еника> Василиска³²⁸. Ночью явился ему этот св<ятой> страстотерпец во сне и сказал: мужайся, брат Иоанн, завтра будем вместе. И на другой день, 14 сентября³²⁹, в праздник Воздвижения, св<ятой> Златоуст скончался³³⁰, произнесши слова: слава Богу за все!!!

Очень прошу и умоляю: это письмо переписать в нескольких экземплярах и распространить среди верующих нашей ориентации. Сделайте это, Христа ради, за св<ятое>³³¹ послушание. Больше я ни в чем не могу проявить своей любви к моей пастве. Спасайтесь, братия, и будем умолять Христа, да <не> низведены будем по грехам нашим на место мучения, но да учинит нас, идеже свет животный³³². Аминь.

Е<пископ> Н<ектарий>.

1936-го. 8-го IV. Казанская³³³»³³⁴.

³²⁷ Местечко Команы — в 15 км от города Сухуми.

³²⁸ Скончался около 308 года, память 22 мая / 4 июня.

³²⁹ По старому стилю.

³³⁰ В 407 году.

³³¹ В текстах Козлова и Яндулецкого: «святое» — без сокращений.

³³² Подчеркнутое в единственном числе — слова из стихир на «Последовании погребения мирских человек»: «да не низведен буду по грехам моим на место мучения, но да вчинит мя, идеже свет животный».

³³³ Подчеркнутое в тексте Яндулецкого: «1936 г<ода>. 8 июля, день Казанской иконы Б<ожией> М<атери>».

³³⁴ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Д. СУ-9012. Т. 5. Л. 120-123 об.

Письма чувашской и яранской пастве из заключения

Конец 1931 года. Казанская тюрьма

«+»

Равноапостольной Фекле³³⁵, рабам Божиим: Иакову, Татьяне, Зинаиде и прочим — земной поклон, молитва, благословение, и привет, и привет, с Новым годом. Спаси вас Христос за любовь и внимание ко мне. 30 рублей получил.

Меня обвиняют за организацию Истинная Православная Церковь, за богослужения на дому, за посещение меня народом и за мои послания против Сергия³³⁶. Ожидаю 10 лет лагеря...»³³⁷

---

³³⁵ Здесь и далее в письмах владыка называет свою келейницу, монахиню Феклу (Фекла Яковлевна Яковлева) — «равноапостольная», «мать Фекла», «м. Фекла», «Фекла».

³³⁶ Митрополит Сергей (Страгородский).

* * *

30 ноября 1932 года

«+»

1932 г<ода>. 17/30 ноября.

Махач-Кала.

Брат во Христе Авраамий³³⁸. Радуюсь за тебя, что ты на воле. Яблоки твои получил, но они все в ящике сгнили. Сообщил равноапостольной Ф<екле> и всем братьям и сестрам, что ваше письмо, что пред Воздвижением³³⁹ послали мне, и посылку муки, сухари и масло я получил на Кавказе в г<ороде> Махач-Кала. Сюда я попал случайно и неожиданно. С Покрова и по Златоустов день³⁴⁰ я трудился рыбаком на Каспийском море и был отрезан от всего мира. С 8-го ноября и по Заговини³⁴¹ был на море сильный шторм — буря. Нашу лодку унесло в льдины и разбило, а нас, рыбаков, подобрал пароход. Натерпелся я горя и страху. На волоске был от смерти в волнах. Спасен чудом Божиим... Теперь нас поездом снова везут в Астрахань, где будем зимовать.

³³⁷ Автограф. Написано химическим карандашом на свободном поле клочка газеты. ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 4122. Л. 187 (конверт).

³³⁸ Авраам (Авраамий — церковное имя) Маркович Марков.

³³⁹ Воздвижение Честного и Животворящего Креста — 14/27 сентября.

³⁴⁰ Покров Божией Матери — 1/14 октября, память святителя Иоанна Златоуста — 13/26 ноября.

³⁴¹ 8/21 ноября, заговенье на Рождественский пост в 1932 году — 13/27 ноября.

Жизнь моя очень прискорбная и тяжелая. Спаси Вас Господи, что не забываете меня и помогаете мне. В лагере хотя хорошая была рыбная пища, но от качки часто болела голова, тошнило, и нельзя было кушать.

Передайте от меня привет р<абам> Б<ожиим> Фекле, Арсению, Порфирию³⁴², Эрасту, Григорию и Татьяне, Георгию и Евдокии, слепой Мавре, слепцу Михаилу, девицам Раисе, Таисии и Варваре, Тебе и всем братьям и сестрам во Христе благословение во имя Пресвятой Троицы рукою моею заочно.

Я вас всех ежедневно вспоминаю на молитве. Молитесь и за меня, стойте твердо в Православии. Простите. Ваш Е<пископ> Нектарий.

Г<ород> Астрахань. Пароходная улица, 32. У<правление> ЛАГ<ерей> ОГПУ и мне»³⁴³.

* * *

26 декабря 1932 года

«1932 г<ода>. 26 декабря с<тарого> ст<иля>.

Копчик.

Возлюбленные мои о Христе: брат Авраамий, равноапостольная и прочая чувашская православная братия и сестры.

³⁴² Порфирий Иванович Борзаев.

³⁴³ Автограф. ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 4122. Л. 187 (конверт). Письмо написано химическим карандашом на пергаментной бумаге.

Оба письма ваши получил с радостью. Взаимно посылаю всем привет, + обеими руками³⁴⁴, лобзание братской любви и пожелание всяких милостей от Господа — земных и небесных, а наипаче в Св<ятой> Вере Православной — ревности и крепкого утверждения. Сие благодатию Божиею буди, буди...

Я все скорблю о Св<ятой> Церкви Христовой, что ушла ныне, по словам Св<ятого> Апокалипсиса, в пустыню, то е<сть> в подполье, когда верующие вынуждены тайно, сокровенно собираться на церковную³⁴⁵ молитву. Так было во времена мученичества и во времена ересей в Греции и на Востоке, когда власть оказывала покровительство ересям, то е<сть> неправильному, искаженному пониманию Божественной истины.

У нас же теперь внешность, то е<сть> видимые церковные обряды остались ненарушенными как у обновленцев, так и сергиевцев, зато нарушены св<ятые> каноны церковные. Кому дорога чистота и верность Св<ятого> Православия, тот должен зорко стоять на страже св<ятых> церковных канонов. Подробно разъяснить Вам воздерживаюсь, сами знаете почему³⁴⁶...

Пишу Вам на 2-й день Рождества <Христова> вечером, а вокруг меня в бараке бесовская пляска, ругань людская отвратительная и прочее безобразие³⁴⁷.

³⁴⁴ Подчеркнутое читать как архиерейское благословение двумя руками.

³⁴⁵ Подчеркивание в тексте.

³⁴⁶ Владыка прямо не пишет о лагерной цензуре, которая может изъять любое письмо заключенного, не сообщив об этом автору.

³⁴⁷ В декабре 1932 — численность заключенных Прорывлага составляла 2000 человек, все были заняты рыбной ловлей (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / О-во «Мемориал», ГА РФ; сост. М. Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998. С. 365).

Нахожусь я по реке Балде³⁴⁸ на промысле Копчик. Ходим ежедневно тянуть невод. Работа мокрая, нелегкая. Пища сравнительно не плохая, но малопитательная. Вокруг в селах всюду есть храмы и богослужение, только попы почти всюду обновленцы. Так, сегодня я украдкой от надзора сходил в село Разино³⁴⁹ к литургии, но там оказался поп-обновленец, и я не знал, как бежать оттуда, всю дорогу отплевывался. На 1-й день Рождества я ходил в ближайшую деревню славить Рождшегося Христа. Почти во всех домах приняли меня, несмотря на то что я одет не по-духовному, а в условном³⁵⁰ одеянии. Посылки Ваши мне находятся в Астрахани, в лагерном пункте, и неизвестно, когда их мне привезут, ибо я нахожусь в 50 верстах от города.

Скорблю, что равноапостольная теряет зрение³⁵¹. Пусть молится усердно св<ятому> великомученику Пантелеимону. Этот угодник Божий исцелил мне зуб, что мучил меня все лето ужасной болью. Я послал было в Новые Маеи³⁵² открытку — поздравление

---

³⁴⁸ Современное написание «Болда» — рукав дельты реки Волги. Начинается вблизи Астрахани двумя соединяющимися протоками (Кривая Болда и Прямая Болда). Далее разбивается на несколько протоков, некоторые из них доходят до Каспийского моря.

³⁴⁹ Село Разино, Володарский район. Расстояние от Астрахани до Разино по прямой — 54 км, по дороге — 79 км. Сохранился храм, построенный в 1911 году.

³⁵⁰ Так святитель именует одежду заключенного, употребляя слово из лексикона первого срока заключения. УСЛОН — Управление Соловецких лагерей особого назначения.

³⁵¹ При аресте Ф. Я. Яковлевой в 1946 году в Казани в ее анкете отмечена катаракта левого глаза (Дело Васенева и др. 1946–1947 годов. Архив УФСБ РФ по РТ).

³⁵² Деревня Новые Маеи сегодня в составе Канашского района Республики Чувашия.

с Праздниками. Очень желательно было бы, чтобы мать Фекла ее получила. В общем, живу я, слава Богу, не плохо. На 1-й день Рождества невод не тянули, но проломался тонкий лед, и утопили невод, а потом вытягивали из воды невод и укладывали его на сани и вернулись в казарму мокрые, усталые в 2 часа дня.

За славление <Спасителя> надзор угрожает мне рапортом начальству, то е<сть> карцером.

Ну, простите и помолитесь.

Е<пископ> Н<ектарий>.

Адрес: Астрахань. У<правление> ЛАГ<ерей> ОГПУ. Промысел Войкова. Копчик — мне.

Полушубок и сапоги получены»³⁵³.

* * *

4 февраля 1933 года

«+

Брат Авраамий, возлюбленный о Христе!

Привет тебе, +³⁵⁴ благословение рукою моею заочно и пожелание всяких милостей от Господа.

Спешу сообщить тебе, что твоя посылка в мешке и две в ящичках посылки м<атушки> Феклы блаженной мною получены сполна в целости и сохранности. Усердно молю Подателя всяких благ, Господа Бога: да воздаст Он Вам вместо земных — небесная, вместо

³⁵³ Автограф. ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 4122. Л. 187 (конверт).

³⁵⁴ «+» — благословение.

тленных — нетленная, вместо временных — вечная³⁵⁵. Очень тронут заботливостью обо мне чувашской православной о Христе братии. Вы подымаете мой временами слабеющий дух и заставляете воодушевляться на подвиг страдания за Св<ятую> Церковь Православную, преданную м<итрополитом> Сергием³⁵⁶ безбожным на разорение.

Живу я по-прежнему, работаю на неводе, лишен всякого молитвенного утешения духовнаго, какое получает православная душа христианская во храмах Божиих. Ничего не поделаешь. Церковь Христова истинная Православная временно ушла в пустыню, как об этом говорится в 12-й главе Апокалипсиса.

В г<ороде> Козьмодемьянске живет православный архиепископ Угличский Серафим³⁵⁷. К нему можно обращаться.

Привет и поклон м<онахине> Фекле и всей во Христе братии. Простите и помолитесь. Спаси Вас Христос.

С любовью: Ваш Е<пископ> Нектарий.

1933 г<ода> 22 янв<аря> с<тарого> ст<иля>. Фекле напишу»³⁵⁸.

³⁵⁵ Подчеркнутые слова — из молитвы священника на Литургии Василия Великого.

³⁵⁶ Митрополит Сергей (Страгородский).

³⁵⁷ Епископ Нектарий еще не знал, что ссыльный святитель Серафим (Самойлович) был арестован 29 декабря 1932 года и заключен в тюрьму.

³⁵⁸ Автограф. ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 4122. Л. 187 (конверт).

* * *

7 февраля 1933 года

«+»

1933 г<ода>. 25 янв<аря>.

М<ать> Фекла равноапостольная — желаю тебе спасения и духовной радости о Господе. Извещаю тебя о получении мною от тебя двух твоих посылок в ящичках. Очень я тебе благодарен за то, что не забываешь меня и стараешься во всем помочь мне. Спаси тебя Христос.

Моя жизнь, как жизнь рыбака-волгара, скучная и однообразная, тем более что я заключенный, то е<сть> нахожусь под надзором стрелков и никуда не могу отлучаться. Хорошо хоть то, что живу не за проволокой и не за стенами. Без службы церковной немного дичаю духом.

В тяжелое для Церкви Божией время судил нам Господь жить. Кто знает, что нас ожидает впереди, будет ли какой просвет для нас, людей церковных, верующих во Христа, или помрем, не достигши земли обетованной. Сергиянство — это преступная приспособляемость самого м<итрополита> Сергия и вообще церковной иерархии к сов<етской> власти, являющейся олицетворением безбожия и всякого нечестия. Вот почему я не имею с ним церковного общения. Кто сознал заблуждение м<итрополита> Сергия — тот не должен иметь с ним и с его духовенством ничего общего.

Работать приходится тяжело: все время стоят свирепые морозы, не хуже, чем на севере. Не голодаешь ли ты? В этой местности, где я живу, большинство

людей голодает³⁵⁹. Поэтому, получая от вас посылку, все подумаешь.

В Козьмодемьянске живет православный архиепископ Угличский Серафим. Имей это на всякий случай в виду. Его тоже преследует м<итрополит> Сергей — через три буквы³⁶⁰.

Как поживает Мавра слепой³⁶¹ и святой брат Авраамий? Получил ли он мое последнее письмо. Очень понравились мне орешки.

Тебе, если нетрудно, хорошо бы жить в городе Серпухове Московской губернии. Там, я слышал, есть православные храмы. Рад видеться с тобой, да не знаю, как это устроить. Привет и + всем братьям и сестрам чувашским. Пришли учебник чувашского языка. Адрес мой: город Астрахань. Контора ГУЛАГ ОГПУ и мне.

Прости. Епископ Нектарий.

Напиши <нрзб. — как, где> м<атушка> Дорофея?»³⁶²

* * *

7 апреля 1933 года

«1933 года, 25 марта³⁶³.

Чувашская Православная о Христе братия — брат Авраамий, мать Фекла, иереи Божии: Алек-

³⁵⁹ В 1932–1933 — голод в Казахстане как часть общесоюзного голода 1931–1933 годов, вызванного официальной политикой на «уничтожение кулачества как класса», активно насаждаемой коллективизацией, а также конфискацией скота у казахов.

³⁶⁰ «Через три буквы» — ГПУ.

³⁶¹ Описка, читать: «слепая».

³⁶² Автограф. ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Оп. 2. Д. 4122. Л. 187 (конверт).

³⁶³ 25 марта по старому стилю. Пасха Христова в 1933 году — 3/16 апреля.

сий³⁶⁴ и Сергей, слепцы: Мавра богоносная и Михаил, ревнители: Эраст, Ипатий, Порфирий, девицы: Раиса, Таисия и Варвара и прочие, Иоанн — заместитель Арсения, Григорий и Татьяна, Георгий и Евдокия, Константин Гурьевич, Николай и отрок Исаия³⁶⁵.

Христос Велименче!³⁶⁶

Мне невольно вспоминается Пасха 1930 года в Казани, в Козьей Слободе, когда со мною торжествовали Пасху Христову Спасительную чувашские братья. Радовался я духом и ликовал, взирая на веру и благочестие чувашской братии. Да укрепит Господь вашу ревность о Православии.

— В обновленчестве и сергиянстве сделана духовенством попытка подчинить Церковь интересам революции, а интересы революции относительно Церкви — Ея скорейшая ликвидация, то е<сть> уничтожение Церкви. Сергиевцы тем и погрешают, что волей или неволей содействуют ликвидации Церкви. Да избавит нас Господь от этого иудина окаянства.

— Просветимся светом Христова Воскресения, друг друга обьемем и воскликнем: "Христос велименче черельне"³⁶⁷.

Епископ Нектарий.

Фекла как хочет: может ехать и не ехать»³⁶⁸.

³⁶⁴ Корнилов Алексей Корнилович.

³⁶⁵ Подчеркивание в тексте.

³⁶⁶ Владыка пытался написать по-чувашски «Христос Воскресе». Правильно: «Христос вилёмёнчен» — это недосказанная фраза, буквально переводится как "Христос от смерти". Правильно: «Христос Чёрёлнэ» — «Христос Воскресе».

³⁶⁷ Правильное написание: «Христос вилёмёнчен чёрёлнэ». Дословный перевод: "Христос воскрес от смерти". Но в церковной практике на чувашском языке используется выражение «Христос воскрес из мертвых».

³⁶⁸ Автограф. ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 4122. Л. 187 (конверт).

* * *

18 октября 1933 года

«+»

Ашайиӑ, Ывӑльиӑ, Святой Сывлӑшиӑ йаӑӑе ҫураҫӑ хер Христова Раиса!³⁶⁹

Прости, что так долго тебе я не писал письма. Буду писать только о своей жизни. Как только уехала из Тумака³⁷⁰ равноапостольная — так вскоре и нас, рыбаков, угнали в Астрахань. Это было в половине июня. Здесь, в Астрахани, в лагере Войкова, меня постигла неприятность. По чьему-то доносу у меня неожиданно сделали обыск, отобрали все деньги казенные³⁷¹ и мои собственные, некоторые вещи и посадили под арест, за проволоку, в изолятор. Здесь давали обед и ужин мясные, а был Петров пост, и я не съел вареного на мясе и питался только кипятком, да 300 грамм хлеба. Через это за 3 недели я очень истощил себя.

В начале июля меня с партией заключенных отправили в Прорву — лагерь на среднеазиатском берегу

---

³⁶⁹ «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Христова невеста Раиса!» Написание букв и слов — согласно дореволюционным правилам чувашской письменности.

³⁷⁰ Село Тумак расположено в Володарском районе, расстояние по дороге до Астрахани около 50 км. Позднее на следствии Ф. Я. Яковлева упоминала, наверное, это краткое свидание в присутствии надзирателя. Кроме нее ездили к владыке Н. Я. Мосунов, священник Авраамий и еще один мужчина (Показания от 5–6 ноября 1946. Дело Васенева и др. 1946–1947. Т. 2. Архив УФСБ РФ по РТ).

³⁷¹ Очевидно, заключенные доверяли владыке Нектарию хранение своих денег.

Каспийского моря. Вез нас туда пароход 8 суток. От испорченной сырой воды я заболел в дороге лихорадочной-малярией и сильным поносом. На Прорве нет пресной воды — таяли летом из льда воду. Выдают воду по норме. Кроме того, летом здесь были буквально тучи кома<ров>, без полога нельзя было ни спать, ни отдыхать. Меня, несмотря на болезнь — малярию, сразу послали в грузчики, и я начал томиться на непосильной работе. От жажды и отсутствия пресной воды я почти издыхал. А тут еще ежедневно припадки малярии. Вдруг неожиданно меня с партией заключенных отправляют на пустынную командировку Бурунчук — 300–400 верст от Прорвы. Здесь, в Бурунчуке, хотя пресной воды сколько угодно, но стали посылать на очень тяжелую работу по выделке киргизских кирпичей. Мне лично пришлось работать на замесе глины — носить из колодцев соленую воду и, вскопавши глину, месить ее голыми руками. Работали с 6 час<ов> утра до 6 ч<асов> вечера с перерывом на обед. От соленой воды и постоянной мески глины у меня опухли ноги, возобновились припадки малярии и опять появился ужасный небывалый у меня понос. Я ужасно исхудал, осунулся, стал неузнаваем. Единственное утешение я находил для себя там — на Бурунчуке, как и теперь здесь — на Прорве нахожу для себя в ночной молитве. Кстати, тьма блох не дают заключенным спать.

Вдруг неожиданно перед Покровом Божией Матери меня почему-то увезли обратно в Прорву, и я теперь снова в I отделении. Жилось бы ничего, если бы здоровье мне не изменило, а то и теперь еще малярия не бросает меня, понос тоже. А работа очень тяжелая. Меня нарочно томят на тяжелых работах. Недавно получил от м<атушки> Феклы две посылки и от <нрзб.> Арсения посылку — яблоки свежие. Спаси

его Христос. Оживил он мою душу и тело фруктами. Так и передай ему. А брата Порфирия попроси от моего имени прислать мне посылку: побольше жиров (коровьего масла), икры, сахару и пшеничных сухарей, 5 коробочек овощн<ых> конс<ервов>, а в дно или стенку ящика пусть заделает 100–200 <рублей> денег. Пусть православные чуваша, ради Христа, пожертвуют на заключенного, страждущего в горьких работах православного противосергиянского епископа Нектария. Их Бог не оставит Своей милостью. Ну, прости. Твой молитвенник — Е<пископ> Нектарий.

1933 г<ода>, писано 5/18 октября, а отправлено будет неизвестно когда.

М<онахине> Фекле, старцу Авраамию — поклон, получили ли они от меня письмо с известием?»³⁷²

* * *

25 мая 1934 года

«+

Дорогие мои и возлюбленные во Христе сестры М. П. и С. А., а также и дедушка Семен из с<ела> Лум³⁷³. Здравствуйте и будьте благополучны на многие лета.

Прежде всего спрошу вас: где ваша дорогая старика м<атушка> Феофания³⁷⁴, что увезена в Нижний

³⁷² Автограф. ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 4122. Л. 187 (конверт).

³⁷³ Село Лум находится в Яранском районе Кировской области.

³⁷⁴ Возможно, речь идет о монахине Феофании (Сметаниной).

<Новгород>, и где брат Дуни Хориковой? Сообщите мне с возможной скоростью.

Далее спешу вас известить о получении мною двух ваших посылок из г<орода> Яранска, зимней и весенней, сод<ержащих> сухариков, и мед, и сахар. Очень рад и тронут вашим вниманием ко мне и памятью. Ваши посылки все так бывают очень удачно собраны — не то что деревенские. Только больше не посылайте мне посылок. От получения их мне бывает скорбь от окружающих меня людей³⁷⁵.

Как вы поживаете? Как зарабатываете? Удивляюсь, что вы еще до сих пор помните обо мне. Я же вас постоянно вспоминаю, как близких и родных мне по духу людей, скорблю о вас и жалею, как своих родных детей. Поклон, привет и + благословение вам, сестре Татьяне, бл<аженной> Марии и Евдокии Хорик<овой>³⁷⁶, дедушке Семену, в Кугалки, Лом, Шешургу³⁷⁷, Беляево³⁷⁸, Ключки, в Кугушергу³⁷⁹. Передайте и туда, <чтобы> не посылали мне посылок.

За сим — простите. Прошу ваших свя<тых> молитв обо мне. Ваш Е<пископ> Нектарий Трез<винский>.

1934 год, 12/25 мая — день моей архи<ерейской> хиротонии.

³⁷⁵ Несомненно, обилие посылок в адрес святителя раздражало других заключенных.

³⁷⁶ Хорикова Евдокия (Евфрасия) Васильевна.

³⁷⁷ Тужинский район Кировской области.

³⁷⁸ Кикнурский район Кировской области.

³⁷⁹ Села Кугалки, Лом, Ключки, Кугушерга — в Яранском районе Кировской области.

Казакстан. Жилокосинский район³⁸⁰, поч<товое> отделение Каратон³⁸¹, Прорва, Прорва лагерь, з/к³⁸² Т<резвинскому> Нек<тарию> Кон<стантиновичу>»³⁸³.

* * *

Конец 1936 года

«С праздниками Рож<дства> Христова, Крещения и Новым годом!

Поздравляю я вас, родные мои, и желаю вам благополучной жизни.

Мне приятно, что Кукарников³⁸⁴ не забыл обо мне. Я его вспоминаю ежедневно и Маргариту³⁸⁵. Я так привык ко всяким скорбям и неприятностям, что мне бывает как-то не по себе, если меня никто не обижает, не ругает и не делает мне зла.

---

³⁸⁰ Поселок Жилая Коса (районный центр) в те годы — один из известных рыбных промыслов на Каспии. Сейчас селение не существует.

³⁸¹ На сегодня основная часть населения поселка Каратон переселена из-за ухудшения экологии — недалеко месторождение Тенгиз.

³⁸² «З/к» — заключенный.

³⁸³ Рукописная копия. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 8. Д. СУ-10292.

³⁸⁴ Согласно этому письму, иерей Александр Кукарников после освобождения из ссылки в Архангельске поддерживал общение с духовными чадами епископа Нектария в Чувашии, видимо, через свою сестру монахиню Агриппину Кукарникову, жившую в Чебоксарах.

³⁸⁵ Монахиня Маргарита (Сурина).

Анну покойницу я чту. Посылаю поклон бол<ящим> Никите и Соломонии. Хорошо бы <прислать> сапоги или чувяки³⁸⁶. Спасибо Беляеву за посылочку: сухарики, сахар, моток ниток, благодарю за все.

Е<пископ> Н<ектарий>. Поклон в Яранск и Козьмодемьянск.

Письмо от Григория Михайловича Куколева + 2 брата Илариона. Прощаю и разрешаю. Прошу и его простить меня, передайте ему об этом в Козьмодемьянск. Анна <нрзб.> — Царство ей небесное, блаженна, ибо она уже дома, а мы — в пути. Скорблю о ликвидации пчельников³⁸⁷ в Роженцово, Рудке³⁸⁸. Наверное, то же скоро будет и в Корляках.

Ваши обе посылочки получил. Кушаю ваше малиновое варенье за упокой Анны и за здрав<ие> боля<щих> Ники<ты> и Соломон<ии>. Жаль мне их.

Поклон в г<ород> Яранск м<атушке> Феофании с сест<рами>, Елисею в Анучино.

Не забываете меня. Ваш Е<пископ> Н<ектарий>»³⁸⁹.

³⁸⁶ Чувяки — мягкая кожаная обувь без каблуков.

³⁸⁷ «Ликвидация пчельников» — закрытие храмов. А здания церквей власти превращали в амбары для хранения зерна.

³⁸⁸ Известно, что в селе Большая Рудка зерно начали свозить в еще действующий храм 15 августа 1936 года (ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 847. Л. 54).

³⁸⁹ Рукописная копия. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 8. Д. СУ-10292.

* * *

**Запись неизвестной о посещении
епископа Нектария (Трезвинского)
в Казани в июле 1929 года**

«М. С. В. Н. Г. I. И. X. Б. Н.³⁹⁰ То как приехала в г<ород> К<азань> ко В<ладыке> нашему Нек<тарию> 20-го июня³⁹¹ 1929 г<ода>. Получивши благословение от Владыки, в тот же вечер мы с крестным ходили на богомолие в Семиозерную пустынь к Бож<ией> Матери Смоленской. Там ночевали ночь и к обеду пришли домой. Вла<дыка> днем работает в столярной. Вечером Вла<дыка> меня принял на благословение и беседу. Как мне благодарить Господа за Его великую милость ко мне, грешной, как я утешилась беседой с Владыкой, и душа моя радовалась несказанно. На другой день крестный читал молитвы вечерние, и мы все молились. 23 <июня> — <празднование Сретения иконы> Владимирской Б<ожией> М<атери>. Утром в восемь часов Владыка служил водосвя<тный> молебен. Когда он облачился в мантию и омофор, насилу я только могла удержаться от слез. После молебна Владыка сказал нам речь. О, Господи, велики и неисповедимы пути Твоя, ими же веси судьбами спаси мя, рабу Твою!

---

³⁹⁰ «М. С. В. Н. Г. I. И. X. Б. Н.» — видимо: «Молитвами святого Владыки Нектария, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй мя».

³⁹¹ 20 июня по старому стилю, так как ниже упомянуто Сретение иконы Божией Матери Владимирской, празднуется 23 июня / 6 июля.

К Владыке 23-го приехал гость из Петрограда, Артемий Максимович. Вечером Влад<ыка> благословил мне готовиться ко Свя<тому> Причащению. Правило³⁹² я прочитала дома все, и так я много плакала: Владыка меня больно прохватывал <на исповеди>. Когда я спросила его про правило, так он мне так сказал: "Что ли мне самому правило читать для тебя". Я, окаянная, грешная, давай плакать и, прочитавши правило, легла спать, и меня вдруг Стешенька³⁹³ и Манечка³⁹⁴ будят в 11 ча<сов> веч<ера>. Влад<ыка> зовет правило³⁹⁵ читать ему. Я не опомнилась, вскочила и пришла, начала читать: "Господи, благослови". Первую кафизму и 2-ю, 3-ю, все 3 канона и четве<ртый> Иоанну <Предтече>³⁹⁶, вечерние молитвы, и все правило кончили в 12 час<ов>, в первом <часу ночи> душа моя тогда успокоилась.

Воскресенье, 24 июня. В 8 часов утра, в девятом, пришли мать Маргарита³⁹⁷, Лидия³⁹⁸, Евгений и Елизавета Николаевна³⁹⁹ и стали читать правило. Мать Мар<гарита> все прави<ло> читала, запричастное. По окончании правила начало: "Ис по<лла эти, деспота>"⁴⁰⁰ — и начал Владыка одеваться. Как это было все трогательно и умирительно, когда облачался Владыка. "Да возрадуется душа <твоя о Господе>" —

³⁹² Молитвенное правило ко Святому Причащению.

³⁹³ Макарова Степанида Васильевна, монахиня.

³⁹⁴ Преображенская Мария Николаевна, монахиня.

³⁹⁵ Иноческое келейное правило.

³⁹⁶ 24 июня / 7 июля празднуется Рождество Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

³⁹⁷ Сурина Маргарита Петровна, монахиня.

³⁹⁸ Мануйлова Лидия Евгеньевна,

³⁹⁹ Степанова Елизавета Николаевна.

⁴⁰⁰ «Ис полла эти, деспота» (греч.) — «На многая лета, владыко» — приветствие архиерею, возглашаемое в церкви.

вместо хора певчих сам читает и одевается. Омовение рук — так я подала воды из ковшика на тарелку, и по облачении началась проскомидия. О, Господи, Боже, Спасителю! Велика милость Твоя, и неизреченно человеколюбие Твое ко мне, треокаянной! Владыка благословил мне: читала часы и пела одна с ним Ли<тургию>⁴⁰¹. Я стояла не на земле, а на небе и помышляла в себе, что <так скрытно исполняли> Божию службу во времена гонений на христиан от идолопоклонников царей Максим<илиана>, Диоклетиана и Нерона. Так и теперь. В первый раз в жизни я так молилась, была и на небе, и на земле. Запричастно⁴⁰² пела "Вышш<ую> Небес"⁴⁰³, и все мы четверо при<частились> Свя<тых> Хри<стовых> Т<аин>. После Л<итургии> слу<жили> мо<лебен> Иоан<ну> П<редтече>. Душа моя возрадовалась о Господе, и мир мне показался: о какой он грязный, суетный, ничтожный. В тот же день, в 3 часа пополудни, я пошла на вокзал. Получивши благословение от Владыки, я поехала домой. Все это время пребывания у дорогого нашего Вла<дыки>, отца, пять дней мне показались за один час, и, пока было видать Каз<ань>, я все время смотрела и плакала. Домой приехала 28-го июня в 3 часа пополудни. Конец моему путешествию»⁴⁰⁴.

---

⁴⁰¹ Почему не все молящиеся пели? Служба проводилась тайно, об этом автор пишет ниже.

⁴⁰² Запричастное пение совершается во время причащения священнослужителей.

⁴⁰³ «Вышшую небес» — см. канон молебный ко Пресвятой Богородице.

⁴⁰⁴ Рукопись. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 8. Д. СУ-10292.

* * *

Два письма епископа Нектария из архива И. Е. Аничкова

«Рабы Христовы!

Переживая настоящее время, нам, верующим христианам, прилично жаловаться словами пророка Аввакума, доколе Господи, взываем мы, и Ты не слышишь, вопием к Тебе о беде, и не избавляешь! Почто являешь очам нашим одни труды и болезни, даешь видеть одни беды и несчастья! (Авв. 1, 2–3). Окружил нас Господь карами и испытаниями, и мы стали похожи на человека, который убежал от льва и напал на медведя, от него вскочил в дом, и здесь, когда оперся о стену, ужален змеем.

Что нам делать и куда обратиться? Где искать облегчения?

Ничего нам не остается делать, как только, обратиться к Господу, взывать в слезах: "Боже, милостив буди нам грешным!"

Будем подражать древним пророкам, являвшимся среди еврейского народа. Во время общественных бедствий они то утешали народ, то обличали его и располагали к покаянию, а то и просто предавались слезам, плакали сами и всех призывали к плачу. О горе! Горе! Настал день отмщенья — взывал Михей (Мих. 7, 1, 4). На всех путях твоих да слышится плач твой! — пригласил Амос (Ам., 5, 16), А пророк Иоиль призывал: плачьте все, как плачет невеста по жениху! Плачьте земля, ибо опустели поля. Плачьте села о пшенице. Плачьте священники, плачьте каждый, взывая ко Господу: увы, мне! Увы мне! (Иоиль. 1, 8–13).

Сделаем и мы то же. Падем пред Господом и будем плакать, не прибавляя к слезам нашим никаких слов,

кроме молитвы мытаря: "Боже, милостив буди нам грешным!"

Мы никакого права не предъявляем на милости. Мы их не стоим, ибо мы грешны всем, и словом, и делом, и помышлениями, и всеми чувствами. Каемся и молимся: "Боже, милостив буди нам грешным!" Если всевидящее око Твое зрит окаменение сердец наших и слабость решимости на исправление, Ты Сам, Господи, пошли нам сокрушение и укрепи слабую волю нашу: "Боже, милостив буди нам грешным!" Не требуем себе скорого избавления, не дерзаем намечать: завтра, через неделю или через год, но, всецело предаваясь в волю Твою, об одном молимся: "Боже, милостив буди нам грешным!"

Так сокрушенно молясь, прибавим к плачу еще и неотступность в молитве. Вот и жена-ханаанка получила просимое ради неотступности, украшенной смирением. Господь Иисус Христос уже сказал было ей: пойди! ты не наша. Но потом склонился на неотступность ее. Будем же и мы взывать неотступно и верно, получим помилование. Тот, Кто Сам учил терпению и рассказал о неправедном судии, побежденном неотступностью вдовицы, уступит неотступности нашей и помилует нас.

Ах, братия, братия! Неужели нас бросил Господь вконец на поправление всякому мимоходящему и не возвратит нам милостей Своих!

Нет! Милостив Господь. Не унывайте. Поднимите главы наши. Воспряните к благой надежде: "Еще мало, Грядущий придет и не замедлит" (Евр. 10, 37).

Он не замедлит помочь нам. Как Ангелу в видении пророка Захарии вопрошавшему: Господи! Доколе имашь помиловати Иерусалима? Господь Вседержитель отвечал глаголы добры и словеса утешна (Зах. 2,

13), так верно есть у Господа и для нас слова утешительные.

Конечно, нет у нас пророка, который бы передал нам от Господа утешительные слова, но мы имеем слова Самого Господа, что Он не до конца гневается и не век враждует (Пс. 102, 9), что уповающего на Господа милость обыдет и что сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50, 19).

Обратимся же ко Господу в сокрушении и смирении покаянном и в молитвах неотступных. Призовем на помощь всех святых, ко всем будем припадать слезно, моля о предстательстве, чтобы общим голосом умиленный Господь скоро преложил праведный гнев Свой на милость и возвратил нам покой, безопасность и довольство.

Другого прибежища нам нет. Будем взывать неотступно: "Боже, милостив буди нам грешным!" И обратит Он к нам отеческое сердце Свое и скоро помилует. Аминь.

Божие вам благословение. Спасайтесь о Господе.

Епископ Нектарий».

* * *

«Христос посреде нас и есть и будет! Православные яранцы, не имеющие общения с митрополитом Сергием и его духовенством.

Ваша разборчивость в церковных вопросах нашего времени и ваша стойкость похвальны и достойны подражания.

Святая истинная Православная Церковь в нашем отечестве ныне ушла в пустыню, как говорится в 12-й главе Откровения. Так было во времена мучени-

чества и ересей. Ныне новый враг ОГПУ ищет убить Христа и Его Церковь. Приходится ей скрываться в подполье.

Если и существуют еще где-то православные общины, то не иначе как Духом Божиим. Поддерживайте, православные, эти приходские общины с геройским духовенством.

Ваша отзывчивость и любовь ко мне, заключенному Яранскому каноническому епископу, до глубины души трогает и утешает меня. Спаси вас Христос!

Держайте, люди Божие. Никто как Бог! Ему слава во веки.

Епископ Нектарий»⁴⁰⁵.

* * *

Оба письма были обнаружены петербургским историком В. В. Антоновым в бумагах известного филолога, профессора И. Е. Аничкова (1897–1978), проведшего несколько лет на Соловках и в ссылке по церковному делу "Братства преп. Серафима Саровского". Вместе с письмом яранцам 1933 года они были опубликованы в журнале "Русский пастырь" (1998. № 1). Как отметил публикатор, особенность одного из этих писем — отсутствие в нем исторической конкретики. Однако при этом, «избегая временных реалий, пребывающий в узах владыка говорит о современных ему гонениях от безбожной власти, причитая и неустанно повторяя в слезах и плаче: "Боже, милостив буди нам грешным!" Причину зол и гонений он видит в греховном состоянии са-

---

⁴⁰⁵ Русский пастырь. Сан-Франциско, 1998. № 1 (30). С. 97–99.

мих чад Церкви и потому неотступно молит о Божественном прощении и снисхождении. Он верит, что милостивый Господь подаст утешение и надежду, и призывает не отчаиваться, а полностью уповать на Божие милосердие.

Очевидно, на основе именно таких наставительных посланий святителя Яранского и возникали позднее среди катакомбников апокрифические поучения, автором которых объявляли епископа Нектария. Реальные тексты парафразировались и расширялись, чтобы с их помощью ответить на насущные вопросы, и авторитетом новомучеников укрепить веру»⁴⁰⁶.

Известен целый ряд таких работ, которые бережно хранились и распространялись среди верующих. Частично они публиковались в различных изданиях. Но их всеобъемлющее изучение и полная публикация — дело будущего.

---

⁴⁰⁶ Русский пастырь. 1998. № 1 (30). С. 94.

Приложение II

Из материалов следственных дел

1. Обвинительное заключение по делу № 370 по обвинению:

1. Мамаева Ивана Степановича,
2. Мамаевой Елизаветы Дмитриевны,
3. Мамаева Михаила Устиновича,
4. Мамаева Ивана Михайловича,
5. Мамаева Степана Савельевича,
6. Мамаева Дмитрия Степановича,
7. Кислицина Ивана Константиновича,
8. Мамаева Петра Федоровича,
9. Кислицина Ивана Петровича,
10. Мамаева Дмитрия Устиновича,
11. Мамаева Григория Трофимовича,

обвиняемых в преступлении, предусмотренном ст<а-
ттей> 58–11 УК.

Котельническому Окр<ужному> отделу ОГПУ ста-
ло известно о том, что в деревне Душкино Мамаев-

ского с<ельского> с<вета> Арбажского р<айо>на кулацкая часть деревни срывает дело колхозного строительства и терроризирует бедноту (Здесь и далее: л<исты> д<ела> 2, 4, 6, 7, 9).

Произведенным по делу следствием установлено, что в дер<евне> Душкино насчитывается 85 дворов, которая благодаря природным условиям является экономически крепкой и имеет кулацкое засилье до 10 кулацких хозяйств, во главе с местным священником — уроженцем этой деревни, Мамаевым Иваном Степановичем. Эта кулацкая часть деревни в лице: Мамаева Степана Савельевича, Мамаева Михаила Устиновича, Мамаева Дмитрия Устиновича, Мамаева Петра Федоровича, Кислицина Ивана Петровича и по имущественному положению середняка — лишеного избирательных прав Мамаева Григория Трофимовича — под руководством священника Мамаева Ивана Степановича (являющегося большинству кулачества родственником: Степану Савельевичу — сыном, Дмитрию Степановичу — братом и т<ак> д<алее>) в 1924 г<оду> построила в деревне Душкино церковь, наименовав ее «Вознесенской», в которой священник Мамаев в 1928 году получил чин благочинного и служил в ней до дня закрытия последней, закрытой в конце января месяца 1930 года по техническим соображениям.

Священник Мамаев, будучи влиятельным, сумел создать среди верующей массы авторитет (на что указывает посещение верующими церкви села Душкино из других приходов за дальние версты), одновременно массу того района с детства пропитывал религией, в церкви постоянно находилась молодежь и участвовала в певческом хоре, население начитывалось религиозной литературой, что достаточно подтверждается результатами произведенных обысков, т<ак> к<ак>

в домах, где были произведены обыски, всюду обнаруживалась религиозная литература, в частности об антихристе.

Вследствие изложенного церковь во главе со священником Мамаевым и кулацко-зажиточная часть деревни Душкино явилась центром притяжения всей реакционной части того района, распространяя свое влияние на другие соседние районы, а отсюда, как следствие, и противодействия проводимым мероприятиям на селе (л. д. 7, 9, 21, 22, 45, 47, 51, 54, 56, 60, 61, 72, 73, 93, 95).

В условиях проводимых общественно-полезных мероприятий на селе в 1929–1930 годах группа кулачества деревни Душкино во главе со священником Мамаевым поставила целью сорвать главное проводимое мероприятие — коллективизацию.

Сначала отдельные кулаки наговаривали беднякам о вреде коллективизации в одиночку. Так, кулак Мамаев Михаил Устинович еще до коллективизации, будучи у себя в мельнице с бедняком Мамаевым Ильей Филипповичем и рассуждая о коллективной жизни, после того как бедняк Мамаев заявил, что в колхозе им, беднякам, будет жить лучше, он ответил: «Нет. У тебя не будет ничего своего, даже молоком тебя не накормят» (л. д. 90/об.).

Кулак Мамаев Степан Савельевич (отец священника) так же у себя на мельнице в декабре месяце с <его> г<ода> середняка Кислицина Козьму Алексеича просил: «Надо бы удерживать деревню от вступления в колхоз» (л. д. 92/об.).

Кулак Мамаев Дмитрий Степанович (брат священника) в момент начала работы по коллективизации беднячке Щенниковой Матроне на вопрос о жизни в коммуне заявил: «Там будем спать под общим одеялом, кормить будут однажды в сутки, некоторым бу-

дет житья хорошо, а некоторым плохо. Почитала быты Евангелие, тогда узнала бы, что за коммуна» (л. д. 86/об.).

Священник Мамаев в то время антиколхозную работу проводил с амвона в церкви, проповеди свои говорил иносказательно, народу читал: «Море жизни широко и глубоко, трудно его проплыть. Некоторые приплывают к берегу, хватаются за него, но их другие отталкивают». Эти выдержки проповедей среди населения истолковывались так: «Море — коллективизация, а кто из него думает выбраться — общественники отталкивают этих лиц, из колхоза не выпускают», поэтому не случайно бедняцкая часть деревни на собраниях по вопросу коллективизации уже заявляла о том, что они мученики за веру, говоря: «Раньше страдали же, так и мы пострадаем». На тех же собраниях женщины заявляли о пришедших временах антихриста и печати его, отобрании в колхозах у них мужей, детей и так далее» (л. д. 94/об., 95/об.).

Как ни упорно шла коллективизация в деревне Душкино, являясь исключительной деревней во всем с<ельском> совете, после долгой ежедневной разъяснительной работы часть более передовых крестьян и середняков в колхоз вступили, которых к концу 20-х чисел января насчитывалось до 30–35 хоз<яйст>в. В это время кулачество, видя безуспешность работы в одиночку, развернуло ее через церковь организованным порядком. Вследствие выбытия своего священника Мамаева в г<ород> Казань к Епископу Нектарию церковный совет в лице лишенца Кислицина Ивана Константиновича и кулака Кислицина Ивана Петровича, при участии других кулаков, достал за 20 километров из церкви с<ела> Летяги священника и организовал в своей церкви службу, а дня через два вернулся к отправлению обязанностей и свой священ-

ник Мамаев, который эту службу не только продолжил, но и усилил. Прошло усиленное моление, член с<ельского> с<вета> деревни Душкино был вовлечен на клирос в качестве певчего и ряд других лиц молодого возраста.

Бедняк Кислицин, не имеющий никакого отношения к казне церкви, оказался за казематом, моление пошло не только днем, но поздно вечером и рано утром. Против обыкновения было введено исповедание, церковь все дни переполнялась молящимися людьми всякого возраста (и молодыми), лились слезы, из церкви люди выходили с заплаканными глазами. Священник Мамаев в церкви трогательно верующим заявлял: «Молитесь православные в последний раз».

Такая работа кулачества через церковь сразу же сказалась на ходе коллективизации. Член с<ельского> совета (оказавшийся на клиросе) из колхоза вышел вместе с отцом; ранее колеблющиеся — идти или не идти в колхоз — категорически решили в колхоз не идти (л. д. 60, 61, 62, 63, 70, 67).

В конце января месяца с<его> г<ода> церковь вследствие технической неисправности была закрыта, коллективизация шла по пути увеличения. Тогда кулачество деревни Душкино и священник Мамаев перешли на другой метод противодействия колхозному строительству, стали устраивать для антиколхозной работы тайные собрания.

Первое нелегальное кулацко-поповское собрание с приглашением части бедняков и середняков деревни было устроено в палатке церкви, которое было организовано поздним вечером и проходило в полной изоляции при запертых дверях без света.

Присутствовали на этом собрании следующие лица: священник Мамаев Иван Степанович, его жена Мамаева Елизавета Дмитриевна, отец его — кулак Мамаев

Степан Савельевич, брат его — кулак Мамаев Дмитрий Степанович, соседи их — кулаки: Кислицин Иван Петрович, Мамаев Михаил Устинович, лишенцы: Кислицин Иван Константинович и Мамаев Григорий Тимофеевич. Присутствовали некоторые из жен поименованных лиц и середняки с бедняками: Матрона Дмитриевна, Анна Емельяновна, Сергей Алексеевич, Мария Андреевна и Александр Трофимович.

После того как присутствующих достигало число до 13–14 человек, свет был потушен; первый с речью выступил священник Мамаев, который к собравшимся говорил: «Беднота, не ходите в колхоз, у нас никакого колхоза не будет. Церковь мы выкупим, сколько не наложим бы — выкупим. Начнется война, колхозников первыми убьют». После священника выступил кулак Мамаев Михаил Устинович, который продолжил речь о войне и заявил: «Уйдешь в колхоз, бесу душу отдашь». Третьей фигурой агитатора выступила жена священника — Мамаева Елизавета Дмитриевна, она присутствующих уверяла: «Если пойдете в колхоз, вам ничего не видать, вы замараете душу». Остальные кулаки поддерживали первых выступающих, а бедняки и середняки заявляли, что они не пойдут. Это конспиративное собрание, в изолированной церковной палатке доступом для других лиц, при закрытой двери, продолжалось до 12 часов ночи, в период чего рассуждали исключительно: о войне, о церкви, о невхождении в колхозы и о религии.

Подобные подпольные собрания стали продолжаться и дальше, которые стали устраиваться почти каждую ночь в количестве до 14–15 собраний. Первые три собрания проводились в палатке церкви, а затем последовательно в следующих домах: в доме кулака Мамаева Михаила Устиновича — 3 собрания, в доме кулаков Мамаевых Степана Савельевича и его сына

Дмитрия — 2 собрания, у середняка Мамаева Сергея Алексеевича — 1 собрание, у кулака Мамаева Дмитрия Устиновича — 1 собрание, у беднячки Кислициной Анны Емельяновны — 2 собрания, у середняка Кислицина Василия Андреевича — 1 собрание, у беднячки Щенниковой Матроны Дмитриевны — 1 собрание, у кулака Кислицина Ивана Петровича — 1 собрание и у середняка Кислицина Александра Трофимовича — 1 собрание.

На всех этих собраниях обсуждались аналогичные вопросы первого собрания, все они проводились ночью, при закрытых дверях или воротах, обыкновенно начинались они тогда, когда потухнут в деревне огни. О явке на последующие собрания и куда договаривались тут же по окончании собрания.

Участниками этих собраний, организуемых кулако-поповской частью села для антиколхозной работы и открытия церкви, являлись по делу установленные следующие лица: 1) священник Мамаев Иван Степанович, 2) его жена Мамаева Елизавета Дмитриевна, 3) кулак Мамаев Михаил Устинович, 4) сын его Мамаев Иван Михайлович, 5) кулак (отец священника) Мамаев Степан Савельевич, 6) сын кулака и брат священника Мамаев Дмитрий Степанович, 7) лишенец Кислицин Иван Константинович, 8) кулак Мамаев Петр Федорович, 9) кулак Кислицин Иван Петрович, 10) кулак Мамаев Дмитрий Устинович и 11) лишенец Мамаев Григорий Трофимович.

Активность в антисоветской и антиколхозной агитации принадлежала на собраниях обыкновенно: священнику Мамаеву Ивану Степановичу, его жене Елизавете Дмитриевне, кулаку Мамаеву Михаилу Устиновичу и его сыну Мамаеву Ивану Михайловичу, середняки и бедняки участниками собраний были те же, что и на

первом собрании, и часть других, в общем количестве достигающие до 20 чел<овек>.

Очевидцем этих конспиративных собраний был 16-летний бедняк Кислицин Петр Петрович, который в тот самый вечер, когда происходило первое кулацко-поповское собрание в палатке церкви, проходил вместе с ребятами по улице, увидел в палатке огонь и зашел. К моменту его прихода было уже до 7–8 человек, ожидающих собрания. Находящийся тут кулак Мамаев Михаил Устинович пришедшего Кислицина вытолкнул за дверь и заявил, что делать ему тут нечего. Спустя несколько времени Кислицин снова пробрался в палатку, которого тот же Мамаев уже не выгонял, а предупредил молчать.

Кислицину, пользуясь случайным участием на первом подпольном собрании и благодаря своей матери Щенниковой Матроне, исправно посещающей все эти собрания, удавалось посещать собрания и самому, благодаря матери же Кислицину доверялись и не боялись, но тем не менее, чтобы последний окончательно был безопасен и молчал, священник Мамаев четыре раза в период этого времени давал Кислицину денег (общей сложностью 85 копеек). Кулак Мамаев Михаил Устинович в 1927 году эксплуатировал Кислицина еще ребенком на полевых работах по боронованию и вывозке навоза из расчета 15–20 копеек в сутки и в конечном счете, не уплатив до сего времени почти ничего за его труд, на этот раз оказался щедрым, купил Кислицину в то время рубашку, дал 50 копеек денег и попросил последнего об их антисоветской деятельности молчать, но, несмотря на это, Кислицин, имея тяготение вступить в колхоз, а за последнее будучи гоним из своего дома неродной своей матерью Щенниковой, ушел в колхоз и их антисоветскую деятельность разоблачил.

В то же время в момент работы подпольных антисоветских собраний Кислицина заставляли молчать и угрозами. Сын кулака Мамаева Михаила Устиновича, Иван Михайлович, на одном из собраний Кислицину угрожал: «Коли расскажешь кому, все равно душа из тебя вон» (л. д. 20, 22, 23, 24, 63, 64, 67, 68, 69, 72, 73, 86).

В результате этой конспиративной антиколхозной работы кулачества, во главе со священником Мамаевым, из колхоза первые стали выходить гр<ажда~~не~~> дер<евни> Душкинцы. Отдельные бедняки и середняки стали отстаивать сторону кулаков. В части предприятий колхоза (мельниц) стали пускаться провокационные слухи, что на мельницах происходят кражи. Некоторые середняки стали враждебны к колхозникам, осмеивались бедняки, живущие в домах кулаков после их выдворения. Отдельные бедняки срослись с кулаками, помогали им сбывать товар и получали через их бедняков дефицитные товары. Со стороны кулаков стали проявляться угрозы: кулак Михаил Устинович Мамаев пускал слух о том, что никто его добром не пользуется, а его сын Иван Михайлович Мамаев по отношению бедняков, живущих в их ликвидированном хозяйстве, заявлял: «То сделаю, за одной чашкой помрут».

11 марта с<его> г<ода> на расширенном Пленуме с<ельского> с<вета> деревни Душкино по вопросу о кулацкой земле выступили с требованиями о даче кулакам их деревни всех прав: водворения в дома, возвращения всего и восстановления в политических правах (л. д. 20, 21, 22, 24, 39, 41, 42, 43, 60, 62, 63, 64, 65, 72, 73, 93–95, 141).

Привлеченные к делу в качестве обвиняемых и опрошенные на следствии: священник Мамаев Иван Степанович, отец священника — Мамаев Степан Савельевич, брат священника — Мамаев Дмитрий Сте-

панович, Мамаев Михаил Устинович и Мамаев Петр Федорович виновными себя в инкриминируемом им преступлении ни один не признали и отрицают всякие факты предъявляемого обвинения, объясняя, что все это создано на почве личных счетов отдельной частью колхозников, желая завладеть их имуществом (л. д. 75, 79, 120, 125, 130, 156, 159).

Обвиняемые: 1. Мамаева Елизавета Дмитриевна, 2. Мамаев Иван Михайлович, 3. Кислицин Иван Константинович, 4. Кислицин Иван Петрович, 5. Мамаев Дмитрий Устинович и 6. Мамаев Григорий Трофимович по делу, за неизвестностью их места проживания, не привлечены, в отношении коих дело подлежит приостановлению и объявлению их по розыску.

Считая данное дело следствием законченным и состав преступления, инкриминируемый обвиняемым, доказанным, полагал бы: дело это по обвинению гр<ажда>н Нижегородского края, Котельнического округа, Арбажского района, Мамаевского сельского совета, деревни Душкины:

1. Мамаева Ивана Степановича, родившегося в 1889 году, крестьянина из кулацкой семьи, русского, служителя культа, с 18-летнего возраста ушедшего в город Вятку в архиерейский хор, после чего служил: псаломщиком, дьяконом, а с 1922 года — священником, в данное время — священник Душкинской церкви, в то же время — благочинный; окончившего экстерном духовную семинарию, партийного, не судимого, лишенного избирательных прав, тылоополченца, не имеющего родственников в рядах Красной Армии, обложенного промысловым налогом в сумме 107 рублей, имеющего собственный пятистенный дом с надворными постройками и 1 корову;

2. Мамаева Михаила Устиновича, родившегося в 1879 году, русского, из кулацкой семьи, партийного,

не судимого, малограмотного, земледельца, кулака, лишённого в 1927 году избирательных прав за эксплуатацию чужого труда, имевшего трехподставную ветродействующую мельницу, двор которого облагался с <ельско>х <озийственным> налогом, в 1929–1930 годах обложен в сумме 229 рублей 05 копеек; родственников в Красной Армии не имеющего, на учете военнообязанных не состоящего, бывшего церковного старосту, раскулаченного, двор которого в годы революции был обложен чрезвычайным налогом в сумме 6000 рублей;

3. Мамаева Степана Савельевича, родившегося в 1861 году, русского, крестьянина, беспартийного, малограмотного, не судимого, на учете военнообязанных не состоящего, в рядах Красной Армии членов семьи не имеющего, земледельца, кулака, лишённого в 1929 году избирательных прав за эксплуатацию чужого труда, постоянно имевшего 3-подставную ветродействующую мельницу, двор которого в 1929–1930 годах обложен сельскохозяйственным налогом в сумме 183 рубля, раскулаченного, отца священника Мамаева;

4. Мамаева Дмитрия Степановича, родившегося в 1899 году, русского, из кулацкой крестьянской семьи, образования низшего, беспартийного, судимого в 1925 году за нарушение правил о торговле, земледельца, состоящего на учете военнообязанных в запасе 1-й очереди, членов семьи в Красной Армии не имеющего, сына кулака Мамаева Степана, живущего совместно;

5. Мамаева Петра Федоровича, родившегося в 1867 году, русского, беспартийного, малограмотного, не судимого, кулака, лишённого в 1929 году избирательных прав за ростовщичество и эксплуатацию чужого труда, имевшего в прошлом 3-подставную ветро-

действующую мельницу, кузницу и два дома, двор которого в 1929–1930 годах обложен сельскохозяйственным налогом в сумме 238 рублей, раскулаченного, бывшего члена церковного совета, на учете военнообязанных не состоявшего, членов семьи в Красной Армии не имевшего,

по обвинению их по статье 58–11 УК передать дела на внесудебное рассмотрение в Опертройку ПП ОГПУ Нижегородского края.

17/V — 1930 г<ода>
город Котельнич⁴⁰⁷.

---

⁴⁰⁷ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 7. СУ-8818.

2. Обвинительное заключение по следственному делу № 819 контрреволюционной группы церковников "Истинно-православной церкви"

В первых числах апреля месяца сего года СПО ПП ОГПУ были получены данные о том, что в лесу Воскресенского района существует нелегальный монастырь "Викторовской ориентации", именующийся "Истинно-православной церковью".

Предварительной проверкой место монастыря вскоре выяснилось, причем оказалось, что он в чаще глухого леса, в 20 км от ближайшего населенного пункта и помещается в 5 замаскированных землянках, в одной из них оборудована церковь, а в остальных четырех проживают члены к.-р. группы "Истинно-православных христиан".

13 апреля группа была оперативно ликвидирована. В момент ликвидации стоявший на карауле по охране землянок член к.-р. группы по оперировавшим произвел выстрел (не причинивши вреда) и скрылся.

(Сл. д., л. 1, 20 об., 22 об., 31.)

Формула обвинения

Расследованием по делу было установлено, что фанатично-реакционная часть церковников-"Викторовцев" в своей к.-р. деятельности на территории Нижегородского края применяет новые формы борьбы, выражающиеся в уходе в глубокое подполье (леса, пещеры), и объединяет вокруг себя недовольных Советской властью лиц не только из церковников, кулаков и бывших людей, но также и из среды середняков и бедняков; помимо того установлено, что члены к.-р. группы, перейдя на нелегальное положение, систематически устраивали свои собрания и совещания, вели агитацию против мероприятий правительства и партии в деревне, прорабатывали и распространяли в массовом количестве различные воззвания, обращения и листовки епископов: Виктора, Нектария и др., — ярко антисоветского содержания, оказывали помощь еп. Виктору, находящемуся в ссылке в Соловках. Хранили у себя огнестрельное оружие и огнеприпасы. Имели своих специальных связистов, через которых поддерживалась связь с указанными епископами крайне реакционного течения и антисоветским элементом.

Замаскированные землянки к.-р. группы служили местом для убежища скрывающихся от выселения и высылки кулаков и различного рода странников и проходимцев. Кроме того, кулаки там же скрывали свое имущество в складах, принадлежащих группе.

Руководящий состав группы поддерживал связь с одним из активных организаторов ликвидированной "Церковно-монархической организации" на территории Арзамасского, Муромского и др. районов БАШ-МАКОВЫМ Георгием Александровичем (бывш. офицером, разыскивается).

(Сл. д., л. 87, 126 и 19.)

История возникновения к.-р. группы

Возникновение к.-р. группы относится к 1927 году. Ее фактическому оформлению предшествовала декларация митрополита Нижегородского СЕРГИЯ, опубликованная в печати в конце означенного года, вызвавшая сильное возмущение у будущих руководителей группы — священника ФЕДОРОВСКОГО Н. П. и религиозного фанатика РУЧИНА И. М., которые вскоре порвали с ним общение и устроили при доме священника ФЕДОРОВСКОГО в деревне Копанках нелегальную церковь, создав свою религиозную общину. Затем они установили связь с еп. Виктором, а после его ареста с еп. Нектарием и под флагом борьбы за "истинное православие" повели активную антисоветскую деятельность, главным образом путем выпуска и распространения к.-р. воззваний, обращений и листовок среди верующих, а также вели активную антисоветскую пропаганду.

По истории возникновения группы при обыске в нелегальном монастыре были изъяты документы, содержание которых приведено ниже:

«Преосвященному Нектарию, епископу Яранскому. Выпущенное в 1927 году послание Нижегородского митрополита Сергия произвело смуту в нашей церкви, и я тотчас же порвал церковное общение с митр. Сергием и его приверженцами, вследствие этого я решил попробовать собрать их около себя и выстроил при моем доме крохотный храм, стал совершать богослужение и исполнять христианские требы, таким образом образовалась маленькая община из 43 семейств. За неимением Яранского православного епископа я обратился за благословением на открытие нового прихода к ближайшему православному епископу Григорию Ветлужскому.

По моей просьбе епископ Григорий благословил меня в случае нужды на устройство храма в другом месте, поэтому, когда явилась нужда в храме, я устроил его при своем доме близь дер. Копанков.

Письмо это передаст Вам член нашего церковного совета Иван Михайлович РУЧИН, человек, пользующийся моим полным доверием, большой ревнитель православия»;

«Епископу Нектарию Яранскому. Просуществовав 3,5 года вполне благополучно и не испытал никаких бед или иных гонений ни от безбожников, ни от еретиков, наша Благовещенская церковь, что близь деревни Копанков, теперь подверглась беде, а именно: в конце февраля с. г. я был обложен непосильным для меня налогом, и мне грозила опись имущества, так что находившийся при моем доме храм, как незарегистрированный, был бы неминуемо уничтожен и все церковное имущество отобрано. Однако благодаря тому, что я был предупрежден вовремя о грозившей беде, мне удалось убрать церковь в более надежное место, но т. к. о существовании нашего храма было известно всей окрестности, я, конечно, не избежал бы допроса о том, куда он делся, а потому решился скрыться. Одновременно с этим разошелся слух, что я агитирую против колхозов, что, конечно, заставило обратить на меня внимание местных властей и совершенно лишило меня возможности вернуться домой. Я не оставил все-таки маленькую общину без пастыря и успел вовремя соединиться с Воздвиженским приходом, на что я получил Ваше благословение еще в прошлом году. Впрочем, некоторые из моих духовных детей не пожелали войти в число прихожан села Воздвиженского, т. к. для этого надо было регистрироваться, против чего восставала их совесть, а потому мы решили устроить маленькую тайную общину и поставить для нее нашу Благовещенскую церковь в тайном почти недоступном месте. На что покорнейше просим Вашего благословения. Податель сего письма известный Вам И. М. Ручин может дать об этом более подробные и точные сведения. Св. ФЕДОРОВСКИЙ».

Ответ епископа Нектария св. ФЕДОРОВСКОМУ:

«С любовью во Христе принимаю в церковно-каноническое и молитвенное общение православную общину (св. Благовещенского храма, дер. Копанков). Призываю на настоятеля и прихожан Божие благословение с пожеланием пребывать и впредь в твердом православии».

(Сл. д., л. 23, 26, 38, 84 и 93-об.)

Состав к.-р. группы

Из показаний всех сознавшихся обвиняемых видно, что организаторами и руководителями к.-р. группы были:

1. Священник ФЕДОРОВСКИЙ Николай Порфирьевич.

2. Его заместителем — крестьянин-середняк РУЧИН Иван Михайлович, религиозный фанатик, рукоположенный в священники епископом Нектарием 7 июля 1930 года.

АКТИВНЫМИ ЧЛЕНАМИ:

3. СЕРЖЕВА-НОВОСЕЛОВА Анна Александровна, бывшая монашка и псаломщик нелегальной церкви.

4. ПРИЛИПИН Андрей Ефимович, кулак-лишенец, бывший церковный староста, приговоренный Нарсудом к высылке из пределов Нижегород. края на 3 года, как злостный неплательщик налоговых обложений.

5. КОРОЛЕВ Иван Осипович, крестьянин-середняк, религиозный фанатик.

6. АЛЕБАШИН Василий Григорьевич, крестьянин-середняк, религиозный фанатик.

7. СЕРЖЕВ Федор Иванович, крестьянин-бедняк, религиозный фанатик (муж обвиняемой НОВОСЕЛОВОЙ А. А.).

И РЯДОВЫМИ ЧЛЕНАМИ, СКРЫВАВШИМИСЯ
ВМЕСТЕ С ПЕРЕЧИСЛЕННЫМИ ЛИЦАМИ
В ЛЕСНЫХ ЗЕМЛЯНКАХ:

8. КОРОЛЕВ Осип Васильевич, крестьянин-середняк, религиозный фанатик.

9. РЕДЬКИН Федор Иванович, крестьянин-бедняк, религиозный фанатик.

10. СЕКИН Иван Ксенофонович, крестьянин-середняк, религиозный фанатик.

11. МОЛОТОВ Иван Сергеевич, крестьянин-середняк, религиозный фанатик.

12. РЕТИН Егор Васильевич, крестьянин-бедняк, религиозный фанатик.

Кроме того, поддерживали связь с членами К-Р группы, знали об их деятельности и передавали им разные воззвания и обращения епископов контрреволюционного содержания. Хранили их у себя в большом количестве и распространяли среди верующих своих приходов:

13. Священник ЕМЕЛЬЯНОВ Александр Николаевич и

14. КУЗНЕЦОВ Василий Тимофеевич, член церковного совета, религиозный фанатик.

О составе К-Р группы, ее руководителей и активных членах приводим показания сознавшихся самих обвиняемых.

Организатор и руководитель группы П. П. ФЕДОРОВСКИЙ показал:

«В нашей организации были руководителями я и моим заместителем РУЧИН Иван Михайлович, как второй священник. Наиболее активные члены: КОРОЛЕВ Иван Осипович, СЕРЖЕВ Федор Иванович, СЕРЖЕВА-НОВОСЕЛОВА Анна Александровна, ПРИЛИПИН Андрей Ефимович, АЛЕБАШИН Василий Григорьевич. Рядовые члены группы: КОРОЛЕВ Осип Васильевич, РЕДЬКИН Федор Иванович, СЕКИН Иван Ксенофонтович, МОЛОТОВ Иван Сергеевич и РЕТИН Егор Васильевич» (сл. д., л. 87).

Аналогичные показания о составе группы дали обвиняемые: РУЧИН И. М., СЕРЖЕВА А. А., СЕРЖЕВ Ф. И. и АЛЕБАШИН В. Г. (сл. д., л. 96, 102, 119 и 131). По тому же вопросу обвиняемый св. ЕМЕЛЬЯНОВ А. Н. показал:

«Со священником ФЕДОРОВСКИМ я знаком с 1924 года, он бывал у меня в церкви несколько раз, я знал, что у него в дер. Копанках существует нелегальная церковь, знал и о том, что они скрылись в лес.

В 1928 или 1929 году я дал монашке НОВОСЕЛОВОЙ 5 или 6 экземпляров разных обращений и воззваний епископов Виктора, Нектария и др. К-Р содержания для передачи св. ФЕДОРОВСКОМУ».

Обвиняемый член церковного совета КУЗНЕЦОВ В. Т. показал:

«Летом 1928 или 1929 года я беседовал со св. ФЕДОРОВСКИМ в доме монашки НОВОСЕЛОВОЙ А. А. и был у него еще в конце 1927 года, в то время у него была уже оборудована нелегальная церковь. Я послал ему одно или два воззвания епископов с попутчиком» (сл. д., л. 87, 156 и 165).

Распространение к.-р. воззваний, обращений и других документов

При ликвидации к.-р. группы обысками изъято большое количество разных воззваний, обращений епископов и др. документов к.-р. содержания, полученных ими через своих связистов — СЕРЖЕВУ А. А. и РУЧИНА И. М. и др. (см. том 2-й дела — веществен. доказательств).

Эти воззвания прорабатывались членами К-Р группы на своих собраниях и совещаниях, переписывались от руки и распространялись среди верующих в целях возбуждения среди них ненависти к существующему Советскому строю. По этому вопросу обвиняемые показали:

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ В. Т.

«Признаю себя виновным в том, что я размножал разные контрреволюционные воззвания, обращения и переписку епископов, давал их читать верующим, и прорабатывали их на своих совещаниях с теми же верующими» (сл. д., л. 156-об.).

Обвиняемый ФЕДОРОВСКИЙ Н. П.

«Установив связь через РУЧИНА и КОРОЛЕВА И. О. с еп. Нектарием в Казани, только что прибывшим тогда из ссылки, от него начали получать руководство и обращения различного рода антисоветского характера, да и сами мы писали разные к.-р. листовки и некоторые из них переписывали от руки и давали читать тем верующим, на которых надеялись, что они не подведут» (сл. д., л. 85).

Обвиняемый КОРОЛЕВ И. О.

«Об обнаруженных у нас разных к.-р. воззваниях и др. документах могу сказать, что все они у нас в группе

читались вслух. Переписыванием этих антисоветских документов занимались РУЧИН И. М., СЕРЖЕВА А. А., помню, одно из обращений переписывал и я» (сл. д., л. 115 об.).

Обвиняемый РУЧИН И. М.

«Воззвания, обращения и др. документы епископов Нектария, Виктора и пр., обнаруженные у нас при обыске, принесены частично СЕРЖЕВОЙ А. А. от священника ЕМЕЛЬЯНОВА А. Н. Все воззвания и др. документы к.-р. содержания мы размножали от руки, часть через копировальную бумагу, и давали их читать тем верующим, которые относились к нам сочувственно. Переписыванием больше занимался я и СЕРЖЕВА А.» (сл. д., л. 96 об.).

Для характеристики изъятых обысками документов-воззваний приводим некоторые выдержки из них:

«Ныне Церковь Христова у нас на Руси переживает такую эпоху, когда как епископат, так и весь клир церковный испивают чашу гнева Божия за грехи прежних лет. Все те материальные земные преимущества, коими раньше пользовалась Церковь, отняты. Большинство епископов совершают ныне свое архиерейское служение в сидении по домам заключения, лагерям, на принуд. работах, что на берегах Белого моря, или по далеким селениям Зырянского края, среди сибирских дебрей, в Нарыме и Турухане, а то и в среднеазиатских песках. Ту же участь разделяют и многие пастыри и церковники-миряне».

«Церковное общение с митр. Сергием (замещающим собою патриаршего местоблюстителя), как вошедшим в блок с антихристом, зазорно и для вечного спасения... Синод им созван из так называемых подмоченных или ссученных епископов. Назначение епископов происходит с ведома и одобрения начальника Московского отдела № 6».

«Может ли православный христианин исполнять все без исключения законы и постановления нынешнего безбожного правительства, когда большая половина их направлена к подрыву святой веры и ущербу церкви, а Христос зовет на подвиг, борьбу, страдания, крест и небо... Нельзя, оставаясь православным христианином, по приглашению Сергия в то же время радоваться безбожным радостям Советской власти и печалиться вместе с ними о неудачах по искоренению православной веры и церкви... Истинно православный христианин никогда не согласится быть членом лживой Советской церкви».

«Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в живого Бога, творца мира, руководителя его жизни и судьбы — коммунизм не допускает его существования... Церковь проповедует любовь и милосердие, а коммунизм — товарищество и беспощадность борьбы. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, а коммунизм — уничтожает его гордостью. Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодonoшения, а коммунизм — не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов... Коммунизм смотрит на религию как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий их энергию, как на источник их бедствия и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм — ее уничтожения.

Из всех религий, испытывающих на себе всю тяжесть испытаний и стеснений, в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к которой принадлежит огромное большинство русского населения, составляющее подавляющее большинство в государстве.

Православная Церковь не может по примеру обновленцев засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она пользовалась бы столь большой свободой. Она <не> скажет вслух миру этой позорной лжи, которая может быть внушена только или лицемерием, или цинизмом,

или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим безграничного осуждения в ее служителях.

Когда революция проявила себя исключительно со стороны разрушительной, когда все общественные силы находились в состоянии борьбы, всюду действовали группы подозрительных лиц, выдававших себя за агентов правительства, а в действительности оказавшихся самозванцами с преступным прошлым и еще более преступным настоящим. Они убивали епископов и священнослужителей, ни в чем неповинных, врвались в дома и больницы, убивали там людей, расхищали имущество, ограбляли храмы и затем бесследно скрывались.

Епископы и священнослужители, в таком большом количестве страждущие в ссылке, тюрьмах или на принудительных работах, подвергались этим репрессиям не по судебным приговорам, а в административном порядке, без точно сформулированного обвинения, без правильного расследования дела, без гласного судебного процесса, без предоставления им возможности защиты, часто даже без объяснения причины, что является бесспорным доказательством отсутствия серьезного обвинительного материала против них.

Православная Церковь считает сыск и политический донос совершенно недопустимым с достоинством пастыря. Государство располагает специальными органами наблюдения, а члены Церкви, ее клир и миряне ничем не отличаются в глазах современного правительства от прочих граждан и потому подлежат политическому надзору в общем порядке. Из этих принципов вытекает недопустимость суда по обвинению в политических преступлениях».

Антисоветская агитация, устройство собраний и совещаний

Однако члены группы, не ограничиваясь распространением к.-р. документов, т. к. систематически проводили свои собрания; обсуждали политические

вопросы; активно вели среди крестьян антисоветскую агитацию — против кооперации, колхозного строительства и хлебазаготовок. Распространяли провокационные слухи о появлении на земле антихриста, кончине мира, войне, свержении Советской власти и расправе над колхозниками.

(Сл. д., л. 37, 38, 40 об., 30, 20, 21, 23, 25, 26.)

Группа оказывала большое влияние на отсталую часть бедняков и середняков, которые заявляли: «Лучше умрем, а в колхоз не пойдем». Часть колхозников, поддавшись их влиянию, вышла из колхоза.

(Сл. д., л. 23, 26, 38, 40 и 21.)

Обвиняемый ФЕДОРОВСКИЙ Н. П. показал:

«Изредка в землянках были свои совещания, где обсуждали вопросы, касающиеся нашей организации и другие. Среди членов организации были такие суждения: "Не надо выбирать патенты для продажи свечей в церкви. В теперешних школах детей не обучают, а только развращают. Колхозы строятся без Бога, а потому для верующих неприемлемы. Налоговые обложения и хлебные задания для крестьян тяжелы и непосильны. Раскулачиванию люди подвергаются несправедливо". Это относится ко всем членам нашей организации, т. к. это говорили все» (сл. д., л. 86 об.).

Обвиняемый РУЧИН И. М. показал:

«У нас в организации, как в лесу, так и в дер. Копанках, в доме священника ФЕДОРОВСКОГО были свои совещания в виде бесед, на которых председатели не выбирались, протоколов не писали, а этими совещаниями больше руководил ФЕДОРОВСКИЙ и частично я. Обсуждали больше вопросы религиозного характера. Но, кроме

того, говорили о колхозах. Я говорил, что в колхоз идти не могу как священник. Плохо то, что в школах не преподают закон Божий, говорили и о других политических вопросах. В этих совещаниях принимали участие все члены нашей организации» (сл. д., л. 94).

Обвиняемый КОРОЛЕВ И. О. показал:

«Изредка у нас были свои беседы, где обсуждали вопросы: из географии, по сельскому хозяйству и религиозные, говорили о том, что теперь крестьянам живется тяжело, велики налоги; плохо то, что в школах не преподают закон Божий; колхозы строятся без Божьего благословения, а поэтому это дело для христиан не приемлемо. Касались целого ряда других вопросов, относящихся к тяжелой жизни крестьян» (сл. д., л. 115).

Обвиняемый СЕРЖЕВ Ф. И.:

«Во время наших бесед обсуждали больше вопросы, как раньше — в старину скрывались христиане от преследований власти. Как мучили людей язычники за "истинное православие" и т. д.» (сл. д., л. 119).

Обвиняемый ПРИЛИПИН А. Е.:

«Среди членов нелегального монастыря были такие суждения: что в теперешнее время христианам надо удаляться в леса, как раньше в старину удалялись от преследований христиане. Колхозы строятся без Божьего благословения, а поэтому идти туда грешно. Читали жития "святых"» (сл. д., л. 126 об.).

При обыске в землянках изъят разбор декларации митр. Сергия, зафиксированный в виде протокола. Приводятся тоже выдержки из него:

Разбор посланий митр. Сергия Нижегородского

- Послание митр. Сергия № 1 (текст)
- пункт 2 (текст)
- «Патриарх Тихон во все время своей жизни никогда и нигде не выражал подобного желания, напротив, он изрек осуждение и анафемствование на учение социалистов и на всех, кто его держится. Правда, перед своей кончиной "святейший" Тихон будто бы написал завещание, в котором выражал такое мнение и желание, но всему завещанию отнюдь нельзя доверять, т. к. в нем нет ни единого слова о снятии наложенной на социалистов анафемы... В газетах после кончины патриарха это завещание было напечатано с факсимиле подписи патриарха, из которой видно, что подпись была сделана с напряжением последних сил, и даже последние буквы не выписаны, а вместо них кривая черта. Легко можно предположить, что умирающему патриарху была подана не та бумага, которую он желал... Тихон сам всегда был противником безбожно-кощунственной власти, да и мог ли он относиться к ней иначе — первосвятитель Православной Русской Церкви».
- пункт 3 (текст)
- «Митр. Сергий, указывая на убийства, взрывы и т. д. и называя их подпольной борьбой зарубежных

врагов, приписывает их представителям нашей Церкви, находящимся в настоящее время за границей, но он это делает голословно, не приводя к тому никаких доказательств. А почему же все это должно исходить от наших зарубежных иерархов, ведь Советская власть имеет повсюду врагов. Власть Советская пользуется, конечно, каждым подобным случаем как оружием против своего непобедимого врага — Церкви Христовой».

пункт 4
(текст)

«"Святые" апостолы, отправляясь на проповедь Евангелия, не спрашивали на то распоряжения у языческой Римской власти, считавшей эту проповедь противогосударственной, но смело шли делать свое дело, не боясь никаких преследований, мучений и смерти, так же поступали и их преемники "святые отцы"».

пункт 5
(текст)

«Нельзя по слову Спасителя одновременно работать двум господам и угодить обоим. Если наше отечество есть царство Христово, то мы ни в каком случае не можем быть гражданами Советской России, издевающейся над нашими верованиями, отнимающей у нас наши "святыни", развращающей наших детей. Мы не можем по приглашению Сергия радоваться ее радостям, т. е. тому, когда она отнимает у нас наши храмы, "чудотвор-

ные" иконы, "святые мощи", подвергает заключению в тюрьмы и ссылкам борцов за православие, мы также не можем печалиться вместе с ними, видя их десятилетнюю малоуспешную пропаганду и другие их неудачи».

пункт 6
(текст)

«Мы готовы платить налоги и исполнять требования властей, не противоречащие нашей вере, но ни в каком случае не уступим ни черты, ни ноты из Христова учения».

пункт 7
(текст)

«Советская власть с первых же дней своего правления заявила себя врагом Христовой Церкви, отнимая у нее права, "святыни", имущество и всячески притесняя. При таких обстоятельствах, если бы Церковь того и хотела, не могло быть и речи о лояльных отношениях. "Святейший" патриарх Тихон никогда сего не искал, а, напротив, выступил с обличением и анафемствованием, как уже было говорено, и приглашал верующих сплотиться против нового врага»

(д. в. д. 74 по 79).

Убежище для кулаков и укрытие их имущества

Церковное подполье (лесной монастырь) служило хорошим местом для убежища осужденных и подлежащих высылке по суду кулаков, странников и вся-

кого рода а/с элемента. Там же укрывалось и кулацкое имущество в большом количестве: до 4500 кг зерна и разных продуктов, 15 бутылок вина, 1 ящик восковых свечей и разной одежды и белья на сумму 3802 рубля.

(Сл. д., 19, 29, 25 и 26.)

Обвиняемый ПРИЛИПИН А. Е., кулак-лишенец, осужденный Нарсудом к высылке из пределов Нижнекрая на 3 года, показал:

«В 1930 году на меня наложили твердые задания по хлебозаготовкам, льносемени, мясу и картофелю, всех этих заданий выполнить я был не в состоянии, а поэтому решил скрыться в лес, в нелегальный монастырь и жил там, пока меня не задержали с другими вместе» (сл. д., л. 126).

Обвиняемый АЛЕБАШИН В. Г. показал:

«Мне жена сказала, что нас сегодня хотят отправить в ссылку. После этих слов я стал собираться и уехал в лес, а своей сестре сказал, чтобы она узнала поподробнее о нашей высылке, если это наврали, то чтобы она передала мне и я вернусь обратно» (сл. д., л. 130 об.).

Обвиняемый ФЕДОРОВСКИЙ Н. П.:

«В наших землянках с конца марта 1931 г. скрывалось кулацкое имущество — Смирнова П. А. и др.» (сл. д., л. 87).

По тому же вопросу приводим содержание характерного рекомендательного письма, изъятого при обыске в нелегальном монастыре:

«Посылаю к Вам того раба божия Федора, о котором я говорил Вам.

Прошу приютить слепца, иначе можете потерять его. "Антихрист" грядет быстрыми шагами и вот-вот застигнет

нас спящими. Бодрствуйте, молитесь и трудитесь, чтобы избежать его козней.

Сей раб божий Федор разделит с Вами весь труд, который необходим для "святого" дела. Что предпринято Вами? Примите его и доверьтесь ему. Известный Вам Алексей ИВАНОВ» (сл. д., л. 286).

Оказание помощи высланным церковникам

Руководители к.-р. группы поддерживали связь с Соловками и оказывали ссыльному духовенству помощь, о чем свидетельствует изъятый при обыске подписной лист по сбору денег для еп. Виктора.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ

в пользу Преосвященного Владыки Виктора
еп. Ижевского, находящегося в Соловках

№.№ пп.	Имя и фамилия	Руб. коп.		Отметка
1	Анисия Андреевна ЖЕЛУДИНА	—	50	
2	Анастасия Ивановна СУРОВИКОВА	1	—	
3	Иван Михайлович РУЧИН и т. д.	2	—	
	ВСЕГО в списке значится 18 чел. (сл. д., л. 247)			

Кроме того, обвиняемый ФЕДОРОВСКИЙ показал:

«Из духовенства, находящегося в Соловках, оказывали материальную помощь еп. Виктору, первый раз послали ему 12 рублей, а второй раз 18 рублей. Получили от него за это благодарность. Сбор производили в добровольном порядке по подписному листу» (сл. д., л. 87 об.).

Хранение оружия

При обыске в лесных землянках обнаружено: одна винтовка системы "ГРА", два охотничьих ружья, пороху около 11 кг и капсюлей 1,5 коробки (сл. д., л. 11, 3 об.).

Обвиняемый МОЛОТОВ И. С., бывший владелец винтовки, дал следующее неясное показание:

«Обнаруженная винтовка системы "ГРА" осталась у меня после смерти отца. Откуда он ее взял, не знаю. Охотничьи ружья — одно принадлежит мне, а другое — КОСТРОВУ Михаилу, 16 лет. Я принес туда оружие в целях охоты. Винтовку же боялся оставить дома, могли ее обнаружить и привлечь меня к ответственности, а в лесу ее хотел спрятать в землю, но не успел» (сл. д., л. 143).

Конспирация и связисты группы

К.-р. группа, переходя в подполье, всячески стремилась себя конспирировать, укрывшись в чаще глухого леса, в трудно доступном месте, в 20 км от ближайшего населенного пункта в пяти замаскированных землянках. Церковное и другое имущество перевозилось туда по ночам, причем были приняты все меры предосторожности.

Для связи с епископом Нектарием и др. антисоветским элементом группа имела своих специальных связистов в лице монашки СЕРЖЕВОЙ-НОВОСЕЛОВОЙ А. А., РУЧИНА И. М. и КОРОЛЕВА И. О.

Переписка членов группы носила условный характер и не имела подписей. К.-р. листовки и воззвания хранились в особых потайных местах (на чердаке и в сундуках), как это видно из протоколов обысков у обвиняемых.

(Сл. д., л. 147, 148.)

По этому поводу приводим показания обвиняемых. Обвиняемый ФЕДОРОВСКИЙ Н. П. показал:

«В июне месяце 1930 г. на одном из своих совещаний, где присутствовали РУЧИН И. М., РЕДЬКИН Ф. И., КОРОЛЕВ И. О., решили тайно перевести нашу церковь в лес, в малодоступное место; устроить там землянки, оборудовать небольшую церковь и жилые помещения, куда должны скрыться и члены нашей организации. Поручили найти это место РУЧКИНУ, КОРОЛЕВУ, с ними ходил и СЕРЖЕВ Ф. И. Они нашли подходящее место в глухом лесу, далеко от всяких жилых построек. Они же устроили там 5 землянок, выкопали их совершенно на новом месте, где никто никогда не жил. В августе месяце 1930 г. в эти землянки тайно ночью перевезли все церковное имущество, возил его на своей лошади КОРОЛЕВ И. О. В одной из землянок оборудовали церковь.

Роль связистов нашей организации выполняли: РУЧИН И. М., КОРОЛЕВ И. О. и СЕРЖЕВА А. А., через которых поддерживались связи с епископом, пересылалась переписка и прочее, они же занимались переписыванием контрреволюционных воззваний, обращений и листовок». (сл. д., л. 85, 87 об. и 4).

Обвиняемый КОРОЛЕВ И. О. показал:

«На одном из совещаний мы решили нашу религию сохранить в "истинно-православном виде", с одной стороны, и,

с другой, скрыться от переживаемого в данное время смутного состояния, скрыться в такие места, чтобы нас никто не обнаружил, с этой целью и переехали тайно в лес.

В 1928 г. нашей общиной вначале руководил еп. Виктор, а затем еп. Нектарий, к которому летом 1930 года я лично ездил с целью перенести церковь из дер. Копанки в лес, на что он дал нам свое согласие и одобрил наши действия. После этого я, СЕРЖЕВ, РУЧИН и др. выкопали в лесу далеко от жилых построек 5–6 землянок, куда ночью в июле месяце перевезли церковное имущество, в одной из землянок оборудовали церковь. Перевез и я туда свое имущество, и в разное время сюда же скрылись и члены нашей организации» (сл. д., л. 14 об., 15).

Связь с руководителем ликвидированной церковно-монархической организации БАШМАКОВЫМ Г. А.

В процессе расследования также выяснилось, что разыскивается в данное время один из руководителей "церковно-монархической организации", ликвидированной в Арзамасском и др. районах Нижкрая, БАШМАКОВ Георгий Александрович (бывший офицер), лично посещал активных членов группы и поддерживал с ними переписку. В своих письмах БАШМАКОВ пишет:

«Я имею возможность еще раз обойти "святыни" — места, где столько русских "святых" молилось, плакало, сокрушалось не только о себе, но и о России, о русском народе и его судьбах. Тяжела сейчас жизнь в Москве. Более чем тяжела, скорбна она, даже страшна.

Как страшно слышать от Вас, что у Вас, в Ваших краях так интересуются и так горячо принимают к сердцу дела

церковные. Обо всем этом пишите мне. Жду с нетерпением письма. Пишите по адресу: Владимирская губ., ул. Ленина, д. № 31, Павлу Михайловичу для Георгия... Разрушение великое, но водичка идет себе да идет... Ничто ее не остановит, и все также чудодейственна, если не более» (сл. д., л. 282–285).

**Привлеченные к ответственности
в качестве обвиняемых:**

1. ФЕДОРОВСКИЙ Н. П., 2. РУЧИН И. М., 3. СЕРЖЕВА-НОВОСЕЛОВА А. А., 4. ПРИЛИПИН А. Е., 5. КОРОЛЕВ И. О., 6. АЛЕБАШИН В. Г., 7. СЕРЖЕВ Ф. И., 8. КОРОЛЕВ И. О., 9. РЕДЬКИН Ф. И., 10. СЕКИН И. К., 11. МОЛОТОВ И. С., 12. РЕТИН Е. В., 13. ЕМЕЛЬЯНОВ А. П. и 14. КУЗНЕЦОВ В. Т. в предъявленном им обвинении по ст. ст. 58–10 и 58–11 виновными себя признали полностью и дали соответствующие показания (сл. д., л. 79, 91, 99, 114, 118, 121, 125, 129, 133, 136, 139, 142, 152, 164).

На основании вышеизложенного:

1. ФЕДОРОВСКИЙ Николай Порфирьевич,
2. РУЧИН Иван Михайлович,
3. СЕРЖЕВА-НОВОСЕЛОВА Анна Александровна,
4. КОРОЛЕВ Иван Осипович,
5. РЕДЬКИН Федор Иванович,
6. СЕРЖЕВ Федор Иванович,
7. ПРИЛИПИН Андрей Ефимович,
8. АЛЕБАШИН Василий Григорьевич,
9. КОРОЛЕВ Осип Васильевич,
10. СЕКИН Иван Ксенофонович,
11. РЕТИН Егор Васильевич,
12. МОЛОТОВ Иван Сергеевич

обвиняются в том, что состояли членами к.-р. группы церковников из "истинно-православных христиан", оборудовали нелегальную церковь-монастырь в дер. Копанках, а летом 1930 года перенесли ее в глухое место леса и сами скрылись туда на постоянное жительство.

На протяжении последних лет систематически проводили свои нелегальные собрания и совещания, обсуждали политические вопросы, прорабатывали разные воззвания, обращения и листовки. Размножали их в массовом количестве и распространяли среди верующих. Вели активную а/с пропаганду, используя религиозные предрассудки. Укрывали скрывающихся от преследования власти кулаков и их имущество, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-10, ч. 2 и 58-11 УК.

13. БАЛЫБЕРДИН Андрей Макарович

обвиняется в том, что, проживая в дер. Малое Зверево, будучи Председателем церковного совета в селе Роженцове, поддерживал связь с членами контрреволюционной группы "истинно-православных христиан", группировал вокруг себя фанатично настроенных верующих, проводил с ними беседы, обсуждал разные воззвания и обращения епископов контрреволюционного содержания. Размножал их, хранил у себя в большом количестве и распространял среди верующих, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-10, ч. 2 и 58-11 УК.

14. КУЗЬМИЧЕВ Василий Тимофеевич

обвиняется в том, что, проживая в своей деревне, поддерживал связь с членами к.-р. группы "истинно-православных христиан", группировал вокруг себя фанатично настроенных верующих, проводил с ними

беседы, обсуждал воззвания и обращения епископов контрреволюционного содержания. Размножал их, хранил у себя в большом количестве и распространял их среди верующих, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58–10 и 58–11 УК.

15. ЕМЕЛЬЯНОВ Александр Николаевич

обвиняется в том, что хранил у себя в большом количестве разные воззвания, обращения и послания епископов контрреволюционного содержания и распространял их среди верующих, поддерживал связь с членами к.-р. группы церковников "истинно-православных христиан", знал об их нелегальной церкви и уходе в подполье (в лес). <...>

Уполномоченный 3 Отд. СПО

(КОНОНОВ)

Зам. Начальника 3 Отд. СПО ПП ОГПУ
по Нижкряю

(КУРАКИН)⁴⁰⁸

---

⁴⁰⁸ Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 18393 (1931).

Приложение III

Краткие биографические данные о духовенстве и церковных деятелях, упоминаемых в книге

Авраамий (Кочев Александр Анисимович), иеромонах. Родился в 1870 в починке Пикино Яранского уезда Вятской губ. Пострижен в монашество с именем Авраамий, посвящен в сан иеромонаха. В 1932 — арестован в Вятке, 14 августа приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан. В 1937 — арестован в Кирове, 9 декабря приговорен к ВМН и 11 декабря расстрелян.

Алексеева Ангелина Степановна, монахиня. Родилась в 1884 в Казани. С 1901 по 1924 — монахиня и настоятельница Федоровского монастыря в Казани. В 1932 — арестована, приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Северный край.

Андриевский Диомид Андреевич, священник. Родился в 1872 в деревне Шевнино Уржумского уезда Вятской губ. Служил в селе Елембаево. В октябре 1929 — арестован,

19 февраля 1930 — приговорен к ВМН. 20 мая 1931 — дело пересмотрено, приговор изменен на 5 лет ИТЛ с заменой на высылку на тот же срок, отправлен в Архангельск. Вернулся из ссылки на родину. В 1935 — скончался.

Афанасий (Малинин Александр Антонович), архиепископ. Родился 4 марта 1884 в Пермской губ. В 1909 — окончил Казанскую духовную академию. В 1920 — рукоположен в епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 1923 — временный управляющий Казанской епархией. В 1929 — назначен архиепископом Казанским и Свияжским, с 1933 — архиепископ Саратовский. Дальнейшая судьба точно неизвестна. Согласно сообщению митрополита Мануила (Лемешевского), в августе 1935 — был уволен на покой и 22 мая 1939 — скончался (неизвестно где).

Батеева Ефросиния Кузьминична, монахиня. Родилась в 1882 в деревне Янгозино-Суринское Подберезинского района ТАССР. С 1901 — в Вурнарском монастыре, позднее — в Мамадышском. После их закрытия странствовала по деревням, не имела документов, не вступала в колхозы, не участвовала ни в выборах, ни в других мероприятиях власти. С лета 1940-х — работала просвирней в Канашской церкви. В 1947 — арестована и осуждена.

Безденежных Иван Степанович, священник. Родился в 1882 в деревне Средний Кугурум Котельничского уезда Вятской губ. В 1930 — рукоположен епископом Нектарием. Весной 1932 — арестован, 14 марта приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь, позднее в ссылку, где умер.

Березина Мария Николаевна, монахиня. Родилась в 1875 в деревне Катанур Яранского уезда Вятской губ. Получила начальное образование. Пострижена в мантию,

в 1930-х — находилась на нелегальном положении. Весной 1945 — арестована как «участница антисоветского церковного подполья», 31 октября приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

Бессонов Василий Михайлович, священник. Родился в 1882 году в селе Сердеж Яранского уезда Вятской губ. В 1907 — определен на священническое место к Петропавловскому храму села Верхний Ушнур. В 1912 — к Богоявленской церкви села Великополье. В 1919 — служил в селе Килемары, с 1925 — в селе Шапта, в 1930–1936 — в селах Роженцево, Кокшага, Шапта, Улеш. 25 октября 1936 — арестован. 27 марта 1937 года — приговорен к 5 годам ИТЛ, этапирован в Севвостоклаг. Точная дата кончины неизвестна. Последнее письмо получено родными из бухты Нагаево в 1937.

Варсонофий (Никитин Иоанн Прокопьевич), архимандрит. Родился в 1878 в селе Кузнецово Царевококшайского уезда Казанской губ. в крестьянской семье. С 1906 — в Мироносицком монастыре, в 1909 — пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, в 1912 — во иеромонаха, с мая 1919 — настоятель монастыря. В феврале 1924 — арестован, приговорен к 6 годам тюрьмы. С 1925 — после досрочного освобождения проживал в Раифской пустыни, с 1927 — в Воскресенском храме села Летяги Арбажского района, затем — в Свято-Никольской церкви села Караванное Тужинского района, в храме святых мучеников Флора и Лавра села Табашино Марийской автономной области, с 1 ноября 1930 — в Предтеченской церкви села Суводь Советского района. В марте 1932 — арестован, приговорен к высылке в Северный край. В 1933 — освобожден по болезни, вернулся на родину; до 1941 — странствовал и служил по домам верующих. 22 ноября 1941 — арестован в деревне Лукоянки Тужинского района, куда пришел причастить бо-

лящую. 18 февраля 1942 — приговорен к 2 годам ИТЛ; в ноябре 1942 — по новому делу приговорен к 10 годам ИТЛ. 22 марта 1944 — скончался в Яранской тюрьме.

Васенев Лукиан Георгиевич, священник. Родился в 1900 в Нижегородской губ. в крестьянской семье. В 1924 — рукоположен во диакона, служил в церкви Оршанска. В 1925 — рукоположен во священника, служил в селе Макманур. 22 сентября 1929 — арестован, приговорен к 3 годам концлагеря. По освобождении проживал в Казани. Весной 1947 — арестован, 25 марта приговорен к ВМН, 25 мая 1947 — расстрел заменен на 10 лет ИТЛ. После освобождения проживал в Казани. 19 ноября 1963 — скончался в Казани. В кратком описании его жизни, составленном сотрудником Марийской епархии после знакомства с делом, отмечено, что «есть сведения, что о*<тец>* Лукиан был духовным чадом настоятеля Ежево-Мироносицкого монастыря архимандрита Варсонофия *<Никитина>*».

Василий (Зеленцов Василий Иванович), епископ. Родился в 1870 в Рязанской губ. Окончил юридический факультет Петербургского университета, затем Петербургскую духовную академию. Преподавал в семинарии, миссионер. В 1919 — в Полтаве рукоположен во священника. В 1922 — арестован, приговорен к расстрелу с заменой на 5 лет тюрьмы. В 1925 — досрочно освобожден, рукоположен во епископа Прилукского, викария Полтавской епархии. В августе 1926 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен на Соловки. В октябре 1928 — выслан на 3 года в Сибирь. В конце декабря 1929 — арестован и отправлен в Москву. 3 февраля 1930 — приговорен к высшей мере наказания и 7 февраля расстрелян.

Вениамин (Троицкий Александр Васильевич), епископ. Родился в 1901 в Торжке. В 1921 — принял монашеский

постриг в Нило-Столобенской пустыни, с 1923 — в ссылке в Средней Азии; там возведен в сан архимандрита, весной 1928 — посвящен в сан епископа. Летом 1930 — арестован в Уфе, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Вишерлаг. В 1933 — после тяжелой болезни комиссован в вольную ссылку. Поселился в Мелекесе. В июле 1937 — арестован, приговорен к ВМН и 16 апреля 1938 — расстрелян в Куйбышеве.

Верхорубова Александра Яковлевна, монахиня. Родилась в 1889 в деревне Колесниково Котельнического уезда Вятской губ. Пострижена в мантию, в 1930-х — находилась на нелегальном положении, в 1940-х — проживала в Яранске. Весной 1945 — арестована как «участница анти-советского церковного подполья», 31 октября приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

Винокуров Николай Иванович, священник. Родился в 1886 (1887) в деревне Пагайлово Яранского района. С 1915 — был в монастыре, с 1918 — проживал в Гродно, с 1924 по 1928 — в Яранске. В 1929 — рукоположен епископом Нектарием. Осенью 1931 — арестован, 14 декабря приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1937 — арестован, 7 февраля приговорен к ВМН и в этот же день расстрелян.

Волокитин Аркадий Иванович, священник. Родился 14 февраля 1887 в селе Богородское Уфимской губ. В 1914 — рукоположен и служил в храмах Уфимской епархии. В 1922 — в Бирске после захвата храмов обновленцами создал домашнюю церковь. Весной 1928 — арестован, 30 марта приговорен к 3 годам ссылки. 31 августа 1930 — арестован в Казани, приговорен к 3 годам концлагеря. 23 июля 1937 — арестован в Бирске. 15 октября 1937 — приговорен к ВМН. 15 ноября 1937 — расстрелян в Уфе.

Галицкий Михаил Алексеевич, священник. Родился в 1872 в селе Улеш Кикнурского уезда Вятской губ., посвящен в сан священника, проживал в селе Корляки Санчурского района Нижегородского края, служил в местной церкви. В 1930 — судился за сокрытие имущества, приговорен к штрафу в 500 рублей. Летом 1932 — арестован как «участник контрреволюционной церковно-монархической организации "Истинно-Православная Церковь"». 28 сентября приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. Весной 1941 — арестован, 11 июня приговорен к 10 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией имущества.

Галицкий Петр Степанович, священник. Родился в 1865 в селе Иж Яранского уезда Нижегородского края. Окончил Вятскую духовную семинарию. С 1895 — служил в селе Ацвеж Котельничского уезда, руководил церковно-приходской школой. В 1913 — назначен в село Шешурга Яранского уезда, затем в село Верхокуриныне Котельничского уезда. Позднее служил в селе Архангельское Шабалинского района. В 1923 — был под следствием. В 1928 — присоединился к епископу Виктору (Островидову), как благочинный получил от епископа Димитрия (Любимова) руководство над приходами Шабалинского округа. В 1932 — арестован и 14 августа приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан.

Голованова Екатерина Ильинична, монахиня. Родилась в 1896 в селе Новосибирское Новопокровского уезда Оренбургской губ. в крестьянской семье. С детства в Ташкентском монастыре. В начале 1920-х — после закрытия монастыря псаломщица в селе Суплатовка Чимкентского уезда. В 1925–1927 — участвовала в нелегальных богослужениях. В 1928 — в Йошкар-Оле. В конце 1920-х — служила псаломщицей у священника Никиты Игнатьева в селах Городище и Табашкино Санчурского района, затем в Кикнур-

ском районе. 18 февраля 1937 — арестована «за антисоветскую агитацию», но освобождена из-под стражи, дело прекращено за недостаточностью улик. В 1944 — была задержана, но сбежала. Весной 1945 — арестована как «руководитель и участница антисоветского церковного подполья», 31 октября приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в лагерь. После освобождения продолжала тайное служение, помогала священнику Никите Игнатьеву. Скончалась в конце 1970-х.

Гурий (Павлов Семен Павлович), иеромонах, епископ. Родился в 1906. С 1921 — в монастырях Казанской и Уфимской епархий. В октябре 1928 — в Уфе пострижен в монашество, затем посвящен во иеромонаха, служил в Шутнеровской церкви Урмарского уезда (Чувашия). Осенью 1932 — арестован и приговорен к заключению в концлагерь. В мае 1933 — бежал из Свирского лагеря; служил тайно, скрывался и странствовал. В конце 1951 — арестован, приговорен к 25 годам ИТЛ; в 1956 — освобожден, продолжил тайное служение. В 1991 — рукоположен во епископа архиереями ИПЦ Греции. 25 декабря / 7 января 1996 — скончался.

Дамаскин (Цедрик Дмитрий Дмитриевич), епископ. Родился в 1887. Принял монашеский постриг, миссионер в Пекинской духовной миссии. В 1923 — рукоположен во епископа Стародубского, управлял Черниговской и Глуховской епархией. В 1925 — выслан в Москву. Арестован вместе с митрополитом Петром, выслан на 3 года в Туруханский край. В 1928 — отделился от митрополита Сергия. В 1929 — арестован и приговорен к 3 годам концлагеря. В 1933 — освобожден. В 1934 — вновь арестован и приговорен к 3 годам ссылки в Северный край. В 1936 — арестован в Архангельске, отправлен в Карлаг. 10 сентября 1937 — расстрелян в Караганде.

Дремин Василий Михайлович. Родился в 1910 в деревне Зверево Санчурского уезда Вятской губ. в крестьянской семье. С 1930 — после ареста и осуждения епископа Нектария (Трезвинского) получал от него письма из заключения и постоянно оказывал ему материальную помощь. 8 декабря 1936 — арестован по групповому делу как «участник контрреволюционной церковно-монархической организации», 27 марта 1937 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Севвостоклаг (Колыма). В мае 1942 — освобожден из лагеря, продолжил работу на комбинате "Дальстроя". В октябре 1946 — уволился с работы, выехал с Колымы на материк и вернулся в родную деревню. 13 февраля 1949 — арестован и заключен во внутренней тюрьме Управления МГБ в Кирове. 20 марта приговорен к бессрочной высылке в Сибирь и отправлен на поселение в Красноярский край.

Евгений (Зернов Семен Алексеевич), архиепископ. Родился в 1887. Окончил Московскую духовную академию. В 1913 — рукоположен во епископа Киренского, викария Иркутской епархии, с 1914 — епископ Приамурский и Благовещенский. В 1917–1918 — член Поместного Собора. 27 августа 1923 — арестован в Благовещенске. С начала 1924 — в Соловецком лагере особого назначения. В конце 1926 — выслан на 3 года в Зырянский край. С 1930 — служил в Вятской епархии, позднее — в Горьковской. В мае 1934 — возведен в сан митрополита. В 1935 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В сентябре 1937 — расстрелян в Карлаге.

Знаменский Сергей Иванович, протоиерей. Родился в 1879 в Екатеринбурге. В 1913 — окончил Казанскую духовную академию, рукоположен во священника и назначен в кафедральный собор в Читу. С 1914 — на фронте. С 1917 — служил в церкви села Чуфарово Симбирского

уезда, подвергался гонениям и арестам. В 1921 — за «антисоветскую агитацию» приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Симбирский концлагерь, в феврале 1924 — отправлен в ссылку в Зырянский край. В конце октября 1924 — освобожден, по дороге в Симбирск остановился в Вятке, где от епископа Авраамия (Дернова) получил назначение в Яранск, на место настоятеля Успенского собора. В марте 1926 года — приговорен к 2 годам концлагеря и отправлен на Соловки. В 1927 — после окончания срока отправлен в Екатеринбург под надзор. В 1928 — выслан на 3 года в Узбекистан. После освобождения служил в Кашпире. В ноябре 1937 — арестован и расстрелян на Бутовском полигоне.

Золотарев Иван Петрович. Родился в 1905 в деревне Чашинцы Кикнурского уезда Вятской губ. В 1930 — арестован, приговорен к 2 годам ИТЛ и отправлен в колонию, откуда бежал. Вновь арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь, откуда вновь бежал. 3 июня 1942 — арестован как «участник контрреволюционной монархической организации церковников ИПЦ». 3 декабря 1942 — расстрелян.

Иларион (Троицкий Владимир Алексеевич), архиепископ. Родился 13 сентября 1886 в Тульской губ. в семье священника. В 1910 — окончил Московскую духовную академию; преподаватель, профессор, инспектор, блестящий ученый. В марте 1913 — принял монашеский постриг. В 1919 — арестован в Москве и заключен в Бутырскую тюрьму, через четыре месяца освобожден. В 1920 — рукоположен во епископа Верейского, викария Московской епархии. В 1921–1922 — подвергался арестам и тюремному заключению, затем выслан на 1 год в Архангельск. В июле 1923 — вернулся в Москву, возведен в сан архиепископа Патриархом Тихоном. Осенью 1923 — вновь арестован,

приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Летом 1925 — переведен в Ярославскую тюрьму; отказался там принять условия сотрудничества с ОГПУ. Возвращен на Соловки, получил еще 3 года ИТЛ. В конце 1929 — доставлен в пересыльную тюрьму в Ленинграде для дальнейшего этапирования на вечное поселение в город Алма-Ату. В дороге заразился сыпным тифом, 28 декабря 1929 — скончался в тюремной больнице.

Иннокентий (Куледин Игнатий Арсентьевич), архимандрит. Родился в 1882 в деревне Ошлы Салобелякского уезда Вятской губ. в крестьянской семье. В 1913 — поступил в Мироносицкую пустынь, где был пострижен с именем Иннокентий и рукоположен во иеродиакона. В конце 1923 — арестован по обвинению «в распространении религиозной литературы и сокрытии церковных ценностей», 2 февраля 1924 — приговорен к 2 годам тюремного заключения. В начале 1926 — освобожден, вернулся на родину, служил диаконом в церкви села Уржиминское Яранского района. В 1928 — рукоположен во священника епископом Виктором (Островидовым) и назначен к храму села Лежнино Шарангского района. С 1931 — служил в Троицкой церкви Козьмодемьянского женского монастыря, в том же году посвящен в сан архимандрита архиепископом Серафимом (Самойловичем). 14 декабря 1931 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Мариинские лагеря. В 1934 — после освобождения из лагеря проживал в Санчурском, затем в Яранском районе, служил в церкви села Уртма. 24 июля 1937 — арестован как «участник контрреволюционной церковно-монархической организации "Истинно-Православная Церковь"». 29 сентября приговорен к ВМН и 14 октября расстрелян.

Иоасаф (Удалов Иван Иванович), епископ. Родился 1886 в в Уфе в семье часового мастера. В 1910 — окончил

Казанскую духовную академию, пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха. В 1915 — возведен в сан архимандрита. В 1920 — рукоположен во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии. В 1922 — епископ Чистопольский, временно управлял Казанской епархией. В 1924 — вызван в Москву, арестован, оправдан, оставался в Москве. В 1925 — арестован по делу митрополита Петра, в 1926 — приговорен к трем годам ссылки. В 1929 — после освобождения поселился в Козьмодемьянске. В декабре 1930 — арестован по групповому делу ИПЦ в Казани, в январе 1932 — приговорен к трем годам концлагеря. В 1934 — срок заключения продлен на два года. В 1936 — после освобождения жил на окраине Казани. В ноябре 1937 — арестован по обвинению в организации контрреволюционного церковного подполья. 2 декабря 1937 — расстрелян в Казани.

Иов (Протопопов Иван Андреевич), иеромонах. Родился в 1880 в Одессе. В 1907 — пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. С октября 1917 — в Свяжском Успенском монастыре, с 1918 — в Раифской пустыни, с 1928 — служил в церкви в Татарии. В 1930 — арестован, 20 февраля приговорен к ВМН и 7 марта расстрелян.

Касьянов Афанасий Игнатьевич, диакон. Родился в 1902 в селе Гуслиянка Кикнурского уезда Вятской губ. Служил в церкви деревни Березовая. 17 февраля 1932 — арестован, 14 августа приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Севкрай. Весной 1935 — арестован и приговорен к 5 годам ИТЛ. После освобождения вернулся на родину. 7 сентября 1946 — арестован как «участник антисоветской религиозной группы». 25 марта 1947 — приговорен к ВМН, 25 мая расстрел заменен на 10 лет ИТЛ. Отправлен в лагерь. 4 августа 1955 — освобожден. Проживал на станции Шахунья, проводил тайные богослужения, затем уехал

в Фергану, где также в своем доме устраивал тайные моления.

Касьянов Илья Изотович, крестьянин-единоличник. Родился в 1906 в деревне Валки Кикнурского уезда Вятской губ. в крестьянской семье, в 1940-х — скрывался от военной службы, находясь на нелегальном положении. 15 сентября 1942 — арестован как «участник контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». 18 августа 1943 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь

Кирилл (Смирнов Константин Илларионович), митрополит. Родился в 1863 в Кронштадте Санкт-Петербургской губ. В 1887 — окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, рукоположен. С 1900 — настоятель Троицкой церкви в городе Кронштадте. В 1902 — принял монашеский постриг после смерти жены и ребенка. Возведен в сан архимандрита и назначен начальником Урмийской миссии в Персии. 6 августа 1904 — хиротонисан в сан епископа Гдовского, vicария Санкт-Петербургской епархии. С 1909 — епископ Тамбовский и Шацкий. С 1918 — митрополит Тифлиссский и Бакинский. С 1920 — митрополит Казанский и Свияжский. В 1920 — арестован, в 1921 — освобожден. В 1922 — подвергался арестам. В 1923–1933 — постоянно в ссылках в Сибири и на Севере. В 1933 — освобожден. В 1934 — вновь арестован и приговорен к ссылке на три года в Казахстан. 7 июля 1937 — арестован. Расстрелян 20 ноября 1937 — вместе с митрополитом Иосифом Петровых и епископом Евгением (Кобрановым).

Кириллов Петр Платонович, священник. Родился в 1899 в деревне Малый Едун Санчурской волости Яранского уезда. В 1926 — посвящен в сан диакона, служил в церкви села Шешурга. В 1929 — посвящен в сан священника епи-

скопом Сергием (Дружининым). Весной 1930 — арестован «за участие в массовом выступлении в селе», освобожден через две недели; летом 1930 — арестован «за контрреволюционную деятельность», освобожден из тюрьмы через три месяца. В 1932 — арестован в селе Шешурга и 14 августа 1932 — приговорен к 3 годам ссылки в Северный край. После освобождения из ссылки служил в Троицкой церкви села Кокшага Кикнурского района. Весной 1939 — арестован, 30 июля приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

Кислицын Василий Евлампиевич, крестьянин-единоличник. Родился в 1868 году в деревне Галкино Яранского уезда Вятской губ., где и проживал. 2 июля 1935 — арестован, содержался в Яранской тюрьме. 6 сентября 1935 — умер «от сердечной слабости и истощения».

Козьма (Трусов Василий Федосеевич), иеромонах. Родился в 1907 в деревне Дешкино Рязанского уезда. С 1923 — прислуживал пономарем в церкви Николая на Ильинке. С 1929 — келейник епископа Максима (Жижиленко) в Серпухове. В 1930 — пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха епископом Нектарием (Трезвинским) в Казани. Служил в Высоцком монастыре в Серпухове. 15 ноября 1930 — арестован как «активный участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ», 18 февраля 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Белбалтлаг. 15 мая 1939 — освобожден; в 1940-х — окормлял катакомбные общины в Тамбове, Мичуринске, Козлове. 8 марта 1950 — арестован в Тамбовской области, 7 октября приговорен к 25 годам ИТЛ и отправлен в Карлаг. В 1956 — освобожден из лагеря.

Коновалов Алексей Васильевич, священник. Родился в 1876 в крестьянской семье. С 1921 — диакон, в 1925 —

рукоположен во священника, служил в селе Черноземные Ключи Шабалинского района Нижегородского края. В январе 1932 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. После освобождения вернулся на родину. В 1937 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

Корнилов Алексей Корнилович, священник. Родился в 1881 в селе Сотниково Чебоксарского уезда Казанской губ. (ныне Мариинско-Посадский район РЧ). 13 декабря 1929 — приговорен в Чебоксарах к 3 годам концлагерей, отправлен в Котлас. В ноябре 1937 — арестован и осужден. Срок заключения отбывал в Молоотовске (ныне — Северодвинск), Архангельская обл. В 1941 — освобожден. 30 августа 1947 — приговорен в Чебоксарах к 5 годам ИТЛ. 20 июня 1952 — освобожден и взят на учет спецпоселенцев. 14 мая 1954 — снят с учета. 19 сентября 1955 — решение суда: освободить из-под стражи.

Косолапова Евдокия Федоровна, монахиня. Родилась в 1887 в деревне Васькино Санчурского уезда Вятской губ. в крестьянской семье. Пострижена в мантию, с 1930-х — находилась на нелегальном положении, связанная священника-нелегала Сергия (Мытикова). Весной 1945 — арестована как «участница антисоветского церковного подполья», 31 октября приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

Кропанев Павел Васильевич. Родился в 1904 в деревне Загарские Шарангского уезда Вятской губ. В 1940-х — не имел определенного места проживания и занятий, проживал на нелегальном положении. 3 июня 1942 — арестован как «участник контрреволюционной монархической организации церковников ИПЦ». 25 сентября 1942 — приговорен к ВМН, приговор изменен на 10 лет концлагеря.

Кунцевич Матрена Викентьевна. Родилась в 1879 в деревне Молчаны Виленской губ. Прихожанка Сретенской церкви в Полюстрово. 4 октября 1932 — арестована в Ленинграде по «церковному делу». 8 декабря 1932 — приговорена к 3 годам ссылки в Северный край.

Макарова Степанида Васильевна, монахиня. Родилась в 1884 в селе Вольное Войкино Самарской губ. Проживала в Казани, монахиня. 7 марта 1932 — арестована за «антиколхозную, религиозную агитацию». 28 октября 1932 — приговорена к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. 16 октября 1937 — арестована повторно за «восхваление монархического строя». 29 ноября 1937 — осуждена к 10 годам концлагерей. 23 июня 1941 — арестована в ИТК-5 (остров Свяжск) как «активная участница Тихоно-Кирилловского подполья». 31 августа 1941 — приговорена к ВМН. 2 января 1942 — расстреляна в Казани.

Мамаев Иван Степанович, священник. Родился в 1889 в селе Душкино Котельнического уезда (ныне Арбажский район) Вятской губ. В 1912 — посвящен в сан диакона, служил в церкви села Михайловское Тужинского района, затем в селе Великоречье Яранского района. В 1918 — рукоположен во священника и назначен в село Шешурга. С 1923 — на родине в Вознесенской церкви села Душкино Арбажского района. С 1928 — благочинный 2-го округа Котельнической епископии. 6 февраля 1930 — арестован как «организатор и участник конспиративных собраний, активно занимающийся антиколхозной агитацией». 26 мая 1930 — приговорен к 5 годам ИТЛ. В 1936 — вновь арестован и отправлен в Карлаг. В 1937 — арестован в лагере, 8 декабря приговорен к ВМН и расстрелян.

Мануйлова Лидия Евгеньевна. Родилась в 1874 в селе Лубяны Вятской губ., проживала в Казани. 27 июня

1931 — арестована. 5 января 1932 — осуждена к 3 годам ссылки в Севкрай.

Марков Авраам (Авраамий — церковное имя) Маркович. Родился в 1894 в деревне Сятракасы Ядринского уезда Казанской губ. (ныне деревня Сятра-Марги, Республика Чувашия). Крестьянин-единоличник. 30 августа 1947 — приговорен в Чебоксарах к 10 годам ИТЛ. 19 сентября 1955 — решение суда: освободить из-под стражи.

Мосунов Нестор Яковлевич. Родился в 1872 в деревне Бебенино Яранского уезда Вятской губ. Крестьянин-единоличник, церковный староста. 14 августа 1932 — осужден к 3 годам высылки в Северный край. 25 мая 1934 года — арестован, 29 июля освобожден. 27 марта 1937 — приговорен к ссылке на 5 лет в Казахстан.

Мышкин Николай Михайлович, священник. Родился в 1870 в слободе Кукарка Яранского уезда. Окончил Яранское духовное училище. Священник в Покровской церкви в Кукарке (после революции — село Советск). С начала 1928 — присоединился к епископу Виктору. В 1929 — епископом Нектарием назначен благочинным. В 1930 — судился за неуплаты самообложения, приговорен к штрафу. В 1932 — арестован и 14 августа 1932 — приговорен к 3 годам ссылки в Севкрай.

Нагорин Анатолий Никифорович, священник. Родился в 1890 в деревне Ибрай-Сода Ново-Торьяльского кантона Марийской области в крестьянской семье. Служил священником в селе Большой Шокшем Сернурского кантона. В 1931 — арестован, 14 декабря приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1934 — освобожден, поселился в деревне Малая Кильмезь, служил священником в местной церкви. 12 июля 1939 — арестован, осенью освобожден из тюрьмы, дело прекращено.

Никифор (Редькин Петр Феофилактович), иеромонах. Родился в 1893 в деревне Редькино Тужинского уезда Пермской губ. В 1917 — окончил фельдшерскую школу. В 1918 — мобилизован в Красную Армию в качестве фельдшера, попал в Колчаковскую армию. В 1930 — рукоположен епископом Нектарием. С 1932 — служил тайно. В апреле 1942 — арестован как «участник контрреволюционной монархической организации церковников ИПЦ». 22–25 сентября 1942 — приговорен к ВМН. 3 декабря 1942 — расстрелян.

Никонов Иван Владимирович, священник. Родился в 1872 в селе Великоречье Яранского уезда Вятской губ. в семье священника. Окончил Вятскую духовную семинарию. В 1921 — арестован за антисоветскую деятельность, приговорен к 3 годам ИТЛ условно. Священник в селе Шапта Кикнурского района Нижегородского края. С 1931 — благочинный Яранского округа. В 1932 — арестован по обвинению в том, что «руководил деятельностью церковно-монархической организации ИПЦ, вел активную контрреволюционную работу, преследуя конечной целью подготовку условий для свержения Советской власти». 14 августа 1932 — приговорен к 3 годам ссылки в Севкрай.

Огородов Михаил Александрович, священник. Родился в 1870 в деревне Борченки Котельничского уезда Нижегородского края. В 1925 — был под следствием, по суду оправдан. В 1930 — рукоположен епископом Нектарием. В 1932 — арестован в селе Останчурга Шарангского района Нижегородского края. Обвинялся в том, что, «войдя в состав церковно-монархической организации ИПЦ, являлся активом организации и вел активную контрреволюционную работу среди населения». 14 августа 1932 — приговорен к 3 годам ссылки в Севкрай.

Петр (Зверев Василий Константинович), архиепископ. Родился 18 февраля 1878. В 1919 — рукоположен во епископа Балахнинского, викария Нижегородского. В 1921 — арестован, позднее освобожден. С начала 1922 — епископ Старицкий, викарий Тверской. В 1922–1924 — в ссылке в Туркестане, с 1925 — в Воронеже. В ноябре 1926 — арестован, весной 1927 — отправлен в Соловецкий лагерь. 7 февраля 1929 — скончался.

Польский Михаил Афанасьевич, протопресвитер. Родился в 1891 в станице Ново-Троицкая на Кубани. В 1914 — окончил духовную семинарию в Ставрополе. С 1918 по 1920 — служил миссионером. В 1920 — посвящен в сан иерея, служил в храме свв. Петра и Павла у Преображенской заставы в Москве. 16 июля 1923 — арестован, 7 декабря приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1926 — освобожден из лагеря и выслан на 3 года в Усть-Сысольск Зырянского края. В 1928–1929 — бежал из ссылки, проживал на нелегальном положении. В конце 1930 — через Закавказье бежал в Персию, затем добрался до Иерусалима, состоял при Русской духовной миссии. 1934 — настоятель общины РПЦЗ в Бейруте. С 1938 — настоятель прихода в Лондоне. С 1948 — в США, где в 1960 — скончался. Автор церковных книг и статей.

Попов Яков Якимович. Родился в 1875 в селе Лом Яранского уезда Вятской губ. В 1927 — арестован, 19 декабря приговорен к 6 месяцам тюрьмы, по амнистии освобожден от наказания. 24 июля 1942 — арестован как «участник контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». 18 августа 1943 — дело прекращено в связи со смертью обвиняемого.

Попова Наталья Венедиктовна. Родилась в 1888 в деревне Комаровка Яранского уезда Вятской губ. Вдова.

27 марта 1937 — приговорена в Кирове к 3 годам заключения. Этапирована в Колымские лагера, где 2 сентября 1937 — расстреляна.

Попцов Василий, священник. Родился в 1887. В 1909 — окончил Вятскую духовную семинарию. До 1914 — служил псаломщиком; с 1917 — священник в селе Люмпанур. В 1931 — арестован за антисоветскую деятельность, приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен на строительство Беломорканала. С 1934 — священник в селе Роженцово Шарангского района; с 1936 — в селе Люмпанур. 26 сентября 1938 — арестован, 8 декабря 1938 — скончался во время следствия в стационаре Яранской тюрьмы.

Прахов Николай Семенович, священник. Родился в 1884 в селе Красное Никольского уезда Вологодской губ. В 1907 — окончил Вологодскую духовную семинарию. С 1908 — служил в Никольской церкви села Николаевское Шабалинского уезда. В 1932 — арестован в деревне Ваньки Шабалинского района Нижегородского края. Обвинялся в том, что, «войдя в состав церковно-монархической организации ИПЦ, вел по заданию организации контрреволюционную работу среди населения». 14 августа 1932 — приговорен к 3 годам ссылки в Севкрай.

Разгулин Иоанн Васильевич, священник. Родился в 1901 в деревне Русская Лиса Санчурского уезда Нижегородского края, работал кустарем. В 1930 — посвящен во иерея епископом Нектарием (Трезвинским) в Казани. В 1932 — арестован в деревне Русская Лиса как тайный священник. 14 августа 1932 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Севкрай. После освобождения продолжил тайное служение по деревням и селам, подрабатывая сапожником. В 1937 — арестован, 27 марта приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В середине 1950-х —

освобожден из лагеря, продолжил тайное служение. В конце 1970-х — скончался.

Ручин Иван Михайлович, священник. Родился в 1892 в деревне Белоусово Воздвиженского уезда Нижегородской губ. в крестьянской семье. В 1930 — рукоположен епископом Нектарием в Казани. 26 апреля 1931 — арестован как «участник нелегального монастыря "Викторовской ориентации", именующегося "ИПЦ"». 2 октября 1931 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. После освобождения служил тайно. В начале 1940-х — находился в поселке Кумском Заветлужского района. Осенью 1942 — арестован по групповому делу церковников. 27 января 1943 — приговорен к ВМН и 17 апреля расстрелян.

Санников Василий Иванович, крестьянин-единоличник. Родился в 1905 в деревне Малый Кулянур Кикнурского уезда Вятской губ. в крестьянской семье. Получил начальное образование. Крестьянин-единоличник, в 1940-х — скрывался от военной службы, находясь на нелегальном положении. 9 сентября 1942 — арестован как «участник контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». 18 августа 1943 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

Сергий (Мытиков Симеон Филиппович), игумен. Родился в 1872 в деревне Сет-Касы Ядринского уезда (Чувашия) в крестьянской семье. С 1898 — послушник Мироносицкой пустыни. В 1902 — пострижен в мантию, рукоположен во иеродиакона. В 1904 — рукоположен во иеромонаха, с мая служил казначеем пустыни. С 30 октября 1916 — настоятель Мироносицкой пустыни, с 14 июня 1917 — в сане игумена. С 1921 — служил в церкви села Уртминское Яранского уезда, с середины 1920-х — после закрытия пустыни проживал в Краснококшайске.

С 1926 — служил священником во Входо-Иерусалимской церкви. С 1928 — отказался служить в храмах, подчинявшихся митрополиту Сергию, служил по домам верующих. В 1932 — поселился в небольшом доме в Йошкар-Оле, где организовал тайную церковь и проводил там нелегальные богослужения. Трижды привлекался к следствию по подозрению «в антисоветской деятельности», но не был осужден. 30 августа 1945 — арестован как «активный организатор и идейный руководитель антисоветского церковного подполья», 31 октября приговорен к 10 годам ИТЛ. 30 ноября 1945 — скончался во внутренней тюрьме Кирова.

Соколов Александр Иванович, священник. Родился в 1873 в селе Прокопьевское Шабалинского района Нижегородской области. С 1905 — диакон, с 1920 — священник. В 1932 — арестован и приговорен к 3 годам ссылки.

Стародубцев Иван Савватеевич, священник. Родился в 1886 в селе Петровское Яранского уезда Нижегородского края. Лишен избирательных прав. В 1932 — арестован в селе Иж Пижанского района Нижегородского края. Обвинялся в том, что «руководил деятельностью церковно-монархической организации ИПЦ, вел активную контрреволюционную работу, преследуя конечной целью подготовку условий для свержения Советской власти». 14 августа 1932 — приговорен к 3 годам ссылки в Севкрай.

Стефан (Знамеровский Николай Иванович), архиепископ. Родился в 1879 в Ирбите. В 1904 — окончил Казанскую духовную академию, преподавал в Пермской духовной семинарии. С июня 1919 — в Омске, рукоположен там во священника. В 1924 — пострижен в монаха с именем Стефан, рукоположен во епископа Шадринского, викария Екатеринбургской епархии. В 1926 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и в 1927 — отправлен в Казань.

В сентябре 1927 — не принял назначение на Калужскую кафедру. В июне 1928 — митрополитом Сергием уволен на покой с запрещением в священнослужении. Вскоре восстановил общение с митрополитом Сергием и в апреле 1929 — получил назначение на Вятскую кафедру. В апреле 1930 — арестован в Вятке, приговорен к 3 годам ИТЛ. В 1933 — после освобождения назначен епископом Ульяновским, затем Вологодским. В 1935 — арестован, приговорен к 5 годам ссылки в Северный край. В 1938 — арестован в Сыктывкаре, приговорен к 3 годам ИТЛ. В июне 1941 — освобожден, но через два месяца вновь арестован, приговорен к ВМН. 18 марта 1942 — расстрелян.

Стрельников Михаил Ипполитович, священник. Родился в 1876 в селе Верхоижское Яранского уезда Вятской губ. Окончил Вятскую духовную семинарию. В 1931 — был под следствием. В 1932 — арестован в селе Ефименки Арбажского района Нижегородского края. Обвинялся в том, что «руководил деятельностью церковно-монархической организации ИПЦ, вел активную контрреволюционную работу, преследуя конечной целью подготовку условий для свержения Советской власти». 14 августа 1932 — приговорен к 3 годам ИТЛ.

Сурина Маргарита Петровна, монахиня. Родилась в 1866 в Казани, монахиня Казанского монастыря. 27 июня 1931 — арестована. 5 января 1932 — осуждена к 3 годам ссылки в Севкрай.

Сухоруков Сергей Петрович, священник. Родился в 1895 в деревне Шаныриха Васильсурского уезда Нижегородского края. Служил в царской армии унтер-офицером. С 1923 — диакон, а с 1924 — священник в селе Кумья Казанской епархии. Летом 1928 — прекратил помянуть епископа Афанасия и прервал общение с ним и митрополитом Сергием.

Переехал в село Чернушка, затем в Шешургу Тужинского района, поминал епископа Виктора. С января 1930 — в селе Лом Яранского района. В 1930 — арестован за отказ от лесных работ, приговорен к 2 годам концлагеря и 3 годам высылки, но приговор не был утвержден. В марте 1931 — в шести верстах от села Кумья в лесу выкопал пещерку, где устроил тайную церковь. С весны 1932 — после обнаружения и разорения церкви служил в разных местах в лесах и по домам. Летом 1932 — арестован и 14 августа приговорен к 3 годам ИТЛ. После освобождения проживал в селе Старая Рудка Шарангского района и служил в Богоявленской церкви, поминая епископа Нектария. 4 декабря 1937 — арестован, 3 ноября 1938 — приговорен к 5 годам ИТЛ. 20 апреля 1942 — скончался в лагере.

Сухорукова Мария Николаевна, жена священника Сергия Сухорукова. Родилась в 1899 в селе Кумья Козьмодемьянского района. В 1932 — арестована и проходила по одному делу с мужем, зачтен срок предварительного заключения, освобождена. С 1935 — после возвращения из лагеря мужа-священника помогала ему во время нелегальных богослужений в тайных церквях в домах верующих. 11 февраля 1938 — арестована как «участница контрреволюционной церковно-монархической организации "Тайная церковь"», 3 ноября приговорена к 5 годам ИТЛ.

Тепляков Федор Леонтьевич. Родился в 1891 в деревне Старожилово Тамбовского уезда. С 1919 — в армии, с 1921 — странствовал. В 1929 — пострижен в монашество архимандритом Варсонофием (Никитиным). В 1930 — рукоположен во иеромонаха епископом Василием (Докторовым). В 1931 арестован и приговорен к 3 годам ИТЛ.

Терехов Петр Алексеевич, священник. Родился в 1882 в деревне Большой Шодом Кикнурского уезда. Слу-

жил в церкви села Нежнур Шарангского района Нижегородской области. 14 августа 1932 — приговорен к 3 годам ссылки в Севкрай. В 1935 — освобожден из ссылки, перешел на нелегальное положение. Осенью 1937 — арестован, 29 октября 1938 — приговорен к ВМН и расстрелян.

Трифиллий (Морозов [мирское имя неизвестно] Григорьевич), иеромонах. Родился в 1897 (по другим данным в 1891) в селе Протасово Лукояновского уезда Нижегородской губ. С 1909 — в Троице-Сергиевой лавре, с 1919 — в селе Марийская Лиса Санчурского района. В 1930 — рукоположен в Яранске епископом Серафимом (Трофимовым), затем присоединился к епископу Нектарию и был направлен в село Неделька Марийской области. В 1931 — арестован в Йошкар-Оле, 14 декабря приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг. В 1934 — после освобождения служил в Казанской церкви села Кугушерга Яранского района, с апреля 1937 — в храме св. Василия Великого в селе Большая Рудка Шарангского района. 10 октября 1937 — арестован, 9 декабря 1937 — приговорен к ВМН и 3 января 1938 — расстрелян.

Толстикова Александра Поликарповна, монахиня. Родилась в 1883 в деревне Чулки Арбажской волости Котельничского уезда. В 1930-х — проживала в селе Караванное Тужимского района, служила псаломщицей в местной церкви. 21 мая 1934 — арестована по обвинению «в контрреволюционной деятельности», 14 августа освобождена в силу преклонного возраста, дело прекращено из-за недостаточности улик. 23 июля 1942 — арестована как «участница контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ», проходила по делу с архимандритом Варсонофием (Никитиным). 18 августа 1942 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в лагерь. В середине 1950-х, возможно, вернулась в село Караванное.

Тумбасов Александр Иванович, священник. Родился в 1902 в Яранске. С 1921 — служил псаломщиком в селах Салобеляк, Энгенер, с 1927 — в селе Лум Яранского района. В 1929 — рукоположен во священника епископом Нектарием. Служил в селах Кресты и Табашино Оршанского района Марийской АССР. В 1931 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Осиновское отделение Сиблага. В лагере арестован и привлечен к следствию вместе с епископами Амфилохием (Скворцовым) и Иоасафом (Удаловым), протоиереем Андреем (Бойчуком), архимандритами Клавдием (Савинским) и Львом (Егоровым). Приговорен к увеличению срока наказания на 2 года. Весной 1936 — освобожден, служил в церкви села Кресты, с конца 1936 — в Казани по домам. В 1945 — арестован, приговорен к ВМН, затем приговор изменен на 10 лет заключения. 12 июля 1946 — скончался в заключении в поселке Нижнее Мошево Соликамского района Пермской области.

Федоровский Николай Порфирьевич, священник. Родился в 1866 в Ревеле в семье капитана 2-го ранга. Окончил реальное училище. Служил в селе Копанки Воскресенского района Нижегородского края. В 1927 — прервал общение с митрополитом Сергием и служил в своей домашней церкви. В 1930 — перенес ее с прихожанами в глухой лес. 26 апреля 1931 — арестован как «участник нелегального монастыря "Викторовской ориентации", именующегося "ИПЦ"». 2 октября 1931 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Севкрай.

Филиных Петр Прокопьевич. Родился в 1904 в деревне Зыбенки Кикнурского уезда Вятской губ. В 1931 — арестован, приговорен к 8 годам ИТЛ и отправлен в Усольлаг, откуда в 1936 — бежал и вернулся домой, проживал на нелегальном положении. 3 июня 1942 — арестован как «участник контрреволюционной монархической организации церковников ИПЦ». Расстрелян 3 декабря 1942 года.

Фокин Иван Иванович, священник. Родился в 1867 в селе Корляки Санчурского уезда. Окончил Вятскую духовную семинарию, затем два курса медицинского факультета в Москве. В 1889 — рукоположен во священника, с 1897 — служил в Покровском храме села Падерино, был заведующим церковно-приходской школы и земского училища. В 1921 — арестован, «за переписку контрреволюционного характера», приговорен к одному году лишения свободы, освобожден по амнистии. 15 октября 1929 — арестован и выслан в Северный край. В 1934 — скончался в ссылке.

Хорикова Евдокия Васильевна, монахиня. Родилась в 1886 в деревне Катанур Яранского уезда Вятской губ. в крестьянской семье. Получила начальное образование. Пострижена в мантию, с 1930-х — находилась на нелегальном положении. В 1943 — архимандритом Сергием (Мытиковым) направлена на тайное служение в деревни и села Кировской области. Весной 1945 — арестована как «участница антисоветского церковного подполья», 31 октября приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в лагерь

Щербинин Платон Никандрович, иеромонах. Родился в 1867. С 1891 — в Филейском Александро-Невском монастыре. В 1921 — посвящен в священство в Вятке епископом Виктором (Островидовым). С 1924 — служил в Черновском районе Нижегородского края. В 1932 — арестован и приговорен к 3 годам ссылки в Северный край.

Юдинцев Александр Карпович, диакон. Родился в 1900 в деревне Малое Гусево Яранского уезда Вятской губ. В 1930 — рукоположен епископом Нектарием. В 1932 — арестован в Вятке, 14 августа приговорен к 3 годам ссылки в Северный край. В 1937 — арестован в Кирове, 27 марта приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен на Колыму. 3 февраля 1938 — приговорен к ВМН и 7 февраля расстрелян.

Яковлева Фекла Яковлевна, монахиня. Родилась в 1876 в деревне Новые Маеи Канашского района Чувашии. 10 октября 1946 — арестована как участница «религиозной группировки ИПЦ». В 1947 — приговорена к 6 годам ИТЛ.

Яндулецкий Симеон Иванович, священник. Родился в 1886 году в деревне Алеёво Ронгинского уезда. В 1908–1912 — на военной службе, унтер-офицер. С 1914 — на фронте командиром взвода и старшим в команде разведчиков в 41-м Сибирском стрелковом полку. С января 1918 — занимался сельским хозяйством в деревне Алеёво. В 1929 — рукоположен епископом Нектарием. 14 августа 1932 — осужден на 3 года ссылки в Северный край, откуда бежал. В 1934 приговорен в Кирове к 3 годам концлагеря. В 1937 — вернулся на родину, помогал священникам в селах Яранского района. В 1938 — перешел на нелегальное положение, служил тайно. 25 сентября 1942 — осужден в Кирове к ВМН. 3 декабря 1942 — расстрелян.

Ставленники епископа Яранского Нектария (Трезвинского), известные на сегодня

1925 год

Усольцев Алексей Васильевич — иерейская хиротония в Яранске.

1929 год

Архимандрит Варсонофий (в миру — Никитин Иван Прокопьевич) — получил письменное подтверждение о возведении в архимандриты в июне месяце⁴⁰⁹.

Безденежных Иоанн Степанович — диаконская хиротония в июне месяце, 2 февраля 1930 — иерейская.

---

⁴⁰⁹ Фактически возведен в 1921 году Андронником (Богословским), епископом Спасским, викарием Казанским.

Огородов Михаил Александрович — диаконская и иерейская хиротонии, последняя совершена 23 марта⁴¹⁰.

Диакон Тумбасов Александр Иванович — рукоположен во священника.

Яндулецкий Симеон Иванович — диаконская и иерейская хиротонии в декабре месяце.

Винокуров Николай Иванович — рукоположен во священника⁴¹¹.

Трусов Василий Федосеевич — монашеский постриг с именем Козьма и диаконская и иерейская хиротонии (декабрь 1929 — январь 1930).

1930 год

Иеромонах (с 1931 — архимандрит) Иннокентий (в миру — Куледин Игнатий Арсентьевич) — награжден набедренником.

Священник Лагунов Алексей Алексеевич — награжден наперсным крестом (1929–1930).

Иеромонах Щербинин Платон Никандрович — награжден наперсным крестом.

Разгулин Иоанн Васильевич — диаконская и иерейская хиротонии в марте месяце.

Диакон Задворных Иоанн Андреевич — иерейская хиротония в апреле месяце.

Ожиганов Димитрий Михайлович — диаконская хиротония в апреле месяце.

Диакон Кочешков Николай Александрович — иерейская хиротония в июне / июле месяце.

Ручин Иван Михайлович — диаконская и иерейская хиротонии, последняя — 7 июля.

---

⁴¹⁰ Здесь и далее точная дата хиротонии — согласно показаниям ставленников владыки, стиль не указан.

⁴¹¹ Дата неизвестна.

Жарехин Василий Васильевич — диаконская хиротония 14 июля.

Монах Савва (в миру — Аверьянов Степан Николаевич) — рукоположен во иеродиакона в июле месяце.

Вещев Иван Васильевич — диаконская хиротония летом.

В 1930 году были также рукоположены:

Диакон Новинский Серафим Григорьевич — во иерея (в 1-й половине года);

Монах Петр (в миру — Редькин Никифор Феофилактович) — во иеродиакона и иеромонаха;

Туголесов Борис Александрович — во диакона;

Диакон Фаворский Василий Ильич — во иерея;

Юдинцев Александр Карпович — во диакона.

Библиография

Архивные источники

Архив Комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской и Марийской епархии РПЦ:

Следственное дело священника Андриевского Д. А. и др. 1929–1930 годов.

Следственное дело священника Тумбасова А. И. и др. 1945 года.

Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области:

Архив УФСБ РФ по СПб. и ЛО. Д. П–40195.

Архив УФСБ РФ по СПб. и ЛО. Д. П–78806.

Архив Управления ФСБ РФ по Республике Татарстан:

Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2–18199.

Архив ФСБ РФ по РТ. Ф. 1086. Оп. 2. Д. 4307.

Архив УФСБ РФ по РТ. Ф. 1086. Оп. 11. Д. 78.

Государственный архив социально-политической истории Кировской области:

ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ–3673

ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ–3704.

ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ–3925.

ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ–3930.

ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 4. Д. СУ–4822.

ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 1. Д. СУ–125.

ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. СУ–8771.

- ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. СУ-9012.
ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. СУ-9215.
ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10210.
ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10267.
ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-4947.
ГАСПИ КО. Ф. 6799. Д. СУ-7036. Дело Редькина, Яндулецкого и др <угих>. 1942 год.
ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10292.

Государственный архив Российской Федерации:

- ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Выписки из журналов Архиепископского Синода, переписка с Патриархом Московским Тихоном, митр. Евлогием и другими о положении Православной Церкви в Советской России.
ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Дело митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1927-1928 гг. Китеж, 1929 год.
ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52234. Дело по обвинению Виноградова А. Ф., Ремизова С. М. и др.
ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 48805.

Государственный исторический архив Чувашской Республики:

- ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117.
ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д-4122.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга:

- ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 269.

Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 18393 (1931).

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации:

- ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Следственное дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"» 1930-1931 годов.

Использованная литература

Акты Святейшего Патриарха Тихона, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной

- власти, 1917–1943 // Сост. М. И. Губонин. — М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт: Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994.
- Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2010.
- Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг.: в 2 кн. Кн. 1. М. — Новосибирск, 1997.
- Архимандрит Феодосий (Алмазов)*. Мои воспоминания. (Записки соловецкого узника). — М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997.
- Антонов. В. В.* Петроград-Ленинград 1920–1930-е. Вера против безбожия. — СПб.: Лики России, 2011.
- Важное письмо митрополита Кирилла / Публ. В. В. Антонова // Русский пастырь. Сан-Франциско, 1994. № 2 (19).
- Заволжский летописец. 1917. № 24.
- Заволжский летописец. 1917. № 22.
- Вестник военного духовенства. СПб., 1915. № 2.
- Воспоминания соловецких узников. 1923–1939. — Т. 2: 1925–1928. — Соловки: Спасо-Преображенский монастырь, 2014.
- Вятский епархиальный вестник. 2009. № 8.
- Вятский исповедник: Святитель Виктор (Островидов). — М.: Братонеж, 2010.
- Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. — Кн. 6. — Тверь: Булат, 2002.
- Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского // Авт.-сост. А. В. Журавский. — М.: Издание Средненского монастыря, 2004.
- Зайцев И. М.* Соловки (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти). — Шанхай: Слово, 1931.
- И врата адовы не одолеют Ее / Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 3.
- Иеромонах Нестор (Кумьш)*. Новомученики Санкт-Петербургской епархии. — СПб.: Сатис, 2003.
- Из тьмы забвения: Книга памяти жертв политических репрессий. 1918–1986. — Т. 4: РФ, Астраханская обл. — Астрахань, 2008.

- Инокния Татиана*. Новомученик Нектарий (Трезвинский), епископ Яранский // Православная жизнь. 1997. № 2.
- Кифа — Патриарший местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). — М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.
- Лебедев Лев, протоиерей*. Границы Церкви. Сентябрь 1996 // Православное обозрение. СПб., 1998. № 2.
- Лихачев Д. С.* Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. Т. 1. — СПб.: Изд-во «АРС», 2006.
- Мазырин Александр, иерей*. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2006.
- Мазырин А. В.* Легализация Московской патриархии в 1927 году: Скрытые цели власти // Отечественная история. 2008. № 4. С. 122.
- Мазырин А.* Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава "правой" церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. — Вып. 11. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2003.
- Мазырин А. В.* Следственное дело "Всесоюзной организации ИПЦ" как источник по новейшей истории Русской Православной Церкви // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2002 г. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2002.
- Мальсагов С. А.* Адский остров. Советская тюрьма на далеком севере // Воспоминания соловецких узников. 1923–1939. — Т. 1. — Соловки: Спасо-Преображенский монастырь, 2013.
- Митрополит Иоанн (Снычев)*. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия: григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие. Их особенность и история. — Самара, 1997.
- Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. О. В. Косик. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2009.
- Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви / Сост. игумен Дамаскин (Орловский). — Кн. 6. — Тверь: Булат, 2002.
- Осипова И. И.* Сквозь огонь мучений и воду слез...: Гонения на Истинно-Православную Церковь. — М.: Серебряные нити, 1998.

- Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. № 1.
Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). —
Кн. 1. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.
- Польский Михаил, протопресвитер.* Новые мученики Россий-
ские: в 2 ч. — Ч. 1. — Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг.
(Джорданвилль). — М.: Светлячок, 1994.
- Протопресвитер Г. Шавельский.* Воспоминания последнего
протопресвитера русской армии и флота. — М.: Крутиц-
кое подворье, 1996.
- Расстрел Московского Кремля. 27 октября — 3 ноября
1917 года // Вернувшийся домой: Жизнеописание и сбор-
ник трудов митрополита Нестора (Анисимова). — Т. 1. —
М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитар-
ного ун-та, 2005.
- Послания и письма свят. Нектария // Православная жизнь.
1997. № 2.
- Прот. Алексей Сухих.* Яранский чудотворец // Вятский епар-
хиальный вестник. 1996. № 7.
- Прот. Николай Чуков.* Один год моей жизни. Страницы из
дневника / Публ. В. В. Антонова // Минувшее: историче-
ский альманах. — Т. 15. — М. — СПб., 1994.
- Резникова И. А.* Православие на Соловках. — СПб.: НИЦ "Ме-
мориаЛ", 1994.
- Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1713–2013. —
Т. 3: 1917–2013 / Михаил Шкаровский. — СПб.: Свято-
Троицкая Александро-Невская Лавра, 2013.
- Седерхольм Б. Л.* В разбойном стане. Три года в стране кон-
цессий и "чеки". 1923–1926. — Рига, 1934.
- Свинцова Л. М.* Летопись Троицкой церкви с<ела> Русские
Край. Рукопись.
- Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. —
М.: Братонез, 2008.
- Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский. Жиз-
неописание и труды. — СПб.: Кифа — М.: Братонез,
2011.
- Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий Кар-
гопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служе-
ние иосифлян. — М.: Братонез, 2009.
- Священномученик Сергей Знаменский. — Кашира: Светоч,
2004.

- Священник Михаил.* Положение Церкви в Советской России. Иерусалим, 1931 — СПб., 1995. — (Приложение к православному журналу "Возвращение").
- Солженицын А. И.* Архипелаг Гулаг. — Т. 1. — М.: Новый мир, 1990.
- Тайной Церкви ревнитель. Епископ Гурий Казанский и его сомолитвенники. — М.: Братонез, 2008.
- "Тайный" епископ Серпуховской Максим (Жижиленко). Сподвижники его и сострадалцы. Жизнеописания и документы. — М.: Братонез, 2014.
- Три письма из лагеря священномученика Нектария, епископа Яранского / Публ. В. В. Антонова // Русский пастырь. 1998. № 1 (30).
- Ширяев Б. Н.* Неугасимая лампада. — М., 1991.
- Шкаровский М. В.* Судьбы иосифлянских пастырей. — СПб.: Сатис, 2006.
- Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) / Публ. и прим. Н. А. Кривошеевой и А. В. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 8. М.: ПСТВИ, 2001.
- Знамя коммунизма (Яранск). 1987. 23 июня. № 78 (9564). — URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/57635.htm>.
- Из истории Воздвиженского (Домнушкина) монастыря / В. А. Толстогузова, учитель краеведения МОУ ООСШ м. Знаменка, филиал ООШ с. Лом. — URL: <http://biblioteka-67.ucoz.ru>.
- Керсновский А. А.* История Русской армии. — URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html>.
- Преподобный Матфей, Яранский чудотворец. К 15-летию прославления / Публ. подгот. свящ. Алексии Веретельников. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/57635.htm>.
- Пронин Александр.* Гибель русской гвардии. 1916 год: сражение на Стоходе // Столетие. Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы. 24 сентября 2014. — URL: http://www.stoletie.ru/voyna_1914/gibel_russkoj_gvardii_357.htm.

Именной указатель

- Аввакум (Боровков), епископ 294
- Авраамий (Дернов), епископ 76, 479
- Авраамий (Кочев), иеромонах 364, 571
- Агафангел (Преображенский), митрополит 233, 238, 239
- Алебашин В. Г. 551, 553, 563, 568
- Александра (Толстикова), монахиня 413, 433, 435, 594
- Алексий (Буй), епископ 267, 276, 313, 495
- Алексий (Симанский), епископ, митрополит 176, 223
- Анастасия (Федотова), монахиня 293, 294
- Андреевский И. М. 201, 202
- Андрей (Ухтомский), архиепископ 46, 48, 51, 52, 241, 289–291, 294
- Андриевский Диомид, иерей 352, 353, 360, 571
- Аничков И. Е. 530, 533
- Антипина О. 286, 288
- Антипина Е. 286, 288
- Антоний (Панкеев), епископ 196
- Антонин (Грановский), епископ 481
- Антонов В. В. 74, 221, 229, 237, 314
- Арсений (Сокольников), иеромонах 112–114
- Афанасий (Малинин), епископ 209, 218, 224, 225, 228, 232, 250, 254, 572
- Афанасий (Сахаров), епископ 226, 322
- Бажин И. В. 419
- Балыбердин А. М. 569
- Башмаков Г. А. 548, 567
- Безденежных Иоанн, иерей 357, 381, 572, 598
- Безжелезных В. Г. 114
- Березин В. И. 373
- Береснев Н. А. 419
- Бессонов Василий, иерей 399–401, 502, 573
- Блинов Д. П. 77

- Борзаев П. И. 513, 523
Брусилов А. А. 32–34
- Васенев Лукиан, иерей 299, 352–355, 430, 574
Василий (Докторов), епископ 267, 331, 381
Василий (Зеленцов), епископ 185–188, 196, 574
Варсонофий (Никитин), архимандрит 365, 366, 387–390, 413, 429, 430, 435, 573
Введенский Александр, протоиерей 213, 480, 482
Венедикт (Плотников), епископ 70–72, 74
Вениамин (Казанский), митрополит 56–61, 63, 68–70
Вениамин (Троицкий), епископ 293, 294, 574
Вера (Меркулова), игуменья 340
Верхорубова А. Я. 355, 459, 575
Вершинина М. А. 460
Верюжский Василий, протоиерей 73
Вещев Иван, диакон 303, 404–406, 599
Виктор (Островидов), епископ 8, 9, 17, 61, 62, 76, 204–210, 218, 233, 244, 248, 266, 320, 328, 330, 331, 334, 335, 342, 359, 365, 367–370, 375, 396, 411, 429, 479, 488, 495, 504, 505, 548, 564, 565, 567
Виноградов А. Ф. 337–342
Виноградов В. П., протопресвитер 168
- Винокуров Николай, иерей 331, 357–362, 381, 575, 598
Вишинский Михаил, протоиерей 16, 18
Владимир (Пуссет), архимандрит 229
Войков (Вайнер П. Л.) 180
Волокитин Аркадий, иерей 264, 286–293, 295, 575
Волокитина М. А. 291, 292
Воронцова А. Е. 460
Воронцова М. Ф. 460
Вохминцева В. И. 461
- Гавриил (Абалымов), епископ 139
Галахов Иаков (Яков), протоиерей 230, 231, 260–262, 279, 491
Галахов Н. Я. 231, 254, 260–263, 277, 278
Галицкий Михаил, иерей 238, 576
Галицкий Петр, иерей 369, 375, 376, 576
Ганичев И. Н. 347, 348
Гермоген (Долганов или Долганёв), епископ 53, 54
Гладышев М. Т. 460
Гладышева Т. М. 460
Голованова Е. И. (в монашестве Антония) 406–409, 441–445, 447, 448, 451–462, 576
Голохвастов Антоний, иерей 113, 114
Григорий (Лебедев), епископ 70–72
Григорий (Яцковский), архиепископ 165

- Губонин М. И. 157, 183
Гурий (Павлов), иеромонах,
епископ 290–297, 577
- Дамаскин (Цедрик), епископ
225, 232, 236, 577
- Деникин А. И. 40, 45
Димитрий (Ковальницкий),
архиепископ 492
- Димитрий (Любимов), архи-
епископ 199, 200, 204,
223, 233, 241, 266, 269–
276, 283, 380, 429, 488,
495
- Добронравов М. А. 22
Дремин В. М. 396, 576
Дремин И. 322
Дремина Е. 322
- Евгений (Зернов), архиепископ
147, 196, 576
- Евдоким (Мещерский), архи-
епископ 481
- Евдокия (Хорикова), монахиня
311, 448, 450, 459, 596
- Едемский-Своеземцев Евлам-
пий, иерей 234, 252, 279,
280
- Екатерина (Князева), монахи-
ня 71
- Емельянов Александр, иерей
477, 552, 553, 570
- Ефросиния (Батеева), монахи-
ня 295, 572
- Жарехин Василий, диакон 403,
599
- Желудина А. А. 564
Жуков И. Н. 433
Жукова К. Н. 322
Журавлева Е. П. 438
- Журавлева М. И. 347
- Загуляев П. А. 419
Загуляев Ф. Ф. 418, 419
Зайцев И. М. 125–127, 133,
134, 142–144
Зайцев Я. Е. 433
Зарницына А. В. 460
Зарницына Е. П. 461
Знаменский Иоанн, протоие-
рей 22
Знаменский Сергей, протоие-
рей 76–79, 94–101, 464,
467, 578
Золотарев И. П. 416, 417, 427,
428, 440, 579
- Игнатий (Садковский), епи-
скоп 145
Игнатъев Димитрий, иерей
454
Игнатъев Никита, иерей 9, 364,
383, 401, 407–409, 442–
462, 505
Иерофей (Афонин), епископ
266, 276, 313, 495
Иларион (Бельский), епископ
198, 202–204, 234, 235,
238, 489, 490
Иларион (Троицкий), архиепи-
скоп 137–141, 145, 155,
156, 162, 183, 195, 205,
579
Иннокентий (Куледин), архи-
мандрит 331, 362, 580
Иннокентий (Ястребов), епи-
скоп 51
Иоанн Златоуст, святитель 85,
320, 321, 486, 509
Иоанн (Снычев), митрополит
184, 193

- Иоасаф (Рогозин), архиепископ-обн. 120, 479, 485
Иоасаф (Удалов), епископ 225, 227, 257, 262–264, 278, 280, 390, 391, 581
Иосиф (Петровых), митрополит 8, 191, 204, 233, 251–253, 269–275, 334, 424, 495
Иувеналий (Масловский), епископ 126
- Калиновский Сергей, иерей 481
Касьянов Афанасий, диакон 374, 375, 380, 430, 581
Касьянов И. И. 435, 582
Керенский А. Ф. 43–45, 47, 48
Керсновский А. А. 28–32, 35–37, 40–43
Кирилл, в схиме Макарий (Васильев), епископ 72
Кирилл (Смирнов), митрополит 207, 224–256, 259–262, 279, 289, 391, 491, 495, 582
Кириллов Петр, иерей 279, 582
Кислицин А. Т. 540, 541
Кислицин И. К. 535, 538, 540, 541, 544
Кислицин И. П. 535, 536–539, 544
Кислицина А. Е. 541
Кислицын В. Е. 346–350, 583
Кислицына А. А. 347
Князева А. П. 461
Коверда Б. 180
Кожина А. Е. 461
Козлов А. И. 111
Козлова Е. А. 460
Козлова Е. С. 460
Козьма (Трусов), иеромонах 10, 382, 383, 583, 598
Коллонтай А. 55, 56, 60
Коновалов Алексей, иерей 340–344, 538
Коновалов Я. Ф. 114
Корнилов Алексей, иерей 297, 520, 584
Корнилов Л. Г. 43–45, 47, 48
Королев О. В. 552, 568
Королев И. О. 551, 553, 554, 559, 566–568
Косик О. В. 168, 226
Косолапова Е. Ф. 460, 584
Костров М. 565
Костырев Моисей 96
Красницкий Владимир, иерей 480
Кропанев П. В. 412, 414, 418, 439, 584
Кузнецов А. М. 77
Кузнецов А. Ф. 77
Кузнецов В. Т. 552–554
Кузнецов С. А. 117
Кузьминых К. И. 374
Кузьмичев В. Т. 569
Кукарников Александр, иерей 525
Кунцевич М. В. 275, 585
- Лебедев Александр, протоиерей 71, 72
Лебедев Лев, протоиерей 181
Лебедев М. С. 77
Ленин В. 44, 45, 210
Лешухин Ф. И. 455
Лихачев Д. С. 203
Львов В. 44
Лутошкин В. Ф. 77
Люблин Алексей, иерей 358

- Мазырин Александр, иерей
168, 178, 213, 221, 248–
250, 265
- Максим (Жижиленко), епи-
скоп 10, 174, 266, 267,
276, 277, 313, 382, 495
- Малкова Е. И. 332
- Мальсагов С. А. 133
- Малых Иоанн, иерей 377–380
- Мамаев Г. Т. 535, 536, 540,
541, 544
- Мамаев Д. С. 535–537, 539–
541, 545
- Мамаев И. М. 535, 541, 543, 544
- Мамаев Иоанн, иерей 378,
379, 388, 405, 507, 535–
544, 585
- Мамаев М. У. 535–537, 539–
544
- Мамаев П. Ф. 535, 536, 541,
544, 545
- Мамаев С. С. 535–537, 539–
543, 545
- Мамаева Д. У. 535, 536, 540,
541, 544
- Мамаева Е. Д. 535, 539–541,
544
- Мануил (Лемешевский), епи-
скоп 70, 71, 194, 201
- Мануйлова Л. Е. 528, 585
- Маракулин Аркадий, иерей 139
- Маргарита (Сурина), монахиня
525, 528, 592
- Мария (Березина), монахиня
311, 448, 450, 459, 572
- Мария (Преображенская), мо-
нахиня 285, 528
- Марков А. М. 299, 302, 305,
512, 513, 516, 519, 523
- Матфей (Храмцов), епископ
177
- Матфей (Швецов), старец 107–
119, 504
- Мельхиседек (Паевский), епи-
скоп 177
- Мещерский Н. А. 71
- Минеев Николай, иерей 80–82,
120
- Митрофан (Гринев), епископ 139
- Молотов Иван Сергеевич 552,
565, 569
- Мордвинцев 86, 90, 93
- Мосунов Н. Я. 219, 305, 308,
320, 396–399, 405, 505,
586
- Мотовилов Ф. М. 346–350
- Мухина Е. Д. 460
- Мышкин Николай, протоиерей
369, 373, 374, 388, 586
- Мягчилова А. И. 460
- Нагорин Анатолий, иерей 362,
586
- Немихин В. К. 460
- Несмелов В. И. 209–211, 255,
257–259, 263, 264, 278
- Несмелов Леонид, иерей 369,
375
- Нестор (Анисимов), епископ
49–51
- Нестор (Кумыш), игумен 26
- Николай II, император 31,
412, 421
- Никифор (Редькин), иеромо-
нах 303, 389, 401, 405–
414, 428–440, 507, 586
- Николай (Ярушевич), архи-
епископ 69, 73, 223
- Никонов Иоанн, иерей 369,
373, 374, 587
- Никонов-Сморodin М. З. 196,
197

- Новоселов М. А. 191, 192, 194, 269, 270, 274
- Огородов Михаил, иерей 381, 587, 598
- Ожиганов Николай, иерей 349, 350
- Ожиганова М. В. 461
- Охотникова И. В. 76, 77
- Охотников Л. П. 460
- Ошаев Я. С. 306
- Павел (Борисовский), архиепископ 76, 479
- Панов М., иерей 477
- Панфилов С. Т. 284
- Пекло Серафим, иерей 348, 349
- Петр (Зверев), архиепископ 196–198, 587
- Петр (Полянский), митрополит 157, 165, 206, 238–242, 289, 495
- Питирим (Крылов), епископ 503, 508
- Питирим (Крылов), игумен 148
- Платон (Щербинин), иеромонах 376, 596, 598
- Прокопий (Титов), епископ 55
- Полушин Е. И. 305, 307, 308, 405, 430
- Полушин Я. 361
- Польский Михаил, протопресвитер 137, 145–148, 155, 156, 159–167, 169–175, 182, 183, 189, 190, 195, 212–217, 281, 391, 588
- Поляков А. Г. 10, 85, 123, 486
- Попов Г. В. 452
- Попов Иоанн, иерей 369, 375
- Попов И. В. 147
- Попов Я. Я. (А) 114, 435, 588
- Попова Н. В. 407, 506, 507, 588
- Попцов Василий, иерей 330–332, 346, 358, 360–362, 373, 588
- Порохина А. Р. 460
- Прахов Николай, иерей 376, 589
- Прилипин А. Е. 551, 559, 563, 568
- Пронин Александр 33, 35
- Протасов Иоанн, иерей 448
- Прохоров П. Н. 65
- Пупышев Иван, иерей 467
- Разгулин Иоанн, иерей 332, 371, 381, 401, 406–408, 589
- Разгулина А. В. 461, 507
- Рафаил (Гумилевский), епископ 139
- Редькин Федор Иванович 552, 566, 568
- Резникова И. А. 141, 197
- Ретин Егор Васильевич 552, 553, 569
- Рождественский Измаил, иерей 266
- Рождественский Михаил, иерей 448
- Романов П. М. 416
- Русанов П. В. 452
- Ручин Иоанн, иерей 386, 387, 430, 431, 459, 549–555, 558, 564, 566–568, 589
- Рыжкова А. 343, 344
- Рыжакова П. Е. 461
- Санников В. И. 435, 590
- Свинцова Л. М. 400

- Седерхольм Б. Л. 128–133, 135–137
- Секин И. К. 552, 569
- Селезнев Р. Ф. 419
- Селиванова А. Ф. 460
- Семенов И. П. 114
- Семенова Л. П. 448
- Серафим (Звездинский), епископ 99
- Серафим (Протопопов), епископ 71
- Серафим (Самойлович), архиепископ 205, 223, 233, 253, 305, 334, 488, 517
- Серафим (Трофимов), епископ 335–337, 487
- Серафим (Черствов), архимандрит 442–448, 452, 453
- Серафима (Карягина), монахиня 402, 403
- Серафима (Ошаева), монахиня 306, 307, 436–438
- Сергий (Воскресенский), архиепископ 223
- Сергий (Дружинин), епископ 17, 200, 233, 267, 331, 369, 376
- Сергий (Корнеев), епископ 75–79, 464
- Сергий (Мытиков), игумен 390, 430, 441, 447, 448, 458, 459, 462
- Сергий (Страгородский), митрополит 8, 157–159, 163–165, 175–200, 203–206, 208–224, 227–256, 258–260, 262, 269, 272, 279–281, 284, 286, 288, 293, 297, 312, 331, 334–336, 368, 384–388, 391–393, 411, 487–496, 503–505, 508, 511, 517, 519, 549, 555, 559–561
- Сержев Ф. И. 552, 553, 559, 566–568
- Сержева-Новоселова А. А. 551–555, 566–568
- Симеон (Холмогоров), архимандрит 22
- Синезий (Зарубин), епископ 268, 375
- Скипетров Петр, протоиерей 57, 58
- Скипетров П. П. 58
- Смирнова Е. И. 460
- Соколов Александр, иерей 375, 591
- Соколова А. С. 460–462
- Солженицын А. И. 128
- Соловьева А. 286, 288
- Соломин Д. Е. 77
- Сомов И. В. 284
- Стародубцев Иоанн, иерей 369, 370, 373, 591
- Стародумов Н. П. 76
- Степанида (Макарова), монахиня 285, 528, 585
- Степанов Алексей, иерей 358
- Степанова Е. Н. 528
- Стефан (Знамеровский), епископ 209, 591
- Стрельников Михаил, иерей 369, 375, 592
- Стрельников Никифор, протоиерей 79, 80, 199, 200
- Суровикова А. И. 564
- Сухих Алексей, протоиерей 108
- Сухоруков Сергей, иерей 384, 385, 401, 507, 592
- Тихон (Белавин), патриарх 59, 68–71, 76–79, 81, 90–92,

- 101, 105, 167–170, 280,
319, 464, 465, 481, 483–
485, 490, 503, 560, 562
Тихон (Шарапов), епископ 197
Терехов Петр, иерей 400, 507,
593
Толстогузов А. Е. 114
Толстогузова В. А. 111
Тон К. А. 75
Трезвинская А. М. 18
Трезвинский Константин, ие-
рей 18, 21
Трифиллий (Морозов), иеро-
монах 331, 361, 362, 594
Троицкий Николай, протоие-
рей 208, 209, 218, 224,
255, 257–259
Тумбасов Александр, иерей
331, 361–364, 594, 598
Турутин 79, 465
Тучков Е. 226, 289
Уртминцев С. В. 77
Фекла (Яковлева), монахиня
304, 305, 308, 511–513,
515–523
Федоровский Николай, иерей
385–387, 430, 549–554,
558, 563–568, 595
Феодор (Поздеевский), архи-
мандрит, епископ 22
Феодор (Тепляков), иеромонах
362–365, 381, 593
Феодосий (Алмазов), архиманд-
рит 195–197
Филарет (Белоконов), схииеро-
монах 402, 403
Филиных П. П. 416, 417, 419–
421, 440, 595
Фокин Иоанн, протоиерей 219,
279, 320, 328–330, 396,
505, 596
Халтурин П. П. 77
Хмельков 83, 464–467
Чернова А. С. 355
Черных О. 102, 107
Чернышев И. А. 76
Чернышев М. А. 76, 78
Чехранов Павел, иерей 138–
141
Чуков Николай, протоиерей
72–74
Шавельский Георгий, прото-
пресвитер 26, 38
Шамшуров П. И. 77
Шарыгина Е. 407
Шауфельбергер А. С. Л. 145
Шевалье 130–132
Шевелева Е. Ф. 461
Ширяев Б. Н. 144
Шкаровский М. В. 54, 66, 72
Щенникова М. 537, 541, 542
Эйхманс Ф (Т). И. 143
Юденич Н. Н. 63
Юдинцев Александр, диакон
404, 596, 599
Яндулецкий Симеон, иерей
389, 402, 410–427, 429–
432, 434, 436–440, 459,
502, 597, 598

Список сокращений

Адмотдел	— административный отдел
ВЦИК	— Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВВЦС	— Временный Высший Церковный Совет
ВМН	— высшая мера наказания
ВЦС	— Высший Церковный Совет
ВЦУ	— Высшее Церковное Управление
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГА	— Государственный архив
ГУЛАГ	— Государственное управление лагерей
к/р.; к-р.	— контрреволюционный
ИПЦ	— Истинно-Православная Церковь
ИТА	— исправительно-трудовой лагерь
КГБ	— Комитет государственной безопасности
КНБ	— Комитет национальной безопасности
ЛО	— Ленинградская область
НИПЦ	— Научно-информационный просветительский центр
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКЮ	— Народный комиссариат юстиции
Облсполком	— областной исполнительный комитет

ОГПУ	— Объединенное главное политическое управление
прот.	— протоиерей
ПКК	— Политический Красный Крест помощи политическим заключенным
Помполит	— Помощь политическим заключенным
Политбюро	— политическое бюро
ПСТВИ	— Православный Свято-Тихоновский Богословский институт
ПСТГУ	— Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
РПЦЗ	— Русская Православная Церковь за границей
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	— Российская Федерация
Соввласть	— советская власть
СО	— секретный отдел
СПб.	— Санкт-Петербург
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
УФСБ	— Управление Федеральной службы безопасности
ФСБ	— Федеральная служба безопасности
ЦА	— Центральный архив
ЦГА	— Центральный государственный архив
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив
ЦИК	— Центральный исполнительный комитет
ЦК	— Центральный комитет

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НЕКТАРИЙ,
ЕПИСКОП ЯРАНСКИЙ**

**ЕГО ПРИХОДЫ И ПАСТВА
В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Жизнеописания и документы

Составитель *Л. Е. Сикорская*

Редактор *И. И. Осипова*
Корректор *Е. А. Соседова*
Верстка *О. Б. Русакова*

ООО «Издательство «Братонез»
127273, Москва, ул. Отрадная, д. 44

Подписано в печать 29.01.2016. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 38,5. Тираж 500 экз. Заказ № .